

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ISSN 0131—2812

2/91

Интервью Премьер-министра Японии

Макромаркетинг на Дальнем Востоке

Слаборазвитость и реформа

Группа Зорге: штрихи к портретам ее участников

Русские фашисты Маньчжурии

Цзян Цзинго — организатор подмосковного колхоза

Китайские анекдоты и притчи

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

2/91

Научный и общественно-политический журнал
выходит шесть раз в год на русском и
английском языках

Издается с марта 1972 г.
Москва.
Издательство «Прогресс»

СОДЕРЖАНИЕ

Интервью Премьер-министра Японии Т. Кайфу журналу «Проблемы Дальнего Востока» 3

БИЗНЕС-КЛУБ

Макромаркетинг на советском Дальнем Востоке

Г. А. Богданов. Японские ученые об экономических зонах 8

В. А. Савин. Эффективность экспортного производства 13

...

Е. Ф. Авдокушин. Чему учит опыт китайских кооператоров 18

С. В. Ноздрев. Роль торговых фирм во внешнеэкономических связях Японии 23

ШАГИ И УРОКИ РЕФОРМЫ

Е. А. Брагина. Слаборазвитость и реформа 29

С. А. Малыгин. Накормили народ. А дальше? (о преобразованиях в сельском хозяйстве Вьетнама) 38

О. Н. Борох. «Экономика дефицита» Я. Корнаи 47

ПУЛЬС РЕГИОНА

К. Куппенс (Голландия). Что же делать с четырьмя островами? 54

Ж. Энхсайхан (МНР). Экономика и безопасность 56

В. Д. Андрианов. Сотрудничество СССР с НИС Азии: трудности и перспективы 60

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В. И. Глунин, А. М. Григорьев. Концепция истории Китая в новейшее время: поиски новых подходов 71

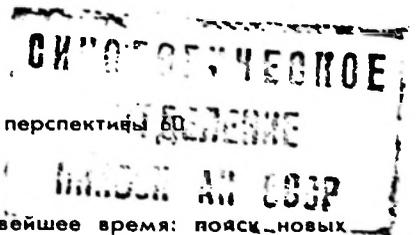
Б. Н. Славинский. Корейская война 1950—53 гг.: современное переосмысление 80

А. С. Ипатова. Письма архимандрита Поликарпа (из истории Российской духовной миссии в Пакине) 91

ТАЙНОЕ СТАНОВИТСЯ ЯВНЫМ

Группа Зорге: штрихи к портретам руководителя и его соратников (по материалам следствия) 98

Ю. Мельников. Русские фашисты Маньчжурии 109

КЛУБ КОНФУЦИЯ

Инь И. «Ученый или контрреволюционер?» (Послесловие С. Любимова «Китаизированный марксизм» — «социализм с китайской спецификой») 122

ПРОФИЛИ

В. И. Головин. Акихито: человек на «хризантемовом троне» 133
Т. П. Григорьева. А. Е. Глускина — кавалер ордена «Благодатное сокровище» 138

МЕМОРИАЛ

П. П. Коровяковский. Китайцы — жертвы сталинских репрессий 142

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭСКИЗЫ

Г. В. Мелихов. Ф. И. Шаляпин в Китае (окончание) 146

МУЗЕЙ ТРАДИЦИЙ И ОБЫЧАЕВ

Бао Юэся, Мэн Синмин. Ответы на вопросы о методике занятий цигун 157
С. Б. Маркарьян, Э. В. Молодякова. «До : дзо ёросику!» — «Добро пожаловать!» 161
А. Д. Воскресенский. Китайские анекдоты и притчи 166
Ю. Е. Бугаев. Школа каратэ (занятие пятое) 176

ПЕРЕД ЗАРУБЕЖНОЙ ПОЕЗДКОЙ

С. В. Неверов. Разглядывая вывески и знаки 180
В. Б. Жарких. Что ожидает иностранца в Китае 187

БИБЛИОТЕКА «ПДВ»

Н. А. Байков. Два рассказа (предисловие Е. П. Таскиной) 194

В ДОПОЛНЕНИЕ К НАПЕЧАТАННОМУ

В. Б. Воронцов. Цзян Цзинго — основатель подмосковного колхоза 204
Е. Ю. Бондаренко. Голос народной памяти (читатели о статье о японских военнопленных) 214

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

Ю. С. Столяров. Северо-Восточная Азия — новое направление сотрудничества 217

А. А. Макаров. Японская бюрократия: позитивный опыт 220

А. В. Немец. Тайваньский центр индустрии информатики 228

К ЮБИЛЕЮ В. С. МЯСНИКОВА 237

Точка зрения авторов статей, публикуемых в журнале, не обязательно соответствует позиции редакции

Адрес редакции:
Москва, 117848,
ул. Красикова, 27
тел. 124-09-04

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. Б. ВОРОНЦОВ (главный редактор), В. И. ГЛУНИН, А. М. ГРИГОРЬЕВ, А. П. ДЕРЕВЯНКО, В. Н. КАШИН, А. И. КРУШАНОВ, А. П. МОРОЗОВ, С. Н. МОРОЗОВ, В. С. МЯСНИКОВ, Д. В. ПЕТРОВ, В. Я. ПОРТЯКОВ, С. С. РАЗОВ, И. А. РОГАЧЕВ, Б. Л. РИФТИН, Г. С. САДВАКАСОВ, А. И. СЕНАТОРОВ, Б. Н. СЛАВИНСКИЙ (зам. главного редактора), В. Ф. СОРОКИН, Г. Д. СУХАРЧУК, М. Л. ТИТАРЕНКО, Н. С. ТИХОНОВ (ответственный секретарь)

© Издательство «Прогресс»,
Проблемы Дальнего Востока,
1991

Интервью Премьер-министра Японии Т. Кайфу журналу «Проблемы Дальнего Востока».

Визит в Японию руководителя нашего, находящегося на крупном повороте истории государства, событие, конечно, выдающееся. О нем много пишут, говорят, спорят. Учитывая живой интерес читателей к советско-японским отношениям, редакция обратилась к премьер-министру Японии Тосики Кайфу с просьбой дать интервью для нашего журнала. Мы глубоко признательны за доброе отношение к нам со стороны премьера Японии и благодарим японских дипломатов, работающих в Москве, за содействие в получении текста интервью, которое мы предлагаем вашему вниманию.

Проблемы Дальнего Востока: Какого главного итога ждет Япония от визита М. С. Горбачева в Вашу страну?

Т. Кайфу: Прошло уже 136 лет с тех пор, как между Японией и Россией был заключен трактат и установлены дипломатические отношения, тем не менее Президент Горбачев будет первым советским главой государства, который за всю долгую историю японо-советских отношений посетит нашу страну. Я полагаю, что этот визит должен иметь историческое значение, он сможет открыть народам обеих стран перспективы стремительного развития японо-советских отношений.

До настоящего времени обе стороны приложили немало конкретных усилий для того чтобы обеспечить успех этой встрече на высшем уровне. Во время встречи с господином Горбачевым хотелось бы, на основе уважения и доверия между государственными лидерами, откровенно побеседовать о том, что требуется для активного развития японо-советских отношений, что для этого должны сделать руководители обеих стран. Я надеюсь, что, если мы с господином Президентом как политики проявим мужество и решимость, будет осуществлен решительный прорыв в направлении качественных изменений в области японо-советских отношений, в том числе и в вопросе разрешения проблемы северных территорий.

советских отношений, в том числе и в вопросе разрешения проблемы северных территорий.

ПДВ: Не могли бы Вы, господин премьер-министр, охарактеризовать нынешнее состояние японо-советских отношений и дать свой прогноз относительно их развития в будущем?

Т. Кайфу: К несчастью, развитие японо-советских отношений в прошлом было сопряжено с немалыми трудностями. Одна из причин этого состоит в том, что напряженность между Востоком и Западом, имевшая место со времени окончания второй мировой войны, непосредственно отразилась на состоянии японо-советских отношений. Япония отнюдь не желала этого. Дипломатия «нового мышления», победившая после прихода к власти Президента Горбачева, сделала реальностью конец холодной войны. Я думаю, что именно сейчас настало время освободить от прошлых оков японо-советские отношения и серьезно рассмотреть пути их всестороннего активного развития.

Сегодня на долю Японии вместе с США и странами Европейского сообщества приходится 60 % мирового валового национального продукта; Япония стала одной из ведущих стран в мировой структуре нового экономического порядка. Кроме того, занимая первое место в мире по объему оказываемой экономической помощи, Япония вносит позитивный вклад в решение проблемы «Север — Юг», в частности в Азии. К тому же, теперь, в обстановке международного согласия, сложившейся после холодной войны, от Японии требуется не только вклад в развитие экономики, но и ответственный подход в области политики.

С другой стороны, Советский Союз наряду с США, несомненно, является мировой сверхдержавой, страной, получившей благодаря перестройке и дипломатии «нового мышления» возможность построить отношения с другими государствами на новой основе. Отныне Советский Союз должен сыграть позитивную роль в деле укрепления мира и стабильности во всем мире.

Коренное улучшение японо-советских двусторонних отношений в наше время столь стремительных перемен имеет очень важное значение не только для народов Японии и Советского Союза, но и для всего мирового сообщества. Прошли те времена, когда японо-советские отношения рассматривались в узких рамках двусторонних связей. Улучшение японо-советских отношений во многом способствовало бы не только миру и процветанию азиатско-тихоокеанского региона, но и внесло бы существенный вклад в дело создания нового международного порядка ради стабильного мира без войн. Можно сказать, что сегодня как никогда созрели все условия для построения новых японо-советских отношений внутри нового единого сообщества всех стран.

ПДВ: СССР и Япония — страны-соседи, и поэтому было бы вполне естественным наличие тесных политических, экономических, научных и других связей между ними. Тем не менее, еще далеко не все возможности в этом плане используются. Что, по Вашему мнению, господин Кайфу, можно было бы сделать для исправления существующего положения?

Т. Кайфу: Я думаю, что не следует слишком низко оценивать уровень настоящих японо-советских отношений. В области экономики 1988 и 1989 годы отмечены наивысшим объемом внешней торговли между нашими странами. Несмотря на тяжелое экономическое положение, сложившееся в Советском Союзе, в 1990 году объем японо-советской внешней торговли составил 5 млрд. 900 млн. долларов, то есть почти столько же, сколько в позапрошлом году. Наша страна является одним из ведущих партнеров Советского Союза в его внешней торговле со странами Запада. В 1989 году Япония занимала 4-е место после Германии, Финляндии и Италии.

Вместе с тем, в 1989 году наша страна предложила обеспечить продвижение в вопросе заключения мирного договора с разрешением территориальной проблемы, как наиглавнейшей задачи для обеих сторон, и в то же время продолжать усилия по углублению широкомасштабных контактов между двумя странами. В ответ мы получили принципиальное согласие советского руководства относительно этого курса. Одобрено предложение, выдвинутое японским правительством в августе 1990 года, о расширении связей по десяти направлениям двустороннего сотрудничества, в том числе в области политики, экономики, науки и техники.

Наша страна поддерживает процесс перестройки в Советском Союзе и оказывает ему активное техническое содействие. Кроме того, в прошлом году мы решили в рамках гуманитарной помощи поставить медицинское оборудование на сумму 20 млн. долларов для пострадавших от Чернобыльской аварии. Идет своим чередом подготовка практической стороны визита Президента Горбачева в Японию. Продвигается вперед работа по подготовке документации, так как во время визита планируется оформить по крайней мере 11 документов, касающихся различных сфер сотрудничества, в том числе Соглашение о товарообороте и платежах, Соглашение о прибрежной торговле и другие.

Однако, несмотря на эти усилия, как Вы верно отметили, еще до конца не исчерпаны все потенциальные возможности развития, задержанного осложнениями японо-советских отношений после второй мировой войны. Более того, если задуматься о том, что после окончания холодной войны Япония и СССР призваны сыграть основную роль в построении нового международного порядка, становится очевидным, что современное состояние японо-советских отношений не соответствует международному статусу этих стран и не отвечает интересам обеих народов.

Во время апрельского визита господина Горбачева хотелось бы вместе с Президентом наметить всеобъемлющую концепцию новых японо-советских отношений. В основу этой концепции необходимо положить разрешение территориальной проблемы — сложной проблемы, которая стоит стеной между Японией и СССР, — и подписание мирного договора, а также непоколебимые отношения политического доверия между нашими странами. Именно на базе отношений политического доверия станет поистине живым поток экономических контактов, стержнем которых являются частные предприниматели, и обе стороны смогут активно развивать отношения в самых различных областях: экономики, науки и техники, культуры, человеческих контактов. Таким образом, обе страны придут к взаимопониманию и осмысленному диалогу по всем вопросам международной жизни, включающим в себя и проблему воплощения идеи мира и процветания в азиатско-тихоокеанском регионе.

Я готов приложить все усилия для того чтобы такие отношения между Японией и Советским Союзом стали реальностью. Мне думается, что наступило время, когда руководители двух стран должны набравшись мужества предпринять решительный шаг. Сегодня это важнее всего.

ПДВ: Что Вы, господин Премьер-министр, думаете о ходе перестройки в СССР? Какова могла бы быть роль Японии в содействии этому процессу в Советском Союзе?

Т. Кайфу: Наша страна поддерживает перестройку, которая поставила своей целью достижение свободы, демократии, переход к рыночной экономике, и в полной мере понимает, как много значит успех перестройки не только для Советского Союза, но и для всего мира в целом, включая страны Запада. Япония до настоящего времени активно оказывала техническое содействие переходу к рыночной экономике.

Я считаю, что перестройка — это неслыханный процесс, направленный на коренное преобразование советского общества, которое насчитывает 70-летнюю историю, и он не может не сопровождаться определенными беспорядками. Однако тот факт, что в ходе этих беспорядков в республиках Прибалтики за последнее время уже неоднократно дело доходило до применения вооруженной силы, не может не наводить на крайне печальные размышления. По моему мнению, нельзя допускать, чтобы поспешные старания защитить перестройку как раз отрицали бы воплощенные в самой перестройке понятия свободы, демократии, рыночных отношений. Я очень надеюсь, что советское руководство и впредь будет твердо придерживаться курса, взятого перестройкой.

ПДВ: Представим на миг, что территориальной проблемы в отношениях между нашими странами не существует. Что по сравнению с сегодняшним их уровнем было бы в них и чего бы быть не могло?

Т. Кайфу: 1. Мне бы не хотелось в своих рассуждениях опираться на предположения. Вместо этого я предпочел бы пристально рассмотреть то, что действительно было в наших отношениях в прошлом. На Ялтинской конференции

в 1945 году Сталин заявил, что у Советского Союза и Японии нет никаких проблем и в случае вступления в войну с Японией по требованию союзных держав СССР потребует политического вознаграждения. Затем Сталин выдвинул притязания на Южный Сахалин и Курильские острова. Советский Союз, вступивший в войну с Японией за неделю до ее окончания, фактически оккупировал эти территории, в результате чего около 390 тысяч японцев лишились родины.

Кроме того, после оккупации Курильских островов, в конце августа 1945 года, когда уже были прекращены военные действия в соответствии с принятыми Японией условиями Потсдамской декларации, Сталин, убедившись в отсутствии американских войск, продвинул своих солдат еще на четыре острова, расположенные к югу от Курильских островов. 16 000 японцев были насильственно высланы оттуда. Эти четыре северные острова испокон веков являются нашей территорией, сама Россия признавала их принадлежность к Японии, когда в 1855 году были установлены дипломатические отношения между Японией и Россией.

Представить на миг, что территориальная проблемы не существует — значит пытаться представить себе, каковы были бы японо-советские отношения сегодня, если бы у них не было такой предыстории. В этом смысле, если бы территориальной проблемы не существовало между нашими странами, то, вероятно, были бы и другими чувства, которые в глубине души испытывали японцы после второй мировой войны к Советскому Союзу.

Однако эта проблема не находится в плену злополучного прошлого. Я думаю, что и теперь еще не поздно сделать первые конструктивные шаги по пути, ведущему в будущее наших отношений.

ПДВ: В современном быстро меняющемся мире события большого исторического значения сменяют друг друга как в калейдоскопе. Недавно установлены дипломатические отношения между Москвой и Сеулом, активно идет процесс нормализации двусторонних связей между Токио и Пхеньяном. Вообще, весь азиатско-тихоокеанский регион находится в динамике поступательного движения, цель которого — установление нового механизма двусторонних и многосторонних отношений. Какова, по Вашему мнению, господин Премьер-министр, будет роль Японии и Советского Союза в этом регионе земного шара?

Т. Кайфу: В азиатско-тихоокеанском регионе всегда существовали нерешенные противоречия и конфликты. Приступив со всей серьезностью к их урегулированию, наши страны могли бы внести существенный вклад в укрепление стабильности в регионе. Надеюсь, что в этом плане установление дипломатических отношений между СССР и Южной Кореей, а также переговоры по нормализации дипломатических отношений между Японией и Северной Кореей будут во многом способствовать восстановлению стабильности на Корейском полуострове.

Хотелось бы подчеркнуть, что с той же точки зрения решение территориальной проблемы между Японией и СССР, являющейся одним из основных территориальных конфликтов в Азии, и активное развитие сотрудничества, основанного на отношениях истинного доверия между Японией и Советским Союзом, сами по себе внесут большой вклад в создание стабильности и процветание в АТР.

Далее. Вы отметили, что в АТР необходимо установить новый механизм многосторонних отношений, но мне думается, что для установления мира и стабильности в АТР прежде всего следует приложить все силы к разрешению все еще существующих острых противоречий и конфликтов. Что же касается идеи скорого построения новой, единой для всего региона системы взаимоотношений, то она представляется мне не совсем подходящей. К тому же вызывает сомнение такой подход к решению проблемы, который предусматривает создание общерегиональной системы безопасности наподобие Европейского сообщества в регионе, где так сложно переплелись интересы отдельных стран, взаимные угрозы, союзнические отношения; где стратегические и геополитические условия коренным образом отличаются от европейских. Для того чтобы обеспечить долгосрочную стабильность и процветание в АТР, надо выбрать тот путь, который сами страны АТР сочтут наиболее пригодным для данного региона.

Еще хотелось бы добавить, что страны региона проявляют наибольший ин-

терес скорее к развитию экономики, чем к стремлению избежать ситуации, сложившейся в недавнем прошлом в Европе — военной конфронтации, не исключаящей атомной войны, между Западом и Востоком. Уже существуют такие союзы, как АСЕАН, АПЕК, ПЕКК, созданные для сотрудничества стран на благо экономического процветания региона; идет поиск путей экономического развития, основанного на принципах рыночной экономики, и построения отношений взаимозависимости. Принимая участие в экономическом сотрудничестве, наша страна также вносит свой вклад в решение этих проблем.

ПДВ: Народам наших стран необходимо больше и лучше знать друг друга, чему должны способствовать не в последнюю очередь и средства массовой информации. Как в этой связи Вы оцениваете вклад советских и японских журналов в решение этой проблемы?

Т. Кайфу: Народам наших стран суждено вечно жить по соседству. Я полностью согласен с тем, что им необходимо углублять взаимопонимание. Перестройка имеет своей целью способствовать ускорению демократии и политической свободы в советском обществе. Для нормального функционирования демократической системы необходима активная и свободная деятельность средств массовой информации, которые, занимая критическую позицию, призваны поставлять населению беспристрастную и правдивую информацию.

Хотелось бы, чтобы в будущем перестройка и гласность в Советском Союзе получили бы дальнейшее развитие, чтобы углублялось взаимопонимание на уровне широких слоев населения. Очевидно в процессе развития этого взаимопонимания роль японских и советских журналистов значительно возрастет. Дело достижения истинного взаимопонимания накладывает на журналистов обеих стран тяжелые обязанности, и все же я надеюсь на еще большую активность в деятельности выдающихся журналистов Японии и Советского Союза.

ПДВ: И последний вопрос, господин Премьер-министр. Проведенные в СССР и Японии в 1990 году опросы общественного мнения показали, что японцы в большинстве испытывают чувство недоверия к Советскому Союзу, в то время как советские люди в основном относятся к Японии и ее народу с большой симпатией и уважением. Каковы, на Ваш взгляд, причины такого явления?

Т. Кайфу: В своем вопросе Вы затронули важную проблему, которая связана с реалиями истории японо-советских отношений, в том числе и с обстоятельствами второй мировой войны. Все проблемы, связанные со второй мировой войной — это деликатные проблемы, которые неизменно задевают самое сокровенное в людских душах. Однако, будучи убежден в том, что именно откровенная беседа породит истинное доверие друг к другу, я хотел бы сказать следующее.

Согласно послевоенной мирной конституции, наша страна продемонстрировала решимость навсегда отказаться от роли военной державы, представляющей угрозу другим странам. Это решение базируется на глубоком анализе своих действий во время второй мировой войны. Наша страна глубоко сожалеет о тех бедствиях, которые она принесла многим странам Азии. Вся послевоенная политика Японии формируется на основе выводов, извлеченных из анализа прошлого.

С другой стороны, откровенно говоря, по отношению к Советскому Союзу наш народ испытывает совершенно другие чувства, присущие «пострадавшей стороне». Зачем Советскому Союзу нужно было на завершающем этапе войны отклонять просьбу нашей страны о посредничестве в заключении мира и во время действия японо-советского договора о нейтралитете в нарушение этого же договора вступать в войну с Японией? Зачем нужно было захватывать северные территории, издревле принадлежавшие нашей стране? Почему уже после окончания войны около 600 тысяч японских военнопленных были интернированы в Сибири и почти 60 тысяч человек умерли так и не увидев своей родины? Никакая другая союзная держава не совершала подобных действий.

Я рассказал об этом отнюдь не для того, чтобы упрекнуть Советский Союз. Я склоняю голову перед всеми советскими людьми, отдавшими свои жизни в прошлой войне. Тем не менее, я решился сказать об этом, так как хочу, чтобы все поняли, от какого прошлого мы должны освободиться, для того чтобы построить новые отношения между Японией и Советским Союзом.

Макромаркетинг на со-
ветском Дальнем Во-
стоке

Г. БОГДАНОВ

Наша публицистика осваивает такие понятия современного процесса товарно-денежных отношений, как менеджмент, менеджер, маркетинг. К сожалению, наша наука еще не овладела такого рода понятийным аппаратом. По большей части она ищет пути регулирования рынка, этого дьявола эффективности производства и коммерции, не зная толком механизма его действия.

Менеджмент — организационная деятельность руководства предприятия, направленная на максимальную эффективность производства и сбыта продукции. Маркетинг — это не просто коммерция, но организация всех сфер деятельности предприятия в той мере, в какой они влияют на реализуемость производимой продукции.

Наряду с такого рода организационной деятельностью на уровне предприятия, то есть микроменеджментом и микромаркетингом, предприятие, выходящее со своим товаром на мировой рынок, должно иметь ясное представление о характере и особенностях рынка той страны, с которой намерено вести систематическую коммерческую деятельность. Следовательно, предприятие должно осуществлять также макромаркетинг. Крупные фирмы развитых капиталистических стран имеют свои НИИ, которые изучают условия рынка в других странах. Эти институты накопили громадный опыт, и мы считаем полезным знакомить наших читателей, интересующихся бизнесом, с этим опытом. В минувшем году японская фирма «Искра Индустри К^о, Лтд»¹ распространила исследование НИИ Мицубиси проблем, связанных с созданием зон свободного предпринимательства на советском Дальнем Востоке. Подход и оценки японских специалистов представляют несомненный интерес не только для тех, кто непосредственно занят организацией таких зон на нашем Дальнем Востоке, но и для всех, кто стремится овладеть макромаркетингом в зарубежных странах.

Во вступлении авторы отмечают, что важнейшей задачей перестройки в СССР в сфере экономики является введение рыночной системы. Этой цели, в частности, должна служить политика «сближения СССР с АТР». «Перестройка» и «сближение с АТР», по мнению авторов исследования, символизируют складывающуюся «концепцию экономических зон на Дальнем Востоке». В чем ее сущность?

Проанализировав состояние мировой экономики в 80-е годы, авторы приходят к следующим выводам: во-первых, странам АТР (Япония, новые индустриальные страны) свойствен существенный динамизм развития. Они даже склонны считать, что в мировом хозяйстве наступает «эпоха АТР». Экономическое влияние АТР распространяется на страны АСЕАН и Южной Азии; во-вторых, Советский Союз вынужден будет, учитывая громадность своей территории, ориентировать европейскую часть страны на включение в экономический механизм интегрируемой Европы, а азиатскую — на включение в механизм АТР. К этому положению авторы подводят читателя неоднократно. При этом они даже говорят об «отделении» Дальнего Востока от европейской части страны. Речь, разумеется, идет об экономической системе. И надо признать, что только сегодня, когда мы желаем как-то придать экономике динамизм, эта проблема нам кажется нереальной. В действительности по мере включения в экономический механизм АТР наша экономика будет ощущать этот разрыв все острее. Следователь-

но, во всех наших намерениях и действиях следует исходить из необходимости всеобщей интеграции экономики нашего Дальнего Востока прежде всего в наши внутренние экономические структуры. И это вопрос не столько теории, сколько практики. Необходимо реализовывать свою общую концепцию общественного развития. Мера же включения в мировую экономическую систему (как на Западе, так и на Востоке) и конкретные шаги должны диктоваться нашими целями и потребностями, оформленными в сотрудничество с иностранным капиталом. Это должно проявиться прежде всего в гармоничности развития Дальнего Востока, всей страны, а не в одностороннем развитии тех отраслей, направлений, которые выгодны только партнерам. Следовательно, пока мы не приведем в движение все свои внутренние возможности, прежде всего не введем аренду, приватизацию, кооперирование и т. п., мы, вообще говоря, не знаем, что нам необходимо со стороны, а чем располагаем сами в новых экономических условиях. Послушаем специалиста по бизнесу, который говорит безотносительно особенностей стран и регионов о предварительном условии привлечения иностранного капитала неразвитой страной. «С точки зрения такой страны, — пишет Вольфганг Хойер, — следовало бы проверить, почему, во-первых, отечественные фирмы не были в состоянии своевременно кооперировать работу между собой и полностью обеспечить потребности данного рынка; почему, во-вторых, иностранные фирмы, иностранные ноу-хау были в состоянии завоевать значительную часть данного рынка, почему, в-третьих, домашние фирмы не увидели шансов стать поставщиками своей продукции международным концернам за рубежом и, следовательно, предоставили этим концернам возможность создать свои филиалы в данной стране»².

Вовлечение обширных дальневосточных районов СССР в международное разделение труда в АТР в принципе, полагают авторы, является желательным процессом для стран этого региона. Однако практически есть немало связанных с привлечением капитала и технологий. Это прежде всего низкие преимущества инвестирования. Преимуществами переноса мощностей за рубеж являются либо удобный доступ к сырью и полуфабрикатам, либо легкий доступ к дешевой рабочей силе. Ни того, ни другого на советском Дальнем Востоке либо нет, либо есть предпочтительные места в соседних странах.

В качестве преимущества можно считать наличие перерабатывающих отраслей промышленности — переработка морепродуктов, леса. Однако это не капиталоемкие отрасли. К тому же СССР испытывает нехватку инвалюты.

Японские специалисты полагают, что выход — во многостороннем сотрудничестве СССР, Япония и Южная Корея могли бы предоставить капиталы и технологию, Китай — рабочую силу, СССР — сырьевые ресурсы и достижения фундаментальной науки. Однако привлекательность советского Дальнего Востока для стран АТР в целом пока невелика. Инвестирование на начальном этапе скорее будет определяться не столько экономическими, сколько политическими мотивами этих стран.

Иное дело — инвестирование строительства сферы туризма, гостиниц, объектов отдыха. В этих сферах Япония, считают авторы, могла бы играть центральную роль. Очень слабая роль, следует сказать. В мировом бизнесе эта роль все-таки оценивается как отрицательная для страны-получателя. Если на этих объектах только незначительная часть неквалифицированного персонала набирается из местного населения, престижные, высокооплачиваемые должности занимают иностранцами, то значительная часть зарплаты уходит за границу. При этом импортируются не только оборудование, мебель, но даже и строительные материалы, часть продовольствия. Вся прибыль, естественно, переводится за рубеж. Будем надеяться, что роль Японии в развитии нашего Дальнего Востока будет несравненно более активной, хотя и взаимовыгодной.

Современное состояние экономики нашего Дальнего Востока японские ученые оценивают невысоко: слабые стороны нашей экономики проявляются здесь в наибольшей степени. Наряду с богатыми природными ресурсами (железная руда, цветные металлы, газ, лес, уголь и гидроресурсы), сельское хозяйство развито слабо (в основном только в южных районах), продуктами питания обеспечивает население района менее чем на 50 %. производственная база развита слабо, кроме разве производства угля, деловой древесины и бумаги; наблюдается существенная нехватка рабочей силы.

Проблема рабочей силы, на наш взгляд, заслуживает самого пристального внимания наших ученых и работников практических органов центра и на местах. Если с позиций Японии и других стран АТР эта проблема сводится к констатации самого факта нехватки рабочей силы, и эти страны вполне могут быть удовлетворены привлечением рабочей силы, скажем, из Китая, то с позиций нашего развития эта проблема должна высвечивать иные аспекты. Прежде всего цель нашего общества, видимо, вовсе не в том, чтобы на основании иностранных капиталов и технологий, а также рабочей силы просто задействовать наши природные ресурсы на современном уровне, а в том, чтобы добиться высокой экономической эффективности общественного производства в этом обширном регионе, создать условия для процветания местного населения. Вместе с тем, Дальний Восток не может и не должен быть экономически оторгнут от европейской части, но на новом технологическом уровне по ряду важнейших позиций должен оставаться во внутриазиатском разделении труда страны. Другими словами, целью развития нашего Дальнего Востока должно оставаться всеобщее развитие нашей страны. Другое дело, что при этом опираться естественнее и выгоднее на общественное разделение в АТР.

При этом нельзя не учитывать, что главным компонентом развивающихся производительных сил является рабочая сила. Как же можно достичь развития общественного производства в этом регионе, если мы будем привлекать иностранную рабочую силу? По существу, мы в течение очень длительного времени будем вынуждены хорошо содержать и по необходимости хорошо профессионально обучать громадное количество рабочих и специалистов, которые через год—два будут ротироваться. Здесь необходим глубокий экономический анализ. Мы не из тех стран, на которые сыплется манна небесная в виде дармовых нефтедолларов и которые могут позволить себе содержать любое количество квалифицированных иностранных рабочих и специалистов, не спеша готовя специалистов из своего народа. Мы и не из тех современных развитых стран, которые используют иностранных рабочих на простых работах.

Как показывает практика, с помощью современных форм производства, скажем кооперативов, можно было бы предварительно создать на предполагаемых объектах сотрудничества инфраструктуру для нормального проживания наших рабочих и специалистов и их семей. После этого, создав добротные условия, можно было бы осуществить набор рабочих и специалистов из других районов. Ведь у нас всегда была и остается скрытая безработица, не говоря о грядущей действительной безработице в условиях внедрения товарно-денежных отношений.

Японские специалисты не без оснований считают, что в сложившихся у нас условиях создание экономических зон на нашем Дальнем Востоке явилось бы наиболее мощным средством развития этого региона. При этом важным является привлечение на привлекательных условиях иностранного капитала в высокорентабельные отрасли и современной технологии, повышение степени обработки, с тем чтобы повысить рентабельность предприятий и тем самым проложить дорогу для централизованных капиталовложений.

Важной отправной точкой этого процесса является объявление Владивостока открытым городом. Учитывая, что там сохраняется военная база, этот факт благоприятствует улучшению ситуации в Азии. Город становится своего рода окном в Азию и может благотворно сказаться на открытии экономической зоны в Находке.

Авторы полагают, что в деле создания экономических зон есть две большие проблемы. Во-первых, задачи экономических зон состоят не только в том, чтобы получить инвалюту. Более важно осуществить эксперимент в целях внутреннего развития, а также увеличить снабжение страны товарами широкого потребления, освоить современные методы управления и ноу-хау. Авторы опасаются, что это может ограничить возможность работы зон на экспорт, сузит сферу активного действия зарубежного капитала. Во-вторых, могут возникнуть проблемы в центре зоны — Находке, в связи с неизбежным изменением образа жизни населения города. Проблема, стало быть, в том, весь ли город сделать зоной или только его изолированную пригородную зону.

Авторы верно отмечают, что общей концепции экономических зон в СССР еще не выработано. В связи с этим они выделяют и следующие понятия: «специальная экономическая зона», то есть обособленный от общей системы управления район, в котором осуществляется различная международная торговая деятельность, участие в международном разделении труда не только в форме совместного предпринимательства, но и

в форме действия иностранного капитала вообще. Соответственно функционально выделяются зоны совместного предпринимательства, экспортные предпринимательские зоны, зоны свободной торговли. Авторы считают, что в целом наши зоны близки к китайским зонам. Однако у нас зоны ориентируются не столько на экспорт продукции с целью получения инвалюты, сколько на общее развитие производства в стране.

Авторы доклада весьма подробно знакомят с нашими планами развития Дальнего Востока. Отмечается роль зоны в Находке как центральной комплексной зоны. Естественно, что особое внимание уделено оценке инвестиционного климата в будущей зоне. Какие моменты здесь отмечены?

Прежде всего современная инфраструктура зоны — состояние портов, которое оценивается как более или менее удовлетворительное, состояние автодорог, аэропортов, средств связи практически неудовлетворительно. Железные дороги большей частью однопольные и перегружены. Сложной является проблема снабжения электроэнергией и водой, проблема рабочей силы. Находка будет нуждаться в помощи специалистами со стороны Владивостока и Хабаровска, а также в создании внутривозводской системы профессионального обучения.

Приток капитала будет определяться также условиями подоходного налога, землепользования, заработной платы, возможностями вывоза капитала. Подоходный налог предварительно определен в 10 % — для совместных предприятий Дальнего Востока. В Китае в экономических зонах — 15 %. У нас совместные предприятия будут освобождаться от налога в первые три года. Льгота не очень высока, считают авторы. Она должна быть дополнена и в зависимости от условий составлять 5 и более лет. Заметим, что Президиум Приморского краевого Совета народных депутатов на основании постановления парламента России от 24 октября 1990 года установил налог на прибыль в размере 10 %. Освобождение от уплаты налога на прибыль принято сроком до 5 лет после получения объявленной прибыли и на срок до 10 лет, если прибыль реинвестируется на территории зоны свободного предпринимательства. Словом, условия инвестирования благоприятные, по меркам японских авторов¹.

Налог на перевод прибыли обычно устанавливается в размере 20 %, здесь он пока не назван, хотя и определен как «низкий». В Китае он составляет 10 %, в других странах региона он также ниже 20 %. Отметим, что Президиум Приморского краевого Совета народных депутатов остановился на 10 %¹.

Условия землепользования пока не определены. На практике одно из советско-японских предприятий платит за 1 м² 0,3 рубля (0,47 долл.) в год, что, считают авторы, ниже, чем в Китае и других странах Азии, следовательно, было бы благоприятным условием. Важен и срок аренды. В СССР он пока ограничен 15—20 годами, что для экспортных перерабатывающих предприятий, отраслей, связанных с разработкой природных ресурсов и производством товаров широкого потребления, по мнению авторов, будет тяжелым условием. В этом отношении китайские условия представляются авторам предпочтительными. Там иностранные предприятия, получив землю в аренду, развивают ее в качестве промышленного района и есть примеры, когда максимальный срок составляет 70 лет. Правда, иногда китайцы оговаривают, что каждые, скажем, три года контракт на землепользование пересматривается, к примеру, на одну треть (район Шэньчжэнь). Президиум Приморского краевого Совета народных депутатов установил, что срок аренды не должен превышать 99 лет⁵.

Существенной проблемой является конвертируемость рубля, поскольку целью деятельности иностранцев является получение прибыли и возможность перевода ее в иностранной валюте. Отрасли, ориентированные на экспорт, могут быстро заработать инвалюту для производственной деятельности. При производстве товаров широкого потребления требуется валюта для ввоза деталей и узлов, компонентов и сырья. Практика Китая показывает, что ряд предприятий из-за нехватки валюты вынужден свертывать свою деятельность. Продажа потребительских товаров на советском рынке за рубли также может вызвать проблему инвалюты.

С 3 ноября 1989 г. в СССР открыт валютный рынок, где можно свободно покупать валюту на аукционе. Однако иностранцы пока не допускаются. Желательно было бы сделать возможным обмен валюты на рубли, считают авторы.

Важным привлекательным условием для иностранного капитала часто является дешевая рабочая сила страны-получателя. Анализ авторов показывает, что такого преимущества (для развития трудоемких производств) на нашем Дальнем Востоке нет. И это при

том, что авторы отдадут себе отчет в том, что реальный курс рубля относительно доллара не соответствует принятому. Это — одно из положений авторов в пользу привлечения «дешевой рабочей силы» из других стран. На наш взгляд, повторяем, это — абстрактная позиция. Во-первых, само понятие «дешевая рабочая сила» изначально взято некорректно — по внутреннему рынку труда в Китае и других странах Азии. При заключении контракта на рабочую силу государство (а в случае с Китаем иметь дело придется не с гражданами непосредственно, а именно с государством) стремится создать для своих рабочих хороший минимум, а сверх того — и получить максимальную прибыль в инвалюте. Во-вторых, государство, как говорит практика, непременно оговорит конкретный гарантированный прожиточный минимум для своих рабочих, отступить от которого будет невозможно: это будет организованная «дешевая рабочая сила». Учитывая, что даже нынешнее население Дальнего Востока только наполовину обеспечено местным продовольствием, необходимо будет, видимо, утроить снабжение, чтобы не создавать условия неприязни своих рабочих к иностранным. Предполагается, и авторы того же мнения, что продовольствие легче всего получить из того же Китая. Естественно — за инвалюту или по бартеру — за лесоматериалы, удобрения, металлы и т. п., чем наша страна сегодня не располагает. В-третьих, единственное, что будет реально отражать понятие «дешевая рабочая сила», так это ее низкая профессиональная подготовка, а то и просто отсутствие таковой. Неизбежны крупные расходы на ее подготовку, переподготовку и т. д. Конкретность требует учета и такой позиции: рабочий будет прибывать с семьей или без семьи? В первом случае количество приглашаемых рабочих надо брать с коэффициентом 1:3,5. Наконец, чем и как мы будем отоваривать заработанное иностранными рабочими? Дело ведь может практически свестись к обмену на инвалюту. Как видим, сплошные замкнутые круги может породить абстрактный расчет на «дешевую» иностранную рабочую силу. Многочисленная, хорошо организованная рабочая сила «дешевой» не бывает.

¹ Исследование в отношении планов развития экономических зон в советском Дальнем Востоке. НИИ Мицубиси, декабрь 1989 г. (ксерокопия).

² Вольфганг Хойер. Как делать бизнес в Европе. М., 1980.— С. 73.

³ О зонах свободного предпринимательства в Находке и Приморье.— ПДВ.— 1990.— № 2.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Эффективность экспортного производства

В. САВИН

В условиях большого разнообразия экономических условий нашего Дальнего Востока однозначные решения для развития экспортной базы этого региона вряд ли приемлемы. Тем не менее необходимо выявить общие моменты, которые определяют главные направления в развитии производства продукции на экспорт.

Есть сторонники следующей *формулы развития региона*: более высокий уровень жизни местного населения как компенсация за более сложные условия работы по сравнению с западными районами страны; более высокий, чем в западных районах, уровень производительности труда как источник обеспечения более высокого уровня жизни на Дальнем Востоке.

С первой частью формулы многие согласны, прежде всего сами жители Дальнего Востока. Вторая часть формулы некоторым представляется логичной, но недостижимой. Нам думается, что в нынешних условиях, когда каждый район стремится к окупаемости затрат и хозрасчету, вторая часть формулы жизненно необходима. Другое дело — как ее реализовать, есть ли для этого условия на Дальнем Востоке. Опыт ряда стран, а также исторический опыт освоения некоторых новых районов в нашей стране свидетельствует о том, что задача опережения роста производительности труда на Дальнем Востоке вполне осуществима.

Проблема сводится к использованию резервов формирования высокоэффективной структуры экспортного производства путем использования таких факторов, как обширность территории, близость к некоторым зарубежным потребителям, высокий уровень абсолютной ренты, которая может быть реализована на внешнем рынке, наличие многих уникальных ресурсов и т. д.

Модель формирования рациональной структуры экспортного производства предполагает прежде всего экономическое сопоставление вариантов решения той или иной задачи с использованием отечественных и внешнеэкономических факторов. Сугубо автаркический подход должен быть исключен.

Спрос не должен оцениваться, исходя только из уже достигнутых показателей эффективности, уже созданных возможностей промышленности и внешней торговли. Важно и необходимо учитывать потенциальные возможности отечественной промышленности, особенно в области повышения качества и технического уровня изделий.

Перечень экспортных товаров, которые могут иметь потенциальный спрос, должен затем корректироваться в соответствии с показателями *относительной эффективности экспорта*. Товары, оставшиеся в перечне, располагаются по мере убывания эффективности.

Окончательное решение о включении того или иного товара в экспортный перечень может быть принято только на основании показателей *абсолютной эффективности, то есть с учетом потенциального объема производства, экспорта и прибыли*.

Таким образом, хотя показатели относительной и абсолютной эффективности экспорта находятся в известном противоречии, однако они не исключают, а дополняют друг друга.

Народнохозяйственный смысл показателей относительной и абсолютной эффективности, по нашему мнению, может быть последовательно выдержан только в том случае, если он базируется на единой народнохозяйственной оценке затрат, включая применение

единого коэффициента эффективности, единого коэффициента дисконтирования, а также на учете всех видов ренты, в том числе абсолютной. Стоимостные показатели в случаях, когда они не отражают затрат по полному кругу (например, неполный учет затрат государства на геологоразведочные работы в стоимости продукции сырьевых и топливных отраслей), должны быть скорректированы на народнохозяйственном уровне.

Любая степень развития экспортного производства района, сколь бы велика она ни была, может оказаться целесообразной с общегосударственной, народнохозяйственной точки зрения, если такое развитие сопровождается высокой эффективностью. Этот тезис, по нашему мнению, особенно актуален для Дальнего Востока, где имеются широкие возможности для размещения высокоэффективных экспортных производств, но что не всегда встречает должную поддержку из-за ложно понятых идеологических постулатов.

Требование полного учета затрат и результатов при определении эффективности внешней торговли имеет особенно большое значение для Дальнего Востока, где, во-первых, широко используются цены, существенно отклоняющиеся от действительных общественных затрат и выполняющие так называемые «стимулирующие» функции; во-вторых, действует не вполне обоснованная система районных коэффициентов заработной платы, порой не компенсирующая сложных условий труда и в то же время нередко слабо связанная с его результатами; в-третьих, остро ощущаются недостатки, вызываемые почти полным игнорированием учета фактора времени в экономических расчетах; в-четвертых, наиболее ярко проявляются отрицательные последствия так называемой «бесплатности» естественных ресурсов.

Принцип полноты учета затрат и результатов труда может принести наибольшую пользу в том случае, если он последовательно реализован в цене, являющейся важнейшим и необходимым инструментом полного хозрасчета, рынка. Но это звучит сегодня не более чем благое пожелание. А пока, по нашему мнению, не исключены временные и частичные решения. Они состоят в некоторой корректировке цен, себестоимости, объемов капитальных вложений и других стоимостных показателей, применяемых при обосновании тех или иных проектов международного экономического сотрудничества.

В связи с этим важно подчеркнуть *первоочередность корректировки оценки ресурсов*. Хозяйственные ресурсы, опосредованные трудом, имеют стоимость. Оценка этих ресурсов во внешней торговле носит двойной характер: оценка на мировом рынке и реальный размер платы за эти же ресурсы внутри страны.

Что касается стоимости ресурсов на мировом рынке, то в принципе и на практике она обязательно отражается в цене любого товара, обращающегося на этом рынке. Цена мирового рынка складывается с учетом рентных отношений, включая и абсолютную ренту.

Вопрос оценки ресурсов внутри страны гораздо сложнее. У нас имеется немало экономистов, которые полагают, что внутренней оценки ресурсов не должно быть вообще. Почти дежурным стало мнение, что абсолютную ренту вообще не следует включать во внутреннюю оценку ресурсов. В последние годы широкое распространение получила точка зрения, что соотношение мировых цен следует переносить на внутренние цены в нашей стране. Заметим сразу, что мы не являемся сторонниками упомянутых точек зрения. Мы полагаем, что оценка ресурсов должна учитывать полный круг затрат, но по законам нашего внутреннего рынка. Нельзя сказать, что ныне вообще нет никакой оценки ресурсов. Она есть, но неполная, что затрудняет экономические сопоставления, особенно в межотраслевом плане.

Между тем *для определения эффективности того или иного экспортного мероприятия как раз и нужен межотраслевой подход, исходя из единых народнохозяйственных критериев*.

Дальний Восток располагает огромными первичными ресурсами, стоимость которых внутри страны и на внешнем рынке существенно различается. Речь может идти, например, о земле. Если бы нам удалось получить объективную оценку земельных ресурсов региона и сопоставить ее со стоимостью земли в близлежащих странах, с которыми ведется торговля, то мы убедились бы в большом относительном преимуществе Дальнего Востока. И это преимущество, видимо, увеличивается, потому что в этих странах отмечается бурный рост цен на землю.

Свое относительное преимущество Дальний Восток мог бы реализовать, поставляя на внешний рынок продукцию, технология производства которой опиралась бы на максимальное использование земельного фактора — открытая добыча полезных ископаемых.

экстенсивные способы обработки земли, затопление значительных участков земли в связи со строительством гидростанций, наземные способы прокладки трубопроводов, экстенсивные способы эксплуатации лесных ресурсов, снижение этажности застройки и т. д.

Конечно, следует всегда иметь в виду, что земля может иметь более низкую экономическую оценку, но никогда не является бесплатной. Значит, если правомерно говорить, что на Дальнем Востоке экономически более целесообразно затопить определенный участок земли, чем, например, в обжитых районах европейской части страны, то это отнюдь не означает, что затопленная земля ничего не стоит. Потери для хозяйства в результате этого должны быть учтены в калькуляции затрат на электроэнергию или другую продукцию, ради производства которой затопливалась земля.

Представляется глубоко верной мысль о полном народнохозяйственном учете затрат в этих случаях. Перед строительством, например, плотины следует определить, как повлияет это сооружение на обитателей водоемов, объемы рыбных запасов, как изменится растительность и животный мир, что выиграет и что потеряет сельское хозяйство и т. д. Такой подход позволит высчитать полную стоимость сооружения и решить, насколько оно целесообразно с точки зрения не одной отдельно взятой отрасли, а народного хозяйства в целом.

Значительными преимуществами располагает Дальний Восток и в части стоимости лесных ресурсов. Стоимость леса на корню во многих странах довольно высока — свыше 10 долл. за кубометр. Попенная же плата на Дальнем Востоке, даже в случае учета всех затрат на народнохозяйственном уровне, значительно ниже. Отмеченное обстоятельство не может не учитываться при определении структуры нашего лесного экспорта. И чем полнее удастся использовать отмеченное преимущество, тем выше будет эффективность работы дальневосточной экспортной базы.

Очень часто, имея в виду огромные запасы сырьевых ресурсов, называют Дальний Восток богатым краем. С одной стороны, это так. Но с другой стороны, наличие в районе огромных неиспользуемых ресурсов полезных ископаемых свидетельствует прежде всего о замораживании больших сумм средств, затраченных в свое время на геологоразведку. Правда, иногда можно слышать мнение о том, что сроки геологоразведки и добычи не совпадают и это, мол, естественное явление. С таким мнением трудно не согласиться, но ведь из этого никак не следует, что фактор одновременности должен быть вне сферы экономического учета. К тому же ущерб, наносимый хозяйству от замораживания средств, не остается неизменным, а возрастает. Затраты на геологоразведочные работы по своей экономической сущности аналогичны капитальным вложениям, и ошибаются те экономисты, которые рассматривают эти затраты как элемент текущих затрат.

Крайне актуальным для Дальнего Востока является учет фактора времени. Известно, что эта проблема не вышла еще из стадии теоретических дискуссий. На практике же фактор времени учитывается пока недостаточно полно. Сравнительно неплохой учет этого фактора осуществляется в кредитном деле, на транспорте, но и здесь еще далеко до обоснованных нормативов учета фактора времени.

Отсутствие экономического учета фактора времени в промышленности, строительстве, геологоразведке и других областях обычно выливается в форму автоматического списания убытков от замораживания средств на общегосударственный счет. Не имеет значения, отражается ли этот процесс в бухгалтерских книгах или нет, он неотвратимо сказывается на показателе конечной продукции.

Учитывая важность рассматриваемой проблемы, изложим наше понимание некоторых ее аспектов. Во-первых, обычно предлагается использовать слишком завышенный процент потерь от замораживания средств во внешней торговле. Наиболее часто речь идет о 15 % в год. Этот процент количественно совпадает в некоторых методиках с так называемым нормативным коэффициентом эффективности. Но ведь величина коэффициента дисконтирования состоит не только из эффекта, но и из затрат. Поэтому реальное значение коэффициента существенно меньше, видимо, раза в два. К такому же выводу можно прийти и на основании изучения практики учета фактора времени в других странах.

Во-вторых, если мы относимся к фактору времени не как к фиктивной, а как к реальной категории, то должны признать правомерность использования формулы сложных процентов, а не простых.

В-третьих, экономическая оценка фактора времени не может исходить только из тенденции, описываемой формулой сложных процентов. Первоначальные затраты по исте-

чении длительного периода времени, если пользоваться этой формулой, возрастают до фантастических размеров. Конечно, такие результаты экономически абсурдны. А с проблемой возрастания первоначальных затрат за длительное время приходится сталкиваться на практике не только в геологоразведке, но и при исчислении попенной платы. Деревья растут десятки и сотни лет, на Дальнем Востоке в два — два с половиной раза дольше, чем в западных районах страны. Поэтому очень важно правильно определить динамику первоначальных и последующих затрат, связанных с посадкой леса и уходом за ним. Такого рода расходы, как известно, составляют существенную часть попенной платы, или стоимости леса на корню.

Учитывая вышеизложенное, наряду с тенденцией, описываемой формулой сложных процентов, по-видимому, нужен учет и другой тенденции, которая заключается, говоря словами С. Г. Струмилина, в «хроническом обесценении всех материальных фондов в меру возрастания производительности труда»¹.

Результат взаимодействия этих двух тенденций, по нашему мнению, в общем виде может быть представлен в виде кривой, показывающей, что *темп роста последующих потерь от замораживания средств, как правило, затухает, а общая сумма потерь соответственно продолжает нарастать*. Характер этой кривой заслуживает самого тщательного изучения.

У нас получила распространение точка зрения, что экспорт готовой продукции, и особенно продукции машиностроения, более эффективен, чем экспорт сырья и топлива. Нам представляется, что эта проблема намного сложнее, чем кажется на первый взгляд. Главное при этом — не подменять экономический подход товароведческим. Практика внешней торговли знает много случаев эффективной и ресурсосберегающей торговли как сырьем, так и готовой продукцией. Все дело в том, каковы соотношения внутренних цен (затрат) на внутреннем и внешнем рынках по разным видам товаров.

Изучение этого вопроса позволяет сформулировать следующую рекомендацию: *если эффективность экспорта готовой продукции в два раза ниже эффективности экспортного исходного сырья и топлива, то необходим тщательный анализ целесообразности экспорта готовой продукции*. В этом случае вполне может оказаться, что экспорт исходного сырья и топлива с народнохозяйственной точки зрения является не только более эффективным, но и более ресурсосберегающим вариантом.

Как свидетельствует статистика, затраты на производство аналогичной готовой продукции в разных районах страны различаются в значительно меньшей степени, чем затраты на производство сырья и топлива. Это объясняется тем в основном, что природные факторы оказывают на производительность труда большее влияние, чем, допустим, квалификация работников.

А отсюда напрашивается очень важный вывод. Поиск эффективных вариантов экспорта сырья и топлива должен быть более дифференцированным, конкретным, с учетом местных экономических особенностей. Глобальный отраслевой подход, который более приемлем для отраслей, производящих готовую продукцию, в сырьевых отраслях имеет ограниченное значение. Кроме того, поскольку районные различия в затратах на добычу сырья и топлива очень велики, возможны крайности: или очень низкая, или очень высокая эффективность, причем в последнем случае эффективность экспорта сырья может превышать эффективность экспорта готовой продукции, в том числе машиностроительной. Умелое использование этой особенности сырьевого экспорта может оказать существенное влияние на повышение эффективности общественного производства на Дальнем Востоке.

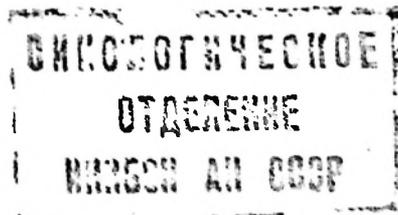
С другой стороны, приходится сталкиваться с мнением, что якобы экспорт готовой продукции из районов Дальнего Востока вообще малоперспективен. С этим согласиться нельзя. Дело в том, что пока готовая продукция на экспорт может быть произведена прежде всего на юге района, где действует сравнительно низкий коэффициент заработной платы и сосредоточены довольно квалифицированные кадры специалистов. Создание дополнительных льгот за счет прибыли от внешней торговли в данной ситуации может обеспечить успех дела. (При этом не следует забывать, что сырье на Дальнем Востоке добывается, как правило, в районах с высоким уровнем заработной платы.)

С точки зрения транспорта поставка дорогой готовой продукции из районов Дальнего Востока по сравнению с сырьем также имеет определенные преимущества. И дело здесь не только в меньших размерах транспортной составляющей в цене потребителя, но и в том, что Дальний Восток отличается пока слабой степенью транспортного освоения тер-

ритории, имеющиеся железнодорожные магистрали и погрузочно-разгрузочные мощности используются на пределе возможности. А, как известно, транспорт, особенно на Дальнем Востоке, характеризуется крайне высокой капиталоемкостью.

Намечая перспективы экспорта готовой продукции, важно учитывать, что Дальний Восток располагает естественными выходами к емким рынкам машин и оборудования Восточной и Юго-Восточной Азии. Вопреки сложившимся взглядам, мы полагаем, что даже Япония объективно заинтересована в сотрудничестве такого рода, поскольку японское машиностроение пока еще недостаточно активно вовлечено в процесс международного производственного кооперирования.

(Продолжение следует)

¹ С. Г. Струмилин. Фактор времени в проектировках капитальных вложений // Известия АН СССР. Отделение экономики и права. — 1946. — № 3. — С. 201.

Чему учит опыт китайских кооператоров

*Беседа с
экспертом Торгпредства СССР
в Китае доктором экономических
наук Авдокушиным Евгением Федоровичем.
Беседу вел Богданов
Григорий Алексеевич.*

Г. Б.: *Мы, разумеется, не раз писали о кооперации в Китае.*

Е. А.: Да, знаю. И я имел честь быть автором таких материалов. Тема важная для обеих наших стран. Нам необходимо активно уходить от монополизма государственной собственности. В Китае немало было сделано в деле развития многообразия форм собственности и на их основе — многообразных форм деятельности. Особенно до 1989 года, когда потребовалось экстренно вводить политику оздоровления экономики.

Г. Б.: *У нас кооперация весьма определенно тяготеет к частному характеру ведения хозяйства. Я имею в виду новые неогосударственные формы кооперации. Статус кооперации в Китае, насколько я понимаю, иной. Может быть, с этой особенностью китайской кооперации и начнем?*

Е. А.: Да, в этом есть смысл. В Китае слабо дифференцированы кооперативная и коллективная собственность, соответственно и хозяйственная деятельность.

По мнению многих китайских специалистов, кооперативная экономика — это особая экономическая категория, имеющая двойственную сущность. Она может представлять как капиталистический, так и социалистический тип экономики. Это зависит от конкретного содержания социально-экономического окружения кооперативной экономики. Характер государства играет определяющую роль в сущности кооперативной экономики.

Г. Б.: *Наша скромная практика уже выявила ряд фальшивых коопераций. У Китая опыт побогаче. Каков механизм существования такого рода злоупотреблений?*

Е. А.: Несмотря на то что процедура регистрации новых кооперативных предприятий в КНР в основном отработана, довольно широко распространение получило явление, когда под видом кооперативных коллективных организаций выступают, по существу, частные предприятия. Эта тенденция отражает реальное общественно-политическое положение в КНР трех основных социально-экономических укладов: государственного, коллективного и частного. В политической и социально-экономической структуре, да и в общественном сознании современного Китая их располагают именно в такой последовательности. Поэтому всегда есть соблазн использовать положение вышестоящего уклада.

Регистрируясь как коллективное предприятие, частные предприниматели пользуются разного рода льготами, предоставляемыми государством кооперативным предприятиям, прежде всего налоговыми льготами. Их политический статус более высок, чем у частных предпринимателей. Особенно широко распространение фальшивые кооперативы получили в сельской местности, где, по словам китайской печати, «одев красную шапку» коллективных предприятий волостно-поселкового подчинения, частные предприниматели активно развертывают свою деятельность.

В ходе официальной проверки выявилось, к примеру, что в 1988 г. в г. Наньян провинции Хэнань 40 % зарегистрированных коллективных предприятий оказались лжекооперативами. В г. Вэньчжоу их доля оказалась еще больше — 52,8 %. При-

меня определенные административные меры по отношению к фальшивым кооперативам (штрафы, разного рода санкции), китайские власти не стремятся, однако, отлучить их от производственной деятельности.

Г. Б.: *Любопытно, каков порядок налогообложения кооперативов?*

Е. А.: Все кооперативы, включая кустарную промышленность, снабженческо-сбытовую кооперацию, коллективные волостно-поселковые предприятия, кооперативные магазины, кооперативы по услугам, уличные коллективные предприятия и др., выплачивают установленный государством налог. Налог взимается на основе соответствующих постановлений министерства финансов КНР. Он взимается с ежегодного дохода кооператива, который рассчитывается как разница между валовой стоимостью продукции и себестоимостью, издержками производства, а также предельными выплатами предприятия, включая разрешение государством выплаты зарубежным контрагентам.

Величина выплачиваемого налога определяется следующим образом:

$$\begin{array}{l} \text{Необходимый к выплате} \\ \text{подходный налог} \end{array} = \begin{array}{l} \text{Сумма, облагаемая подоходным} \\ \text{налогом,} \\ \times \\ \text{на соответствующую ставку*} \\ - \\ \text{(минус) скидка за быстроту уплаты} \\ \text{налога**} \end{array} \quad \times$$

Г. Б.: *Как организовано пенсионное обеспечение членов кооперативов?*

Е. А.: Кооперативные предприятия используют разные способы пенсионного обеспечения. Основным из них является создание пенсионного фонда путем ежемесячных отчислений из дохода. Однако этих отчислений недостаточно. Как показывает практика, особенно на мелких коллективных предприятиях, пропорция рабочих и служащих к числу пенсионеров составляет 2:1, а на некоторых предприятиях эта пропорция еще больше в пользу пенсионеров. Поэтому необходимую часть средств для формирования пенсионного фонда предприятие вносит за счет собственных средств.

Чтобы снять с себя непосредственную заботу по формированию пенсионного фонда, многие кооперативные предприятия в последнее время формируют пенсионный фонд из отчислений в общественные страховые организации. Однако этот, кстати, взаимовыгодный способ формирования пенсионного фонда, по свидетельству китайской печати, пока не нашел широкого распространения.

На волостно-поселковых предприятиях, где основная рабочая сила — это молодежь, используется способ «накопления запасов» для престарелых. Пенсионный фонд формируется за счет отчислений от доходов работников. Каждый работник имеет право на пенсионное обеспечение в соответствии с договором, который он заключает с администрацией предприятия при поступлении на работу. В 1987 г. на пенсионное обеспечение 1,2 млн. человек на 39,5 тыс. кооперативных предприятиях легкой промышленности был затрачен 951 млн. юаней. Среднемесячная пенсия составила 70 юаней, что является сравнительно высоким уровнем дохода для КНР (средняя заработная плата рабочего на государственном предприятии в 1989 г. составила 129 юаней).

Кооперативные предприятия в 80-е годы заметно расширили свои фонды благосостояния. Они строят жилье для своих работников, оказывают бесплатную медицинскую помощь. Организуют собственные школы. Возникли многочисленные гостиницы, больницы, детские ясли, библиотеки, построенные на средства коллективов. Вместе с тем многие коллективные (торговые) предприятия не обустроены.

Г. Б.: *Какие фонды страхования организуются на кооперативных предприятиях?*

Е. А.: Страхование работников коллективных предприятий осуществляется путем создания страхового фонда лиц, ушедших на пенсию, фонда расходов на медицинское обслуживание, фонда помощи в случае смерти работника. Страховой фонд

* Ставка налогообложения колеблется от 14 (производство товаров для детей) до 45 % (производство химических товаров повседневного пользования).

** Ежемесячная уплата налога должна производиться в течение 10 дней, а ежегодная в течение 35 дней.

формируется за счет взносов предприятия и отдельных работников. Предприятие отчисляет 15—18 % общего фонда заработной платы (до уплаты налогов государству). Каждый работник вносит ежемесячно 2 % своей заработной платы.

На кооперативных предприятиях осуществляется также страхование на случай безработицы. На крупных предприятиях, находящихся в ведении городских властей, в страховой фонд по безработице вносится 1 % от общей суммы ежемесячной зарплаты. Страховая сумма помещается в банковское учреждение на специальный счет, с которого предприятие получает проценты.

Страховой фонд по безработице в соответствии с официальными правилами включает 10 статей. Среди них — фонд пособий по безработице, фонд расходов на лечение, дотации в случае смерти работника, пенсионный фонд, фонд поддержки предприятия по самосохранению и др.

Большинство мелких кооперативных предприятий осуществляют свою собственную систему страхования.

Г. Б.: *Как организуется оплата труда в кооперативах?*

Е. А.: В отношении коллективных предприятий, находящихся в ведении государственной администрации (например, торговые коллективные предприятия так называемой «первой ступени», то есть предприятие государственной собственности, перешедшее на коллективный подряд), государство осуществляет регулирование процесса распределения получаемого дохода. После уплаты государству соответствующего налога в остающейся у коллективного предприятия чистой прибыли государственными нормативами определяется общая величина зарплаты и премиальный фонд. При этом государство использует, например, такие нормативы, как изменение фонда заработной платы и премиального фонда в зависимости от уровня эффективности работы данного предприятия.

Коллективные предприятия «второй ступени» (мелкие кооперативные предприятия, организованные по «инициативе снизу») самостоятельно распределяют доход после уплаты налогов государству. Величина вознаграждения зависит от количества и качества труда и результатов хозяйствования предприятия.

Со второй половины 80-х годов в КНР все большая часть кооперативных предприятий использует акционерную систему. Поэтому распределение осуществляется не только по труду, но и в зависимости от величины внесенного пая, по результатам хозяйствования предприятия. Остаток прибыли, после уплаты налога, делится на четыре фонда: накопления, общественного благосостояния, стимулирования и фонд, используемый для выплаты дивидендов и тантьем. При этом величина выплачиваемого дивиденда на пай, как правило, не должна превышать 15 % по итогам работы предприятия за год.

Характерно, что во многих кооперативах вознаграждение управленческого персонала заметно выше, чем у рядовых работников. Однако в соответствии с государственными рекомендациями оно не должно превышать среднюю заработную плату рабочих и служащих вместе с премиальными (дивиденды, тантьемы) в 4—6 раз. Индивидуальные доходы, превышающие рамки, установленные государством, регулируются в соответствии с законом о подоходном налоге с населения. После выплаты налогов, например, в крестьянских акционерных кооперативных предприятиях распределение чистой прибыли происходит следующим образом. Свыше 60 % ее идет на расширенное воспроизводство (из них 50 % — неделимый фонд накопления). Остальные 40 % поступают в фонд выплаты дивидендов (20 %), а также в фонд коллективного благосостояния, премиальный фонд, определяемые конкретно в каждом отдельном случае.

Г. Б.: *Как кооперативы устанавливают цены на свою продукцию?*

Е. А.: Кооперативные предприятия, функционирующие в сфере торговли, устанавливают цены на свою продукцию в соответствии с государственными циркулярами. Все товары, первоначально поступившие из сферы государственной торговли, должны продаваться по государственному ценам. Если осуществляется мелкая розничная продажа распакованного комплектного товара (например, сигарет, игловок, шток и т. п.), то цена может быть несколько выше государственной.

При отпуске товаров коллективным торговым предприятиям из государственных запасов оптовая цена на них устанавливается более низкая, чем для государственных торговых организаций. Государственные органы устанавливают ассортиментный це-

речень цен на мелкие текстильные товары, по которым коллективные предприятия могут реализовать продукцию.

В отношении товаров, которые поступают в торговые кооперативы не из государственных источников, используется принцип «рациональной цены», то есть формирующейся на основе ее реальной стоимости с учетом спроса и предложения на данный товар.

В системе кооперативного общепита цены устанавливаются с учетом общей нормы валовой прибыли. В кооперативах по переработке продукции, ремонтных, обслуживающих и т. п. плата за сделанную работу, оказанные услуги взимается в соответствии с установленными государством расценками. В то же время, как указывают «Временные правила» о порядке функционирования коллективных предприятий, коллективные предприятия по переработке продукции, а также в сфере обслуживания и др. могут устанавливать свои цены на продукцию и услуги «несколько выше», чем на государственных, а в других случаях «несколько ниже», в зависимости от степени тщательности обработки и обслуживания. При высоком мастерстве исполнения, обслуживания широко применяются договорные цены. В некоторых случаях для стимулирования развития коллективных предприятий государством разрешается устанавливать цены на продукцию, услуги по усмотрению производителя.

Г. Б.: Как осуществляется кредитование кооперативов?

Е. А.: Кредитование на общегосударственном уровне осуществляется в соответствии с принципами и условиями, определяемыми государственными органами. Кооператив может обратиться к государственным финансовым органам за кредитом в случае формирования оборотных средств для приобретения оборудования (представляется среднесрочный кредит) и за некоторыми другими кредитами. В случае, если кооперативное предприятие организуется безработными молодыми людьми, у которых нет достаточных средств для его организации, оно может получить финансовую помощь от местных органов по поддержке коллективной собственности, от иностранных инвесторов (как правило, зарубежных китайцев), от местных, городских, поселковых властей из фонда по созданию рабочих мест с определенным сроком возврата.

В формировании собственных фондов, как предписывается «Временными правилами» по порядку функционирования коллективных предприятий в городах и поселках, необходимо брать за основу принцип «опоры на собственные силы», а поддержку государства рассматривать «как вспомогательную».

Практика свидетельствует, что кредитование кооперативных предприятий производится в ограниченном порядке по сравнению с государственными предприятиями. Исключение составляли во второй половине 80-х годов предприятия волостно-поселкового подчинения, которые пользовались кредитной поддержкой государства, в особенности местных властей. С началом политики упорядочения и оздоровления экономики (с осени 1988 г.) кредитование волостно-поселковых предприятий было фактически заморожено. В 1990 г. из общей суммы кредитов, направляемых на развитие сельского хозяйства, лишь 10 % будет предоставлено волостно-поселковым коллективным предприятиям. При этом кредиты будут предоставляться только тем предприятиям, которые производят экспортно ориентированную продукцию, перерабатывают сельхозпродукцию, выпускают товары повседневного спроса и некоторые другие.

Кооперативные предприятия в основном полагаются на аккумуляцию собственных средств, заемные финансовые средства у других коллективов, фонды кредитных кооперативов, частных предпринимателей.

Поскольку в результате рыночной конкуренции и неэффективности хозяйствования коллективные предприятия часто оказываются в банкротном состоянии, то встает проблема возврата полученного кредита. В этой связи кредитные кооперативы для возврата взятых ссуд банкротными предприятиями осуществляют распродажу его товарных запасов, сырья, материалов и др. Кроме того, кредитные кооперативы для возврата долга заемщику используют способ передачи права имущества от предприятия-банкрота успешно функционирующему предприятию. Часто они берут на себя миссию посредника в распродаже имущества обанкротившегося коллективного предприятия.

Г. Б.: Какие слои населения чаще всего заняты в кооперативном секторе?

Е. А.: Городская, поселковая коллективная промышленность в процессе развития поглощала прежде всего рабочую силу из кустарного производства, а затем стала

вовлекать значительное количество молодежи. В настоящее время из 18,5 млн. человек, занятых на городских, поселковых коллективных предприятиях, 70 % составляют молодые люди от 16 до 25 лет.

На коллективных предприятиях как в городе, так и в деревне, особенно в легкой промышленности, торговле и общепите, широко используется труд женщин, а также труд тех, кто может работать неполный рабочий день. Применяется также труд инвалидов, что, как мы примечали, поощряется налоговыми льготами. Отдельные предприятия используют в основном труд инвалидов.

Находит применение и труд пенсионеров.

Г. Б.: *Существует ли в КНР конкуренция между государственным и кооперативным сектором за кадры?*

Е. А.: В начальный период развития экономической реформы в КНР и активизации деятельности кооперативного сектора проблемы конкуренции между ним и государственным сектором не существовало. Это объяснялось прежде всего тем, что в сознании китайцев кооперативная собственность во многом представлялась (в соответствии с традиционными теоретическими догмами) как вынужденная уступка социализма (государственной собственности) рыночным («капиталистическим») силам. Практика функционирования кооперативов свидетельствовала о том, что они во многом находились в худшем положении по сравнению с государственной собственностью как в отношении уровня зарплаты, так и ее стабильности, в смысле пенсионного обеспечения, социального страхования и т. д. Однако по мере укрепления кооперативной собственности, возрастания доходов кооперативов они становились все более привлекательными для трудоустройства. Характерно, что государство начинает поощрять выпускников университетов, других учебных заведений трудоустроиваться в коллективном секторе народного хозяйства.

По свидетельству китайской печати, значительная часть наиболее квалифицированной, активной части городского населения стремится устроиться на работу в сферу коллективной «сельской промышленности» (волостно-поселковые предприятия). Так, за три года с 1986 по 1988 г. 813 тыс. человек перешли с городских промышленных организаций на пригородные поселковые (под Пекином) коллективные предприятия. Следует отметить и тот факт, что коллективные волостно-поселковые предприятия поглощали не только избыточную рабочую силу, но и, как правило, наиболее мобильное, предприимчивое сельское население.

С конца 80-х годов прослеживается тенденция, когда высококвалифицированные специалисты, не видя перспектив в увеличении заработка на государственных предприятиях, стремятся под разными предлогами (главным образом ссылаясь на утрату трудоспособности) раньше (на 7—10 лет) уйти на пенсию, чтобы перейти работать на коллективные предприятия, где заработки выше. Досрочный уход на пенсию квалифицированных работников с государственных предприятий увеличивает нагрузку на государство по подготовке квалифицированных работников, ведет к понижению уровня мастерства работников, занятых в государственном секторе.

В целом в настоящее время вряд ли можно говорить о серьезной угрозе со стороны коллективного сектора государственным предприятиям. Государственный сектор в начале 90-х годов остается в Китае более приоритетным, привлекательным в социально-экономическом и политическом отношениях для большинства граждан КНР.

Роль торговых фирм во внешнеэкономических связях Японии

С. НОЗДРЕВ

В ходе реформы многие советские предприятия и объединения получили право самостоятельно производить экспортно-импортные операции. В результате к настоящему времени на внешний рынок вышло более десяти тысяч советских участников, и их число растет, что содействует решению конкретных задач, стоящих перед нашей экономикой. Однако многие предприятия и организации, не имея достаточного опыта в области внешней торговли и не располагая квалифицированными специалистами, развитой системой коммерческой информации, столкнулись с серьезными трудностями. Неблагоприятно сказалось и стремление некоторых из них реализовать товары в целях получения валютных средств на внешних рынках любым путем, включая и заметное занижение цен на них по сравнению с мировыми, выделение на экспорт предназначенных для производственных целей материалов и т. д., что ведет к отрицательным последствиям как для самих участников внешнеэкономической деятельности, так и для государства в целом.

В этой связи большой интерес представляет система внешнеэкономических предприятий, сложившаяся в Японии, где, несмотря на происходящие заметные изменения в последние годы, продолжает действовать устойчивая система разделения труда между торговыми и производственными звеньями, обеспечивая и тем и другим значительные выгоды. Примечательно, что аналогичные формы внешнеторговой деятельности, хотя и с некоторыми национальными особенностями, стали использоваться целым рядом других стран, в том числе странами Восточной Европы.

Одной из характерных черт организационной структуры внешней торговли Японии, в немалой степени определившей заметное укрепление ее позиций на внешних рынках в послевоенный период, является более широкое участие в ней по сравнению с другими странами торговых посредников. *Посреднические торговые фирмы* в условиях весьма специфической промышленной и финансовой структуры Японии обеспечивают высокую эффективность внешнеэкономических операций за счет развитой управленческой системы снабженческо-сбытовой деятельности, способной оперативно реагировать на изменения в спросе на внутреннем и внешних рынках. Это повышает конкурентоспособность продукции благодаря быстрому улавливанию специфических требований той или иной группы потребителей, сокращению сроков поставки товаров, обеспечению надежного пред- и послепродажного сервиса.

В группу *акционерных торговых компаний (сёся)* обычно включаются специализированные и универсальные торговые фирмы, а также сбытовые компании, входящие в систему связей производственных компаний. Согласно данным министерства внешней торговли и промышленности Японии, на конец марта 1988 г. в стране действовало 7,7 тыс. торговых компаний с общим числом занятых 106,7 тыс. человек, на них приходилось более 60 % внешнеторгового оборота Японии¹.

Наряду с оптовой торговлей, их деятельность включает множество сопутствующих обращению товара операций — транспортировку и складирование грузов, страхование, техобслуживание. Они предоставляют комплекс информационных услуг, привлекают средства для финансирования внешнеторговых операций либо выступают гарантами по отношению к ним. Все более заметна их роль в расширении товарных потоков

¹ Ноздрев Станислав Васильевич, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ВНИКИ МВЭС СССР.

путем обеспечения новых источников поставок и рынков, использования зарубежной сети филиалов и представительств для участия в торговле с третьими странами и т. д.

В настоящее время весьма важным организационным звеном среди внешнеторговых предприятий Японии являются *специализированные торговые компании* (*сэммон—сёся*). Чаще всего основой их деятельности является торговля определенными группами товаров. Нередко они ориентированы преимущественно на какие-либо отдельные внешнеторговые и связанные с ними операции, в том числе по группам стран и т. д. В особенности заметно активизируется деятельность специализированных торговых фирм, выполняющих закупочно-сбытовые функции промышленных концернов, а также подконтрольных крупным торговым группам.

Несмотря на специализацию, эти компании, как правило, не ограничиваются какой-то одной ведущей группой товаров, диверсифицируют структуру своих торговых операций, расширяют ассортимент товаров с целью более равномерного распределения источников доходов, увеличения объема получаемых комиссионных в условиях неустойчивой хозяйственной конъюнктуры.

Более узкая специализация сохраняется у мелких и средних торговых фирм, экспортирующих и импортирующих отдельные партии машин и оборудования, узлы и компоненты. Наиболее заметно расширяется деятельность специализированных компаний в сфере торговли высокотехнологичной продукцией, в особенности электронной, средствами автоматизации и др. Весьма показательным является пример специализированной торговой фирмы «Юэсси», входящей в группу «Сони», через которую реализуется примерно около 30 % ее объема производства полупроводниковых приборов. Располагая развитой базой данных по высоким технологиям, она своевременно перешла к организации продаж интегральных схем и других компонентов для новейшей бытовой электронной аппаратуры (последние модели портативных видеокамер и видеоманитофонов, проигрыватели компакт-дисков), что позволило избежать неблагоприятных последствий спада в этой отрасли в середине 80-х годов. За последнее пятилетие товарооборот фирмы вырос почти в 10 раз и превысил 25 млрд. иен. Компания планирует увеличить этот показатель до 50 млрд. иен в 1994 г.

В Японии при общей многочисленности торговых фирм, ведущих операции на зарубежных рынках, отмечается высокая степень монополизации внешнеторговых операций. В 1988 г. 45 % экспорта и 77 % импорта приходились на 9 ведущих торговых компаний, непосредственно входящих или близко примыкающих к основным финансово-монополистическим группам. Они получили название *универсальных торговых фирм* (*сого—сёся*) вследствие обширной номенклатуры товаров и широкого круга осуществляемых ими торговых операций как на внешнем, так и внутреннем рынках, тесного их взаимодействия с другими видами предпринимательской деятельности. Масштабы коммерческих и финансовых операций универсальных торговых фирм значительно больше, если учитывать и деятельность подконтрольных им предприятий в различных отраслях экономики.

Несмотря на происходящие изменения в структуре предприятий, занятых во внешнеэкономических связях Японии, универсальные торговые фирмы продолжают удерживать в ней ведущее место. В особенности большие преимущества по сравнению с более мелкими компаниями-посредниками и промышленными корпорациями, выходящими на рынок со своей продукцией, они имеют при закупках и продажах крупных партий товаров, располагая целостной системой маркетинга практически по всем основным направлениям деятельности.

Торговля через универсальные торговые фирмы-посредники несет с собой и целый ряд других экономических выгод, в особенности с точки зрения экономии на издержках реализации. Это, в частности, проявляется при выходе на рынок с новыми видами товаров массового спроса, поскольку обеспечивает для промышленных корпораций заметное снижение затрат вкладываемого капитала и возможности его концентрации в сфере производства, позволяет избежать крупных просчетов в сбытовой политике. Сказывается также и то, что по целому ряду товаров сого—сёся выступают как ведущие оптовые торговцы.

Сохранение нынешних позиций универсальных торговых фирм во многих областях внешнеэкономической деятельности в немалой степени достигается и дальнейшим развитием имеющейся у них мощной информационной базы и глобальной системы телекоммуникаций, включая и спутниковую связь, что обеспечивает эти компании и их

клиентов всесторонней информацией о состоянии спроса и предложения практически на любых товарных рынках, изменениях в стоимости основных видов сопутствующих услуг — фрахт, страхование, валютной ситуации и т. д. Сочетание выгод от обладания крупными информационными ресурсами и разветвленными каналами реализации и закупок широкой номенклатуры товаров позволяет в целом ряде случаев компенсировать отрицательные последствия от снижения в последнее время прибыльности торгово-посреднических операций. Интересы фирм не ограничиваются только чисто коммерческой информацией. В частности, сого-сёся, в товарообороте которых заметное место (более 10 %) занимают сельскохозяйственные товары и продукты, ведут постоянное наблюдение за погодными условиями в различных районах мира с целью определить перспективы сбора зерновых и возможные колебания цен. Универсальные торговые фирмы, выступающие совместно с крупными инжиниринговыми и консультационными фирмами как экспортеры комплектного оборудования, занимаются постоянным изучением экономических планов развития социалистических и развивающихся стран и ходом их реализации с целью определения возможностей своего участия в крупных проектах.

Одним из основных направлений их деятельности в данной области является сбор и анализ информации о наиболее перспективных товарах и технологиях, емкости будущих рынков, что также существенно повышает значимость этих компаний для фирм-продуцентов. По некоторым оценкам, на оплату расходов, связанных с налаживанием и поддержанием сети коммуникаций и сбором информации, приходится около 8—10 % всех оперативных издержек универсальных торговых фирм.

Крупномасштабность торгово-посреднических и сопутствующих им операций универсальных торговых фирм, их роль как основных координаторов и организаторов внешней торговли во многом определяют ведущие позиции сого-сёся в рамках финансовых групп. Существует тесное переплетение интересов торговых компаний, промышленных корпораций и банков, о чем свидетельствует высокая степень их взаимного участия в акционерном капитале. При этом сого-сёся имеют сильные рычаги воздействия на предпринимательскую политику внутри групп.

Помимо своих основных хозяйственных функций, связанных с распределением в рамках этих групп сырьевых и других ресурсов, организации сбыта, эти компании также оказывают заметное влияние на деятельность промышленных корпораций через систему предоставления кредитов и гарантий. Позиции корпораций в рамках финансовых групп позволяют им, в частности, выступать одним из основных источников финансирования внутренней и внешней торговли, обеспечивая промышленным компаниям дополнительные средства для закупок сырья и реализации производимой продукции (черная и цветная металлургия, химическая, целлюлозно-бумажная промышленность и др.). Наряду с этим определенное развитие получило и кредитование в период производства экспортруемых изделий (текстиль, консервированная продукция). Необходимость в средствах на эти цели возникает также при экспорте комплектного оборудования, когда основному производителю приходится вступать в субподрядные отношения с рядом более мелких компаний.

В тесной связи с торгово-посредническими и кредитно-финансовыми находятся операции страхования. Наличие обширных деловых контактов с фирмами-контрагентами дает возможность торговым компаниям в большей степени, чем банкам и даже страховым агентствам, ориентироваться в кредитоспособности своих партнеров. В то же время развитая информационная база по основным товарным рынкам и широкая номенклатура товаров позволяют заблаговременно предпринимать меры для предотвращения рисков, связанных с падением цен, изменением курсов и т. д.

Расширение позиций универсальных торговых фирм во внешнеэкономических связях Японии наблюдалось преимущественно в период высоких темпов роста японской экономики, когда в наиболее сильной степени расширялся ввоз сырья и полуфабрикатов и рос экспорт продукции базовых отраслей и потребительских товаров массового спроса. Со второй половины 70-х годов роль сого-сёся по некоторым видам экспортно-импортных операций снизилась за счет постепенного ослабления в них позиций посреднического звена.

Особенно сильно этот процесс затронул организационную структуру экспортной торговли, где возрастала доля поставок высокотехнологического оборудования, требующего развития различных форм производственной кооперации, привлечения вы-

сококвалифицированных инженеров, создания специализированной сбытовой сети. За период с 1975 по 1987 г. доля крупных торговых компаний в японском экспорте снизилась с 56,2 до 44,8 %.

В связи с обострением конкуренции на внешних рынках, снижением прибыльности экспортно-импортных операций по товарам материалопроизводящих производств и продукции массового спроса торговые компании вносят существенные изменения в экспортную специализацию. Одним из стратегических направлений в этой области становится расширение участия в экспорте наукоемкой продукции, международная торговля которой растет наиболее высокими темпами. В экспорте все большую долю занимает новейшее электронное оборудование, средства связи и комплексной автоматизации производства, продукция биотехнологии, конструкционные материалы. В компаниях создаются специальные департаменты, занимающиеся маркетинговой политикой, разработками вариантов развития экспорта в соответствии с изменениями в отдельных позициях внешнего спроса. Одновременно все большее внимание уделяется комплексному подходу к реализации продукции, расширяется предоставление различного рода услуг, связанных с ее эксплуатацией, лизингом и инжиниринговой деятельностью, подготовкой специалистов. Ведущие торговые фирмы улучшают методы реализации, вводят новые управленческие структуры, отводя все большую роль в экспорте специализированным на сбыте технологически емкой продукции своим филиалам и дочерним компаниям.

В условиях продолжающейся интеграции экономики Японии с мировым капиталистическим хозяйством сого-сёся в значительной мере сохраняют свои ведущие позиции в импорте страны, используя те существенные преимущества, которые они имеют по сравнению со своими основными конкурентами в силу тесной увязки ими операций внешней и внутренней торговли, устойчивых деловых связей с оптовыми предприятиями. Они учитывают рост спроса на ввозимые из-за рубежа потребительские товары и промышленные изделия и существенно расширили либо создали финансово самостоятельные региональные отделения, особенно в основных промышленных районах страны, учредили ряд специализированных сбытовых компаний, вместе с участием иностранного капитала, по сбыту ввозимых автомобилей, пищевых продуктов, текстильных изделий. Деятельность смешанных компаний становится одной из характерных сторон развития кооперационных связей, когда быстро расширяется ввоз полуфабрикатов и готовой продукции для их переработки и окончательной доботки на японских предприятиях.

Транснационализация деятельности японских торговых компаний по мере расширения их участия в международной торговле оказывает заметное влияние и на характер осуществляемых ими торгово-посреднических операций. На фоне стабилизации доли двусторонних экспортно-импортных сделок отмечается рост так называемой трехсторонней торговли, когда эти компании, используя свой зарубежный аппарат, и предприятия с участием их капитала выступают в качестве организаторов торговых потоков между другими, помимо Японии, странами. За 1965—1987 финансовые годы удельный вес этих операций в общем объеме продаж товаров и услуг вырос с 4,5 до 19,9 %². Определенное распространение при этом получают встречные закупки, например при экспорте продукции первичного органического синтеза из США и западноевропейских стран в Юго-Восточную Азию с последующей поставкой в качестве оплаты в эти страны произведенных пластмасс и т. п.

По мере интернационализации японской экономики торговые компании Японии превращаются в «международные предприятия комплексного типа». По некоторым оценкам, эти компании совместно с филиалами и дочерними предприятиями обслуживают в настоящее время около 4—5 % мировой торговли. Большая часть инвестируемых ими средств за границей направляется на создание торговой и транспортной сети, сферы кредита и страховых услуг, в совместные предприятия как экспортного профиля, так и ориентирующиеся на внутренний рынок страны-получателя. Вместе с тем этот процесс проходит неоднозначно из-за нарастающего накала конкурентной борьбы за рынки сбыта и приложения капитала, растущего стремления правительственных и деловых кругов других стран ограничить сферу действия японских компаний.

Большое внимание японские торговые фирмы уделяют динамичному расширению рынка азиатско-тихоокеанского региона. При этом универсальные торговые фирмы

выступают «координаторами» усиливающегося проникновения японских корпораций в экономику стран региона (в 1988/89 финансовом году японские инвестиции в страны Азии составили 5,6 млрд. долл., в 2 раза превысив инвестиции США), а также активно участвуют во внутрирегиональных связях, имеющих крупный потенциал роста. В рамках компаний создаются крупные подразделения, занимающиеся вопросами внутрирегиональной торговли. Большие надежды возлагаются и на расширяющиеся деловые контакты стран азиатско-тихоокеанского региона с СССР, его дальневосточными районами.

По мере усложнения системы внешнеэкономических связей Японии и роста доли горизонтального разделения труда, дальнейшего вовлечения в международный товарооборот технологически емких изделий все более заметное место во внешней торговле занимают промышленные компании, прежде всего крупные корпорации. Их возросший финансовый, хозяйственный и сбытовой потенциал позволил им существенно расширить возможности прямого выхода на зарубежные рынки. В особенности увеличивается количество сделок, заключаемых компаниями машиностроительных отраслей с высокой экспортной квотой, создавших в 60—70-е годы собственную сеть сбытовых филиалов во многих странах мира.

На конец марта 1988 г. во внешней торговле Японии участвовало 3,3 тыс. промышленных фирм, или 27,8 % общего числа участников. Основная часть торговли по этим каналам (70,7 % экспорта и 69,5 % импорта) осуществлялась крупными промышленными корпорациями с товарооборотом свыше 100 млрд. иен.

Тенденция к самостоятельному выходу промышленных корпораций на внешние рынки получила новое развитие в 80-е годы. В значительной мере этот процесс определяется крупными сдвигами в их сбытовой и инвестиционной политике в связи с переориентацией с простого экспорта товаров на производственную деятельность за рубежом с последующей реализацией произведенной продукции на местном рынке и рынках третьих стран и Японии. Это усилило необходимость расширения на местах собственного сбытового аппарата. С этой целью открываются филиалы данных корпораций за границей, создаются специализированные дочерние фирмы, а также заключаются соглашения о техническом сотрудничестве и кооперации с иностранными партнерами.

Для того чтобы усилить позиции на внешних рынках, японские компании-производители бытового электронного оборудования широко используют разветвленную сеть своих заграничных сбытовых филиалов. Крупнейший производитель бытовой электронной аппаратуры компания «Мацусита дэнки сангё» в настоящее время имеет в различных странах, преимущественно в США и Западной Европе, более 55 дочерних компаний по сбыту продукции, «Сони» — 24, «Шарп» — 80, «Санье дэнки» — 30. В свою очередь эти компании располагают большим числом дилеров, специализирующихся на продажах бытового электронного оборудования через магазины аудиовизуальной аппаратуры, универмаги, магазины оптовых продаж.

Помимо реализации товаров, ввозимых из Японии, важной функцией заграничных сбытовых филиалов становится продажа на местном рынке бытовой электронной аппаратуры, изготовленной на дочерних предприятиях японских фирм, расположенных в тех же странах, а также вывоз этой продукции в Японию. Важность этого направления развития растет, учитывая, что уже в настоящее время на японских предприятиях за границей производится в 1,2 раза больше телевизоров, чем в Японии, около $\frac{1}{3}$ видеомагнитофонов и т. д. Одновременно с этим вносятся существенные изменения в характер деятельности головных компаний, направленные на выработку и проведение общей политики маркетинга, обеспечение единого уровня качества всей сбываемой продукции, снижение издержек реализации. В этих целях компания «Сони», например, предполагает ввести уже в этом году единую интегрированную систему связи, объединяющую ее основные производственные и снабженческо-складские филиалы в Японии, Северной Америке, Европе и Юго-Восточной Азии. Наряду с рационализацией информационных потоков и улучшением качества внутрифирменного планирования, это позволит в 2 раза сократить складские запасы и более чем на $\frac{2}{3}$ сократить сроки выполнения заказов¹.

В условиях значительного обострения для фирм Японии проблемы реализации на внешних рынках бытовой электронной аппаратуры, вызванного высокой степенью их насыщения, усилением позиций на этих рынках производителей из Южной Кореи, Гонконга, Сингапура и с Тайваня, японские компании наряду с переносом производственной

базы за границу проводят и активную сбытовую политику, направленную на усиление международной конкурентоспособности производимой в Японии продукции. В целом эта политика направлена на расширение сбыта более передовых в техническом отношении видов продукции, характеризующихся весьма высокой сложностью изготовления.

Расширение практики реализации экспортной продукции на основе прямых связей промышленных компаний с их иностранными контрагентами не означает, однако, что они отказываются от использования традиционных сбытовых каналов. По весьма широкому кругу товаров, особенно массового спроса — часы, бытовая электроника, автомобили, — часто применяются оба метода, то есть сбыт продукции через универсальные и специализированные торговые фирмы наряду с их самостоятельным участием во внешней торговле. При этом первая фирма чаще используется при выходе на рынки с новыми видами продукции, когда еще неясно состояние рынка и его перспективная емкость.

Подводя итоги, можно сказать, что специализированные и универсальные торговые компании и фирмы Японии обеспечили неоспоримые успехи страны в большинстве областей внешнеэкономической деятельности, были и остаются основным средством укрепления позиций японских промышленных компаний на внешних рынках в послевоенные годы.

¹ Цусё хакусё. Какурон.— Токио, 1989.— С. 778.

² Нихон боэки-но гэндзе.— Токио, 1989.— С. 35.

³ Никкан Когё симбун.— 1989.— 19 ноября.

ШАГИ И УРОКИ РЕФОРМЫ

Слаборазвитость и реформа

Economic Reform in Three Gigants. Series editors V. Kallob, R. Feinberg. Transaction Books New Brunswick (USA), Oxford (UK). Wash., 1989. — P. 247.

Основная идея книги сформулирована в первых же ее строках: «Китай, Индия и Советский Союз, с числом жителей 1,1 млрд., 800 млн. и 280 млн. человек соответственно, несомненно, три наиболее населенные слаборазвитые страны мира» (с. 3). Советский читатель ко многому привык за время бесконечных дискуссий последних лет, и все же такая фраза впечатляет как категоричностью, так и непривычной общностью стран. Авторы вступления, Р. Файнберг, директор исследовательского отдела Совета по развитию зарубежных стран, влиятельной американской неправительственной организации, и со-редактор серии книг о перспективах политики США в «третьем мире», Д. Ичеверри-Гент, изучающий проблемы политэкономии развития, Ф. Мюллер, руководитель отдела крупнейшего в Западной Европе исследовательского Института международных проблем (ФРГ), специалист по советской экономике, называют эти страны гигантами, определяя тем самым их роль в мировой экономике и политике. Перед ними, несмотря на все различия, стоит трудная проблема — как крупная страна с амбициозной внешней политикой и одновременно слаборазвитая, технологически отсталым хозяйством может пробить себе дорогу в беспощадно требовательной, быстро меняющейся глобальной экономике? Отдадим должное четкой и достаточно резкой постановке вопроса, которая, хотя и чрезмерно генерализована, но в основных чертах схвачена правильно. Действительно, нынешний этап развития характерен переходом, и не только в трех гигантах, к децентрализации экономики на разных уровнях, причем этот процесс в той или иной степени связан с политическими реформами, хотя далеко не всегда здесь прослеживается прямая зависимость.

Книге присущ прагматизм, которого, на наш взгляд, часто не хватает многим

советским исследованиям. Авторы вступления подчеркивают, что анализ проводится с целью определить, какое влияние реформы в этих странах окажут на США и, соответственно, какова может быть реакция США на эти изменения, целесообразно ли и в каких формах оказывать содействие происходящим переменам. Заявленная в книге позиция исходит из того, что «способность иностранных держав повлиять на внутренние события всегда ограничена» (с. 23), с чем трудно согласиться, имея в виду богатый современный опыт и растущую взаимосвязанность государств. Другое дело, что внешние воздействия на разных этапах различны по интенсивности и характеру. Ныне, как представляется, на первый план выходит объективная необходимость в условиях интернационализации производства и потребления, широкого заимствования передовых форм организации производства, модернизации хозяйства. Мировое экономическое пространство формируется на основе выравнивания уровней развития национальных экономик. Иными словами, всякая попытка изоляции от мировых экономических, социальных, политических процессов наносит вред прежде всего стране, склонной к такой политике.

Проводимые в СССР и КНР реформы оцениваются однозначно как переход от плановой к рыночной экономике, в Индии — к менее регулируемой. Как подчеркивают авторы, и согласимся с ними, готовой формулы такого перехода нет, но опыт, набор методов, которые доказали свою жизнеспособность в странах Запада, имеется. Правда, их некритическое заимствование едва ли может дать положительные результаты. Слишком высока специфика гигантов. Инерционность большой системы создает «нештатные» ситуации при освоении чужого опыта. Эксперимент такого масштаба, причем совпадающий во времени, в трех столь разных странах, осуществляется впервые. Результаты трудно предсказать, но неоспоримо, что облик XXI в. в значительной мере будет предопределен тем, как будут меняться эти гиганты.

Всегда интересно узнавать, как видится положение нашей страны извне. Отдадим должное добросовестной прора-

ботке авторами советских экономических публикаций. Проводимые ими данные и расчеты основаны на обширных материалах. Суждения Ф. Мюллера о состоянии хозяйства СССР компетентны и в то же время уже традиционны. То, что могло быть сенсацией несколько лет назад, ныне во многом стало общим местом. Заслуживает внимания замечание, что в первые годы перестройки рыночный механизм не играл заметной роли в предлагаемых реформах. Признание его необходимости находило отражение скорее во взглядах интеллектуальной элиты, а не общества в целом. Заметим, что попытки реформ, причем достаточно глубоких и несущих качественные изменения, были начаты в условиях сохранения административной системы, и люди, образующие ее костяк, увидели в них прежде всего угрозу своему существованию. Однако было бы неправильно видеть оппозицию реформам только сверху. Для значительных слоев населения реформы означали конец рутинной, переход к новому отношению к труду, собственности, повышению личной ответственности за дело, самостоятельность выбора. Трудность такой перестройки была подтверждена дальнейшим ходом событий. Уже после выхода книги развернулись драматические события, вызванные предложенной правительством СССР в мае 1990 г. программой перехода к рынку. Не вдаваясь в подробный анализ, отметим, что причиной ее широкого неприятия было повышение цен, грозившее нарушить привычно низкий, но относительно стабильный уровень жизни, а главное — неопределенность дальнейших перемен.

Ф. Миллер называет в качестве критических (с точки зрения их значимости для развития) секторов советской экономики сельское хозяйство, информатику, оборонную промышленность. К сожалению, этот перечень можно было продолжить, хотя бы за счет социальной инфраструктуры. Но его мнение, что кризисное состояние сельского хозяйства оказывает наиболее депрессивное влияние на экономику в целом, не нуждается в особых доказательствах, они в повседневной жизни нашей страны. Поэтому борьба вокруг аграрных реформ приобрела столь острый характер, а утвержденные законы, например об аренде, несут черты непоследовательности и противоречивости. Именно в аграрной сфере хозяйственные связи США и СССР наиболее стабильны, в их

основе хронический крупный импорт зерновых советской стороной. Своего рода парадокс, если вспомнить, что США и СССР долгое время противостояли как две сверхдержавы, но закономерность, если рассматривать СССР как развивающуюся страну.

Если отставание в сельском хозяйстве в известной мере традиционная черта советской экономики, то к быстрому расширению научно-технического прогресса в мировом хозяйстве страна оказалась не готовой, что предопределило глубокое и нарастающее отставание в информатике, этой сердцевине современного развития. Создалась, согласимся в этом с Ф. Мюллером, парадоксальная ситуация, когда в Советском Союзе в 1985 г. было подготовлено 56 тыс. инженеров в области электронной технологии и информатики, но они не могли быть использованы из-за отсутствия соответствующей техники (с. 61). Только 10 % советских предприятий располагают управляющими информационными системами, что на много порядков ниже, чем в развитых странах Запада.

Что касается оборонной промышленности, то для нее характерна прежде всего закрытость, поэтому все показатели затрат в этой области приблизительны. Для развития негативным представляется резкая грань между этим сектором и остальной экономикой, что приводит к нераспространению научно-технических достижений на гражданские отрасли, в отличие от практики развитых стран, способствующей высоким темпам обновления производственного аппарата и продукции. Хотя принято считать, что оборонные отрасли по уровню технической вооруженности намного обгоняют остальные (если судить по величине поглощаемых ими средств, около 20 % ВВП страны), но и здесь, как подчеркивает автор, «неспособность освоить и распространить современную технологию, особенно информационную, поразительна...» (с. 63).

Каковы могут быть в этих условиях, по мнению автора, экономические отношения США — СССР? Очевидно, что их развитие связано с немалыми трудностями в силу особенностей советской экономики, ее закрытого характера, о чем свидетельствует, например, доля участия в мировой торговле — 1,7 % ее объема по сравнению с 14 % США (с. 63). Взаимосвязи двух странотягочены многочисленными ограничениями, введенными в годы острого противостояния. Они до сих

пор продолжают в значительной степени зависеть от политического климата. Позиция Ф. Мюллера представляется довольно типичной для большинства либерально настроенных зарубежных исследователей. Он выступает за координированные усилия, которые помогут стабилизировать процесс перестройки, поскольку это отвечает интересам Запада (с. 67).

Экономические реформы в Китае, как отмечает Р. В. Ли, президент влиятельной американской консультативной фирмы по проблемам инвестиций, за 10 лет (1978-1988) обеспечили заметные структурные сдвиги, в том числе путем децентрализации экономики. Одним из очевидных результатов стало укрепление динамичного негосударственного сектора (обратим внимание на удачный термин), на долю которого приходится ныне свыше 40 % промышленного производства. Его активность способствовала оживлению частных финансовых институтов, росту продукции в сельском хозяйстве и легкой промышленности и, в конечном счете, сокращению разрыва в доходах между городом и сельскими районами. Однако в целом, как считает Ли, не произошло перехода от ригидной бюрократической системы хозяйства, в которой главную роль играли решения, принятые наверху, к рыночной экономике. Внутренняя противоречивость реформ при таком раскладе неизбежна, как неизбежно несовпадение типа внешней и внутренней политики Китая в период реформ. Так, наметился явный отход от традиционной автаркии, привлечение иностранного капитала, но это не сопровождалось демократизацией внутри страны, и кровавые события весной 1989 г., подавление военной силой студенческой демонстрации в Пекине были типичным проявлением авторитаризма.

Сократилась сфера государственного планирования, увеличилась самостоятельность предприятий в том, что касается их сверхплановой продукции и цен на нее. Пожалуй, самым разительным отступлением от традиционного понимания социалистического предприятия было признание возможности его банкротства (закон 1988 г.). Но при этом сдвиги в системе труда осуществляются медленно. Если прежде основным принципом была «общая железная чашка риса», что означало пожизненную занятость и некоторые другие гарантии, которые, однако, начисто лишали рабочих самостоятельности, например права перехода на другое предприятие, одновременно снижая эффективность и

увеличивая бремя финансовых затрат предприятия, то теперь признана возможность найма и увольнения на основе контрактной системы, обсуждается возможность введения пособия по безработице.

В свете обсуждения аграрных реформ в СССР изменения в сельском хозяйстве Китая, безусловно, заслуживают внимания. Именно с этого сектора началось улучшение в экономике. Отметим прежде всего положительное влияние отмены жесткого контроля над этим сектором. Хотя формально земля — все еще коллективная собственность, крестьяне с 1985 г. имеют право аренды. Одновременно прекращены обязательные закупки государством сельскохозяйственной продукции. В результате доходы крестьян повысились в 3 раза, городских жителей в 2. За десять лет реформ расходы крестьянства на потребительские товары росли намного быстрее, чем за 1952-1978 гг. Наверное, прав Ли, называя такие перемены в образе жизни населения революционными (с. 80). Но глубинные реформы не могут развиваться только поступательно. Произошел «перегрев экономики», характерное состояние переходного периода, и это в полной мере испытывает Китай. Прежде всего резко увеличилась инфляция, последовавшая за снятием контроля над ценами на потребительские товары, возрос дефицит центрального и местных правительств. По некоторым оценкам, последний показатель вырос с 1985 по 1988 г. на 400 % (с. 81). Его увеличению способствовало сохранение таких неизменно присущих централизованной экономике расходов, как масштабные инвестиции в крупное строительство и субсидирование цен. Принятые решения о снижении числа строителей на 18 тыс. по странной логике административно-командной системы ударили прежде всего по мелким предприятиям, которые были обвинены в неэффективном использовании энергии и сырья. Приведенные Р. Ли показатели красноречивы: было закрыто около 17 тыс. предприятий, главным образом в частном или коллективном секторе, то есть негосударственных, а также некоторые иностранные предприятия (с. 81). Поскольку эти меры были осуществлены почти одновременно (за полгода) и коснулись в основном предприятий с высоким оборотом капитала, инфляция не только не была остановлена, но продолжала набирать скорость — уже на фоне растущей без-

работницы и падающей экономической активности.

Может ли переход к дерегулированной экономике проходить без резкого увеличения экономического неравенства? Если чужой опыт учит, а он учит, то Китай дает пример такого резкого увеличения неравенства. Это нашло отражение в разных формах, одни из которых связаны с действием экономических законов, другие со спецификой политической системы, хотя разделение этих факторов достаточно условно.

В Китае эгалитарность в ее примитивной отсталой форме в последнее десятилетие сменилась лозунгом «становиться богатым престижно» (с. 83). Коррупция в условиях, когда от госаппарата зависела выдача лицензий, разрешений на займы, организацию производства, приобрела небывалый размах, наряду со спекуляцией на разнице между государственными ценами и ценами свободного рынка. В системе госаппарата началась ажиотажная организация «корпораций» для незаконных продаж. Неудивительно, что борьба с коррупцией неизменно фигурирует в лозунгах сторонников демократизации, особенно студентов Пекинского университета. В движении против коррупции объединились и сторонники демократии, и приверженцы Мао. Тяга к демократии и к сильной руке сошлись в неприятии повального разграбления страны, но методы преодоления зла качественно различны. Единение на такой базе едва ли может быть прочным. В такой обстановке перспективы реформ проблематичны, и Ли с основанием полагает, что возможно не только дальнейшее замедление реформ, но и отступление от признака принципов рыночной экономики.

Закономерен вопрос: насколько рынок Китая сохраняет или увеличивает свою привлекательность для Запада? Ответ неоднозначен, как неоднозначно развитие страны-гиганта. Практически новый для западных товаров рынок Китая огромен, но население имеет чрезвычайно низкий подушевой доход — 330 долл. в 1988 г. по сравнению с 4325 долл. на Тайване (с. 88). Уровень протекционистской защиты внутреннего рынка ныне в Китае один из самых высоких в мире, по оценке МБРР, для готовой промышленной продукции в среднем 91 %. Одновременно страна стимулирует импорт новой технологии и создание предприятий по производству продукции на экспорт, что привлекает деловой Запад. Однако бюрократическая система, свидетельствует Ли, такова, что иностранные предприниматели не выдерживают столкновения с ней. Количество совместных предприятий невелико — в ноябре 1987 г. их насчитывалось 4000, причем треть из них убыточны (с. 89). Официальный обменный курс вдвое ниже того, по которому осуществляются операции. Если добавить к этому отсутствие необходимого законодательного стабильного регулирования отношений с иностранным предпринимательством, то становится очевидна ограниченность перспектив сотрудничества и использования иностранного капитала для модернизации хозяйства.

Для советского читателя актуальна авторская трактовка глубоко негативной роли бюрократической системы в деле коммерциализации страны. Кажется, что читаешь исследование реформы не в КНР, а в СССР. «Гигантская бюрократия Китая (24 млн. чиновников или даже больше), традиционно выполнявшая роль регулятора рынка, все еще располагает огромной экономической властью. К тому же эта бюрократия находится в процессе растущей фрагментации. Реформы ухудшили проблемы координации по оси центр—регион, внутри регионов и межведомственные. Центростремительные тенденции снизили способность страны принимать и осуществлять крупные инвестиционные проекты» (с. 91). Например, американская Оксидентум Петролеум 8 лет вела переговоры о совместном предприятии по разработке угля и, как считает Ли, при централизованной экономике дела компании были бы успешнее. (Справедливости ради отметим, что при населении, почти вчетверо большем, чем в СССР, Китай сравнительно незначительно превысил аналогичный показатель аппаратной занятости.)

Когда весной 1989 г. стала видна экономическая нестабильность Китая, антидемократическая направленность внутренней политики, нарушение прав человека, Запад реагировал ограничением деловых контактов, заморозил ряд крупных контрактов и займов, сократил предоставление лицензий на новую технологию. Многие иностранные компании отозвали свой персонал в июне 1989 г. и отложили планы строительства. Новые контракты за последний год не превышают 5,2 млрд. долл., упали доходы от экспорта и туризма, экономика понесла заметный ущерб.

Опыт Китая — типичный пример осу-

щества при резком несопадении попыток ослабить административные ограничения в экономической сфере, сохранив их в политической. Но и в экономике идеологические схемы продолжают господствовать. Неэффективный государственный сектор, дающий основную долю промышленной продукции, практически не заинтересован в снижении цен, обновлении продукции, закон о банкротстве к нему не применяется. Приватизация осуждена на самом высоком официальном уровне, централизованное планирование признано необходимым, равно как и возрастающая роль Компартии КНР. Очевидно, что в таких условиях интеграция страны в мировое хозяйство представляется проблематичной, а ослабление связей с Западом в результате внутренних событий может оказаться долговременной тенденцией. Согласимся с автором, что основной трудностью на пути экономического развития КНР в современных формах является отсутствие программы политических перемен.

Экономические реформы в Индии имели целью укрепление рыночных механизмов с той разницей, что они проводятся в стране, где социалистические идеалы фабианского толка имеют долгую традицию, демократические институты в политической жизни устойчивы и пользуются широкой поддержкой. В стране осуществлялась модель индустриализации, заложенная в начале 50-х годов при определенном влиянии советского опыта, исходившая из ускорения экономического роста путем не только активного государственного регулирования, но и увеличения госсобственности прежде всего в стратегических отраслях хозяйства. Развитие на этой основе привело к неоднозначным результатам: среднегодовые темпы роста подушевого ВВП в 1965-1987 гг. составили 1,8 %, что ниже, чем в КНР — 5,2 %, Пакистане и Мексике — 2,5 %, Индонезии — 4,5 % (с. 105). Но Индия сумела добиться самообеспечения зерновыми, местное производство покрывает внутренний спрос на потребительские промышленные товары при невысоком уровне использования прямых иностранных инвестиций. Внешняя задолженность, благодаря осторожной финансовой политике, не приобрела для Индии драматического характера. Однако острота проблем занятости, свыше 30 млн. официально зарегистрированных безработных, высокий уровень занятости в аграрном секторе — в 1951 г. 68,1 % рабочей

силы, в 1981 г. — 66,5 %, растущее давление на земельные ресурсы, массовая нищета, 37,1 % населения ниже уровня бедности — типичные показатели слаборазвитости (с. 106-107). Суть реформ, особенно при правительстве Р. Ганди, заключалась в резком ослаблении государственного регулирования и контроля при одновременном широком привлечении зарубежной технологии за счет либерализации импорта и снятия ограничений на сотрудничество с иностранными фирмами.

Обратим особое внимание на то, что эти реформы были начаты в период, когда экономика Индии находилась в относительно благоприятном положении. В отличие от СССР и Китая здесь не было кризиса предшествующей модели развития, охватывающего все стороны их общественной жизни. В этих странах реформам приступили в момент, когда старый механизм разваливался под воздействием накопившихся негативных экономических явлений. В Индии речь, по сути, шла о модернизации экономики, попытке придать развитию более динамичный современный характер. В силу этих причин хозяйственная политика носила в основном черты стимулирования назревших процессов. Прежде всего, это дерегулирование, направление, совпадавшее с ходом общемировых хозяйственных тенденций. Ослабление контроля над промышленностью, попытки ограничить власть бюрократии прямо связаны со снижением государственного вмешательства в экономику. Одним из результатов стал рост темпов промышленного производства в 1980-1986 гг. до 7,6 % в год по сравнению с 6 % за 1950-1980 гг. (с. 110). Другой характерной чертой было растущее привлечение иностранного капитала, хотя, как показали дальнейшие события, с политической точки зрения это сделало положение Р. Ганди уязвимым. Что касается стимулирования экспорта, то едва ли его можно причислить к особенностям политики реформ, как это делает Ичевеерри-Гент (с. 115). Оно неизменно входило в число приоритетных мероприятий центрального правительства Индии. Автор полагает, что дерегулирование коснулось прежде всего мелких и средних предприятий, а крупнейшие 1 663 фирмы в частном секторе все еще ограничены в своих действиях. Но представляется, что в условиях массовости мелкого и среднего предпринимательства его реакция на большую экономическую свободу отличается быстротой и адекватностью.

Это, правда, не меняет того факта, что именно среди этих предприятий чрезвычайно высок процент «больших», число которых выросло с 25 тыс. в декабре 1980 г. до 160 тыс. в 1987 г. (с. 117).

Остановимся на таком феномене, как сравнительно медленный рост занятости или даже ее сокращение в Индии в период реформ. (Поскольку все три гиганта принадлежат к трудоизбыточным странам, этот вопрос приобретает особую актуальность при переходе к интенсивному типу развития.) Частично это может быть объяснено капиталоемкостью новых производств. Что касается обрабатывающей промышленности частного сектора, то отмечено снижение занятости с 4,5 млн. человек в 1981 г. до 4,4 млн. в 1988 г. (с. 122). Рост происходил в госсекторе, прежде всего за счет коммунальных служб, и это при том, что существует общее мнение об избыточности персонала на госпредприятиях. В условиях хронически высокой безработицы сокращение занятости во имя экономической эффективности всегда ставит проблему социального баланса.

Более сложной (и типичной) для отсталой экономики была реакция на технологическое обновление. В Индии сохранилась излишняя централизация и планирование научно-исследовательских работ, сотрудничество научных учреждений, в основном государственных, с частным сектором, что могло бы ускорить освоение нововведений, налаживается медленно. НИОКР в частном секторе остаются на низком уровне, всего 13 % всех расходов страны на эти цели в 1985/86 г. (с. 117). Привлечение прямых иностранных инвестиций с целью технологического обновления наталкивается на сопротивление местных предпринимателей, видящих в этом конкуренцию своим товарам, которые, замето уступая по качеству импортным, все же находят сбыт из-за протекционистской защиты рынка.

Устойчивый рост экономики Индии и особенно курс на технологическое обновление создают основу для расширения американо-индийских экономических отношений, хотя, основываясь на опыте прошлого, они не будут развиваться неизменно по восходящей линии. Этому препятствуют, в частности, сложные политические натяжения в регионе, в первую очередь индийско-пакистанские разногласия. Заметный прогресс в 80-е годы был достигнут в сфере привлечения американ-

ского капитала, когда на долю США пришлось наибольшее число соглашений о сотрудничестве, а их масштабы возросли с 9,6 млн. долл. в середине 70-х годов до 35,9 млн. в 1985-1987 гг. и 65 млн. в 1988 г. Хотя для американских прямых инвестиций за рубежом это невысокий показатель, но тенденция роста очевидна (с. 125). Что касается программ помощи США, то представляется правильной оценка автора, что долговременным их направлением будет научное сотрудничество. Созданные в его рамках семь рабочих групп охватывают наиболее важные сферы исследований, представляющие взаимный интерес. Учитывая широкие масштабы подготовки квалифицированных научных кадров в Индии, разветвленную сеть лабораторий, страна по уровню своего научно-технического потенциала располагает необходимыми возможностями для такого сотрудничества. К сожалению, автор не останавливается на таком своеобразном явлении, как постоянный контакт индийских исследователей, выехавших за границу, в первую очередь в США, с научной общественностью своей страны. Думается, что ныне, в период активной миграции научных кадров, было бы неправильно характеризовать выезд из своей страны только как утечку мозгов. Одновременно это может облегчить постоянную информацию и обмен знаниями, своего рода обратную передачу технологии, чрезвычайно важную для экономически отсталой страны.

Согласимся с тем, что обновление производства на современной технологической базе составляет одну из основ проводимых реформ. К этому вопросу авторы неоднократно обращаются при исследовании практически всех аспектов преобразований в исследуемых странах. Отсюда неизбежно большое число повторов в тексте. Наиболее подробно роль научно-технического потенциала в развитии рассматривает Р. Сатмайер, специалист по проблемам технологии и науки, прежде всего азиатско-тихоокеанского региона. Он отмечает большое сходство в состоянии научной сферы в трех гигантах, причем сходство отрицательного характера — высокий уровень военных исследований, склонность к престижным проектам, жесткий контроль над национальными НИОКР. Как следствие, реформы близки в попытках сделать научную сферу более гибкой, откликающейся на внешние воздействия, ликвидировать управление наукой сверху,

распространить инновационный потенциал, достигнутый в военной отрасли, на гражданскую экономику (с. 178-179).

Что касается реакции США на научно-техническое содержание реформ в трех гигантах, то очевидно, что это — область, возможно, более широкого и разностороннего сотрудничества. Показательно, что, например, в отношениях с Китаем именно в этой сфере США испытывают острую конкуренцию со стороны европейских развитых стран (с. 131). Как и во многих других случаях, научно-техническое сотрудничество США с Советским Союзом в своем развитии следовало спадам и подъемам в политической сфере, и закономерно, что последние годы отмечены заметным их увеличением. Очевидно, что развертывание широкого технологического сотрудничества между США и тремя такими крупными странами окажет воздействие и на американский научно-технический потенциал. Согласимся с выводом автора, что «реформы в Индии, Китае и Советском Союзе напоминают нам о необходимости перемен в четвертом гиганте» (с. 185).

Д. Ичеверри-Гент вводит для Индии понятие переходной экономики, для которой характерны следующие признаки: переход от экстенсивного к интенсивному типу развития; стремление изменить свои экономические институты, чтобы обеспечить более эффективное использование природных ресурсов; достижение в некоторых секторах уровня, позволяющего выпускать сложную современную продукцию. По правде говоря, все три определения расплывчаты и могут быть применены к широкому кругу стран, в том числе и к СССР, если вспомнить, например, уровень национальных космических исследований. Достаточно ли этих признаков для переходной экономики? Даже при утвердительном ответе главный вопрос остается открытым — позволяет ли такая переходная экономика преодолевать состояние слаборазвитости?

Представляется, что попытка дать политэкономическое содержание реформ в трех гигантах, предпринятая в книге, весьма сложна. Как полагают Д. Ичеверри-Гент и Ф. Мюллер, реформы начались под воздействием международного экономического окружения, расширяющегося разрыва в технологической области между тремя гигантами и развитыми странами. Правда, это несколько противоречит заявленной в начале книги позиции об ограниченно-

сти внешних воздействий (с. 23). В трактовке авторов политэкономия реформ рассматривается как соответствие характера осуществляемых политических преобразований намечаемым экономическим сдвигам. Надо признать, что именно в этой сфере различия между странами выступают наиболее четко — это десталинизация в СССР, ограниченные политические сдвиги, которые в конце 80-х годов ознаменовались, несмотря на оппозицию, возвращением к авторитаризму в Китае, в Индии — борьба с коррупцией (что, на наш взгляд, неправильно приравнивать к политической реформе) и попытки приостановить эрозию политической структуры власти. Видимо, чувствуя известную расплывчатость своего понимания политэкономии реформ, авторы выдвигают три их измерения, переводя анализ на менее сложный уровень. Это — рационализация администрации, политическая либерализация, демократизация. На наш взгляд, такая постановка неправомерна, ибо рационализация администрации может иметь место без всякой связи с коренными экономическими реформами, в то время как две другие черты с ними сближены, хотя, как показал опыт Советского Союза, политическая либерализация, принявшая форму гласности, слабо отразилась на экономических преобразованиях. Инерция сложившегося хозяйственного механизма и системы все еще довлеет.

Не менее важной для будущего реформ является проблема, типичная для трех гигантов и уходящая корнями в особенности формирования хозяйственного механизма при значительном участии государства как основного собственника и распорядителя ресурсов — соотношение между экономической эффективностью и экономической безопасностью личности. Само это противопоставление, учитывая низкий жизненный уровень основных масс в этих странах, значительную долю населения за чертой бедности, выглядит парадоксальным, но оно реально. Как показал опыт нашей страны, при таком своеобразном равновесии попытки увеличить производительность труда привели к заметному опережению денежных (не обеспеченных товарами) доходов по сравнению с производительностью. В Китае завуалированное признание частной собственности на землю дало резкое увеличение производительности труда в аграрном секторе и почти не проявилось в

промышленности. Рост заработной платы намного обгонял рост производительности (знаковая ситуация) и усилил инфляцию. С 1984 по 1988 г. заработная плата в Китае росла на 16-24 % ежегодно, а ВВП на 8-14 % (с. 143). Патерналистская тенденция в индийской законодательной практике препятствует увольнению рабочих без согласия правительства (для фирм с числом рабочих более 99), что, конечно, защищает их интересы, но одновременно ведет к быстрому увеличению слабых неконкурентоспособных предприятий. Одним из проявлений падающей эффективности стало постоянное увеличение занятости в госсекторе Индии, которая росла быстрее, чем в любом другом.

Насколько в условиях низкой эффективности производства, ограниченных политических реформ может быть осуществлен переход к открытой экономике? Заметим, что это особенно трудно для стран, проводивших в известной мере политику опоры на собственные силы с ее привлечением внутренних особенностей, нестандартности избранного пути развития и т. д. С другой стороны, огромные масштабы внутреннего рынка, умеряемые, правда, низким жизненным уровнем населения, способствовали такой закрытости, нивелируя негативные последствия, которые немедленно бы сказались в малой экономике. Очевидно, что в условиях неконвертируемости валют и ограниченной конкурентоспособности товаров (СССР, КНР) вхождение в мировую торговлю крайне трудно, особенно если основные попытки шли по пути административных реформ внешнеторговых ведомств. Это привело к еще большей неразберихе, и, например, КНР с сентября 1988 г. вернулась к контролю над экспортными лицензиями, торговыми корпорациями и т. д.

Авторы полагают, что в основе проводимых преобразований лежит переход от импортзамещающей индустриализации к экспортной. Вот уж с чем нельзя согласиться. По сути, реформы во внешней торговле коснулись административных рычагов, но не производства как такового. Что экспортировать — этот вопрос лежит в другой плоскости, для его решения необходимо осваивать новые товары или улучшать качество имеющихся, приводя их в соответствие с мировыми стандартами. Однако такой результат может быть достигнут лишь повышением уровня технической оснащенности. В условиях интер-

национализации производства это реализуется использованием прямых иностранных инвестиций. Хотя все три страны предпринимают все новые и новые усилия для привлечения капитала, этому сопротивляется, особенно в СССР и КНР, сложившаяся структура хозяйства, высокая степень монополизации и традиционные методы работы административного аппарата. Протекционистская защита промышленности и отсутствие конкуренции, неподготовленность национальной экономической инфраструктуры к освоению технических новшеств, которые несет иностранный капитал (к сожалению, авторы опустили этот аспект), по сути делают процесс освоения «ноу-хау», технического заимствования ограниченным по масштабам.

Авторы полностью правы, утверждая: «Процесс реформ создал чрезвычайную неопределенность в каждом из гигантов» (с. 159). Действительно, несмотря на разную продолжительность периода реформ, не стихают споры вокруг их обратимости и конечного результата, особенно если учесть, что каждая страна имеет достаточно богатую историю реформ, результаты которых оказались намного скромнее, чем те, на которые рассчитывали. Переходный период всегда сопряжен с серьезными напряжениями в экономической и политической жизни страны, тем более когда речь идет об огромных территориях с глубокими различиями в положении отдельных их регионов. Политический кризис проявился как один из наиболее очевидных результатов экономических реформ. В книге поставлен вопрос, который ныне висит в воздухе — усилится ли роль военных и примыкающих к ним слоев? Укрепят ли они свое влияние в Советском Союзе, как это произошло в Китае? Ответа нет. Но очевидно, что такое развитие событий не может быть исключено полностью. В этом последнем случае теория катастроф может найти свое подтверждение в общественной области.

Рассуждая о политике США применительно к различным вариантам развития, авторы возвращаются к мысли, что внешнее влияние ограничено для гигантов. Но тем не менее в книге приведены каналы такого влияния, и это представляет безусловный интерес, поскольку можно представить варианты, когда каждая из трех стран воспользуется той или иной формой поддержки со стороны

США. Для Индии это уже вопрос практики, поскольку Мировой банк и МВФ «играют важную роль в развитии экономических реформ. Участие в стимулировании структурной адаптации в других развивающихся странах обогатило их опытом, который особенно пригоден для Индии» (с. 161). Они также предпринимали определенные попытки содействия Китаю в создании новых институциональных учреждений в целях децентрализации принятия решений, реформы цен и регулирования рынка. На этом фоне вполне логичной представляется позиция авторов, выступающих за то, чтобы США поддержали доступ СССР к опыту Мирового банка и МВФ и не были бы противниками членства нашей страны в этих организациях (с. 161).

Экономические реформы в трех гигантах происходят в мировом экономическом пространстве, и в силу их масштабов это воздействует на мирохозяйственные сдвиги. С этих позиций ведет исследование советский участник книги Е. Арефьева. Очевидно, что реформы, ориентированные на более широкие контакты с остальным миром, открытость национальных экономик, существенно меняют содержание и внешнеэкономических отношений, и внешней политики как таковой. Новая ориентация означала смену базовых ценностей, заметное ослабление конфронтации и противостояния, приход им на смену поиска экономической и политической стабильности. Закономерно, что смена ориентиров предполагает формирование новых связей и закономерностей в мировой политике, новый баланс интересов на основе взаимосвязи различных государств. Е. Арефьева содержательно аргументирует структуру современных направлений сотрудничества СССР в различных регионах, в том числе с развивающимися странами, которые прежде по соображениям идеологического характера оставались на периферии

советской внешней политики. Поддержим оптимистический вывод главы, который в целом отвечает назначению книги: «Новое понимание гигантами глобальной взаимозависимости ведет к уникальному совпадению политических интересов — включая политические интересы США: все стороны нуждаются в мирном международном окружении» (с. 205).

Книга в целом интересна. Она привлекает широкой постановкой проблемы, масштабностью задач. И все же в целом остается ощущение недосказанности. Видимо, причина в том, что преобладает сиюминутный интерес над анализом, описательное начало над сопоставлением, текущий момент над перспективой.

Хотелось бы, чтобы авторы аргументировали, почему они причислили СССР к слаборазвитым странам — на основе сравнения с другими странами или исходя из сложного комплекса внутренних причинно-следственных связей? И что такое слаборазвитость в канун XXI в.? Насколько правильно считать, что Индия находится в стадии реформ, аналогичных тем, которые проводят СССР и Китай? Рыночные отношения в Индии и раньше не ставились под сомнение, а дерегулирование — процесс, типичный для последней четверти XX в. практически для всех западных стран. Почему авторы книги не сочли возможным остановиться на влиянии нового консерватизма на реформы прежде всего в Индии? Вопросов возникает много, но если исследование их вызывает, значит, оно проведено не зря.

11 июля 1990 г.

Е. А. Брагина,
ведущий исследователь
Центра развивающихся стран
ИМЭМО АН СССР

Накормили народ. А дальше?

(о преобразованиях в сельском хозяйстве Вьетнама)

С. МАЛЫГИН

Точка отсчета

Еще недавно основное содержание исследований, посвященных сельскому хозяйству Вьетнама, составлял анализ различных аспектов проблемы продовольственного дефицита*, причем перспективы ее решения оставались весьма туманными. До самого последнего времени нехватка продовольствия и даже голод среди крестьян составляли обычные реалии вьетнамской жизни. Так, от 5 до 10 % крестьянских семей, особенно на севере страны, испытывали дефицит продовольствия и продуктов питания.

Серьезные проблемы развития сельского хозяйства Вьетнама, проявившиеся в слабости материально-технической базы, монокультуре риса, низкой технической оснащенности производства и, как следствие, хроническом продовольственном дефиците, нехватке сельскохозяйственного сырья и т. д., заставили вьетнамское руководство вести активные поиски возможностей «разрыва» замкнутого круга, сдвига с мертвой точки развития производительных сил.

Основная тяжесть в поисках путей решения проблемы развития сельского хозяйства постепенно переместилась на вопросы существования и сосуществования различных экономических укладов на селе, а также проблемы создания гибкого хозяйственного механизма их активизации. На первый план выдвинулись задачи стимулирования всех элементов многоукладного сельского хозяйства для обеспечения стабилизации и оздоровления сельскохозяйственного производства.

Проблема осуществления социалистических преобразований сельского хозяйства Вьетнама и создания кооперативного сектора получила достаточно подробное изучение в работах советских и вьетнамских авторов. Однако в связи с изучением плачевных итогов развития сельского хозяйства страны необходимо вернуться к анализу истинных причин подобного положения.

Фактически курс на насильственное обобществление и социализацию крестьянских хозяйств (это особенно заметно при кооперировании сельского хозяйства Юга после освобождения в 1975 г.) явился главной причиной кризисных моментов сельскохозяйственного производства, обострения продовольственной ситуации.

Тревожные сигналы о пагубном воздействии создания сельскохозяйственных производственных кооперативов (СХПК) на результаты крестьянского труда поступали с самого начала движения. Однако эта политика настойчиво продолжалась. Видимо, поспешность и упорство в осуществлении преобразований трудно объяснить одним лишь субъективным желанием руководства скорее объявить деревню социалистической, недоучетом объективных условий и т. д. (такие оценки в настоящее время получили во Вьетнаме достаточно широкое распространение). На наш взгляд, существовали более весомые причины, подталкивавшие партийно-государственное руководство хотя бы формально обобществить крестьянство даже и с нарушением принципа добровольности. Можно выделить минимум две группы факторов:

Малыгин Сергей Александрович, кандидат экономических наук, научный сотрудник Института международных экономических и политических исследований АН СССР.

* Под «продовольствием» вьетнамские экономисты понимают «непосредственно продовольствие» (рис) и дополнительные продовольственные культуры (картофель, кукуруза, батат, маниок, сорго). При подсчете валового производства дополнительные продовольственные культуры по определенным коэффициентам пересчитываются в неочищенный рис (падди) и суммируются с валовым сбором риса. Мясо, молоко, овощи и т. д. включаются в понятие «продукты питания».

экономического и политического порядка.

Если сопоставить процесс кооперирования сельского хозяйства Юга с продовольственной ситуацией в стране в целом, то выясняется, что после начала создания СХПК ситуация ухудшилась. Далее усиление административно-продовольственного кооперирования совпадало с периодами ухудшения продовольственной обстановки в стране, стагнации либо сокращения государственных заготовок.

На наш взгляд, темпы проведения кооперирования диктовались не ошибками «теоретических представлений о социализме», а прагматическими соображениями изъятия у крестьян максимума товарного продовольствия через СХПК. Как только начиналась стагнация либо сокращение госзаготовок (ввиду плохой организации госзакупок, отсутствия у государства материальных ресурсов и товаров для обмена с крестьянством, негибкой работы государственных и кооперативных закупочных организаций и в целом из-за нежизненности и неэффективности кооперативных структур), незамедлительно выдвигался лозунг об «ускорении» либо «расширении» преобразований.

Что касается политических причин, то, на наш взгляд, кроме антагонистического противопоставления социализма и частной собственности, характерного для представлений вьетнамского руководства 70-х годов, существовало и такое соображение: лишенный собственности человек автоматически становится «социально-спокойным», проявляющим политическую активность в лучшем случае лишь на собрании кооператива.

С самого начала главная роль, которая отводилась сельхозкооперативам и производственным бригадам, состояла не в обеспечении поступательного развития сельского хозяйства, а в выполнении административно-фискальных функций взимания продовольствия с крестьян. Практически при любом объеме сбора продовольствия оно оставалось в дефиците, поскольку дефицит — сущностная, имманентно присущая черта сформированной во Вьетнаме (естественно, не только там) административно-дотационной системы. При этой системе центральные органы имеют прямой директивно-адресный выход на главную производственную единицу в агросфере — СХПК, до которой доводятся обязательные к исполнению планы поставок продукции по фиксированным (заниженным) ценам. Также централизованно устанавливаются

цены на сырье и материалы производственного назначения. Через СХПК и осуществляется мобилизация продовольствия в единый продовольственный фонд (в виде сельхозналога, обязательных поставок, обменных закупок за промышленную продукцию по договорам и закупок по согласованным ценам).

Этот продовольственный фонд подлежит распределению по централизованно устанавливаемым, также заниженным ценам, исходя из «высшей целесообразности и государственных приоритетов». Распределение ведется селективно между определенными группами населения и, следовательно, носит закрытый характер; опосредуется карточной системой. Отрыв цен на продовольствие, устанавливаемых для карточной системы, от реально складывающихся рыночных цен объективно создает почву для спекулятивных операций и, с другой стороны, побуждает часть населения, пользующегося преимущественным правом покупки, полностью отоваривать карточки вне зависимости от реальных потребностей. Эти тенденции усиливаются инфляционными факторами, падением покупательной силы денег, когда обладание любым натуральным продуктом или товаром оказывается выгоднее, чем сохранение теряющих силу денежных знаков.

Суть перехода от централизованной системы к рыночной заключается, во-первых, в формировании свободного товаропроизводителя — крестьянской семьи — в качестве главного субъекта производственно-хозяйственной деятельности и, во-вторых, в использовании рыночного механизма для реализации хозяйственных связей. Если для начального этапа реформы характерно сосредоточение внимания на выполнении первой задачи, затрагивающей проблемы собственности в агросфере, ориентирование преимущественно на производственный аспект и решение лишь отчасти задачи формирования товарного рынка продовольствия, то 1989 г. стал переломным именно с точки зрения создания рыночного механизма регулирования производства и обращения продовольствия.

Концепция реформы

Вьетнамскому руководству потребовалось пройти через падение заинтересованности крестьян в повышении производительности труда, фактически развал

кооперативов, катастрофическую продовольственную ситуацию 1978—1979 гг., чтобы уяснить: необходима такая форма организации и оплаты труда в сельском хозяйстве, которая во главу угла ставит хозяйственную заинтересованность непосредственного производителя (и по возможности учитывает интересы кооператива и государства).

Идея формирования свободно хозяйствующего субъекта красной нитью проходит через проводимую в СРВ реформу. В целом ее направление сводится к трем основным составляющим — политике равноправия всех экономических укладов в обществе с формированием самостоятельных товаропроизводителей: созданию рыночного механизма хозяйственного взаимодействия производителей; реформе кредитно-банковской системы, финансовому оздоровлению экономики и антиинфляционным мероприятиям.

В первые годы после VI съезда КПВ (декабрь 1986 г.), декларировавшего принцип многоукладности экономики в условиях СРВ, основное внимание сосредоточивалось на определении подходов к выработке новой политики, преодолении ряда теоретических и идеологических огмов, разработке и принятии нормативных документов и практических шагов в области реальной многоукладности.

Признание активной положительной роли индивидуального и частного производства на селе, принятие нормативных актов, регулирующих его деятельность, отмена дискриминационных мер в области налогообложения, снабжения и пр., закрепление за крестьянскими семьями земельных участков на длительные сроки (15—50 лет) с возможностью приоритетного продления договора и передачи земли по наследству, продажа семьям основных средств производства, выдача удостоверений на пользование землей (кадастровых сертификатов) и пр. сделали свое дело — крестьяне поверили в серьезность и стабильность правительственной политики. Результаты укрепившегося крестьянского доверия проявились прежде всего в производственной сфере, поскольку при нынешнем уровне развития сельскохозяйственный труд сохраняет преимущественно ручной характер, а его итоги во многом определяются личной заинтересованностью крестьянина, его прилежанием и рачительностью.

Ядром преобразований стали подрядные и арендные отношения, эволюция и развитие которых заложили прочный

фундамент для реформы сельского хозяйства в целом. Развитие подряда как бы взорвало изнутри существующую систему управления в сельском хозяйстве Вьетнама, поставило под вопрос многие считавшиеся ранее незыблемыми постулаты: проблему собственности на средства производства, вопрос о бедности и богатстве, механизм государственных заготовок продовольствия, а также целесообразность сохранения кооперативов в их прежнем виде.

Если в первые годы развития подрядных отношений система подряда была как бы «вещью в себе», то позднее стала отчетливо прослеживаться связь развития подряда с общим изменением системы управления, системы отношений в сельском хозяйстве. Дальнейшее совершенствование подрядной системы на микроэкономическом уровне (в рамках кооператива) оказалось невозможным. Назрели решительные изменения макроэкономического порядка, поскольку ни вопросы землепользования, ни проблемы материально-технического снабжения и обслуживания на уровне отдельного кооператива не решить. Более того, подрядные отношения не могут существовать только в рамках СХПК. Они требуют наличия соответствующих контрагентов, партнеров, работающих на коммерческих, хозрасчетных началах. Кроме того, развитие подрядных отношений имеет и ряд неоднозначных последствий (поляризация сельского населения, усиление имущественной дифференциации). Это также те вопросы, которые должны анализироваться и решаться в рамках всей страны, а не отдельного хозяйства.

Первые итоги

По расчетам вьетнамских экономистов, минимально необходимый для СРВ уровень производства продовольствия составляет около 300 кг пади на человека в год плюс резерв в 50 кг пади на человека. В пересчете на всю страну это означает необходимость годового производства продовольствия в объеме 18 млн. т на потребление и 3 млн. т в резерв. Подчеркнем, что это расчетный минимально необходимый уровень. В 1985—1987 гг. годовое производство продовольствия не превышало 18 млн. т.

Эффект от применения новых форм хозяйствования во Вьетнаме был не только очень высоким, но и достигнут за крайне сжатые сроки. Если в течение нескольких последних лет площади под

рисом и другими продовольственными культурами неизменно сокращались, то в зимне-весенний сезон 1989 г. они возросли на 40,5 %, а коэффициент использования земли достиг 2,3 (наивысший показатель за всю историю страны).

Соответственно резко увеличились и валовые сборы продовольствия, которые составили в 1988 г. 19,5 млн. т (прирост более чем на 1,5 млн. т к уровню 1987 г.), а в 1989 г. — свыше 20 млн. т в рисовом эквиваленте. Этот показатель — большой успех вьетнамского сельского хозяйства. Однако достигнут лишь минимальный уровень удовлетворения потребностей в продовольствии: при душевом пересчете он выражается достаточно скромной величиной в 310—315 кг пацди на человека. И тем не менее именно с 1989 г. вьетнамские экономисты и практические работники заговорили о решенности (в основном) продовольственной проблемы в стране.

В 1989 г. во Вьетнаме имелись все внешние атрибуты продовольственного изобилия: рыночные цены на рис и другие продовольственные культуры сначала замедлились в росте, затем стабилизировались, а осенью началось их падение. Впервые в истории страны возник совершенно новый для Вьетнама вид кризиса — кризис сбыта продовольствия, СРВ начала крупномасштабный экспорт зерна и других видов продовольствия. Экспорт риса в 1989 г. достиг 1,4 млн. т, а за первый квартал 1990 г. было экспортировано уже около 300 тыс. т, главным образом за конвертируемую валюту в несоциалистические страны. В 1989 г. экспорт риса принес Вьетнаму около 315 млн. долл., или 20 % объема валютных поступлений в страну. По некоторым данным, СРВ вышла на третье место среди мировых экспортеров риса после США и Таиланда.

В том же 1989 г. были созданы значительные государственные резервы продовольствия, и прежде всего риса (по неофициальным данным — около 500 тыс. т). Дальнейшее наращивание запасов сопряжено с немалыми трудностями, так как требует разветвленной системы складов и хранилищ.

Эти новые, ранее совершенно не свойственные Вьетнаму факты позволяют подтвердить мысль о том, что крупные успехи в области сельского хозяйства, которых добилась страна, лишь отчасти связаны с непосредственно производственной сферой — рекордный уровень про-

изводства не превзошел минимально необходимого. По нашему мнению, основную роль сыграло продолжение, и причем более радикальное, реформаторских акций, их распространение на макроэкономический уровень, решительный переход к рыночному механизму.

Как это делалось

В центре этой работы лежало коренное изменение системы ценообразования на сельскохозяйственную продукцию, прежде всего на продовольствие. Подчеркнем, что речь идет не просто об изменении цен (как закупочных, так и розничных), а об отказе от их централизованного установления и переходе к рыночному принципу их формирования. Параллельно было отменено карточное распределение риса, цены на который были установлены на фактически сложившемся рыночном уровне — 650 донгов за 1 кг. Отметим, что указанная мера не была изолирована от всего комплекса экономической реформы и антиинфляционных мероприятий, проводившихся в 1988—1989 гг. и имевших результатом общую стабилизацию цен потребительского рынка. Именно поэтому она и оказалась результативной.

Произошло общее изменение соотношения спроса и предложения на продовольственном рынке. Если ранее совокупный спрос на очищенный рис постоянно превышал предложение, то в 1989 г. наступило сбалансирование и даже некоторое превышение предложения товарного риса над спросом на него.

Возникает закономерный вопрос о причинах столь благоприятного положения на продовольственном рынке. Очевидно, что прежде всего активную роль сыграла оптимизация сферы обращения риса в результате ряда мероприятий реформы. Причем действие различных факторов влияло как на ограничение спроса, так и на увеличение предложения продовольствия.

В результате отказа от системы нормированного снабжения по заниженным ценам те категории населения, которые полностью выкупали рис по карточкам и создавали у себя дома «резервные склады», прекратили массовую скупку продовольствия¹. Это стало невыгодно вследствие невозможности «улавливания» разницы рыночной и нормированной цены при перепродаже. Более того, стабильная ситуация на рынке продовольствия привела к осознанию бессмысленности и, главное, от-

сутствия выгоды от хранения значительных запасов купленного риса. Началась его активная реализация, что также приводило к увеличению предложения. Это обстоятельство повлияло на рост реализации резервного риса в крестьянских хозяйствах, откладывавшегося ранее впрок, «на черный день», в качестве своего рода натуральной гарантии благополучия.

Существенному увеличению предложения риса способствовала активизация производственной деятельности крестьянских хозяйств. Заработал механизм, при котором главной мотивацией работы служит не принуждение, а экономическая выгода. На свободный выбор крестьян повлияли и насыщение рынка товарами, и предложение промышленной продукции производственного назначения (прежде всего стройматериалов), и стабилизация донга, и реформирование кредитно-банковской системы, и другие антиинфляционные меры (в особенности повышение выплат по вкладам в банки и сберкассы до и выше уровня инфляции). Крестьяне почувствовали реальную выгоду от продажи риса (не только резервного, но и вновь выращенного, разумеется) — вырученные деньги можно легко и с пользой истратить на производственные и потребительские нужды, положить с выгодой в банк и пр.

К важнейшему элементу, составной части реформы необходимо отнести коренную перестройку системы торговли в целом и госторговли в частности. Основная идея преобразования торговли, естественно, отвечала общему духу и идеологии реформы — закреплению принципа многоукладности, отказу от дотационно-распределительной системы, переходу к рыночному механизму функционирования предприятий торговли.

В реальной хозяйственной жизни возникла достаточно пестрая картина торговых точек, предприятий, агентств, компаний и объединений не только государственных, но и индивидуальных, семейных, кооперативных и частных. Появление таких торговых субъектов создало в сфере обращения продовольствия обстановку достаточно жесткой конкуренции, что самым положительным образом сказалось на всех звеньях системы организации обращения продовольствия.

Конкурентная борьба, появление возможности выбора способа реализации продовольствия у производителя и формы приобретения риса у потребителя за-

ставили госторговлю достаточно решительно перестраивать свою работу. Однако существование помимо государственной торговой сети параллельных каналов свободного обращения риса, конкуренция с частными торговцами и торговыми фирмами поставили госторговлю в весьма сложное положение.

В условиях, когда действует единая рыночная цена на очищенный рис, потребитель ориентируется на наиболее выгодный канал приобретения. На практике оказывается, что рис, продаваемый в госторговле, невысокого качества, дорог (относительно рыночной цены на аналогичный сорт), плохо очищен и пр. Потребитель, естественно, «переходит» на рис, предлагаемый частными торговцами.

Упомянутая выше сеть свободного обращения продовольствия включает в себя мелких и средних торговцев-скупщиков риса-падди, владельцев рисоушек, владельцев транспортных средств, частные транспортные компании и агентства, рыночных торговцев и владельцев магазинов и пр. Это весьма разветвленная и динамично работающая система, конечной целью которой является «доведение» продовольствия до потребителя с получением собственной торговой выручки. Практика показывает, что частная торговля играет важнейшую роль в обеспечении рынка и регулировании соотношения спроса — предложения.

Рассматривая столь новое для Вьетнама явление, как стабилизация и снижение цен на основную продовольственную культуру, следует помнить, что переход к единой рыночной цене, общий «запуск» рыночного механизма является конечным, завершающим шагом перестройки всей системы распределения и обращения продовольствия, упрежденным мероприятиями по распространению рыночных отношений в производственной сфере и антиинфляционными мерами. Без таких комплексных и радикальных шагов (а централизованное повышение цен неоднократно проводилось в СРВ и ранее) добиться реальных сдвигов в положении на продовольственном рынке представляется невозможным.

Новые и старые проблемы

В результате и сокращения спроса на рис, и увеличения его предложения ситуация на продовольственном рынке Вьетнама резко изменилась: обнаружилось превышение предложения над спро-

сом. В соответствии с естественной реакцией рыночного механизма началась стабилизация и падение розничных цен на очищенный рис². Сокращение спроса и увеличение предложения очищенного риса на рынке отразилось и на динамике цен на пади. Установленные государством коммерческие закупочные цены на пади в начале 1989 г. составляли 300-310 донгов за 1 кг. Однако в конкурентной борьбе с госторговлей частник за счет небольших размеров «дела», гибкости, динамики и полной свободы в принятии хозяйственных решений постоянно выигрывает, оставляя позади неповоротливую государственную (да и кооперативную) торговую сеть, для которой, кстати, характерна постоянная нехватка денежных и материальных средств для закупок. Крестьяне практически не могли реализовать пади в государственной или кооперативной торговле по установленным коммерческим ценам и чаще продавали пади частным торговцам по реально сложившейся рыночной цене 250-260 донгов за 1 кг. В середине 1989 г. рыночные цены на рис упали до 220-250 донгов за 1 кг, стремительно приближаясь к цене производства (около 150 донгов за 1 кг пади в середине 1989 г.).

Эта новая для Вьетнама проблема сбыта произведенного продовольствия является одной из наиболее острых экономических проблем современного этапа реформы, причем проблем, лежащих на поверхности и носящих массовый характер. Возникает новая ситуация, когда крестьяне начинают требовать у государства полной скупки произведенного ими риса. Реальных возможностей для этого у государства просто нет. В такой ситуации вполне естественным будет сокращение крестьянами посевов риса, переуплотнение на более выгодные типы культур, выращивание креветок и пр. Как следствие, вполне возможно и ухудшение продовольственной ситуации, так как гарантии стабильного производства пока отсутствуют. Однако, на наш взгляд, ситуация с реализацией продовольствия при всей своей остроте вполне решаема в рамках рыночной модели и не имеет глубинной конфликтности.

Кому принадлежит земля?

Вся недолгая история реформирования сельского хозяйства Вьетнама — это история нелегкой борьбы нарождающихся самостоятельных крестьянских се-

мейств-хозяйств с отживающей директивно-адресной системой. Один из основных предметов спора — вопрос о собственности на средства производства (орудия труда, тягловый скот, хозяйственные объекты и пр.) — уже решен в пользу крестьян³. Однако последние, вдохновленные свободой, поставили вопрос вопросов — о земле. Особенно сильно прозвучал их голос в провинциях Юга, где еще хорошо помнят свободу индивидуального производства, а середняки производят до 80 % товарного продовольствия.

В деревне получили развитие процессы нелегальной передачи земельных участков в субаренду тем, кто в состоянии их обработать, концентрации у отдельных подрядных дворов и арендаторов достаточно крупных (во всяком случае для Вьетнама) земельных наделов. Печать сообщала о многочисленных случаях купли-продажи земли⁴.

Принятый Национальным собранием СРВ в декабре 1987 г. Закон о земле хотя и зафиксировал пункт о том, что «категорически запрещается купля-продажа и самовольный захват земли, передача ее в аренду, содержание земли без эксплуатации ее, использование, не отвечающее целям, порча земли и т. д.», тем не менее ситуацию не переломил. В законе не были предложены реальные экономические механизмы перераспределения земельных участков в соответствии с трудовыми и материальными возможностями семей, был сделан упор на меры административного воздействия.

Между тем земельная ситуация усугублялась многочисленными фактами злоупотребления служебным положением со стороны членов правлений кооперативов, кадровых работников общины и уезда в части распределения земель. Земля выделялась по родственным связям, «по благу» и т. п.⁵ В результате усилившееся недовольство крестьян несправедливостью в наделении землей, невозможностью получить участок в соответствии с производственными возможностями семьи вылилось (особенно на юге страны) в открытое выражение протеста, состоялись десятки крестьянских выступлений и демонстраций.

Ситуация сложилась достаточно напряженная. Отмечалось усиление конфликтов между крестьянскими дворами, споры крестьян с кадровыми работниками на местах, возникли проблемы по вопросам землепользования между крестьянами и государственными экономическими ор-

ганизациями, органами управления, общественными организациями. Проблема заключалась в том, что необходимо было предложить экономический механизм перераспределения земли, то есть передать землю наиболее умелым и экономически сильным крестьянским дворам для производства максимума товарной продукции. Конечно, наиболее естественным был бы переход к системе частного землепользования, хотя бы в локализованном по районам виде. Однако это означало бы отказ от одного из базисных постулатов «социалистических завоеваний» — общественной собственности на землю. Вьетнамское руководство на это не пошло.

Практически по всем хозяйственным вопросам партийно-государственное руководство СРВ постоянно старается выбрать наиболее нейтральный, компромиссный вариант, хотя бы временно устраивающий все стороны. По некоторым вопросам (например, тот же вопрос о земле) это пока удается. В целом по всем наиболее существенным проблемам можно обнаружить признаки нерешительности и непоследовательности. Именно вследствие этого хозяйственная политика подвержена колебаниям. Однако начавшиеся процессы формирования самостоятельных хозяйств в аграрной сфере объективно приводят к возникновению таких проблем, которые не могут быть разрешены полюбовно.

Прежде всего это касается неизбежной имущественной дифференциации, по вопросу о которой отмеченные колебания особенно заметны. Практические шаги по укреплению и развитию подрядных и арендных отношений включали такие мероприятия, которые, с одной стороны, укрепляли хозяйственную самостоятельность крестьян, с другой — приводили к росту имущественного расслоения в крестьянской среде. Это и продажа в частные руки сельскохозяйственной техники, инвентаря, тяглового скота, и увеличение земельных наделов, и закрепление их на длительный срок, и торги на имущество и аренду земли и пр. Такого рода производственные расходы прежде всего несут более сильные в хозяйственном отношении семьи, что предопределяет их укрепление.

Одновременно в прессе публиковались материалы, которые должны были образовать своего рода «идеологическую» основу новой системы хозяйствования. Основная мысль этих публикаций сводилась к тому, что «лучше богатеть в неравной степени, чем всем быть одина-

ково бедными»⁶. Даже в выступлениях партийных работников провинциального уровня можно было услышать трезвые и взвешенные суждения о том, что «необходимо признать реальность — сначала будет неравное (неодинаковое) развитие. Поэтому необходимо искать все средства, все источники и возможности крестьян — членов кооператива для инвестирования производственного процесса, ускорения темпов производства, увеличения совокупного общественного продукта»⁷.

В 1988 г. в ходе ознакомления Генерального секретаря ЦК КПВ Нгуен Ван Линя с итогами развития подрядных отношений в провинции Виньфу ему было представлено несколько крупных, по сути частных, хозяйств, которые образовались на основе сосредоточения земельных участков в руках семей, способных их обработать. Крепкие хозяйства частично применяли наемный труд, оплачивая не только стоимость работ, но и питание работников, а также помогали нуждающимся односельчанам. Зачастую крепкие хозяйства предлагают наемным работникам столь льготные условия (200 кг пади за сезон плюс трехразовое питание), что многие жители деревни выражали желание, чтобы хозяева брали больше работников⁸.

После введения подрядной системы крестьяне заметно поляризовались. Те из них, кто обладает опытом производственно-хозяйственной деятельности, средствами и трудовым потенциалом (около 25—30 % численности крестьян), продолжают богатеть. Кстати, тезис о «честном богатстве» в то время (предшествовавшее сельскохозяйственному «взлету») достаточно часто можно было услышать во Вьетнаме с самых высоких трибун. Постоянно подчеркивалась мысль о том, что при социализме богатство не обязательно связано с эксплуатацией. Одновременно в печати появилось немало резких высказываний в адрес бедных семей, которые не умеют и не хотят работать и рассчитывают лишь на помощь кооператива. Некоторые крестьяне, по выражению сельских жителей, «любят много есть и мало работать», поэтому подрядные семьи хотят дифференцирования помощи через кооператив, оказания ее только тем, кто действительно нуждается (из-за нехватки средств, малочисленности трудоспособных и пр.).

Конечно, реальная обстановка не имеет ничего общего с идиллической картинкой «мирного сосуществования» бедных,

средних, крепких и зажиточных крестьян. Однако хотелось бы обратить особое внимание на попытки высшего вьетнамского руководства постоянно проводить идею единства: страны, народа, крестьянства. Подспудная боязнь дифференциации, столкновения интересов различных категорий и слоев населения (и в том числе крестьянства), обострения противоречий побуждают его неустанно повторять, что все споры и конфликты должны решаться в духе товарищества, «на основе развития традиций солидарности и взаимопомощи»⁹.

Возможно, такое чрезвычайно осторожное и щепетильное отношение к единству является одной из существенных причин обтекаемости формулировок принимаемых постановлений. Не исключено также, что сами решения пока не совсем ясны, а курс на формирование полярных экономических слоев сопряжен со значительными коллизиями и опасностью утраты контроля над обстановкой.

Между тем анализ состояния трудовых ресурсов и в целом по стране, и в аграрном секторе свидетельствует, что обстановка складывается достаточно напряженная: велик удельный вес безработных, деклассированных элементов, возрастает количество бедных и неимущих крестьян. В дельте реки Красной, например, 40 % крестьянских дворов не могут без помощи государства вести расширенное воспроизводство, а 10 % бедствуют даже в урожайные годы. В целом примерно 20—25 % крестьянских семей находятся в бедственном положении, а 5—7 % — в крайне тяжелом. Они вынуждены либо работать по найму, либо залезать в долги.

Таким образом, во вьетнамской деревне идет процесс формирования полярных групп сельского населения: крепких самостоятельных крестьян-арендаторов и малоимущих крестьян, не способных обрывать сами самостоятельно даже так называемые площади для основных нужд. В этих условиях необходимо, видимо, не призывать к некоему «единству» вьетнамского крестьянства, развитию «духа товарищества» и т. д. (хотя, естественно, в таком единстве нет ничего плохого), а предвидеть имущественную дифференциацию крестьянства как неизбежное следствие внедрения и развития рыночной системы. На основе такого предвидения необходимо разработать и внедрить систему социальных амортизаторов, не подорывая, разумеется, экономической заинтересованности основной производствен-

ной единицы — крестьянского двора.

К сожалению, в последнее время наблюдается некоторый возврат к старым позициям в решении стержневого вопроса аграрной политики. Если еще недавно главной задачей считалось стимулирование сильного (о чем говорилось выше), то сейчас больше думают о защите слабого, выдвигая на первый план не поступательное развитие производства, а недопущение чрезмерной дифференциации. Чувствуется желание «нажать на тормоз» в деле решительного преобразования вьетнамской деревни.

Что дальше?

В сентябре 1990 г. состоялось представительное совещание по проблемам развития сельского хозяйства СРВ¹⁰. Следует прямо сказать, что некоторые оценки, прозвучавшие на конференции, вселяют определенную тревогу. Ощущается стремление, по крайней мере части вьетнамского руководства, к всемерному сохранению кооперативов, правда, в новом, измененном виде. Причем это желание сохранить СХПК и, особенно, правление кооперативов аргументируется «невозможностью развития товарного производства крестьянскими семьями самостоятельно», необходимостью «управления производственным планом» (? — С. М.) и другими причинами. Конечно, это не общее мнение, но симптоматично то обстоятельство, что подобные оценки на совещании преобладали.

Далее, на конференции постоянно делался акцент на последних данных о бедности и богатстве в крестьянской среде. Так, подчеркивалось, что удельный вес бедных дворов на Севере в среднем составляет 15 % (в некоторых местах до 50 %), на Юге — 20 %. Однако в контексте обсуждения основной упор делался не на стимулировании основных производителей продовольствия, а на недопущении обеднения. Общий вывод конференции: пусть крепкие хозяйства богатеют, но главное — не допустить увеличения численности бедных дворов.

Конечно, необходимо думать о менее обеспеченных слоях сельского населения. Однако, на наш взгляд, в условиях, когда производство еще не получило стабильности и гарантированной обеспеченности общества продовольствием, во главу угла необходимо ставить интересы более крепких хозяйств, которые и способны произвести необходимое обществу

товарное продовольствие. Именно в их развитии — гарантия будущего благосостояния общества.

Для действительно надежного роста необходимы, на наш взгляд, глубокие изменения структуры хозяйства, выбор и стимулирование наиболее динамично развивающихся укладов, полный переход на рыночные отношения. Применительно к агросфере это означает решение земельных проблем (возможно, установление института частной собственности на землю), формирование новой налоговой и кредитной политики в деревне, определение дальнейшей судьбы производственных кооперативов (либо их официальный роспуск), выработка общих принципов социальной политики на селе и пр. Пока же перспективы сельского хозяйства Вьетнама, несмотря на существенные сдвиги в сторону оздоровления, не могут оцениваться однозначно, поскольку отсутствуют внутренние гарантии стабильности и за «взлетом» может вполне последовать кризисный год.

В перспективе Вьетнам рассчитывает закрепить вывоз риса в качестве постоянной статьи экспорта. Тем не менее решение этой задачи во многом зависит от того, насколько успешно будут преодолены трудности сегодняшние, например с реализацией пади. Однако необходимо отличать естественные моменты (и издержки) рыночного варианта развития. Главное, от чего зависит успех реформ, заключается в том, насколько возможным окажется отказ от устаревших политико-идеологических догм и стереотипов, захочет ли современное руководство «поступиться принципами» не только де-факто, но и де-юре (и, естественно, поступиться властью, поскольку директивный контроль над собственником или невозможен, или неэффективен).

Что же касается «основ социализма», то, на наш взгляд, социалистическое общество задумывалось как общество людей

богатых — материально, интеллектуально, духовно. Равенство в богатстве, а не в нищете — в этом конечная цель социализма. Если же путь к этому лежит через неравномерное развитие, то это не означает необходимости и возможности запрета такого движения. Прекрасно, если будут найдены средства обеспечения равномерности. Однако пока отсутствуют реальные варианты «равного богатства». Вопрос стоит достаточно однозначно: либо развитие через хозяйственный интерес, активность и определенные коллизии, либо стагнация на основе многочисленных регламентаций и запретов.

¹ По данным обследования торговли рисом, в Ханое после перехода на единые рыночные цены только в одном фьонге (микрорайоне) было зафиксировано сокращение ежедневной продажи с 20 до 1 т, то есть в 20 (!) раз. — См.: Нян зан. — 1989. — 11 июля.

² В марте 1989 г. цена 1 кг очищенного риса была на уровне 650 донгов. В конце мая она понизилась до 620 донгов за кг, а в июле рис стоил уже 450-500 донгов за кг. К осени 1989 г. цены понизились до 430-450 донгов за кг. — См.: Тап ти конг шан. — 1989. — № 10. — С. 34.

³ Красноречиво сказал об этой проблеме один из партийных руководителей провинциального уровня: «Для нас мерилом коллективизации являются не огромные склады без риса и фермы без скота, а эффективное управление, то есть как все использовать для увеличения производства, укрепления кооператива, общего богатства». — См.: Нян зан. — 1988. — 30 мая.

⁴ Акты купли-продажи земельных участков имели место как между отдельными крестьянскими семьями, так и между крестьянами и местными административными властями. — См.: Нян зан. — 1988. — 27 мая, 2 июня.

⁵ См. там же. — 1988. — 8 августа.

⁶ Там же. — 1988. — 21 марта.

⁷ Там же. — 1988. — 30 мая.

⁸ См. там же. — 1988. — 28 апреля.

⁹ См. там же. — 1988. — 23 августа.

¹⁰ См. там же. — 1990. — 29 сентября.

«Экономика дефицита» Я. Корнай

О. БОРОХ

В истории экономической мысли XX в. выдающемуся венгерскому экономисту, действительному члену Венгерской академии наук, профессору Гарвардского университета Яношу Корнай принадлежит особое место. Я. Корнай широко известен во всем мире своими исследованиями проблемы дефицита — явления, хорошо знакомого каждому, но до сих пор мало изученного. Его работы переведены на многие европейские языки и выдержали десятки изданий. В 1990 г. наиболее фундаментальный труд Я. Корнай «Экономика дефицита» (1980) со значительным запозданием вышел и в Советском Союзе¹. Знаменательно, что его публикация совпала со временем глубоких перемен в нашей стране, где осуществляется переход к рыночной экономике. Но нигде сочинения Я. Корнай не вызвали такого интереса, как в Китае.

Хотя первые переводы работ Я. Корнай на китайский язык появились на рубеже 70—80-х годов², имя ученого стало широко известно в КНР в 1985 г., когда он впервые посетил Китай и принял участие в Международном симпозиуме по макроэкономическому управлению. В своем выступлении Я. Корнай предложил новую оригинальную классификацию моделей социалистической экономики, обобщил опыт венгерской реформы, высказал рекомендации по перестройке хозяйственного механизма КНР³. Возможность использовать идеи Я. Корнай в ходе экономической реформы в КНР заинтересовала научные круги. Уже в 1986—1987 гг. на китайский язык были переведены основные монографии Я. Корнай — «Экономика дефицита», «Экономический рост, дефицит и эффективность» (1982), «Противоречия и дилеммы» (1985), издан сборник статей «Дефицит и реформа»⁴. В центральной прессе, в специальных экономических журналах появились рецензии на книгу «Экономика дефицита», в Пекинском университете состоялось обсуждение фундаментального труда венгерского экономиста⁵. Были опубликованы многочис-

ленные статьи, посвященные отдельным аспектам теории Я. Корнай — трактовке причин хронического дефицита при социализме, критике теории общего экономического равновесия Л. Вальраса, классификации моделей социалистической экономики⁶.

В чем причины повышенного интереса китайских экономистов к идеям Я. Корнай? Какие положения его теории привлекли в КНР наибольшее внимание?

Интерес к идеям Я. Корнай в КНР был вызван потребностями как теоретического, так и практического характера, возникшими в ходе проведения реформы. Знакомство с теорией Я. Корнай состоялось тогда, когда от обсуждения отдельных проблем политэкономии социализма ученые КНР перешли к разработке целостной концепции развития социалистической экономики. Ведущими экономистами — Юй Гуаньюанем, Цзян Сюемо, Ли Инином и другими — были предприняты попытки системного изложения политической экономии⁷. В этих условиях концепция Я. Корнай, содержащая систематизированное исследование хозяйственного механизма социалистического общества, отвечала на запросы научной и теоретической мысли. Имело значение и то обстоятельство, что теория Я. Корнай носила не нормативный, а описательный характер: Я. Корнай видел свою задачу не в том, чтобы показать, как должна функционировать социалистическая экономика, а в теоретическом объяснении реальных экономических процессов⁸.

Наибольший интерес вызвало исследование Я. Корнай проблемы дефицита, решение которой пытались найти теоретики китайской реформы. О том, что для успешного осуществления реформы в КНР необходимо иметь «рынок покупателей», неоднократно писал вице-президент АОН Китая Лю Гогуан⁹. Характеризуя ситуацию в экономике страны, он указывал, что «в Китае продавцы могут не учитывать требований покупателей к качеству продукции и ее ассортименту:

подобно тому, как дочь императора может не беспокоиться о замужестве, они могут не волноваться, что их товар не купят»¹⁰. К проблеме дефицита обращались и другие ведущие ученые — Сюе Муцяо, Дун Фужэн, У Цзинлянь¹¹. Я. Корнаи одним из первых предпринял попытку проанализировать причины и механизм воспроизводства дефицита при социализме, поэтому его идеи приобрели для КНР особую актуальность.

Распространению идей Я. Корнаи способствовало углубленное изучение зарубежной экономической теории, в особенности взглядов Дж. М. Кейнса. На начальном этапе реформы некоторые ученые предлагали перейти к политике «дефицитного финансирования» по Кейнсу, утверждая, что небольшой бюджетный дефицит и инфляция могут стимулировать экономической рост¹². Однако большая часть исследователей выступила против. Оценивая кейнсианскую систему регулирования, Сюе Муцяо писал: «Рецепт Кейнса уже малоэффективен для Запада и тем более неприменим для нас»¹³. Аргументируя свою позицию, он указывал на принципиальное различие экономических трудностей капиталистических стран и Китая: в капиталистических странах они выражаются в превышении предложения над спросом, а в Китае — в превышении спроса над предложением. Вывод о непригодности для Китая теории Кейнса также обусловил поворот к концепции Я. Корнаи, который провел четкую грань между экономикой, ограниченной спросом, и экономикой, ограниченной ресурсами, и поставил во главу угла проблему превышения спроса над предложением, дефицита материальных благ при социализме.

Теорией Я. Корнаи в Китае заинтересовались еще и потому, что венгерский ученый поднял вопрос о моделях социалистической экономики, который с начала 80-х годов был острым дискуссионным. Разрабатывая концепцию экономического развития, соответствующую специфике страны, китайские исследователи обращались к изучению моделей социализма, выделенных О. Ланге, В. Брусом, О. Шиком, давали собственную классификацию моделей экономических систем¹⁴. Предложенный Я. Корнаи принцип классификации моделей в соответствии со способом функционирования хозяйственного механизма привлекал своей новизной. Глубокий анализ венгерской реформы, опыт которой внимательно изучался в КНР, ар-

гументированная критика командно-приказной системы, содержащаяся в сочинениях Я. Корнаи, также вызвали интерес у китайских экономистов. Ученым КНР импонировали мысли Я. Корнаи о противоречии между двумя системами ценностей — условиями эффективности и этическими принципами, — о необходимости поиска компромиссных решений. Проблема соотношения «выгоды» и «справедливости» имеет глубокие корни в конфуцианстве, она ставилась традиционной экономической наукой и на протяжении длительного времени обсуждалась ведущими учеными страны. Восприимчивость идей Я. Корнаи во многом способствовали его представления об экономике как живом организме, широкое использование аналогий между экономикой и медициной, привычных и понятных китайскому читателю. Сильное воздействие на читателя оказывал и стиль работ Корнаи. «У всех, кто живет в условиях традиционной социалистической экономики, при чтении произведений Корнаи возникает ощущение, будто им рассказывают дворцовые истории», — писал в предисловии к сборнику статей Я. Корнаи «Дефицит и реформа» Линь Цзинчжоу¹⁵.

Изучение взглядов венгерского экономиста в КНР прошло несколько этапов, на каждом из которых оценка идей Я. Корнаи была неразрывно связана с ходом реформы.

На начальном этапе знакомства китайских ученых с теорией Я. Корнаи (1985—1986) основное внимание было уделено изложению и разъяснению ключевых моментов его концепции. Важнейшим научным достижением Я. Корнаи признавался его вывод о существовании при социализме хронического дефицита. Была воспринята его критика в адрес тех ученых, которые объясняли дефицит низким уровнем развития производительных сил, просчетами в плановой работе, а в теоретических исследованиях исходили из того, что экономическая деятельность при социализме ведется в условиях сбалансированности. Высоко оценивался данный Я. Корнаи анализ причин дефицита, с помощью которого он показал, что патерналистские отношения между государством и предприятием, отсутствие у социалистического предприятия жестких бюджетных ограничений ведут к постоянному увеличению спроса предприятий на ресурсы, порождают хронический дефицит. Чрезвычайно плодотворной представлялась также мысль Я. Корнаи о том,

что в традиционной социалистической экономике решающую роль играют не ценовые сигналы, а прибыль, цены и другие экономические рычаги оказывают второстепенное влияние на поведение участников экономических процессов. В качестве теоретической новации рассматривался и тезис Я. Корнай, что в условиях централизованной плановой экономики стихийность не исчезает, а принимает форму «торговли по поводу плана» между предприятиями и вышестоящими органами¹⁶. Все эти принципиальные положения, выдвинутые Я. Корнай, считались в Китае «квинтэссенцией» его концепции¹⁷.

Особое значение, по мнению китайских исследователей, имел вывод Я. Корнай о необходимости проведения комплексной реформы. Ссылаясь на уроки реформы в Венгрии, он подчеркивал, что меры по преобразованию хозяйственного механизма следует проводить взаимосвязанно, что осуществление любой из этих мер в отрыве от остальных может оказаться рискованным. Поскольку в середине 80-х годов многие ученые КНР предлагали сосредоточить усилия на каком-либо одном из направлений реформы (одни выступали за первоочередное проведение реформы цен, другие — реформы собственности)¹⁸, идея о комплексной реформе была воспринята с интересом. Другой важный вывод Я. Корнай, вытекающий из опыта венгерской реформы, заключался в том, что отказ от принципов командной экономики, ослабление прямого административного контроля не означают автоматического усиления роли рынка, а ведут к замене прямого административного контроля косвенным. В соответствии с разработанной Я. Корнай классификацией моделей социалистической экономики современные экономические системы разделялись на 4 типа: 1А — прямое административное регулирование, 1В — косвенное административное регулирование, 2А — неконтролируемое рыночное регулирование, 2В — рыночное регулирование с контролем на макроуровне¹⁹. Я. Корнай показал, что в ходе реформы в Венгрии были проведены коренные преобразования командной системы (модели 1А), однако она была заменена не рыночным регулированием с контролем на макроуровне (моделью 2В), а косвенным административным регулированием (моделью 1В). В результате перехода к этой модели предприятия оказались в условиях двойной

зависимости — от бюрократии, с одной стороны, и от рынка, с другой. Используя классификацию Я. Корнай для анализа китайской ситуации, экономисты КНР обращали внимание на то, что в ходе реформы в Китае также наметилась тенденция к развитию в направлении модели 1В. Они указывали, что при переходе к этой модели в специфических условиях Китая, характеризующихся неразвитостью товарно-денежных отношений, пережитками феодализма, возникала реальная опасность дальнейшей бюрократизации управления экономикой, создавались широкие возможности для использования кадровыми работниками служебного положения в корыстных целях. Поэтому китайские экономисты предлагали серьезно изучить опыт Венгрии и обратить особое внимание на те негативные последствия, которые может иметь переход к косвенному административному регулированию в Китае²⁰.

Крайне важным представлялся ученым КНР и вывод Я. Корнай о неизбежности конфликта между требованиями повышения эффективности и этическими принципами социалистического хозяйствования. Опыт Венгрии, свидетельствовавший о появлении в ходе реформы новых социальных проблем, побуждал китайских ученых сосредоточить усилия на подготовке общественного сознания к возможным социальным последствиям радикальных преобразований, «не преувеличивать выгод реформы для людей, не обходить вопросов о цене, которую придется заплатить за реформу, и об ударе, который она нанесет по этическим принципам»²¹.

Вместе с тем уже на начальном этапе знакомства с идеями Я. Корнай в КНР отмечалось, что при анализе причин дефицита он не раскрыл связи между хроническим дефицитом и сложившимися в рамках традиционной системы отношениями собственности. Ограниченность его концепции китайские авторы видели и в том, что он обобщил опыт лишь европейских социалистических стран²². В рецензиях на «Экономику дефицита» обращалось внимание на «особую печать»²⁴, которую наложила китайская специфика на явление дефицита в экономике КНР, на невозможность найти в работах Я. Корнай «готовые ответы» на вопросы, поставленные китайской практикой²⁵. Однако следует отметить, что и сам Я. Корнай предлагал крайне осторожно относиться к использованию в условиях Китая опыта

европейских стран и указывал на недопустимость рассматривать его работы в качестве «поваренной книги», содержащей готовые рецепты»²⁶.

В 1985—1986 гг. китайские экономисты получили достаточно полное представление о теоретических воззрениях Я. Корнаи, проявив повышенный интерес к его концепции. Как писал впоследствии, характеризуя начальный этап знакомства с теорией Я. Корнаи, китайский исследователь Юань Чжиган. «в экономических кругах КНР вокруг идей Корнаи возник ажиотаж»²⁷.

Начиная с 1987 г. китайские экономисты, с одной стороны, предприняли попытку применить идеи Я. Корнаи для анализа ситуации в стране, с другой, вступили с ним в полемику по ряду вопросов. К теоретической концепции Я. Корнаи обращались участники дискуссии о выборе стратегии экономической реформы, которая развернулась в 1987 г. в КНР. Так, например, оценивая проводимые с конца 70-х годов меры по расширению прав предприятий, ведущие китайские ученые исходили из выдвинутой Я. Корнаи гипотезы об ограничениях. Влияние идей Я. Корнаи четко прослеживалось в рассуждениях известного экономиста У Цзинляня, который, по сути дела, развивал мысль Я. Корнаи о том, что в социалистической экономике единственным реальным ограничением, сдерживающим рост производства, является физическая нехватка ресурсов. У Цзинлянь показал, что у китайских предприятий отсутствовали жесткие ограничения по спросу и финансам, поэтому в результате расширения прав предприятия стали бороться между собой за дефицитные ресурсы. Это привело к негативным последствиям: возрос совокупный спрос, увеличилось давление на ресурсы, обострилась проблема дефицита. На основании проведенного анализа У Цзинлянь заключал, что курс на расширение прав предприятий не должен рассматриваться в качестве главного содержания реформы в КНР, и предлагал сосредоточить усилия на упорядочении экономических отношений, создании эффективного механизма размещения ресурсов²⁸. Гипотеза Я. Корнаи об ограничениях также нашла отражение в статьях другого известного экономиста Сунь Сяояна. Он попытался на китайском материале раскрыть тезис Я. Корнаи о том, что ограничения по спросу и финансам у социалистического предприятия в большинстве случаев носят

формальный характер и предприятие практически всегда может рассчитывать на помощь со стороны государства. Ученый прослеживал, как в ходе реформы в КНР государство предоставляло финансовую помощь плохо работающим предприятиям, в результате чего они оказывались в более выгодном положении, чем предприятия, работающие хорошо. Главный вывод, к которому пришел Сунь Сяоян, обобщая опыт реформы, состоял в том, что курс на расширение прав предприятий может иметь лишь ограниченный эффект²⁹. Таким образом, идеи Я. Корнаи были использованы для оценки проводимых в стране хозяйственных преобразований и нашли отражение в представлениях ученых КНР об основном содержании реформы. Воздействие теории Я. Корнаи прослеживалось также при обсуждении вопроса о способах осуществления реформы. Ссылаясь на его работы, китайские экономисты обосновывали необходимость проведения скоординированных между собой реформ в различных областях³⁰. Кроме того, ученые КНР часто обращались к разработанной Я. Корнаи классификации моделей экономических систем и высказывали опасения по поводу развития китайской экономики в направлении модели косвенного административного регулирования³¹.

Среди статей, содержащих критику отдельных теоретических положений Я. Корнаи, особый интерес представляет статья известного экономиста Ху Жуиня «О причинах дефицита». Признавая, что «Корнаи был первым в Восточной Европе и в мире экономистом, который подошел к раскрытию тайны дефицита с точки зрения механизма функционирования экономики, а не с точки зрения идеологических представлений и концепций»³², он в то же время находил в теории Я. Корнаи серьезные недостатки. Самым уязвимым местом его концепции Ху Жуинь считал вывод о том, что главная причина дефицита при социализме связана с избыточным спросом. По мнению Ху Жуиня, основной источник хронического дефицита в социалистической экономике следовало искать в сфере предложения. Аргументируя свою позицию, Ху Жуинь ссылаясь на опыт преобразований в сельском хозяйстве Китая в конце 70-х — начале 80-х годов, которые позволили повысить производственную активность крестьянства, увеличить предложение сельскохозяйственной продукции и тем самым способствовали решению проблемы дефицита³³. В статье Ху Жуиня

уже достаточно четко прослеживалась мысль о том, что, анализируя факторы, порождающие хронический дефицит при социализме, необходимо «высветить причины дефицита, лежащие на более глубоких уровнях экономической системы»³⁴.

В отличие от Ху Жуиня, который писал об отдельных недостатках теории Я. Корнаи, Чжу Цзямин считал спорными многие ее утверждения. Острой критике был подвергнут тезис Я. Корнаи о дефиците как «нормальном состоянии» социалистической экономики. По мнению Чжу Цзямина, при использовании этого понятия создается впечатление, что дефицит «дарован социалистическому строю верховным властью», что «при социализме дефицит нельзя ликвидировать»³⁵. Он считал непоследовательной гипотезу Я. Корнаи об ограничениях, указывая на недостаточный анализ процессов в сфере предложения, критиковал Я. Корнаи за недооценку значения ценовых факторов, за преувеличение роли этических принципов, признавал ограниченность применяемого Я. Корнаи метода исследования, указывал на описательный характер его теории³⁶. Другими словами, многое в концепции Я. Корнаи, что ранее виделось достоинством, стало рассматриваться как недостаток.

На наш взгляд, не со всеми критическими замечаниями Чжу Цзямина в адрес Я. Корнаи можно согласиться. Представляются недостаточно аргументированными утверждения о том, что Я. Корнаи полностью отрицает возможность решить проблему дефицита при социализме, что гипотеза об ограничениях отличается непоследовательностью. Изменения в оценках Я. Корнаи в ходе реформы свидетельствовали о появлении нового подхода к изучению его теории. Как подчеркивали сами китайские ученые, «в экономических кругах КНР наметилась тенденция к переходу от «ажитожа вокруг Корнаи», характерного для предшествующего периода, к трезвым размышлениям, от начального этапа перевода и ознакомления к углубленным исследованиям»³⁷.

Критика идей Я. Корнаи получила дальнейшее развитие в ходе третьего этапа (1988—1990). Характерная его особенность состоит в том, что ученые КНР начали противопоставлять концепцию Я. Корнаи взглядам ведущих китайских экономистов, доказывая преимущества последних. Яркий пример такого противопоставления содержится в опубликованной в 1988 г. в журнале «Цзинцзи

кэсюе» статье Хань Вэньсю, Лю Сяодуна и Чжао Цзиньпина «Сравнительное исследование «Экономики дефицита» Корнаи и «Политической экономики социализма» Ли Инина»³⁸. По мнению ее авторов, имелось четыре основных различия между работами Я. Корнаи и Ли Инина. Во-первых, Я. Корнаи проводил исследование только на уровне предприятия, а Ли Инин анализировал функционирование экономики в целом, хозяйственную деятельность предприятий и экономическое поведение отдельного человека. Во-вторых, Я. Корнаи описывал дореформенный хозяйственный механизм, а Ли Инин создал «конструктивное произведение» о послереформенной социалистической экономике³⁹. В-третьих, анализируя причины дефицита, Я. Корнаи искал их в области спроса, а Ли Инин уделил основное внимание изучению процессов в сфере предложения. В-четвертых, «Экономика дефицита» была написана как обобщение опыта реформ в странах Восточной Европы, а книга Ли Инина учитывала специфику Китая. «Очевидными недостатками» работы Я. Корнаи признавалось и то, что в ней не говорилось о социалистической товарной экономике, не исследовались проблемы собственности: «Реформа, направляемая такой теорией, не может стимулировать разработку концепции социалистического товарного хозяйства, не может затронуть старой системы собственности, а потому неизбежно будет половинчатой»⁴⁰. Они пришли к выводу, что работа Я. Корнаи не может рассматриваться как исчерпывающее исследование экономики социалистических стран, что «Восточная Европа не дает представления о социалистической системе в целом», поэтому «необходимо переосмыслить то увлечение идеями Корнаи, которое возникло после 1984 г.»⁴¹. Ссылаясь на специфические особенности Китая — отсутствие жестких ограничений по некоторым видам ресурсов, своеобразие отраслевой структуры и системы хозяйствования, — авторы статьи заключали, что многие положения концепции Я. Корнаи неприменимы для Китая⁴².

Преимуществом собственно китайских теорий посвящена также статья Ду Хуэя, который сопоставил предложенные Я. Корнаи и Лю Гогуаном классификации моделей социалистической экономики. По мнению Ду Хуэя, классификация Я. Корнаи является теоретической абстракцией, а модели Лю Гогуана («военный коммунизм», «традиционная

система централизованного планирования», «улучшенная система централизованного планирования», «плановое хозяйство с рыночным регулированием», «рыночная социалистическая экономика») построены с учетом исторического опыта и более приближены к китайской действительности⁴³.

Критика концепции Я. Корнаи получила дальнейшее развитие в серии статей молодых авторитетных ученых Хуа Шэна, Чжан Сюэцзюня и Ло Сяопэна «Десять лет китайской реформы: ретроспектива, осмысление и перспектива»⁴⁴. Признавая, что идеи Я. Корнаи «на начальном этапе реформы в КНР были теоретической пищей для китайских экономистов»⁴⁵, они усматривали ограниченность его концепции в том, что международная собственность рассматривалась Я. Корнаи в качестве «заранее определенной теоретической предпосылки»⁴⁶ и вопрос о правах собственности не был затронут. А как считали эти ученые, именно нерешенность проблемы прав собственности, их подмена должностными правами являлись главной причиной кризиса экономических реформ в социалистических странах⁴⁷.

Следует отметить, что разработанная Хуа Шэном «теория должностных прав» также противопоставлялась концепции Я. Корнаи. «Раньше описание социализма содержалось, пожалуй, только в «Экономике дефицита» Яноша Корнаи.— писала «Жэньминь жибао».— На десятом году китайской реформы Хуа Шэн и его коллеги Чжан Сюэцзюнь и Ло Сяопэн указали, что традиционный социализм — это экономика должностных прав... Некоторые считают, что проведенный ими анализ системы прав, возможно, более глубок, чем описание явления дефицита»⁴⁸. Критика Хуа Шэном командно-административной системы представлялась многим китайским рецензентам более основательной, чем содержащаяся в работах Я. Корнаи.

Несмотря на то что Хуа Шэн, Чжан Сюэцзюнь и Ло Сяопэн критиковали Я. Корнаи, многие идеи венгерского экономиста нашли отражение в их «теории должностных прав». Гипотеза Я. Корнаи об ограничениях и разработанная Р. Коузом теория прав собственности явились важнейшими источниками их воззрений. Однако при изложении «теории должностных прав» ее создатели практически не упоминали о концепции Я. Корнаи, поскольку многие ее положения уже адаптировались на китайской почве и вос-

принимались как составная часть китайской экономической науки. В этом, на наш взгляд, заключалась особенность третьего этапа распространения в КНР идей Я. Корнаи — они продолжали оказывать влияние на разработку экономических теорий, однако на авторитет Я. Корнаи в Китае уже не ссылались. Число публикаций о Я. Корнаи значительно сократилось, усилилась пропаганда собственных экономических концепций.

Проблемы дефицита, несправедливого распределения доходов, бюрократизации, инфляции, поднятые в работах Я. Корнаи, являлись реальными проблемами, с которыми столкнулось китайское общество в 80-е годы. В связи с тем, что Я. Корнаи одним из первых предпринял попытку их систематизированного исследования, его теория приобрела для китайских экономистов особую ценность. Идеи Я. Корнаи оказали влияние на характер предложений по перестройке хозяйственного механизма, выдвигаемых учеными КНР, и были использованы для корректировки концепции реформы, исходя из новых представлений о природе дефицита и способах его устранения.

Идеи Я. Корнаи критически осмысливались в КНР. Учеными были отмечены некоторые слабые стороны его теории: рассмотрение лишь предельно централизованной системы управления, а не после-реформенного хозяйственного механизма, неоправданное распространение явлений, связанных с хозяйствованием на микроуровне, на функционирование социалистического способа производства, отсутствие необходимого внимания к разработке проблем собственности и четких политических рекомендаций. Эти критические замечания китайских исследователей были, на наш взгляд, справедливы и совпадали с оценкой теории Я. Корнаи, содержащейся в работах ученых других стран — известного английского экономиста А. Ноува⁴⁹, польского ученого В. Заставного⁵⁰.

Знакомство с работами ученых КНР позволило проследить эволюцию их взглядов на теорию Я. Корнаи. В 1985—1986 гг. концепция Я. Корнаи получила в КНР известность, ею заинтересовались ведущие теоретики китайской реформы. Уже в 1987 г. идеи Я. Корнаи стали широко использоваться для анализа ситуации в экономике страны и учитываться при разработке концепции реформы. Хорошее знание работ Я. Корнаи проявили Дун Фужэн, У Цзинлянь, Чжао Жэньвэй и другие

известные экономисты, которые восприняли и развили важнейшие идеи венгерского ученого о причинах дефицита при социализме, о путях преобразования административно-командной системы, о побочном эффекте реформы⁵¹. В этот же период в КНР начало формироваться критическое отношение к отдельным утверждениям Я. Корнаи, стала проводиться мысль об их несоответствии специфическим условиям Китая. В 1988—1990 гг. предпочтение уже отдавалось концепциям, которые были разработаны самими китайскими исследователями с учетом специфики страны. Однако идеи Я. Корнаи по-прежнему являются важнейшим теоретическим источником экономических воззрений ученых КНР. Они были восприняты и приспособлены к китайской действительности. Об этом свидетельствует не только логика рассуждений китайских экономистов, но и используемая ими терминология — новые категории и понятия, такие, как «нежесткое бюджетное ограничение», «патернализм», «торговля по поводу плана», «косвенное бюрократическое регулирование», введенные Я. Корнаи в научный оборот, стали составной частью категориального аппарата китайской экономической науки.

¹ Я. Корнаи. Дефицит.— М., 1990.

² См.: Дуаньцзюе юй гайгэ.— Харбин, 1987.— С. 1—57.

³ См. там же.— С. 166—204; Жэньминь жибао.— 1985.— 27, 30 декабря.

⁴ Кээрнэй. Дуаньцзюе цзинцзисюе.— Пекин, 1986; Кээрнэй. Чэньчжан, дуаньцзюе юй сяюлюй.— Чэнду, 1986; Кээрнэй. Маодунь юй куныцин.— Пекин, 1986; Дуаньцзюе юй гайгэ.— Харбин, 1987.

⁵ Жэньминь жибао.— 1987.— 9 февраля; Гуанмин жибао.— 1987.— 14 февраля; Цзинцизи яньцзю.— 1986.— № 9.— С. 24—32.

⁶ Цзинцизи яньцзю.— 1987.— № 4.— С. 21—30; № 7.— С. 28—34; № 10.— С. 49—56; 1988.— № 1.— С. 61—66; Цзинцзисюе вэньчжай.— 1988.— № 6.— С. 71—72.

⁷ См.: Шэхуйчжунь чжэнчжи цзинцзисюе лидунь тиси цинцинь.— Ханчжоу, 1986.

⁸ Я. Корнаи. Указ. соч.— С. 41.

⁹ Цзинцизи яньцзю.— 1980.— № 10.— С. 5; Жэньминь жибао.— 1983.— 23 сентября; 1986.— 15 сентября.

¹⁰ Цзинцизи яньцзю.— 1980.— № 10.— С. 5.

¹¹ Сюе Му цяо. Чжунго гоминь цзинцизи тьяочжэн хэ гайгэ.— Пекин, 1982.— С. 76—84; Жэньминь жибао.— 1986.— 10 октября и др.

¹² Хунци.— 1981.— № 6.— С. 2—7.

¹³ Там же.— С. 5.

¹⁴ См.: Цзинцизи яньцзю.— 1988.— № 7.— С. 53—56; Цзинцзисюе вэньчжай.— 1988.— № 6.— С. 71—72.

¹⁵ Дуаньцзюе юй гайгэ.— С. 3.

¹⁶ Цзинцизи яньцзю.— 1986.— № 9.— С. 24—27.

¹⁷ Там же.— С. 24.

¹⁸ См.: Цзинцизи яньцзю.— 1987.— № 2.— С. 5—6.

¹⁹ См.: Дуаньцзюе юй гайгэ.— С. 168—170.

²⁰ Цзинцизи яньцзю.— 1987.— № 2.— С. 9—10; № 4.— С. 25—29.

²¹ Там же.— 1986.— № 9.— С. 30.

²² Там же.— С. 31.

²³ Там же.

²⁴ Гуанмин жибао.— 1987.— 14 февраля.

²⁵ Жэньминь жибао.— 1987.— 9 февраля.

²⁶ Дуаньцзюе юй гайгэ.— С. 167.

²⁷ Цзинцизи яньцзю.— 1988.— № 1.— С. 61.

²⁸ Там же.— 1987.— № 2.— С. 3—4.

²⁹ Гуанмин жибао.— 1987.— 3 января.

³⁰ Там же; Цзинцизи яньцзю.— 1987.— № 2.— С. 4—6.

³¹ Цзинцизи яньцзю.— 1987.— № 4.— С. 26—29.

³² Там же.— № 7.— С. 28.

³³ Там же.— С. 30.

³⁴ Там же.— С. 33.

³⁵ Цзинцизи яньцзю.— 1987.— № 10.— С. 52.

³⁶ Там же.— С. 52—55.

³⁷ Там же.— 1988.— № 1.— С. 61.

³⁸ Цзинцизи кэсюе.— 1988.— № 1.— С. 34—42.

³⁹ Там же.— С. 34—35.

⁴⁰ Там же.— С. 38.

⁴¹ Там же.— С. 41.

⁴² Там же.

⁴³ Цзинцизи яньцзю.— 1988.— № 7.— С. 54.

⁴⁴ Там же.— № 9.— С. 13—37; № 11.— С. 11—30; № 12.— С. 10—29.

⁴⁵ Там же.— № 11.— С. 21.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Жэньминь жибао.— 1989.— 9 января.

⁴⁹ См.: Цзинцизи кэсюе.— 1988.— № 1.— С. 39.

⁵⁰ Misl Marksistowska.— 1987.— № 2.— С. 16—17.

⁵¹ См.: Цзинцизи яньцзю.— 1987.— № 2.— С. 5—15; 1988.— № 7.— С. 37—44; 1989.— № 4.— С. 3—17 и др.

К. КУППЕНС

Сообщение о визите в Японию Президента СССР М. С. Горбачева вызвало повышенный интерес мировой общественности ко всему комплексу советско-японских отношений, в том числе к их территориальному аспекту, неопределенность которого, по мнению японской стороны, является серьезным и, по сути дела, единственным препятствием для заключения мирного договора между нашими странами.

Голландский ученый Кон Куппенс провел детальный анализ истории русско-, а затем и советско-японских отношений, начиная с подписанного в Симода Е. В. Пугачиним Русско-японского договора о дружбе (7 февраля 1855 г.) до Сан-Францисского мирного договора, заключенного 8 сентября 1951 г. уже без советского участия, а также рассматривает последние заявления советских и японских официальных лиц о возможности подписания мирного договора.

Можно соглашаться или оспаривать мнение голландского ученого о первопричинах возникновения территориального вопроса и степени ответственности каждой из сторон за его нерешенность до сегодняшних дней. Главное не в этом. Исследование направлено не на поиски виновного, его цель — помочь отыскать приемлемые пути решения застарелой проблемы, и в этом его особенная ценность и актуальность для происходящих сейчас в советско-японских отношениях процессов.

Вот выводы, которые делает Кон Куппенс на основании проведенного исторического анализа:

Первое — наиболее вероятная причина возникновения этой (территориальной.— *Ред.*) проблемы заключается в оккупации Россией Южных Курил на основе решений Ялтинской конференции.

Второе — эту оккупацию можно рассматривать как следствие агрессивной политики Японии в 1905 г. Эти два события взаимосвязаны. Таким образом, оккупацию Японией Южного Сахалина можно рассматривать в качестве главной причины этого конфликта.

Анализ всей ситуации приводит также к выводу, что военные методы решения проблемы не в состоянии обеспечить постоянный мир до тех пор, пока они не согласуются с критериями международной социальной справедливости. Любой анализ, ограничивающий возникновение этого конфликта только Ялтинской конференцией, представляет собой отход от исторических реальностей.

Моя аргументация не выдержала бы критики, если б Россия приобрела Курильские острова в обмен на другие территории. Здесь мы видим другое.

Территориальные изменения 1905 и 1945 годов не могут быть оправданы на основе принципов международного права. Первоначальные притязания остаются, по- существу, прежними. Это делает необходимым восстановление прежнего статус-кво. Другими словами, ситуация в основе своей идентична 1875 году, когда Россия приобрела весь Сахалин, а Япония — Курильский архипелаг полностью. Это обстоятельство, конечно, указывает на наличие суверенитета Японии над спорными островами.

Анализ причин этого конфликта — первый необходимый шаг. Такой анализ обеспечивает нам социально-психологические рамки, в которых может быть найдено решение. Поскольку, по моему мнению, притязания Японии оправданы, любое решение проблем должно базироваться на этой предпосылке.

Кон Куппенс, р. 1931, специалист по социально-экономическим проблемам развивающихся стран, 7 лет жил в Японии, где изучал общественную историю страны, в настоящее время проживает в Амстердаме.

На короткое время следует поставить приоритетную задачу: ликвидировать существующее эмоциональное напряжение. Нынешняя напряженность усугубляется ожидаемым визитом Президента Горбачева в Японию в 1991 г. (работа написана летом 1990 г.— Ред.). Было бы нереалистичным рассчитывать на определенное решение проблемы за такой короткий срок. Его визит можно было бы назвать успешным, если бы результатом его стали взаимное уважение и возрождение уверенности в будущем решении проблемы.

При чисто рациональном подходе к проблеме Курильских островов ее несложно проанализировать и нетрудно решить. Для меня это настолько очевидно, что я сомневаюсь в существовании какого-либо философа-юриста, придерживающегося нейтральных взглядов, который бы пожелал рисковать своей репутацией, защищая позицию России. Однако русские должны преодолеть массу препятствий, чтобы прийти к этому заключению.

Эта проблема возбуждает схожие чувства антагонизма и недоверия как у японцев, так и у русских. Эмоции препятствуют рациональному подходу к проблеме. Одним из путей, способных улучшить создавшуюся ситуацию, могло бы стать содействие установлению различного рода личных контактов между гражданами обеих стран.

В этом анализе я ограничился двусторонними отношениями между Японией и Россией. Однако, если взглянуть на проблему со многих других сторон, нежелание России вернуть Южные Курилы кажется оправданным.

В 1945 г. Иосиф Сталин отправился в Ялту, поставив перед собой задачу достичь в своей восточноазиатской политике трех важных политических целей. Он хотел усилить свои позиции в Южной Маньчжурии. Он также имел намерение вернуть Южный Сахалин и аннексировать весь Курильский архипелаг. Руководствуясь историческими соображениями, Черчилль и Рузвельт одобрили план Сталина оккупировать Южный Сахалин. Они не препятствовали политике Сталина в отношении Курильских островов. В конце концов, это было единственным вознаграждением, полученным Сталиным за участие в войне против Японии. Если рассматривать эту проблему многосторонне, не будет удивительно, что Россия так упорно держится за Курилы. Тем не менее двустороннее обязательство России вернуть Курилы Японии (С.-Петербургский договор, 7 июля 1875 г.— Ред.) перевешивает ее притязания на право владеть островами, основанные на многосторонних контактах.

Хотя все эти юридические и философские принципы ясны, было бы довольно наивно делать вывод, что они представляют собой основу, достаточную для решения проблемы. Мы унаследовали от наших предков мир, в котором политика часто превалирует над справедливостью и дружеским расположением.

В тот самый день, когда Япония подписала Сан-Францисский мирный договор (8 сентября 1951 года), она вступила в военный союз с Соединенными Штатами, заключив с ними договор об обеспечении безопасности. Это дало Соединенным Штатам основание для оправдания продолжающегося военного присутствия в Японии. Последствием этого было также использование Японией в качестве бастиона против коммунистических стран.

В результате подобной стратегии Россия была вынуждена продолжать политику «холодной войны». Таким образом, обладание Южными Курилами приобрело для нее стратегически важное значение. Эти острова близки к Японии и образуют как бы ворота в Охотское море.

Если Япония станет демилитаризованной нейтральной страной, стратегическая ценность Южных Курил для русских соответственно уменьшится. Это обстоятельство облегчит возвращение островов Японии.

В нынешний период «гласности» и «перестройки» подспудные тенденции в Восточной Европе вышли на поверхность. Россия столкнулась с проблемой различных народов, желающих вновь обрести национальную независимость. До сих пор это движение ограничено главным образом западной частью Советского Союза. Готов ли Советский Союз к тому, чтобы приспособить к изменившимся обстоятельствам и свою дальневосточную границу с Японией? В любом случае именно таким должен быть неизбежный результат нынешней политики.

Список альтернатив «третьего пути»

1. Японский выбор

Эта альтернатива ясно изложена профессором Хирочи Кимура в «Джапан таймс» 20 января 1990 г.

Он предлагает, чтобы Япония пересмотрела свою позицию немедленного возвращения четырех островов без какой-либо компенсации. Х. Кимура пишет: «Если, однако, возвра-

шение всех четырех островов может быть гарантировано в мирном договоре между Японией и СССР, для Японии возможен компромисс в отношении других пунктов. Например, если ясно указана дата возвращения четырех островов, то для Японии нет необходимости настаивать на «немедленном» возвращении. Японии также не следует настаивать на возвращении всех четырех островов в одно и то же время. Для нее следует считать приемлемым, к примеру, немедленное возвращение двух островов и возвращение остальных двух несколько позже, предположим в 1999 году».

Относительно проблемы компенсации он замечает: «Если Япония получит заверения в возвращении всех четырех островов, то в таком случае она могла бы рассмотреть вопрос о компенсации за вывод с островов военного и гражданского персонала, вывоз оборудования и/или вопрос об экономическом содействии в развитии Сибири и советского Дальнего Востока».

2. Пакетная сделка

Россия могла бы в течение короткого периода времени признать остаточный суверенитет Японии и дать обязательство вернуть острова немедленно, после того как Япония станет демилитаризованным государством. Вопросы передачи островов и другие связанные с этим проблемы меньшей значимости могли бы регулироваться мирным договором.

3. Международное содействие

Если обе страны не могут решить эту проблему в результате исторических и эмоциональных препятствий, может оказаться разумным обратиться за международным содействием. Одним возможным вариантом могло бы стать образование международного комитета советников с целью выработки взаимоприемлемых рекомендаций.

Другим возможным вариантом могло бы стать обращение в международный суд в Гааге для арбитража или принятия юридического решения.

Экономика и безопасность

Интервью Полномочного министра, советника Посольства МНР в СССР Ж. Энхсайхана

Проблемы Дальнего Востока: В Монголии, как и в Советском Союзе, в странах Восточной Европы происходят глубокие социально-политические изменения. В некоторых отношениях вы «опережаете» нас. Так, Монголия менее мучительно перешла на многопартийную систему, в условиях многопартийности были проведены выборы как в высший законодательный орган страны — Великий народный хурал МНР, так и в местные хуралы. Новое монгольское правительство, образованное после выборов, является коалиционным и имеет довольно широкую поддержку различных партий и населения.

В стране осуществляется переход от системы жесткого централизованного планирования к рыночной экономике. Идет подготовка новой Конституции МНР, которая должна отразить и закрепить происходящие в обществе изменения. Немало изменений происходит и во внешней политике страны. Так, пересматривается политика ориентации на одно государство, расширяется география внешней политики, проводится открытая экономическая политика. В скором времени Монголия намеревается вступить в движение неприсоединения. Одной из особенностей изменений во внешней политике Монголии является пересмотр концепции национальной безопасности: объявлен курс на укрепление политических гарантий ее обеспечения. В связи с этим, естественно, возникает немало вопросов. Например, чем вызвано изменение курса МНР, означает ли это, что будут меняться союзнические отношения Монголии с СССР?

Ж. Энхсайхан: Внешняя политика любого государства определяется как требованиями

внутренней политики, так и внешними факторами. Сегодня процесс переоценки внешней политики охватил многие страны. Это стало велением времени. Так, Советский Союз успешно проводит политику нового политического мышления. Изменения происходят и во внешней политике многих европейских государств, США, некоторых стран АТР.

Кроме того, с окончанием «холодной войны», подписанием Парижской хартии, договора о сокращении вооруженных сил в Европе и совместной декларации 22-х государств, в Европе положена солидная основа новой структуры международных отношений. Что касается Азии, то положение здесь не однозначное. Наглая агрессия Ирака против Кувейта обострила ситуацию в районе Персидского залива. Тем не менее несмотря на это, в общем и целом в Азии, включая ее северо-восточную часть, происходят позитивные изменения, хотя и не таких масштабов, как в Европе. Так, полностью нормализованы советско-китайские отношения. В начале августа 1990 г. в Иркутске СССР и США объявили, что не рассматривают более друг друга в качестве военных противников в Азии. Позитивные сдвиги наблюдаются на Корейском полуострове. Появляется возможность сокращения военного противостояния и военного присутствия на чужих территориях. Обнадеживающие тенденции наблюдаются в деле урегулирования камбоджийской проблемы. В Азии большие надежды возлагают на предстоящий визит М. С. Горбачева в Японию. Все эти сдвиги и изменения создают предпосылки для перестройки структуры «холодной войны» в надежную структуру региональной безопасности.

С полной нормализацией монголо-китайских отношений и выводом советских войск с территории МНР создается качественно новая политическая и стратегическая ситуация для Монголии. В этих условиях она пересматривает свою внешнюю политику, отказывается от идеологизированной политики. Монголия начинает проводить политику, основанную на общечеловеческих ценностях и одновременно отвечающую коренным национальным интересам монгольского народа. Она считает необходимым принимать активное участие в обсуждении и создании новой системы региональной безопасности с тем, чтобы ее безопасность, которая должна быть обеспечена преимущественно политическими средствами, могла быть органически «вмонтирована» в эту будущую систему. Мы исходим из того, что стране необходимо проводить политику добрососедства и всестороннего сотрудничества с обоими соседями, а не союза с одним в ущерб другому, как это было до сих пор, что противоречило в конечном счете интересам всех трех стран. Поэтому одним из главных направлений внешнеполитического курса Монголии становится политика неприсоединения, прежде всего к блокам и военным союзам великих держав и тем более к их конфликтам. Кроме того, Монголия объявила о неприемлемости размещения ядерного оружия и иностранного военного присутствия на своей территории. Эти три важные новации в политике страны преследуют цель содействовать укреплению доверия и предсказуемости развития международных отношений в субрегионе.

ПДВ: Опасность бывает конкретной. Поэтому хотелось бы спросить, от какой угрозы Монголия намеревается защитить себя?

Ж. Э.: Государства, будь то большие или малые, всегда особое внимание уделяют вопросу обеспечения своей безопасности. С этой целью создавались военно-политические союзы, размещались на территории других стран военные базы или объекты и т. д. Если посмотреть, например, на внешнюю политику Советского Союза, то можно проследить, что он всегда руководствовался стремлением укрепить свою безопасность, естественно, так, как он ее в тот или иной конкретный момент понимал.

Для обеспечения безопасности не обязательно, чтобы у государства был определенный враг, источник опасности. Сегодня в Советском Союзе широко обсуждается вопрос об обеспечении национальной безопасности в новых условиях, в условиях, когда явной внешней опасности нет. При этом Советский Союз исходит из того, что нет полной гарантии, что международные отношения будут постоянно развиваться только благоприятно. Что касается Монголии, то на сегодняшний день явной угрозы ее суверенитету, территориальной целостности и неприкосновенности границ также нет. В этих условиях страна должна правильно определить свое место и роль в новой структуре региональной безопасности. Как показывает история, угроза миру и безопасности может простекать из развития внутренней ситуации в государстве, явиться следствием

обострения социально-экономического, политического, национально-этнического, демографического или даже экологического положения в определенной стране. Неразрешенные межгосударственные проблемы тоже являются потенциальными источниками конфликта. А их тоже немало. Но дело не только в этом. Как я уже говорил, сегодня открывается возможность перестроить все еще существующую структуру военного противостояния и «холодной войны» в нашем регионе. Поэтому государства должны использовать открывающуюся благоприятную возможность для укрепления позитивных тенденций в международных отношениях и создания новой структуры региональной безопасности, основанной на доверии и учете интересов всех государств. Нельзя упустить эту возможность. Именно исходя из этого в августе 1989 г. Монголия выдвинула идею создания механизма диалога и сотрудничества в северовосточной части АТР.

Монголия хорошо понимает, что хотя она и не является мощной в военном отношении державой, тем не менее от ее политики в определенной степени зависит стабильность в одном из стратегически важных районов региона — Центральной Азии.

ПДВ: Что же не устраивало страну в существовавшем в 60-х — 80-х годах механизме обеспечения безопасности МНР? Выходит, что механизм, основанный на четком обязательстве крупной соседней державы обеспечить территориальную целостность Монголии, сегодня не является приемлемым?

Ж.Э.: Военно-политический союз Монголии с Советским Союзом, укрепляя неприкосновенность ее государственной границы с Китаем, отвечал интересам безопасности как Монголии, так и СССР. Вместе с тем этот союз, особенно ввод советских войск в Монголию и размещение их определенной части вдоль границы с Китаем, содействовали созданию военного противостояния на монгольско-китайской границе. В результате заключения союза с СССР Монголия была вовлечена сперва в идеологический, а потом и в политический конфликт между Советским Союзом и Китаем. Получилось так, что вместо того, чтобы содействовать укреплению взаимопонимания и доверия между двумя соседями, Монголия, принимая активное участие в конфликте на стороне одной из стран, в какой-то мере содействовала его обострению. Такой союз не отвечал коренным интересам как МНР и СССР, так и интересам региональной безопасности. Как показала жизнь, не ущемление интересов безопасности страны, но их учет, не баланс сил, но баланс интересов отвечают коренным интересам сторон, содействуют укреплению стабильности и доверия.

ПДВ: В чем состоит суть новой политики обеспечения безопасности?

Ж. Э.: Монголия считает, что следует делать больший упор на расширении политико-правовых средств укрепления безопасности, на обеспечении баланса интересов государств на субрегиональном и региональном уровнях. Укрепление безопасности тесно связано и прямо зависит от гарантий со стороны СССР и КНР, которые должны касаться суверенитета Монголии, ее территориальной целостности и неприкосновенности границ, экономической и экологической безопасности. Для обеспечения собственных интересов и принимая во внимание интересы безопасности своих соседей, Монголия вносит существенные изменения в свою внешнюю политику, о чем я уже выше упомянул. Со своей стороны мы ожидаем понимания и встречных шагов наших соседей.

ПДВ: Как Вы смотрите на то, чтобы СССР и КНР совместно гарантировали безопасность Монголии?

Ж. Э.: Мне кажется, что СССР и Китай могли бы дать гарантии безопасности нашей страны на двусторонней основе, то есть посредством существенного обновления действующих договоров о дружбе и сотрудничестве с Монголией. Для обеспечения нашей безопасности уже существует хорошая политическая предпосылка. Дело в том, что в мае 1989 г. стороны заявили, что не будут прибегать к силе или угрозе применения силы в отношении друг друга в какой бы то ни было форме, в том числе путем использова-

ния территории, территориальных вод и воздушного пространства третьих стран, сопредельных с другой стороной. Такой страной, естественно, является и Монголия. Поэтому в монгольско-советском и монгольско-китайском договорах наша страна могла бы взять на себя обязательство не предоставлять свою территорию или ее воздушное пространство другой стране в целях, угрожающих безопасности третьей страны, и заявить, что иностранные войска могут быть введены в Монголию по просьбе ее правительства лишь в соответствии со статьей 51-й Устава ООН о коллективной самообороне. Естественно, что эти «негативные» гарантии должны постоянно подкрепляться активными позитивными действиями сторон, включая проведение постоянных консультаций и предоставление взаимной информации. В случае возникновения ситуации, которая может дать повод для беспокойности одной стороны, стороны должны будут немедленно вступить в контакт на надлежащем уровне с тем, чтобы устранить повод или причины беспокойности. В случае, если опасения стороны не будут устранены, то эта сторона, в соответствии с Уставом ООН, может обратиться или к региональному механизму (если такой будет действовать в Северо-Восточной Азии) или в соответствующие органы ООН или к любой третьей стороне, включая соседнюю страну, в зависимости от ситуации.

Укреплению безопасности всех трех стран содействовало бы договорно-правовое оформление советско-китайского заявления о неиспользовании территории или воздушного пространства сопредельной страны против другой страны. Такая договоренность могла бы быть подкреплена конкретными мерами по контролю и инспекции. Эти три двусторонних договора могли бы составить прочную правовую основу стабильности и безопасности государств. Поэтому я считаю, что такой конкретный, но вместе с тем гибкий механизм мог бы стать органической составной частью более широкого регионального механизма.

Что касается совместной гарантии, которую стороны могут дать Монголии в трехстороннем договоре, то мне кажется, что при наличии двусторонних договоров такая гарантия была бы излишней. Совместная гарантия замыкала бы круг гарантий. То есть, если до сих пор нашу безопасность гарантировало одно государство, то теперь безопасность ставилась бы в зависимость от двух государств. Тем самым гарантия не была бы органично связана ни с региональной безопасностью, ни с международной. Кроме того, сама форма такой гарантии вряд ли была бы приемлемой для монголов, ибо она напоминала бы им Кяхтинское соглашение 1915 г., которое было навязано Монголии и которое было односторонне нарушено одной из сторон при первом же нарушении баланса сил.

ПДВ: *Как известно, в монгольской прессе обсуждался вопрос объявления постоянного нейтралитета. Как Вы смотрите на это?*

Ж. Э.: Этот вопрос не нов. Возможность нейтралитета обсуждалась еще в середине 20-х годов, после победы народной революции. Сегодня он поднимается и обсуждается в новых условиях. Если в отношении политики неприсоединения правительство уже приняло принципиальное решение, то по вопросу о нейтралитете такого решения нет. И это естественно, ибо для проведения политики постоянного нейтралитета потребуется определенная подготовка, необходимы гарантии со стороны великих держав, следует тщательно взвесить последствия такого шага. Потребуется и определенная материальная база, то есть сравнительная экономическая независимость для проведения такой политики. Вообще для укрепления экономической основы безопасности следует сделать еще немало.

ПДВ: *Что Вы имеете в виду?*

Ж. Э.: Монголия является внутриконтинентальной страной, то есть страной, которая не имеет выхода к морю. Для развития торгово-экономических отношений с другими странами, помимо двух соседей, для большей диверсификации этих отношений Монголии необходимо закрепить свое право на беспрепятственный доступ к морю, признанный современным международным правом. Без закрепления и конкретизации этого права в двусторонних договорах и соглашениях с соседями Монголия будет находиться в зависимом от состояния двусторонних отношений положении. А это подорвет не только нашу экономическую, но и политическую самостоятельность. Со своей стороны Монголия могла бы дать гарантии, что ее воздушное пространство, равно как и территория (прежде всего железнодорожная магистраль) могут быть использованы для транзитного следования людей и товаров в обе стороны.

В условиях возрастания торгово-экономических отношений между Европой и Юго-Восточной Азией беспрепятственный транзит отвечает интересам всех государств, ибо транзит через Монголию существенно сокращает расстояние, а следовательно, сроки и стоимость поставки товаров или воздушного сообщения.

ПДВ: *Как Вы думаете, какова будет реакция соседей МНР?*

Ж. Э.: Вопросы, связанные с безопасностью, затрагивают интересы не только Монголии. Поэтому я думаю, что наши соседи также весьма заинтересованы в укреплении как своей, так и субрегиональной безопасности. Ведь именно с целью обеспечения своей безопасности на более низком военном уровне, СССР и Китай ведут переговоры по сокращению вооруженных сил и укреплению доверия в военной области в районе советско-китайской границы. Для более конкретного обсуждения комплекса вопросов, связанных с безопасностью, стороны могли бы без каких-либо предварительных условий приступить к обмену мнениями и консультациям. От этого, я уверен, выиграют все.

Сотрудничество СССР с НИС Азии: трудности и перспективы

В. АНДРИАНОВ

Долгое время, главным образом вследствие идеологического догматизма, большинство Азиатских НИС (Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Гонконг) находились как бы вне зоны экономических интересов Советского Союза. Экспортно-импортные операции с ними (кроме Сингапура) носили неофициальный характер и осуществлялись через третьи страны. Деловые контакты ограничивались разовыми закупками или продажей отдельных товаров.

В последние годы ситуация начала меняться кардинальным образом. Это связано, с одной стороны, с новым политическим курсом Советского государства, радикальной реформой внешнеэкономических связей, а с другой, со структурными сдвигами в экономике НИС Азии, поиском ими новых рынков сбыта своей промышленной продукции и сферы приложения капитала, а следовательно, и либерализацией их экономической политики в отношении социалистических стран.

Кроме того, этому процессу способствует общее улучшение политического климата в азиатско-тихоокеанском регионе и то внимание, которое уделяется в Советском Союзе и азиатских НИС активизации взаимного сотрудничества.

* * *

Основной формой экономических связей СССР с азиатскими НИС остается торговля. По нашим подсчетам, ежегодный товароборот Советского Союза с этими странами достиг в 1990 г. почти 2 млрд. долл., по этому показателю в регионе Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока новые индустриальные страны второй после Японии торговый партнер СССР.

Андрианов Владимир Дмитриевич, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ВНИКИ МВЭС СССР.

Среди азиатских НИС единственной до недавнего времени страной, с которой установлены полные официальные дипломатические и экономические отношения, был Сингапур. Торговые отношения между Советским Союзом и Сингапуром регулируются соглашением, заключенным 2 апреля 1966 г. При этом в динамике товарооборота СССР с Сингапуром во второй половине 80-х годов наметилась понижающаяся тенденция. За период с 1980 по 1989 г. суммарная стоимость советско-сингапурской торговли составляла 2,5 млрд. долл.¹ Характерной чертой торговли Советского Союза с Сингапуром является хроническая несбалансированность экспортно-импортных операций, за период с 1980 по 1989 г. совокупное отрицательное для СССР сальдо торгового баланса составило 1,5 млрд. долл.

Дисбаланс в торговле сложился, главным образом, из-за отсутствия в наших поставках конкурентоспособной продукции, слабой работы на рынке Сингапура по продвижению отечественных товаров, ведомственной монополизацией внешнеэкономических связей, отсутствия координации между отдельными участниками сотрудничества.

За весь период взаимной торговли не сложилось постоянной структуры советского экспорта в Сингапур. Номенклатура вывозимых изделий часто менялась и определялась эпизодическими продажами отдельных товаров на сингапурском рынке. В прошедшем десятилетии крупнейшими статьями советского экспорта были товары химической промышленности (главным образом мочевины гранулированная и калийные удобрения) — 46 %, рыба и рыбопродукты — 22, товары тибетской медицины (рога сайги, панты марала и пятнистого оленя, кабарговая струя, дикорастущий корень женьшеня) — 9, нефть — 6, хлопок-волокно — 3, машины, оборудование и транспортные средства (судовое, полиграфическое, сварочное, металлообрабатывающее, легковые автомобили и др.) — 3 %².

Импорт Советским Союзом товаров из Сингапура также носит нерегулярный характер со значительными колебаниями как объема, так и товарной номенклатуры поставок. За период с 1980 по 1989 г. суммарная стоимость закупок составила 2 млрд. долл. Наибольший объем импорта был зафиксирован в 1984 г. — 398 млн. долл., а наименьший в 1986 г. — 166 млн. долл.

Поскольку Сингапур находится на перекрестке мировых морских торговых путей и является одним из крупнейших портов мира, то и структура советского импорта связана в основном с обслуживанием отечественного флота, осуществляющего перевозку грузов в регионе. Ежегодно в сингапурский порт заходят более тысячи советских судов, на местных верфях осуществляется ремонт и строительство новых кораблей.

В 80-е годы почти $\frac{3}{4}$ нашего импорта из Сингапура предназначались для обеспечения нормальной работы торговых судов. Из общей суммы валютных расходов Советского Союза 40 % приходилось на закупки в Сингапуре нефтепродуктов, синтетического и жидкого топлива, 18 — на приобретение судов и судового оборудования, 17 % — на ремонт судов³.

Традиционно Сингапур является одним из крупнейших центров реэкспортной торговли, особенно сельскохозяйственными и продовольственными товарами, производимыми соседними странами Юго-Восточной Азии. Советские внешнеторговые организации закупают в Сингапуре пальмовое и кокосовое масло, натуральный каучук и др.

Следует подчеркнуть, что сингапурские фирмы одними из первых в регионе пошли на создание совместных предприятий с советскими организациями. В 1975 г. была организована компания «Марисско», 50 % акций которой принадлежат В/О «Соврыбфлот» Министерства рыбного хозяйства СССР. Основной сферой деятельности фирмы является заготовка, обработка и поставка мороженой рыбы и рыбопродуктов на местный рынок, а также обеспечение различными товарами советских судов.

В конце 70-х годов была образована советско-сингапурская компания «Синсов», занимающаяся организацией морских перевозок экспортных грузов. В 1990 г. начали свою деятельность еще три смешанные фирмы: «Продинтерн», специализирующаяся на продаже товаров тибетской медицины, «Полет Азия» по сбыту советских часов и механизмов в регионе, «Интелорг», которая будет продавать в СССР компьютеры и заниматься их обслуживанием.

В Советском Союзе создано несколько предприятий с участием сингапурского капитала. Одно из крупнейших — «СОС систем», учредителями которого являются Институт проблем информатики АН СССР и сингапурская фирма «Чуан хуп», «СОС систем» занимается разработкой и созданием компьютерных систем.

В начале 70-х годов в Сингапуре было открыто отделение Московского народного банка, с уставным капиталом 3 млн. долл. Основной сферой его деятельности является кредитование экспортно-импортных операций советских внешнеэкономических организаций в странах Юго-Восточной Азии.

Непрямые торговые связи с Южной Кореей начали развиваться в 1974 г. после заявления правительства этой страны относительно мирного объединения с КНДР. Вплоть до 1989 г. взаимная торговля осуществлялась через третьи страны, в основном при посредничестве американских, канадских, западногерманских, японских и сингапурских фирм.

В апреле 1989 г. в Сеуле было открыто отделение Торгово-промышленной палаты СССР, а в Москве — представительство Корпорации содействия торговле и сотрудничеству Южной Кореи (КОТРА). С этого времени объем торговли между двумя странами увеличивается стремительными темпами. Если за период с 1980 по 1985 г. размер товарооборота возрос в два с небольшим раза (с 48 до 102 млн. долл.), то с 1985 по 1989 г. — почти в шесть раз (с 102 до 599 млн. долл.)⁴. По существующим оценкам, объем взаимной торговли возрастет в 1990 г. до 1,2 млрд. долл.

До середины 80-х годов баланс экспортно-импортных операций с Южной Кореей сводился для Советского Союза с дефицитом примерно в 15—18 млн. долл. Затем отрицательное сальдо трансформировалось в положительное, которое к концу 80-х годов достигло 183 млн. долл.

К сожалению, приходится констатировать, что постепенно складывается весьма нерациональная структура советско-южнокорейской торговли. Так, в нашем экспорте, составившем в 1989 г. 391 млн. долл., доминируют сырьевые товары, доля которых превышает 70 %, в том числе на продовольственные и сельскохозяйственные товары приходится 25 %, каменный уголь — 20, никелевый концентрат — 12, хлопок-сырец — 6, круглый лес — 6 %. Из продукции обрабатывающей промышленности в Южную Корею продаются сталь и стальные изделия, химические товары, метилен, капролактамы и др. Обращает на себя внимание практически полное отсутствие в наших поставках в Южную Корею машиннотехнической продукции.

И наоборот, в структуре нашего импорта, в 1989 г. составившего 208 млн. долл., доминирует промышленное оборудование, на которое приходится больше половины ввоза. В номенклатуру закупаемого оборудования входят судовое, электронное и электротехническое, деревообрабатывающее, строительное и прочее оборудование.

Вторая часть нашего импорта из Южной Кореи состоит преимущественно из потребительских товаров. Удельный вес текстильных товаров в советском импорте из Южной Кореи в 1989 г. составлял 29 %, бытовой электронной аппаратуры — 13, мыла — 5, зубной пасты — 2 %.

В настоящее время деловые отношения с Советским Союзом поддерживают более 300 южнокорейских компаний, однако анализ фирменной структуры показал, что примерно на 20 крупнейших из них приходится около 90 % всего товарооборота с нашей страной, в том числе на пять ведущих — «Хёндэ», «Самсун», «Дэву», «Лаки голдстар», «Джиндо» — почти 70 %.

В настоящее время на различных стадиях обсуждения находятся более 100 проектов, в которых готовы принять участие южнокорейские фирмы. Однако практически функционирует лишь несколько совместных предприятий с участием капитала из Южной Кореи. Наиболее крупное СП создано в Приморском крае советским объединением «Тернейлес» и фирмой «Хёндэ» по заготовке и переработке леса. В Москве зарегистрировано совместное предприятие с компанией «Джиндо», занимающееся продажей меховых и кожаных изделий.

Подобно южнокорейским бизнесменам, представители Тайваня проявляют повышенный интерес к развитию торгово-экономического сотрудничества с Советским Союзом и также весьма «агрессивны» в попытках установления более тесных связей с нашими внешнеэкономическими организациями.

Масштабы нашего сотрудничества с тайваньскими фирмами достаточно скромны. Это связано прежде всего с факторами политического характера. И хотя в 1990 г. администрация Тайваня под давлением предпринимателей отменила формальные ограничения на торговлю с Советским Союзом, официальных, даже чисто деловых контактов с этой страной пока не установлено.

Тем не менее в последние годы торговые связи развиваются весьма стремительными

темпами. Только за один год (1988/89) объем товарооборота возрос в четыре раза и достиг 141 млн. долл. В торговле с Тайванем Советский Союз имеет значительное положительное сальдо. В структуре советского экспорта преобладают химические товары, черные металлы и вторичное сырье, основными статьями импорта являются потребительские товары — обувь, одежда, текстильные изделия, бытовая электронная аппаратура и электронно-вычислительная техника. Значительная часть торговых операций с Тайванем осуществляется через Вьетнам.

В 1990 г. было объявлено о создании первого совместного предприятия с участием тайваньского капитала на территории СССР. Это завод по производству косметических товаров в Грузии. Тайваньская компания «Истери косметик корп.» намерена вложить в него около 5 млн. долл., она поставит технологическое оборудование и обеспечит организацию управления предприятием. Продукция завода будет реализовываться на советском рынке.

Тайваньская компания «Аквариус системз» совместно с западногерманскими фирмами создала в Советском Союзе предприятие по производству персональных компьютеров новейших модификаций. Мощность завода, построенного под ключ по экологически чистой технологии, около 200 тыс. компьютеров в год⁵.

С Гонконгом, как и с Тайванем, Советский Союз не имеет официальных экономических отношений. Торговля с гонконгскими фирмами осуществляется преимущественно через их представительства в других странах. Ежегодный товарооборот СССР с Гонконгом возрос с 50 млн. долл. в 1980 г. до 200 млн. долл. в 1989 г. На протяжении 80-х годов, за исключением 1985 г., экспортно-импортные операции сводились с положительным для Советского Союза сальдо. Структура нашей торговли аналогична структуре товарообмена с Тайванем.

В сентябре 1990 г. в Москве была проведена первая выставка продукции товаров, изготовленных в Гонконге. С участием капитала гонконгских фирм создано несколько совместных компаний, главным образом в сфере электроники и информатики.

* * *

Дальнейшее развитие нашего экономического сотрудничества с НИС Азии сдерживается рядом проблем, которые носят как объективный, так и субъективный характер. Большинство существующих трудностей свойственны для экономических отношений Советского Союза с другими странами, однако можно выделить и специфические проблемы, присущие исключительно новым индустриальным экономикам, а также отдельным странам, входящим в эту группу.

Анализ современного состояния экономических связей Советского Союза с НИС Азии позволяет констатировать, что они воспроизводят традиционную модель сотрудничества СССР с промышленно развитыми странами. Доминирующей формой такого сотрудничества остается внешняя торговля с нерациональной структурой экспортно-импортных операций, где основу нашего вывоза составляют различные виды сырья, а в импорте преобладают потребительские товары. Слабо развивается научно-техническое сотрудничество, промышленная кооперация, совместное предпринимательство и другие эффективные формы внешнеэкономических связей.

Крупномасштабные инвестиционные проекты, в осуществлении которых намерены принять участие компании азиатских НИС (главным образом из Южной Кореи), связаны с сырьевыми отраслями. При этом большинство проектов носят экспортную ориентацию, без достаточно глубокой степени переработки вывозимого сырья.

Следует подчеркнуть, что складывающаяся схема торгово-экономических связей с азиатскими НИС в определенной мере «навязывается» нам последними. Дело в том, что компании из НИС Азии действуют активно и эффективно в освоении советского рынка и фактически выступают инициаторами того или иного проекта сотрудничества. Такая активность резко контрастирует с относительной пассивностью советских участников внешнеэкономических связей по изучению и освоению внутреннего рынка азиатских НИС.

Серьезную тревогу у предпринимателей вызывают задержки с оплатой за товары, приобретенные советскими внешнеторговыми организациями в НИС Азии. В наибольшей степени пострадали южнокорейские фирмы. Задолженность им советских внешнеэкономических организаций в середине 1990 г. достигала 30—50 млн. долл., при этом задержки с переводом валютных средств составляли от двух до пяти месяцев⁶.

Кризис платежей явился результатом временной нехватки валюты у советской стороны. Кроме того, в связи с децентрализацией экономических связей и расширением финансовой самостоятельности предприятий, их прямым выходом на внешний рынок, значительно снизились гарантии их платежеспособности. Порой представители советских фирм и предприятий ведут переговоры и заключают сделки, не имея для этого ни собственных средств, ни государственных субсидий.

Возникшие трудности с оплатой экспортных товаров усугубили сомнения фирм азиатских НИС в надежности советских партнеров и обострили проблему гарантий и защиты возможных капиталовложений. Особенно актуальна эта проблема для Тайваня и Гонконга, не имеющих дипломатических отношений с СССР и даже неофициальных торговых представительств. В настоящее время Советский Союз подписал соглашение о защите капиталовложений лишь с некоторыми развитыми странами (из НИС Азии аналогичное соглашение заключено в конце 1990 г. с Южной Кореей). Создание предпосылок для более масштабного экономического сотрудничества ставит в повестку дня вопрос о подписании соглашения с азиатскими НИС об отмене двойного налогообложения.

Новый закон об иностранных инвестициях решает наиболее важные проблемы, прежде всего гарантии инвестиций и свободного перевода прибылей. Однако, на наш взгляд, для привлечения иностранного капитала в советскую экономику это законодательство должно быть более льготным по сравнению с другими странами.

Сдерживающим фактором для расширения инвестиционной деятельности компаний азиатских НИС является неконвертируемость советской валюты. По этой причине происходит существенное ограничение потенциальной сферы капиталовложений в нашей стране лишь теми отраслями, которые могут давать валютную выручку. Получение прибыли в рублях в определенной мере привязывает инвесторов к советскому рынку, лишает его мобильности и свободы в использовании дивидендов.

Проблему конвертируемости нельзя рассматривать как чисто внешнеэкономический вопрос. Конвертируемость фактически равнозначна твердой стабильной валюте, поэтому нельзя эту проблему сводить к чисто техническим актам обмена одной валюты на другую. Конвертируемость — это связь внутреннего и внешнего рынка через гибкий валютный курс и отсутствие ограничений, по крайней мере по торговым операциям. Таким образом, продвижение к конвертируемости равнозначно созданию внутреннего рынка.

Для этого необходима коренная перестройка всего экономического механизма, в том числе глубокие преобразования в валютно-финансовой и внешнеэкономической сфере. На начальном этапе основными элементами такой реформы должны стать гибкий валютный курс, развитый валютный рынок и либерализация внешнеэкономических связей.

Однако для наших контрагентов из азиатских НИС в настоящее время большее значение имеет не сама невозможность переводить рубли в твердую валюту, а невозможность свободно использовать их на советском внутреннем рынке. Поскольку азиатские НИС в первую очередь заинтересованы в сырьевых ресурсах Советского Союза, то их больше тревожит неразвитость нашего внутреннего рынка, который заменяется системой фондируемого распределения.

В настоящее время весьма актуальной проблемой является отсутствие торговых представительств СССР в Гонконге и на Тайване и соответственно этих стран у нас. Говорить об открытии официальных представительств, вероятно, преждевременно, но обмен представительств на уровне торгово-промышленных палат или других неправительственных организаций был бы весьма полезным и способствовал бы расширению деловых контактов.

Весьма серьезную проблему для бизнесменов из НИС Азии представляет информационный вакуум в отношении нашей страны, особенно что касается экономики и внешнеэкономических связей. Так, отсутствует надежная информация по экономике СССР, и, прежде всего, по современному состоянию и перспективам развития отдельных отраслей. До сих пор нет таможенной статистики внешней торговли, сводной информации о внешне-торговом регулировании, об экспортных возможностях и импортных потребностях СССР, положении на отдельных товарных рынках, основных участниках внешнеэкономических связей. Для подавляющего большинства компаний из азиатских НИС советские экономические реалии продолжают оставаться «terra incognita», а здешним бизнесменам абсолютно ничего не говорят названия наших отечественных предприятий или вновь образованных внешнеторговых объединений, практически неизвестных в международном бизнесе.

К этому можно добавить бюрократическую неповоротливость советских госучреждений. Сказывается и отсутствие гармонии во взаимоотношениях между союзными и республиканскими органами, в том числе и по вопросам внешнеэкономических связей. Предприниматели из азиатских НИС прямо говорят, что пытаются, но не могут понять, с кем же им иметь дело.

С этой же проблемой тесно связана проблема квалификации советских предпринимателей. Экономическая самостоятельность породила множество самозванных «бизнесменов», которые не обладают профессиональными навыками, а порой просто некомпетентны в элементарных вопросах экономики, коммерции, юриспруденции, конъюнктуры и маркетинга. Некоторые из них с ходу создают совместные предприятия с местными фирмами сомнительной репутации или находящимися на грани банкротства, подписывают контракты, не вникнув в суть основных их положений. Иные, не торгуясь, заключают соглашения и, получив необходимую продукцию, надолго исчезают с коммерческого горизонта, не оплатив предъявленные счета. Предпринимательская этика у таких «бизнесменов» находится в эмбриональном состоянии.

Определенные осложнения в развитии экономических связей с азиатскими НИС вызывает политика этих стран, поддерживающая ограничения КОКОМ. Хотя формально ни Южная Корея, ни Тайвань, ни Сингапур, ни Гонконг не являются членами КОКОМ, тем не менее они следуют в русле его дискриминационной политики. Так, введенные в Южной Корее с 1 января 1990 г. ограничения распространяются на 14 стран, включая СССР и КНР, и будут охватывать около 150 наименований промышленных товаров. Эта мера явно не способствует расширению советско-южнокорейских торгово-экономических отношений. Тайвань и Сингапур, хотя формально и не подписывали с США официальных документов по ограничению продажи высокотехнологичных товаров в «коммунистические» страны, тем не менее проводят регулярные консультации по этим вопросам с представителями американской администрации⁷.

Следует подчеркнуть, что эти действия НИС Азии резко диссонируют с их курсом на либерализацию внешнеэкономических связей с социалистическими странами. При этом, как ни парадоксально, от ограничений в настоящее время больше страдают фирмы азиатских НИС, которые не могут поставлять высокотехнологичные товары в Советский Союз. Ограничения препятствуют заключению крупных сделок с советскими внешнеэкономическими организациями, а в конечном счете лишают компании азиатских НИС значительных валютных поступлений, возможности закрепиться на советском рынке.

Определенные трудности у бизнесменов из НИС Азии вызывают сложности по обеспечению в СССР нормальных условий для деловых людей, к которым они привыкли у себя дома и на Западе. Это прежде всего современные отели, надежная система телекоммуникаций (телефаксы и телексы, телефоны и др.), транспортное обслуживание, банки данных с бизнес-информацией и др. Многие фирмы азиатских НИС, желающие открыть свои представительства в нашей стране, не могут найти помещения для размещения офиса, существуют трудности с устройством быта. Все это в конечном счете сказывается на общем состоянии торгово-экономического сотрудничества, сдерживает его более интенсивное развитие.

Проведенный анализ существующих проблем сотрудничества Советского Союза с новыми индустриальными странами Азии показывает, что глубинной основой этих проблем является трудная совместимость двух экономических систем — развитой рыночной экономики НИС Азии и централизованно-бюрократизированной экономики Советского Союза. Поэтому лишь перевод нашего народного хозяйства на рыночные отношения сможет постепенно ликвидировать и многие проблемы в торгово-экономическом сотрудничестве с азиатскими НИС.

* * *

Несмотря на существующие проблемы во взаимных отношениях, перспективы развития экономического сотрудничества с азиатскими НИС представляются более благоприятными по сравнению с другими странами азиатско-тихоокеанского региона. В ближайшей перспективе, по всей видимости, не следует ожидать кардинальных изменений в состоянии торгово-экономического сотрудничества в НИС Азии, однако уже в первой половине 90-х годов эти отношения будут носить более конструктивный характер и заложат основу широкомасштабного сотрудничества в будущем.

Среди азиатских НИС крупнейшим торговым партнером Советского Союза стала Южная Корея. Правительственные и деловые круги последней сделали серьезную ставку на развитие отношений с нашей страной. Сейчас, особенно после первого официального визита Президента Республики Корея Ро Дэ У в Советский Союз и подписания важных торгово-политических соглашений, бизнесмены Южной Кореи переживают своеобразный «советский бум». Многие экономисты и аналитики полагают, что освоение советского рынка может принести Южной Корее очередной экономический взлет, как в свое время война во Вьетнаме или строительный бум на Ближнем Востоке в середине 70-х годов.

В Южной Корее как на официальном уровне, так и на уровне деловых кругов готовы к широкомасштабному сотрудничеству с Советским Союзом. Представители наиболее крупных монополистических групп намерены оказать материальную поддержку экономическим реформам в нашей стране. В ближайшие годы Южная Корея может предоставить крупные финансовые средства (от 2 до 3 млрд. долл.) в форме займов и кредитов⁸, а также вложить несколько миллиардов долларов в форме прямых инвестиций в советскую экономику.

В настоящее время в различных стадиях осуществления находится около 100 проектов, в которых готовы принять участие южнокорейские фирмы. Наиболее амбициозные планы развития сотрудничества с Советским Союзом на длительную перспективу имеет корпорация «Хёндэ». Среди ее основных проектов — разработка угольного и газового месторождений в Якутии, освоение лесных ресурсов, строительство в Северо-Восточной части Сибири крупнейшего в мире нефтехимического комплекса, сооружение целлюлозно-бумажного комбината, фабрики по производству мыла, вагоностроительного завода, предприятия по сборке персональных компьютеров и др.⁹

Если для «Хёндэ» доминирующей сферой инвестиционного сотрудничества с СССР станут сырьевые отрасли, то другая ведущая южнокорейская группа — «Самсун» — предполагает сделать упор на наиболее современные, наукоемкие отрасли. Достигнута договоренность о поставках в Советский Союз оборудования для заводов по производству видеомэгафонов, микроволновых печей и других электробытовых приборов, а также узлов и компонентов для их изготовления. Наиболее перспективным для «Самсун» будет участие в проекте по модернизации сети телефонной связи в Советском Союзе. Ежегодные поставки телефонного, коммуникационного и других видов оборудования оцениваются в сотни миллионов долларов¹⁰.

Среди других возможных объектов сотрудничества с южнокорейскими фирмами можно отметить предприятия по пошиву меховых изделий (компания «Джиндо»), завод по производству холодильников, нефтехимический комбинат, строительство гостиниц и жилых домов (компания «Лаки голдстар»), создание совместного научно-исследовательского центра (компания «Дэву») и др.

Таким образом, в ближайшее десятилетие Южная Корея будет самым динамичным торговым партнером Советского Союза в азиатско-тихоокеанском регионе. Материальное наполнение роста взаимной торговли и ее структура закладываются в настоящее время, когда заключаются долгосрочные контракты, соглашения об инвестиционном сотрудничестве, создаются совместные предприятия, обсуждаются проекты промышленной кооперации и научно-технического сотрудничества.

По нашим оценкам, в 1991 г. объем товарооборота между Советским Союзом и Южной Кореей превысит 2 млрд. долл. и будет больше, чем размер торговых операций СССР с КНДР. К середине 90-х годов объем экспортно-импортных операций может достичь 3—5 млрд. долл., что соответствует уровню нашей торговли с ведущими развитыми странами. Не исключена возможность, что уже к 1995 г. по размеру товарооборота с СССР Южная Корея может опередить Японию.

В структуре советского экспорта будут преобладать сырьевые товары, на долю которых, как нам представляется, будет приходиться более 80 %. К каменному углю, никелевому концентрату, круглому лесу и хлопку-сырцу прибавится природный газ, урановый концентрат, медь и др. В случае реализации описанных выше проектов сотрудничества основными статьями советского экспорта в Южную Корею к середине 90-х годов станут каменный уголь, природный газ и круглый лес. Из продукции обрабатывающей промышленности в Южную Корею будут поставляться химические товары, изделия из древесины и в незначительных количествах продукция машиностроительного комплекса.

Основными статьями советского импорта из Южной Кореи останутся машинотехнические изделия и потребительские товары. По всей видимости, в номенклатуре закупе-

мого оборудования будет преобладать электронное и электротехническое, судовое, деревообрабатывающее оборудование и оборудование связи. Значительно расширится ассортимент ввозимых потребительских товаров. Возрастет импорт бытовой электронной аппаратуры, одежды, обуви, легковых автомобилей. Большая часть товарооборота между Советским Союзом и Южной Кореей будет концентрироваться в дальневосточном районе. При условии открытия зон свободного предпринимательства часть экспортно-импортных операций будет ориентироваться на них.

К середине 90-х годов число совместных советско-южнокорейских предприятий может увеличиться до 100—150. Основной формой их организации станут акционерные компании, где наряду с южнокорейским будет представлен капитал других стран, что позволит уменьшить риск инвестирования.

К середине текущего десятилетия общий объем прямых инвестиций Южной Кореи в Советском Союзе может достичь 1—3 млрд. долл. Основная часть этих вложений будет направлена на освоение сырьевых ресурсов. Очевидно, следует ожидать заключение крупномасштабных долгосрочных соглашений с оплатой затрат южнокорейской стороны поставками сырья. Фактически преобладающей формой экономических связей может стать компенсационное сотрудничество.

Перспективы развития торгово-экономического сотрудничества с Тайванем не столь благоприятны, как с Южной Кореей. Вместе с тем тайваньских предпринимателей привлекают потенциальные возможности практически неосвоенного внутреннего рынка СССР, богатые природные ресурсы последнего, а также стремление не отстать от южнокорейских фирм, начавших широкомасштабную экспансию в нашу экономику.

Поскольку Тайвань обладает ограниченными природными ресурсами (около 65 % его импорта приходится на сырьевые товары), то естественно, что местные предприниматели заинтересованы прежде всего в ввозе промышленного, минерального и сельскохозяйственного сырья. Повышенный интерес деловые круги Тайваня проявляют к нефти и нефтепродуктам, древесине, хлопку, шерсти, железной руде, каменному углю и др.

Кроме того, тайваньские фирмы готовы закупать химические товары, отдельные виды машинотехнической продукции, целлюлозу и бумагу (включая макулатуру), сталь и стальные изделия (включая металлолом). При этом бизнесмены из Тайваня готовы принять участие в совместных разработках природных ресурсов, в создании смешанных предприятий, в заключении долгосрочных соглашений.

В свою очередь тайваньские компании могут поставлять в Советский Союз электронные и электротехнические изделия (вычислительная техника, персональные компьютеры, бытовая электроника и оборудование для их производства), металлообрабатывающее, деревообрабатывающее и текстильное оборудование, транспортные средства, текстильные изделия, одежду, обувь, резинотехнические товары, изделия из пластмасс, спортивные товары, игрушки и др.

Перспективной сферой сотрудничества с Тайванем может стать судоходство и судостроение. За исторически короткий срок Тайваню удалось поднять эти отрасли до уровня самых высоких мировых стандартов. Ориентация на внешний рынок создала условия для превращения морского транспорта не только в отрасль, удовлетворяющую потребности собственной внешней торговли, но и в отрасль, работающую на международный товарообмен.

В этой области сотрудничество может быть налажено на нескольких направлениях. Прежде всего, это совместные перевозки контейнерных грузов по советской территории в Европу, ремонт и строительство судов, обслуживание торгового флота, создание совместных предприятий в этих отраслях.

Следует подчеркнуть, что Тайвань является одним из крупнейших валютно-финансовых центров региона, он имеет огромные золото-валютные резервы (на конец 1989 г. — 73 млрд. долл. без золота, это второй показатель в мире после Японии) и является нетто-экспортером капитала¹¹. В конце 80-х годов на Тайване создан фонд международного экономического сотрудничества и развития, средства которого в ближайшие годы планируется увеличить с 1 млрд. долл. до 3—5 млрд. долл. Основная цель создания фонда — оказание экономической помощи другим странам. Все это свидетельствует об огромных потенциальных возможностях сотрудничества с Тайванем в валютно-финансовой сфере.

В связи с тем, что тайваньские фирмы в последние годы значительно увеличили экспорт предпринимательского капитала и создание своих предприятий за рубежом, многие из них готовы к сотрудничеству с Советским Союзом во многих отраслях, в том числе в производстве потребительских товаров. По нашим оценкам, к середине текущего

десятилетия, число компаний с участием тайваньского капитала на территории СССР может возрасти до 30—50, а общий размер прямых инвестиций составит около 500 млн. долл.

Объем товарооборота советско-тайваньской торговли в 1991 г. может превысить 200 млн. долл., а к 1995 г. достичь 500—600 млн. долл. В таком случае по этому показателю среди азиатских НИС Тайвань будет уступать лишь Южной Корее.

Учитывая возросший в последние годы интерес деловых кругов Сингапура к развитию экономических отношений с Советским Союзом, к середине текущего десятилетия можно ожидать некоторого увеличения объема торговых операций, примерно до 300—400 млн. долл. Однако, вероятно, произойдет определенное изменение в структуре взаимной торговли. В связи со строительством в соседних странах региона крупных химических комплексов по производству удобрений ослабнут позиции советских экспортеров, поставляющих в Сингапур азотные удобрения, которые являются одной из крупнейших статей наших поставок в эту страну.

В структуре советского экспорта сохранятся рыба и рыбопродукты, товары тибетской медицины, калийные удобрения, машины и оборудование. В структуре импорта, по всей видимости, будут преобладать нефтепродукты, синтетическое жидкое топливо, судовое оборудование, сельскохозяйственные товары, увеличатся закупки электронных и электротехнических изделий и товаров потребительского назначения.

Более активно будет проходить процесс создания совместных компаний, как в Сингапуре, так и на территории Советского Союза. Развитие этой формы сотрудничества в долгосрочной перспективе может оказать определенное влияние на изменение структуры внешнеэкономических связей.

Рассматривается вопрос о создании совместной торговой фирмы в Сингапуре по продаже советских станков, оборудования и инструментов; компании по совместному агентированию и владению судами, упаковке, транспортировке и реализации цемента и других насыпных грузов; фирмы по выращиванию культивированного женьшеня (на советском Дальнем Востоке), по продаже советских бриллиантов на местном рынке и в других странах Юго-Восточной Азии; завода по производству лапши быстрого приготовления (на территории СССР) и др.

Сингапурские фирмы готовы вести переговоры с советскими представителями о заключении долгосрочного соглашения о переработке нефти на сингапурских нефтеперерабатывающих заводах специально для обеспечения потребностей советских торговых судов и самолетов. Не исключается возможность использования советской нефти или сырья, добываемого во Вьетнаме.

Весьма перспективным направлением сотрудничества могут стать наукоемкие отрасли, в том числе освоение космического пространства, развитие спутниковой и волоконно-оптической связи, лазерной техники, биотехнологии, геной инженерии и др.

Реальный вклад в развитие совместного предпринимательства с сингапурскими компаниями может внести сингапурское отделение Московского народного банка в связи с его новыми функциями. Получив большую самостоятельность в решении финансовых вопросов, право выбирать партнеров и нести за это ответственность, отделение МНБ сможет более эффективно использовать конкуренцию между местными фирмами при создании совместных предприятий, выборе более надежных партнеров.

Новой формой сотрудничества может стать совместная советско-сингапурская Торгово-промышленная палата, о планах организации которой объявлено в конце 1990 г. Основная цель создания такого необычного органа состоит в оказании помощи предпринимателям по изучению конъюнктуры и продвижению на рынки Сингапура и Советского Союза новых товаров и услуг.

Торговое, экономическое и финансовое сотрудничество Советского Союза с Гонконгом в ближайшие годы получит дальнейшее развитие, однако эти связи будут развиваться менее динамично по сравнению с другими азиатскими НИС. Сдерживающим фактором для расширения отношений является отсутствие официальных экономических связей, а перспективы их установления весьма неопределенны.

Думается, объем советско-гонконгской торговли к середине 90-х годов может возрасти до 300—400 млн. долл.

Известная схожесть экономической структуры Гонконга с другими НИС Азии — специализация на выпуске потребительских товаров — определяет возможные сферы делового сотрудничества. Принятие в СССР закона об иностранных инвестициях является дополнительным стимулом для увеличения притока гонконгского капитала в советскую экономику.

В свою очередь, известно, что в Гонконге одно из наиболее либеральных инвестиционных законодательств, которое обеспечивается стабильно низкими налоговыми ставками (корпоративный налог составляет 16,5 %, индивидуальный — 15 %) и минимальными формальностями при оформлении деловых операций (срок от подачи заявки на открытие своего дела до получения свидетельства о самой регистрации составляет всего 40 часов). В перспективе не исключена возможность создания совместных предприятий с участием советского капитала на территории Гонконга.

В 1997 г. Гонконг изменит свой политический статус и будет передан под юрисдикцию КНР. Новая ситуация может расширить возможности делового сотрудничества, в том числе через внешнеэкономические организации Китая.

* * *

Экономический потенциал азиатских НИС представляет широкие возможности для сотрудничества с Советским Союзом. Важным фактором дальнейшего развития взаимных связей является взаимодополняемость экономик. Следует обратить внимание на следующие особенности хозяйственного развития НИС Азии:

— определенная зависимость экономики от импорта многих видов сельскохозяйственного и минерального сырья;

— специализация на экспорте потребительских товаров (одежда, обувь, текстильные изделия, бытовая электроника, легковые автомобили, спортивные товары, игрушки и др.) и высокотехнологичных товаров — микроэлектроника, робототехника, биотехнология, тонкая химия и др.;

— структурная перестройка в экономике, направленная на преимущественное развитие наукоемких отраслей, и вытекающая отсюда потребность в фундаментальных и прикладных разработках уровня, в большинстве случаев недостижимого внутри этих стран;

— выход производительного капитала за национальные границы и поиск возможных сфер его прибыльного применения за рубежом, перенос трудоемких отраслей в третьи страны;

— переориентация во внешнеэкономических связях и готовность к широкомасштабному сотрудничеству с Советским Союзом, государственная поддержка этой политики.

Исходя из экспортных возможностей и импортных потребностей Советского Союза и НИС Азии можно в самом общем виде наметить наиболее перспективные направления взаимного торгового, экономического и финансового сотрудничества:

— создание компаний по совместной глубокой переработке сырьевых товаров (древесина, уголь, нефть, природный газ, минеральное сырье, меха, кожа и др.);

— судостроение и портовое хозяйство (строительство и ремонт морских судов и судового оборудования, плавбаз, морских буровых платформ, модернизация портов и портового хозяйства, строительство морских доков и др.);

— станкостроение (экспорт-импорт машиностроительной продукции, включая торговлю лицензиями, лизинг промышленного оборудования);

— создание предприятий по массовому выпуску товаров широкого потребления (одежда, обувь, бытовая электронная аппаратура и др.) частично с экспортной ориентацией;

— транспорт (перевозка контейнерных грузов из азиатских НИС в Европу через Транссибирскую магистраль, организация складов и перевалочных пунктов, развитие авиационных перевозок);

— рыболовство (совместный лов и переработка рыбы и морепродуктов);

— строительство (объекты промышленного, гражданского и социально-бытового назначения, включая инфраструктурные сооружения, жилые дома);

— гостиничное хозяйство (строительство отелей, торговых и коммерческих центров);

— туризм (проработка и организация ознакомительных поездок для деловых людей, совместных туристических маршрутов, развитие материальной базы туризма в СССР);

— валютно-финансовая сфера (совместное кредитование экспортно-импортных операций, получение займов и кредитов для финансирования строительства, объектов взаимного сотрудничества, страхование валютных рисков и др.);

— научно-техническое сотрудничество (совместные прикладные исследования в области электроники, лазерной технологии, машиностроения, аэрокосмической, биотехнологии, медицины, использовании океанических ресурсов, редкоземельных элементов и др.

областях. Использование результатов фундаментальных исследований в коммерческих целях. Обмен студентами и стажерами, обучение в высших учебных заведениях);
— отрасли военно-промышленного комплекса, осуществляющие конверсию производства (создание новых материалов, освоение космического пространства, спутниковая связь, волоконно-оптическая связь, товары потребительского назначения и др.);
— свободные экономические зоны (совместное создание промышленной инфраструктуры, развитие рискбизнеса, организация научно-промышленных парков).

¹ Подсчитано по: Direction of Trade Statistics, Yearbook 1989.— New York, U. N.— 1990.— P. 350—351.

² Подсчитано по: Внешняя торговля СССР.— 1980—1989.

³ Там же.

⁴ The Korea Herald.— 1990.— June 5.

⁵ Ibid.— 1990.— August 15; Никкэй сангё симбун.— 1990.— 15 августа.

⁶ Korea Business World.— 1990.— June; The Korea Herald.— 1990.— June 12.

⁷ The Free China Journal.— 1989.— October 19.

⁸ The Japan Times.— 1990.— June 1.

⁹ Asahi Evening News.— 1990.— April 21; The Korea Herald.— 1990.— October 13.

¹⁰ Нихон кэндзай симбун.— 1990.— 20 сентября.

¹¹ The Economist Intelligence Unite Country Report Taiwan.— 1990.— № 4.

*В. ГЛУНИН,
А. ГРИГОРЬЕВ*

Во второй половине 80-х годов выявилась необходимость и возможность перевода изучения истории Китая в новейшее время на новый уровень. Условия для этого определяются результатами работы в этой области советских историков-китаеведов в предшествующий более чем 20-летний период развития советского китаеведения, значительным расширением в 80-е годы источниковедческой базы и исследовательской работы по этой тематике в КНР и странах Запада. В еще большей мере новые возможности и необходимость углубленных исследований этого периода истории Китая определяют развернувшееся переосмысление и углубленное изучение с позиций нового мышления важнейших общемировых процессов, формирование новых подходов к анализу революционных и освободительных движений, к проблемам теории и практики и причин кризиса социализма, в том числе и в странах Востока. Как свидетельствуют публикации последних лет, материалы ряда конференций и симпозиумов китаеведов и востоковедов, в том числе и конференции «Китай и социализм», прошедшей в октябре 1990 г., разработка обновленной концепции истории Китая в новейшее время уже началась.

На каких направлениях теоретических и конкретно-исторических исследований следовало бы сконцентрировать весьма немногочисленные, к сожалению, силы китаеведов-историков в этой области? На решение каких научных задач следовало бы ориентировать молодые научные кадры

аспирантов и соискателей? Представляется, что для определения наиболее актуальных тем и направлений этой работы необходима прежде всего реалистическая оценка состояния нашей историографии. В рамках данного доклада делается попытка оценить (в самом общем виде) итоги проделанной работы и выделить некоторые из наиболее важных задач и направлений исследований, выводящих на разработку обновленной концепции истории Китая в XX в.

Можно констатировать, что в диссертациях, монографических индивидуальных и коллективных работах, в учебных пособиях по новейшей истории Китая, готовившихся в период с середины 60-х до середины 80-х годов, были освещены с большей или меньшей полнотой и интерпретированы важнейшие события и этапы политической истории Китая в новейшее время, в особенности истории революционного и освободительного движения, истории КПК, ее взаимоотношений с Коминтерном и ВКП(б). В целом в этих работах изложена (или просматривается) определенная схема-концепция политической и социально-экономической истории Китая в новейшее время, прежде всего истории китайской революции и истории КПК, политической истории КНР. Основные положения этой концепции (оценки узловых событий, содержания различных этапов политической истории Китая до и после 1949 г., ее периодизация и т. п.), развернуто изложенной в общих работах¹, при известных, иногда существенных рас-

Доклад на международной конференции «Китай и социализм», октябрь 1990 г.
Глунин Владимир Иванович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИДВ АН СССР,

Григорьев Александр Миронович, доктор исторических наук, заведующий отделом исторических исследований ИДВ АН СССР.

хождениях, разделялись большинством советских авторов, были развиты в ряде специальных работ, посвященных отдельным событиям и периодам истории КПК и КНР.

Значительные достижения были получены в эти годы и в разработке других сторон политической и социально-экономической истории Китая (до 1949 г.), в частности социально-экономической политики Гоминьдана, его политической эволюции. Начата работа по изучению других идейно-политических течений и политических организаций. Сделаны важные шаги в изучении социально-экономической и социальной истории страны этого периода², рабочего и крестьянского движения. Большое внимание было уделено анализу идейно-политических платформ важнейших политических партий Китая, взглядов их руководителей, прежде всего руководителей КПК, а также Гоминьдана. Появился ряд разработок в жанре «политические портреты».

В исследованиях и публикациях по истории КНР, среди которых численно преобладали работы, посвященные отдельным периодам или событиям политической жизни страны (освещение отдельных съездов КПК, сессий ВСНП, пленумов ЦК КПК и т. п.), при всем влиянии на выводы многих работ тогдашней полемики, рассмотрен и обобщен весьма значительный эмпирический материал. Существенный вклад в изучение КНР внесли общие и специальные работы по вопросам экономики, права, культуры и идеологии.

В целом исследования этого периода были значительным продвижением в изучении истории Китая в новейшее время. В той или иной мере в них были преодолены упрощенные, догматические представления прежних лет о реальном содержании революционного и освободительного движения в Китае, его движущих силах, ходе идейно-политической борьбы между КПК и Гоминьданом, внутри самих ведущих политических сил, выявлены, и в ряде случаев весьма полно, причины эволюции их платформ и политики. В исследованиях (и ряде документальных публикаций) этих лет введен в оборот значительный массив новых документов, материалов и фактов.

В силу разных причин не все возможности новых, более широких и глубоких обобщений на этой расширившейся источниковой базе были использованы в должной мере. Сказывались и известные идейно-политические «ограничители», и уро-

вень теоретико-методологических представлений тех лет. Вместе с тем «заделы» в ряде исследований в виде выводов «среднего уровня» создают базу для дальнейшего углубленного анализа многих существенных сторон политической и социальной истории Китая.

Многие пробелы и недостатки в разработках и исследованиях этого периода ясно ощущались уже в то время: «белые пятна» в освещении тех или иных событий или периодов, возникавшие (и остающиеся) из-за отсутствия необходимых документов и материалов; невозможность в тогдашней идейно-политической ситуации дать развернутую оценку ряда событий, особенно связанных с объективной оценкой позиции Коминтерна, ВКП(б), их руководителей, что оборачивалось апологетической, охранительной тенденцией в освещении их политики в Китае. Многие работы тех лет, как отмечалось выше, несли на себе в той или иной мере отпечаток идейно-политической полемики между руководством КПК и КПСС.

Между тем в свете современных тенденций в общественных науках все более остро выступают в этом поколении исследований истории Китая в новейшее время пробелы более глубокого, теоретико-методологического плана.

При изучении различных сторон истории Китая в первой половине XX в., а также при анализе предюсылок, содержания и итогов социально-экономической политики КПК в годы КНР и ранее ощущалась недостаточная разработанность вопросов формационной характеристики социально-экономического строя Китая в период до 1949 г., уровня его экономического развития, структуры и характера основных классов и социальных слоев. Сегодня эта задача выдвинулась в число первоочередных, и для ее решения нет идеологических препон.

При общей характеристике общественного строя Китая в первой половине XX в. советские историки чаще оперируют зафиксированным в документах Коминтерна (и КПК) понятием «полуколониальное, полудефеодальное общество». По самому определению это понятие весьма расплывчато и допускает множественность толкований. «Полуколониальность» воспринимается исследователями вроде бы однозначно, хотя не наполнена достаточным эмпирическим материалом и не вполне осмыслена теоретически. Советская и китайская историография единодушно трактует «полуколониальность»

Китай как явление сугубо негативное, пагубное для судеб страны, что, вообще говоря, представляется правильным. Таково же, в целом, и отношение к иностранному капиталу, иностранным политическим анклавам на территории страны, западной буржуазной идеологии и т. д., как и к обслуживавшим иностранный капитал местным структурам (компрадоры и др.). При этом фактически отрицается или замалчивается модернизаторская роль иностранного капитала и сопутствующих ему факторов в экономике догоняющего типа. Диалектический подход к этой болезненной теме Маркса, Энгельса, а затем и практический взгляд Сунь Ятсена в его «Промышленном плане» остается как бы за рамками общей концепции развития Китая. Такое положение в историографии сохраняется по сей день, несмотря на то, что позитивное отношение к иностранному капиталу в прагматическом (но не доктринальном) плане пробило себе дорогу в последние годы не только в Китае.

Что касается «полуфеодальности», то она до сих пор трактуется по-разному. Все исследователи признают, что с конца XIX в. Китай был втянут в орбиту капиталистического развития. Однако развернувшаяся еще в 20-е годы дискуссия об уровне развития капитализма и устойчивости, масштабах так называемых «пережитков феодализма» не затихает до наших дней. Трудность подхода к согласованным выводам определяется, на наш взгляд, не только различиями в теоретических подходах, но и недостаточностью системного исследования социально-экономической истории Китая в новейшее время вообще. Дискуссионными остаются вопросы уровня развития китайского капитализма, его масштабов, особенностей, компонентов (иностранный, «компрадорский», государственный, милитаристский, «национальный», сельский). Неясно очерчены позитивные и негативные результаты капиталистической тенденции развития, связанная с этим специфика социальных структур, их динамика в городе и в деревне.

Неадекватность классического марксистского понятийного аппарата китайским реалиям XX в. (как, впрочем, и предшествующих эпох) побуждает исследователей обращаться к модифицированным теоретическим схемам. Так, в вышедшем в 1990 г. солидном коллективном труде «Социальная структура Китая. XIX — первая половина XX в.» в качестве «рабочего инструмента» принята разработанная Н. А. Симошиной, Л. И. Рейнером

и другими применительно к современным переходным восточным обществам концепция «общественного синтеза». Показательно, однако, что авторы монографии сопровождают применение этой концепции существенными оговорками, вызванными ее ограниченными эвристическими возможностями.

В последние годы у ряда исследователей вновь наметилась тенденция характеризовать социально-экономический строй Китая в этот период как разновидность «азиатского способа» производства. Главное, что отмечают при этом сторонники такого подхода, — это сохранение до победы революции в Китае (и продолжение в иных политических формах и после 1949 г.) ситуации «поглощения общества государством»¹. Тем не менее представляется, что большинство сторонников «азиатского» подхода пока не дали достаточно убедительного объяснения социально-экономической природы этого явления, чаще всего ограничиваясь ссылками на «традиционно высокую роль государства в Китае». На наш взгляд, наиболее убедительная попытка аргументировать правомерность концепции «азиатского способа» представлена в публикациях и выступлениях А. А. Писарева². Отойдя от поисков «классических» признаков «азиатчины», не преуменьшая роли идеологических и политических факторов, в том числе и «инерции» особой роли государства, А. А. Писарев «азиатский тип» отношений в китайской деревне видит в сохранении особой формы общины в Китае, основанной на клановых, патронимических отношениях. Патронимическая община в Китае была не только социально-экономической основой «восточного деспотизма» (принявшего в первой половине XX в. модифицированную форму милитаристских режимов), но и являлась основной преградой на пути формирования класса помещиков. Исторически китайские помещики так и не приобрели облик феодального класса-сословия. Велика была роль общины в блокировании превращения спорадически вызревавших в Китае товарно-денежных отношений в системообразующий уклад.

Несмотря на ряд серьезных исследований, в освещении социальной структуры Китая до 1949 г., ее динамики, остаются существенные пробелы. Принятый в наших и зарубежных работах верный тезис о слабости (политической и экономической) буржуазных и пробуржуазных сил в городе и деревне Китая не подкреплен

серьезными разработками природы и уровня развития различных групп китайской буржуазии. До сих пор у нас нет монографических разработок этой темы ни в целом по Китаю, ни в региональном разрезе.

Изучение рабочего класса пока ограничивается в основном анализом истории рабочего и профсоюзного движения в 20-е и 30-е годы. Нет серьезных исследований положения рабочего класса и его активности в период антияпонской войны в гоминьдановских и оккупированных районах, а также во второй половине 40-х годов. Справедливо критикуя известные тезисы об «особой революционности рабочего класса Китая» и попытки противопоставить ему «еще более высокую» революционность и организованность китайского крестьянства, одетого в форму солдат НОАК, ряд наших авторов склонен относить низкий процент рабочих в составе КПК, слабость позиций КПК в городах за счет лишь субъективного фактора — отношения Мао Цзэдуна и его сторонников к городу в целом, к рабочему классу, объяснять эти явления «непониманием» идей об исторической миссии рабочего класса. Догматическое, некритическое отношение к идее «исторической миссии» вообще, в том числе и в революционных процессах на Востоке, порождало и схоластические, как мы считаем, дискуссии по вопросу о том, когда произошло (и произошло ли вообще) соединение марксизма с китайским рабочим движением.

Следует отметить серьезное продвижение в нашем Китаеведении в изучении аграрно-крестьянской проблемы, аграрной политики КПК, Гоминьдана, роли деревни и крестьянства в истории Китая до 1949 г. и в социально-экономических, и в политических процессах в КНР. Это продвижение связано с углубленным исследованием различных аспектов проблемы в серии работ А. С. Мугрузина, в известных трудах по истории КПК, в специальных исследованиях аграрной политики КПК, Гоминьдана и крестьянского движения в Китае в 20—30-е годы. При известных расхождениях в оценках ряда аспектов этой проблемы в общем эти работы дали основание пересмотреть прежнее, навеянное аналогиями с крестьянскими движениями в ряде европейских стран, и прежде всего в России, а также коминтерновскими установками упрощенное представление о китайской революции, как о специфической форме крестьянской войны. В наших рабо-

тах было показано, что в силу ряда особенностей землевладения и землепользования, социальной и демографической структуры китайской деревни стихийная, без мощной поддержки «сверху» борьба крестьянства за землю в сколько-нибудь широких масштабах не могла развернуться.

Этот вывод и углубленная разработка аграрно-крестьянского вопроса открыли обещающее быть весьма плодотворным обсуждение проблемы соотношения национального и крестьянского вопросов в странах Востока, позволили по-иному взглянуть на роль аграрных преобразований и аграрной политики КПК в ее победе в 1949 г., в частности, углубить освещение и ранее известного факта снятия КПК в 1948 г. — накануне решающих сражений гражданской войны — лозунгов радикальной аграрной реформы. Вместе с тем, на наш взгляд, эти выводы еще недостаточно учитываются при освещении аграрной реформы в КНР 1950-1952 гг. и при анализе объективных трудностей, определивших просчеты и противоречия политики в деревне КНР на различных ее этапах.

В тесной связи с новым пониманием аграрно-крестьянской проблемы стоит и задача более глубоко осветить принципиально важный вопрос о внутренних и внешних причинах и факторах победы революции в Китае в 1949 г., устранить до сих пор имеющиеся в наших работах известные противоречия в их трактовке.

Важным шагом в этом отношении стали разработки по истории КПК, осуществленные в ИДВ АН СССР, и монография А. В. Меликсетова⁵ о событиях гражданской войны 1946-1949 гг. В них пересмотрена прежняя, страдавшая пропагандистским налетом, оценка политики США в Китае в целом («интервенция») и политика США в отношении Гоминьдана, развернуты тезисы о внутреннем кризисе Гоминьдана, о его самоизоляции от социально близких ему слоев в городе и деревне, подчеркнута роль военного фактора в победе КПК в обстановке все более определявшегося к концу 40-х годов ее морально-политического превосходства над противником.

Заслуживает более подробного разъяснения выдвинутая в работе А. В. Меликсетова мысль о том, что политическая тактика КПК на заключительных этапах войны — в 1946-1949 гг. — демонстрировала своеобразную «самостоятельную независимость» партии от основных классовых сил страны — рабочего класса, крестьянства

и, вполне естественно, от промежуточных сил страны.

Вместе с тем в нашей историографии до сих пор нет ясного ответа на один из принципиальных вопросов этой темы: под каким знаменем победила революция? Традиционный ответ 50-х годов: «Победа китайской революции — это победа марксизма-ленинизма» — в работах 60—70-х годов сочетался с показом (иногда с выискиванием) негативных (не- или «антимарксистских») черт в тогдашней позиции руководства КПК.

В результате в нашей литературе появлялись объяснения (прямые либо косвенные), что китайская революция победила вопреки или несмотря на эти отклонения, как бы на практике реализуя закономерности, открытые и предсказанные «правильной теорией». Отдельные авторы пытались найти выход из этого «противоречия» между победой и «неправильными идеями», выдвигая тезис о том, что освободительные движения, национально-демократические революции могут побеждать и не под флагом марксизма. Предполагалась и другая, компромиссная, версия, нашедшая, на наш взгляд, «неартикулированное» выражение и в книге А. В. Меликсетова, которая сводилась к тому, что в конце 40-х годов руководство КПК начало корректировку позиций, в результате чего в 1949 г. (и особенно позднее — в первой половине 50-х годов) удельный вес марксистско-ленинских компонентов в платформе КПК начал быстро возрастать, хотя в итоге А. В. Меликсетов полагает, что знаменем КПК накануне победы был избран «суньятсенизм в его революционно-прагматической (а не революционно-утопической) ипостаси».

Взвешенный ответ на этот вопрос, думается, должны дать новые, лишённые предвзятости исследования теории «новой демократии», вариант которой периода конца 40-х годов составлял существенную сторону тогдашней платформы КПК (наряду с лозунгами «освободительной войны» и разоблачением реакционности и коррупционности Гоминьдана).

Отсутствие или неадекватность ответов на перечисленные выше вопросы влияют на определение характера китайской революции, ее доминанты (национальной или социальной) на разных этапах развития, ее объективного содержания и его субъективного восприятия идеологами, политическими лидерами и партиями, массовыми участниками, на оценку их представлений о ближайших и перспективных целях

революции, иерархии, последовательности и средствах реализации этих целей. В связи с этим комплексом проблем возникают сложности в трактовке и применении многих элементов сложившегося понятийного аппарата, например, таких понятий, как буржуазно-демократическая, демократическая, «новодемократическая», национальная, национально-демократическая революция. Принятый КПК на вооружение термин «новодемократическая революция» и применяемое рядом советских историков понятие «национально-демократическая революция» ближе к реалиям политического процесса в Китае в 30—40-е годы, чем коминтерновское определение его как буржуазно-демократической революции, хотя в свете новых данных о его содержании и эти термины-понятия не представляются вполне адекватными.

Применение используемого в историографии КНР понятия «новодемократическая революция», включающего, по определению, такой элемент, как руководство (гегемония) рабочего класса, даже если принять тезис о том, что это руководство реализовывалось через КПК и выражалось в ее руководящей роли, требует по-иному ставить вопрос о временных рамках «новодемократической революции», по крайней мере, о ее начальных рубежах. При всей исторической значимости деятельности КПК в развертывании освободительного движения в Китае, в подготовке и проведении национальной революции 1925—1927 гг., следует признать, что компартия в этой революции не была руководящей силой. С конца 20-х и до середины 30-х годов КПК возглавляла революционную борьбу под лозунгом Советов, но это движение по своим масштабам было относительно ограниченным, локальным, и не смогло оказать в то время определяющего влияния на содержание политических процессов, на характер освободительной борьбы во всей стране, хотя и создало существенные предпосылки для развития борьбы на последующих этапах (костяк кадров партии и армии, опыт партизанской войны и работы в деревне). Во все возрастающих масштабах КПК начала играть ведущую роль в освободительном процессе в Китае на территориях освобожденных районов и баз в годы антияпонской войны и в полной мере выявила ее в национальном масштабе в период кризиса Гоминьдана и перелома в гражданской войне 1946—1949 гг.

Применение понятия «национально-демократическая революция» также требует

ряда корректировок, в том числе уточнения тезиса о «завершении демократического этапа революции». В большинстве наших работ общепринятым является тезис о «завершении демократического этапа революции» с образованием КНР и проведением демократических преобразований к концу восстановительного периода. Думается, что вопрос этот не так прост. «Невываренность» Китая в «капиталистическом котле», устойчивость докапиталистических пережитков, традиций, нравов, их влияние на политику и идеологию КПК очевидны. Не решена до конца и задача территориального воссоединения страны. Преодоление исторического отставания от развитых капиталистических стран в развитии производительных сил и культуры, осуществление программы «четырёх модернизаций» и политической реформы также трудно отнести к чисто социалистическим целям.

Одним из существенных общих недостатков концепции новейшей истории Китая является ее безальтернативность. В наших работах по новейшей истории Китая ход и исход китайской революции, победа КПК и движение Китая по пути социализма представляются однозначно детерминированными. Иные политические или социальные альтернативы, в том числе и в содержании политики КПК как до 1949 г., так и после образования КНР, выходящие за рамки прежних представлений о закономерностях мирового революционного процесса, практически либо не рассматривались, либо расценивались как «уклоны», «ошибки» и т. п.

Проблема альтернативности путей развития Китая и конкретных методов решения его проблем в различных исторических обстоятельствах имеет, на наш взгляд, не просто академический, ретроспективный, чисто историографический характер. Эта проблема и поныне является предметом жарких теоретических споров, переходящих порой в острые политические и социальные конфликты, причем, как теперь очевидно, не только в Китае. Изучение китайской истории XX в. под этим углом зрения могло бы дать дополнительные импульсы познанию современных процессов.

Общая проблема альтернативности в свете свершившихся исторических событий могла бы быть разделена на несколько уровней: формационный, политической стратегии, тактических приемов, социальных, партийных, групповых, персональных позиций и интересов и т. д.

В самом общем, формационном плане речь шла о капиталистическом или некапиталистическом пути развития. Исторический спор по этому вопросу был решен в 1949 г. в пользу последнего в силу известных обстоятельств. Но ставить на этом точку представляется преждевременным. Во-первых, теоретически исключать иной вариант было бы некорректно, тем более, что Китай уже был вовлечен в сферу мирового капитализма. Во-вторых, действие мощных социальных сил отторжения «классического» варианта капитализма, ассоциировавшегося с империалистической агрессией, грабежом, национальным унижением и т. д., привело к появлению и противоборству на политической арене сторонников различных вариантов некапиталистического пути, среди которых вычленились два главных: КПК с марксистской моделью социализма и Гоминьдан с «тремя принципами» Сунь Ятсена в тогдашнем их толковании группировкой Чан Кайши. Думается, что суньятсенизм можно рассматривать и как одну из разновидностей «третьего пути». Парадоксы идейно-политической конфронтации КПК с Гоминьданом привели КПК к разработке еще одной теории «третьего пути» — «новой демократии». «Новая демократия» как бы сближалась с суньятсенизмом, включив в себя ряд его прогрессивных положений, но принципиально отличалась от него постулатами классовой борьбы. В советской историографии присутствуют диаметрально противоположные оценки «новой демократии», хотя в последние годы определилась тенденция к более взвешенным ее оценкам. На наш взгляд, совокупность имеющихся в распоряжении исследователей документов и фактов пока позволяет квалифицировать «новую демократию» как удачный тактический маневр КПК, облегчивший завоевание власти и ее стабилизацию.

На уровне стратегии и тактики КПК проблема альтернативности в нашей и китайской историографии долгое время фактически сводилась к конструированию схем закономерностей внутрипартийной борьбы в КПК, то есть к выявлению и объяснению разного рода «линий», «уклонов», «ошибок» и т. д. Сама по себе такая работа не лишена известного смысла, но, как показало время, малопродуктивна. И не случайно советские и китайские историки партии отошли от прежних прямолинейных схем борьбы «двух линий», хотя инерция такого подхода сохраняется. В данном контексте приведем в

качестве примеров лишь некоторые «сюжеты», несколько «узловых пунктов» истории КПК, после которых она — в случае иных решений или исходов — могла принять иное направление: коммунике Суинь—Иоффе (январь 1923 г.); проблема членства или выхода коммунистов из Гоминьдана, особенно после «событий 20 марта» 1926 г.; оценка итогов революции 1925-1927 гг. и выбор дальнейшего пути борьбы и т. п.

К числу проблем истории КПК, не получивших пока убедительного объяснения, относится длительное преобладание так называемых «левацких» тенденций. В этой связи, может быть, стоило бы поразмышлять в качестве рабочей гипотезы над сочетанием в самых различных вариантах таких постоянно действующих мотивационных факторов, как, во-первых, фундаментальные доктринальные установки и, во-вторых, экстремальные условия деятельности КПК, причем не только до, но и после образования КНР.

Здесь мы вновь возвращаемся к проблеме альтернатив, но уже в плане пределов диапазона или рамок выбора оптимальных решений.

В той же плоскости можно рассматривать также и вопрос о «китанизации» марксизма или «идеях Мао Цзэдуна» и строительстве социализма «с китайской спецификой». «Идеи Мао Цзэдуна» трактовались и трактуются поныне в КНР как соединение всеобщих истин марксизма-ленинизма с практикой китайской революции. Тем самым теоретические и практические поиски в пределах «идей Мао Цзэдуна» по самому определению ставятся в достаточно строгие доктринальные рамки. О «новой демократии» уже говорилось. Здесь хотелось бы в самом общем виде коснуться одного из векторов развития Китая после образования КНР. Как известно, Мао Цзэдун и ряд других руководителей КПК и до, и особенно после смерти Сталина и XX съезда КПСС искали специфические китайские, отличные от советских, а с конца 50-х годов и противопоставляемые советским методы социалистических преобразований, социалистического строительства, социалистической индустриализации и т. д. И раз за разом как бы повторяли отнюдь не самые блестящие страницы советской истории. Достаточно упомянуть форсирование кооперирования деревни, «народные коммуны», «большой скачок» и «культурную революцию». Проблемы китайских реформ последнего десятилетия также во многом

перекликаются или сопоставимы с проблемами нашей перестройки. А поскольку власть китайских коммунистов в отличие от стран Восточной Европы опиралась не на советские, а на свои собственные штйки, то логично предположить, что в этом проявилась определенная общая закономерность. Она-то и стоит, в сущности, в центре наших современных дискуссий теоретического и чисто практического планов. Общий знаменатель этих дискуссий еще не просматривается — слишком велик разброс мнений и позиций.

Требует переосмысления и ряд наших подходов к освещению истории КНР. Принятая в наших общих и специальных работах периодизация истории КНР — «КНР в восстановительный период» (1949-1953), «КНР в период первой пятилетки» (1953-1957), «КНР в период «большого скачка» (1958-1960), «КНР в период «урегулирования» (1961-1965) и т. д., отражает направленность и содержание политической и социально-экономической деятельности КПК или идейно-политических процессов в стране в разные периоды («КНР в период «культурной революции»). Однако периодизация в таком виде не дает ответа на принципиально важные вопросы о социально-экономическом содержании изменений, которые претерпело китайское общество на каждом из этих этапов, о характере социально-экономического строя КНР, ее политического и хозяйственного механизма. в итоге осуществления социально-экономических и политических преобразований, попыток осуществления экономических и идейно-политических «скачков». Для решения этих проблем важное значение имеет развернувшаяся дискуссия по проблемам теории и практики социализма, путей и результатов реализации социалистической идеи в странах Востока. Историкам-китаеведам предстоит в этой области большая работа по систематизации и углублению теоретических подходов в сочетании с анализом конкретной действительности Китая.

В тесной связи с указанным выше стоит и задача уточнения позиций, с которых должен осуществляться анализ политических, социально-экономических процессов в КНР, общего и особенного в ее развитии. В работах прошлых лет, в том числе в указанных общих работах, эти процессы оценивались в основном с позиций идеализированного опыта теории и практики социализма в нашей стране, с позиций идеальной одной и общей модели, модели строительства социализма по

схеме: переходный период — построение основ социализма и т. д. — включающей коллективизацию, индустриализацию, «культурную революцию» и т. п. С этих позиций недостатки и ошибки в ходе форсированных преобразований в промышленности, торговле, ремесле и сельском хозяйстве КНР в середине 50-х годов усматривались лишь в темпах и сроках этих преобразований, реализовавшаяся же в их ходе задача «преодоления многоукладности» — центральная по «классической теории» задача «переходного периода» — не ставилась под сомнение. Одна из главных причин ошибочной позиции «большого скачка» усматривалась в отходе от считавшейся «реалистической» программы, намеченной в «Генеральной линии партии в переходный период» (1953) и решениях VIII съезда КПК (1956), в которых строительство «основ социализма» в Китае намечалось реализовать в течение примерно трех пятилеток. При критическом анализе недостатков и ошибок в политике китайского руководства в 50—70-е годы игнорировались принципиальное подобие административно-командных систем в КНР и СССР и определяемая этим обстоятельством сходная в ряде важнейших моментов логика их функционирования. В свете нынешних дискуссий по проблемам теории и практики социализма и опыта развития КНР в 80-е годы эти вопросы требуют нового подхода, с позиций которого следует вернуться, в частности, к оценке таких рубежных событий истории КНР, как принятие «Генеральной линии партии в переходный период» и VIII съезд КПК.

В рамках прежней концепции проблема особенного в социалистическом строительстве в КНР связывалась главным образом с экономической и культурной отсталостью страны. С таким пониманием специфики строительства нового общества в КНР была связана и идея, «заложенная», в частности, в «Новейшую историю Китая»: Китаю необходим учет опыта «преждевременного» свертывания нэпа, уроков форсированной индустриализации и особенно коллективизации в СССР и в целом необходим гораздо более длительный, чем в СССР, период политики «типа нэпа». С учетом реального хода развития КНР, развернувшихся в Китае и за его пределами дискуссий о специфике страны и китайского социализма весьма актуальной представляется разработка проблемы особенного в строительстве нового общества в Китае, включающая анализ не толь-

ко уровня и структуры производительных сил, но и специфики демографического фактора, особенностей традиционного социально-экономического и культурно-политического наследия, его влияния на современные процессы в КНР.

И, наконец, несколько соображений о временных рамках и правомочности использования понятия «новейшее время» вообще и применительно к истории Китая в частности. Нет необходимости разъяснять истоки и содержание использования в трудах советских историков понятия «новейшее время». Китаеведам хорошо известно и содержание дискуссий по этому вопросу в среде китайских историков. В последние годы в ряде советских публикаций в связи с попытками переосмысления исторических судеб развития капитализма и социализма, поиском иных, чем представлялось раньше в господствовавших в среде марксистов концепциях мирового развития, путей неконфронтационных взаимоотношений между странами с различным социальным строем вносятся существенные коррективы в прежнее определение и современной, и всей послеоктябрьской эпохи, а тем самым и в определение содержания понятия «новейшее время», «новейшая история» как категорий анализа всемирно-исторического процесса. В среде ученых высказываются мнения, что исходный пункт «новейшего времени» не должен связываться лишь с Октябрем 1917 г., а должен рассматриваться как период, охватывающий первые десятилетия XX в., когда происходил переход к империализму, кризис капитализма, нашедший отражение в первой мировой войне и революции в России. Известно, что западные Китаеведы — сторонники различных версий концепции модернизации, не принимавшие идеи новейшей истории и предпочитавшие термины «modern» (который мы обычно неточно переводили как «новая») и «современная» (для характеристики «последних» событий), за точки отсчета «новой эпохи» начала процесса модернизации Китая принимали либо Синьхайскую революцию, либо те или иные вехи «вызова» Запада Китаю, служившие толчком к различным формам его «ответов»: опиумные войны, франко-китайскую войну, либо японо-китайскую войну.

Мысль о том, что движение Китая к новым формам социальной жизни, вызванное развитием капитализма, началось еще до и значительно ускорилось после Синьхайской революции 1911 г., и поэтому

весь период истории Китая от Синьхая до 1949 г. в известном смысле следует рассматривать как единый процесс, высказывается и рядом советских историков-китаеведов.

В отмеченных выше подходах есть определенные резоны. Но представляется, что даже если мы пересмотрим прежнее содержание понятия «новейшая история» и найдем вместо него новый термин, не исчезнет тот факт, что в результате комплекса социально-экономических и политических процессов и событий в первые десятилетия XX в. в мире в целом и в положении Китая возникла принципиально новая ситуация. С завершением раздела мира и складыванием колониальной системы, в результате первой мировой войны и Октябрьской революции 1917 г. возникла совершенно новая ситуация в мировом хозяйстве, в конфигурации международных отношений, в отношениях между метрополиями и колониями, в содержании самих исторических процессов в последних. Начавшееся в эпоху колониальных захватов и приобретшее новое качество (вывоз капитала) ко времени завершения раздела мира «включение» в мировое хозяйство в качестве зависимой периферии подавляющего большинства стран Азии и Африки означало и завершение их истории как истории стран «Востока», то есть «перерыв» процессов естественноисторического развития стран, этносов и цивилизаций «классического» Востока, и означало начало их развития по новым путям и закономерностям — как стран «третьего мира».

Что касается Китая, то в результате первой мировой войны и Октябрьской революции 1917 г. радикально изменилось его международное положение. Развитие Советского государства, его политика, воздействие его опыта, связи СССР, ВКП(б) и Коминтерна с различными силами и потоками освободительного и революционного движения в Китае в той или иной степени стали важными факторами, определившими становление, формы организации и в той или иной мере платформы основных субъектов политического процесса в Китае — КПК и Гоминьдана, тем самым в огромной мере определивших направление и итоги социально-политических процессов в стране как до, так и после 1949 г. Можно спорить о содержании этих процессов, но, на наш взгляд, не подлежит сомнению их принципиальная новизна по сравнению с процессами,

протекавшими в Китае до начала 20-х годов.

Несомненно также, что в результате первой мировой войны и Октябрьской революции в нашей стране и в мире возникла принципиально новая ситуация, открывшая новый период развития мировой истории в XX в., отличительными чертами которого стали раскол мира по нынешней терминологии на Запад и Восток, Север и Юг, различные формы конфронтации и взаимодействия между ними. В результате возникли (как бы их не оценивать) новые формы и типы исторического движения, влияние которых будет сказываться еще весьма длительное время. В этом смысле события первых десятилетий XX в. открыли новую полосу мировой истории, радикально отличную по своему содержанию от процессов, определивших ее развитие в предыдущий период.

¹ См.: Новейшая история Китая.— М., 1972; Очерки истории Китая с древнейших времен до наших дней.— М., 1974; Новейшая история Китая. 1917-1927.— М., 1983; Новейшая история Китая. 1928-1985.— М., 1984.

² См., напр.: Социальная структура Китая. XIX — первая половина XX в.— М., 1990.

³ Еще одним из источников поисков нового определения, взамен «традиционного» подхода, является указание на неадекватность категории «помещик» для характеристики подвидимого под эту категорию слоя земельных собственников в китайской деревне («дичжу»), принципиальные отличия системы отношений, трактуемой как «феодализм», в Китае и в странах Европы.

⁴ В том числе в докладе на настоящей конференции. См.: А. А. Писарев. Являлось ли полуколониальное китайское общество полуфеодальным / Китай и социализм. Тезисы докладов I Всесоюзной научной конференции.— М., 1990.— 9—11 октября.— Ч. I.— С. 50—54. Его же. Гоминьдан и аграрно-крестьянский вопрос в Китае в 20—30-е годы XX века.— М., 1986.— С. 26—34.

⁵ А. В. Меликсетов. Победа Китайской революции.— М., 1989.

Корейская война 1950—53 гг.: современное переосмысление

Б. СЛАВИНСКИЙ

Очевидно, мало кто из советских людей помнит в подробностях о корейской войне, бушевавшей на Дальнем Востоке в начале 50-х годов и едва не приведшей к третьей мировой войне. Тем, кто родился в те годы, скоро будет 40 лет. И они знают о ней, пожалуй, только понаслышке. Однако история зарождения конфликта на Корейском полуострове, сама корейская война и ее последствия самым непосредственным образом связаны с современностью, с сегодняшней международной обстановкой на Дальнем Востоке.

Как известно, сейчас между Севером и Югом Кореи происходит процесс поиска возможностей для диалога. Состоялись встречи премьер-министров. Намечаются контакты в области торговли. В этих условиях задача других стран, связанных с корейской проблемой, состоит в том, чтобы обеспечить, так сказать, благоприятную международную обстановку, всячески способствовать успешному проведению внутрикорейских переговоров.

Как нам представляется, этому процессу в значительной степени способствовала бы расчистка стола переговоров от завалов прошлого, прояснение всего того, что привело к возникновению самой корейской проблемы, отказ от замалчивания, недомолвок, полуправды, а то и просто искажения исторических фактов, которое имело место не только во времена сталинщины, но и в последующие годы. Настало время прояснить ряд «белых пятен» в истории международных отношений и внешней политики СССР в этом исключительно важном, динамически развивающемся регионе мира, где соприкасаются стратегические интересы самых крупных держав мира — СССР, США, Китая, Японии.

В рамках статьи у нас нет возможности сколько-нибудь полно рассмотреть корейский вопрос. Поэтому ограничимся только теми его аспектами, которые вызывают наибольший интерес у исследователей как у нас в стране, так и за рубежом. Отвечало ли национальным интересам США или Советского Союза развязывание военных действий на Корейском полуострове? Оправдались ли расчеты тех кругов, которые вовлекли свои страны в корейскую войну? Кто, собственно, начал военные действия 25 июня 1950 г., Юг или Север? Каковы итоги и выводы корейской трагедии?

Но прежде чем перейти к анализу этих непростых вопросов, совершим необходимый экскурс в историю корейской проблемы.

Напомним, что на заключительном этапе войны с Японией командования СССР и США пришли к соглашению считать 38-ю параллель разграничительной линией военных действий американских и советских войск на Корейском полуострове. В соответствии с этим решением советские войска должны были принять капитуляцию японских войск в Корее к северу, а американские войска — к югу от 38-й параллели. Таким образом, единственной целью временного раздела Кореи на две зоны было принятие капитуляции японских войск.

Однако впоследствии, в условиях «холодной войны», которая разразилась между СССР и США практически сразу после окончания второй мировой войны, 38-я параллель превратилась, по сути, дела в границу между Севером и Югом Кореи.

Корейский вопрос обсуждался на Московском совещании министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (декабрь 1945 г.), на котором было

Славинский Борис Николаевич, заместитель главного редактора журнала «Проблемы Дальнего Востока», специалист по международным отношениям на Дальнем Востоке.

принято советское предложение, предусматривавшее воссоединение Кореи как единого, независимого государства, формирование общекорейского правительства и создание условий для развития страны на демократических началах. Но реализация этого плана с самого начала натолкнулась на серьезные трудности.

В северной части Кореи сразу же после освобождения были ликвидированы японские органы колониального аппарата, проведена земельная реформа, национализированы промышленность, транспорт, средства связи, банки и т. д. При этом советская военная администрация способствовала созданию структуры партийной и государственной власти по образу и подобию модели, существовавшей в те годы в СССР, которую сегодня называют «казарменным социализмом», с ее командно-административным стилем управления, предельным централизмом, ограничениями демократии, созданием предпосылок для зарождения культа личности.

С другой стороны, на юге Корейского полуострова США, декларировав приверженность принципам парламентаризма и демократии, на деле способствовали установлению авторитарного режима, во всем зависимого от Вашингтона. В экономике приоритет был отдан частному капиталу, весьма слабому и зависимому от Запада.

При столь глубоких различиях в подходах к государственному устройству Кореи, в условиях «холодной войны», бушевавшей тогда в мире, совместная советско-американская комиссия по Корее, созданная в соответствии с решением Московского совещания для пражской реализации принятых решений, так и не смогла выработать приемлемую формулу образования единого, независимого, суверенного корейского государства. Если Советский Союз отдавал предпочтение объединенной демократической Корее с национальной экономикой и культурой, то США, по мнению американского исследователя Н. Грейбнера, «не смогли принять советское определение «демократическая», что завело переговоры в тупик». Другими словами, в основе расхождений лежали идеологические мотивы, мировоззренческие соображения и классовые интересы, которые в те годы были определяющими в сфере международной политики.

В этих условиях Вашингтон избрал другой путь. Рассчитывая использовать в Организации Объединенных Наций механическое большинство голосов, находив-

шееся в то время под американским контролем, США передали рассмотрение корейского вопроса в ООН с тем, чтобы решить его на своих условиях.

В результате такой политики Соединенные Штаты сумели провести в Южной Корее выборы в национальное собрание и сформировать южнокорейское правительство во главе с Ли Сын Маном. 15 августа 1948 г. было провозглашено образование Республики Корея.

В противовес этому курсу власти Северной Кореи при поддержке советской военной администрации провели аналогичную работу на Севере, и 9 сентября 1948 г. была образована Корейская Народно-Демократическая Республика.

Вслед за образованием КНДР Пхеньян добился объединения партийных организаций Севера и Юга в Трудовую партию Кореи (ТПК) и создал Единый демократический отечественный фронт (ЕДОФ) Кореи, основными задачами которого провозглашалась борьба за независимость и объединение страны, за немедленный вывод из Южной Кореи американских войск.

После создания ЕДОФ паргизанское движение в Южной Корее, руководимое коммунистами, активизировалось. Оно сопровождалось крестьянскими восстаниями и забастовками рабочих, массовыми митингами и демонстрациями. В начале июня 1950 г. Единый демократический отечественный фронт вновь рассмотрел вопрос об объединении страны и объявил о своем отказе рассматривать 38-ю параллель государственной границей¹.

Можно предположить, что в Пхеньяне считали: ситуация на Корейском полуострове созрела для перехода к решительным действиям в деле объединения Кореи в единое государство. При этом принималось во внимание наличие благоприятной международной обстановки. В соседнем Китае победила народная революция. 1 октября 1949 г. было провозглашено образование Китайской Народной Республики. В феврале 1950 г. Советский Союз и КНР заключили Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи. Успешное развитие экономического и военного потенциала КНДР, решающую роль в котором играла помощь со стороны Советского Союза, создавало в представлении северокорейского руководства материальную основу для объединения корейской нации.

Как реагировал на такой ход событий Вашингтон? Как он оценивал свои стратегические позиции в регионе? И в более общем плане, что составляло концепту-

альные основы дальневосточной политики США в 1945—1950 гг.? Международная военно-политическая обстановка на Дальнем Востоке в первые послевоенные годы для США складывалась неудовлетворительно. Хотя «главный враг» — милитаристская Япония — был повергнут и США прочно утвердились в этой стране, осуществляя там фактически единоличный контроль, но пришли в движение на волне одержанной победы практически все страны и народы Восточной Азии, начался всеобщий подъем национально-освободительной борьбы. Народы стремились сбросить оковы колониализма, обрести национальную и социальную свободу. Во Вьетнаме развернулось мощное наступление против французских колонизаторов: непрекращающиеся забастовки рабочих, партизанские бои прокатились по всему югу Корейского полуострова; вели упорную борьбу за свои права японские трудящиеся.

Особенно болезненно переживали в США крах своей политики в Китае. Истратив миллиарды долларов на экономическую и военную помощь Гоминьдану, Соединенные Штаты пытались спасти коррумпированный, полностью обанкротившийся режим Чан Кайши. Однако под напором китайской революции все эти усилия завершились полной неудачей.

В этих условиях главная задача администрации США заключалась в том, чтобы стабилизировать положение на Дальнем Востоке, передислоцировать американские вооруженные силы таким образом, чтобы не допустить дальнейшего ухудшения своих позиций.

В руководящих кругах Вашингтона формировалось убеждение в необходимости отказа от вовлеченности в дела на материковой части Восточной Азии и закрепления на цепи островов, расположенных вдоль азиатско-тихоокеанского побережья. Объединенный комитет начальников штабов (ОКНШ) предложил, чтобы США установили «оборонный периметр» на Тихом океане вне Азиатского континента, то есть определили некий рубеж для целей стратегического планирования. Это позволило бы Пентагону, исходя из имевшихся у него сил и возможностей, наметить те страны в регионе, которые он должен был защищать в случае, если они будут атакованы. В этой связи в Соединенных Штатах пришли к заключению, что Южная Корея для них стала помехой. По оценке ОКНШ, американские воору-

женные силы, распыленные по всему миру, не располагали ресурсами для защиты южнокорейского режима. ОКНШ рекомендовал вывести американские войска из Кореи. Г. Трумэн одобрил эти рекомендации¹.

Вашингтон, сделав упор на оснащение лисынмановской армии необходимыми вооружениями и пообещав Сеулу дополнительную военную и экономическую помощь, в июне 1949 г. вывел свои боевые части из Южной Кореи. Там осталось только 500 советников. (Напомним, что советские воинские части были выведены из Северной Кореи в конце 1947 г.).

Такое же решение было принято и в отношении Тайваня, так как закрепившиеся там националисты, изгнанные под напором китайской революции из Китая, могли вновь втянуть США помимо их воли и желаний во внутренние китайские проблемы, из которых они с таким трудом только-только выбрались. Единственное, чего опасались в Вашингтоне, так это того, что Тайвань может попасть «в руки врага». Ведь после образования КНР пекинские лидеры постоянно заявляли, что непременно должны освободить Тайвань, и тщательно готовились к этому.

Эти американские оценки и подходы к азиатско-тихоокеанской политике, в том числе в отношении Кореи и Тайваня, постепенно приобретали концептуальное оформление. Излагая суть этой политики, госсекретарь США Д. Ачесон 12 января 1950 г. в выступлении в Национальном клубе печати заявил, что «периметр обороны» США на Тихом океане проходит от Алеутских островов через Японию и Окинаву к Филиппинам. Руководитель внешнеполитического ведомства Соединенных Штатов дал ясно понять, что на Корею, как и на Тайвань, расположенный к западу от этого «периметра», не распространяются гарантии США. «Позже поговаривали, — писал Д. Ачесон в своих мемуарах, — что моя речь (12 января 1950 г. — Б. С.) «открыла зеленый свет» для атаки на Южную Корею из-за того, что последняя не была включена в «оборонный периметр». Но это не так, — считает госсекретарь. — На русских большое впечатление оказали, вероятно, двухгодичная агитация за вывод ударных сил США из Кореи, поражение в конгрессе в вопросе предоставления Кореи незначительной помощи и усиливающаяся дискуссия по мирному договору с Японией»¹.

В этот период представители госде-

партамента и Пентагона тщательно об-суждали планы перегруппировки своих вооруженных сил на Дальнем Востоке с тем, чтобы не допустить потери прежде всего Тайваня. В противном случае, считали они, будет нарушена вся цепь взаимодействия американских войск в Восточной Азии между Японией и Филиппинами, что считалось недопустимым. В этой связи была проведена серия совещаний с участием высокопоставленных американских дипломатов и военных. В частности, в Токио в январе 1950 г. состоялось совещание объединенной группы начальников штабов вооруженных сил США во главе с генералом О. Брэдли, а в середине июня там же побывали министр обороны США Л. Джонсон и консультант госдепартамента Дж. Даллес.

Окончательное решение по Тайваню было принято на совещании в «Блэр-хаус» в Вашингтоне (24-25 июня 1950 г.). Высшие военные руководители и госсекретарь США выработали рекомендации американскому президенту немедленно отдать приказ 7-му тихоокеанскому флоту, который базировался на Филиппинах, направиться в Тайваньский пролив с целью воспрепятствовать освобождению острова войсками КНР. Подчеркну, что все это было решено еще до начала корейской войны, хотя в советской историографии указывают на него, как на один из шагов Белого дома в связи с событиями на Корейском полуострове. Так же оцениваются январское и июньское совещания высшего военного командования Пентагона и госдепартамента США, на которых якобы рассматривались планы развязывания корейской войны.

В советской исторической литературе, в том числе и в работах автора, отмечалось как непреложная истина, что США «активно готовились к войне в Корее», «открыто поддерживали и поощряли подготовку южнокорейского правительства к нападению на КНДР»⁵. Только отдельные исследователи, в том числе В. Б. Воронцов, придерживались другой точки зрения.

Однако тщательный анализ внешнеполитических документов госдепартамента США, воспоминаний Г. Трумэна, Д. Ачесона, других высокопоставленных дипломатов и военных, а также многотомных материалов слушаний в американском конгрессе показывает, что главной заботой Вашингтона в то время были положение вокруг Тайваня, юридическое закрепление пребывания американских войск в

Японии и стремление Ли Сын Мана искусственно поддерживать напряженность на Корейском полуострове.

Ли Сын Ман понимал, что без американской поддержки и военной помощи его режим неминуемо рухнет. Поэтому он яростно выступал против вывода американских войск из Южной Кореи. Когда в июне 1949 г. они все же были выведены, южнокорейский лидер всячески стремился привлечь внимание Соединенных Штатов к положению в Корее и с этой целью санкционировал сотни вооруженных провокаций в районе 38-й параллели, что потенциально могло втянуть США помимо их желания в войну⁶.

Поэтому Вашингтон стремился сдерживать агрессивные устремления Ли Сын Мана, используя в качестве рычага давления обещания дополнительной экономической и военной помощи. Именно с этой целью в Сеуле побывал Дж. Даллес, который в самый канун корейской войны — 18 июня 1950 г. — посетил район 38-й параллели.

Как же события развивались дальше? 25 июня 1950 г. рано утром по всей линии 38-й параллели начались военные действия между частями КНА и лисынмановскими войсками. В этой связи возникает вопрос, который непременно фигурирует при любом рассмотрении корейской проблемы: кто первым начал военные действия, Юг или Север?

На этот счет существуют две совершенно противоположные точки зрения. Одна — северокорейская, которую официально поддерживали Советский Союз, Китай и другие социалистические страны. В дальнейшем именно на этой версии базировались все действия советской дипломатии. На ней основывались публикации нашей прессы, а также все работы советских обществоведов, посвященные корейской войне, суть которых сохраняется и поныне.

Другой точки зрения придерживаются США, их союзники, а также большинство афро-азиатских и латиноамериканских стран.

Рассмотрим обе версии подробнее. Итак, как сообщила «Правда», 25 июня 1950 г. радио Пхеньяна передало два заявления правительства КНДР. В первом из них сообщалось, что рано утром этого дня «южнокорейская армия численностью до 10 дивизий совершила внезапное нападение на территорию Северной Кореи по всей линии 38-й параллели». Ей удалось

вторгнуться на северокорейскую территорию на глубину от 2 до 3 км. Во втором сообщении говорилось: «Действуя совместно с частями Народной армии, охраняемые отряды республики полностью отбили атаки врагов, проникших на север от 38-й параллели, и перешли в контрнаступление».

Под ударами частей Корейской народной армии лисынмановские войска оказались деморализованными и начали отступать. Развивая наступление в глубь территории Южной Кореи, КНА через три дня заняла Сеул. К концу сентября 1950 г. части Народной армии вели боевые действия уже на самом юге Корейского полуострова у г. Пусан, 95 % всей территории Кореи оказались под контролем Пхеньяна.

Прямо противоположного мнения о начале военных действий в Корее придерживались США, Англия, Франция, другие западные государства. Они получили информацию о «непровоцированном нападении» КНДР на Республику Корея от комиссии ООН в Корее⁵, а также от посла США в Сеуле Дж. Муччо, который телеграфировал в Вашингтон, что «северокорейские войска вторглись в нескольких пунктах на территорию Южной Кореи»⁶.

Вот как излагается ход развития событий того злополучного дня в американской историографии. Рано утром 25 июня 1950 г. Северная Корея предприняла «неожиданное вторжение» в Южную Корею. 75-тысячная армия Севера устремилась через 38-ю параллель, атаковав шесть главных пунктов вдоль нее и высадив морской десант в двух пунктах на восточном побережье Южной Кореи. Северокорейское радио начало немедленно заявлять, что атака была «оборонительной» и что Южная Корея предприняла попытку вторжения на Север. Тем временем, развивая стремительное наступление, танковая колонна частей КНА продвигалась в направлении Сеула, который уже 28 июня был занят северокорейскими войсками¹⁰.

Свою оценку началу корейской войны дал и командующий американскими войсками на Дальнем Востоке генерал Д. Макартур. В телеграмме, которую он направил президенту Г. Трумэну, говорилось: нет никаких надежд, что южнокорейская армия сможет устоять перед натиском частей КНА. В телеграмме подчеркивалось: «Потери Южной Кореи, как это показывают боевые действия, не свидетельствуют о соответствующих способ-

ностях к сопротивлению либо воле сражаться, и, по нашей оценке, нависла угроза полного краха»¹¹.

25 июня по требованию США состоялось заседание Совета Безопасности, на котором была принята предложенная американской стороной резолюция, обвинившая КНДР в агрессии, то есть нападении на Республику Корея, и представлявшая последнюю в качестве жертвы агрессии. В ней содержалось также требование о немедленном прекращении огня в Корее и выводе северокорейских войск за линию 38-й параллели¹². 27 июня была принята еще одна резолюция, в которой содержались рекомендации членам Организации Объединенных Наций предоставить «Республике Корея такую помощь, которая может быть необходима для того, чтобы отразить вооруженное нападение и восстановить международный мир и безопасность в этом районе»¹³.

Последняя часть принятой резолюции стала основанием для расширения масштабов американской поддержки южнокорейских войск, которая накануне уже была предпринята по распоряжению администрации США. 27 июня Г. Трумэн объявил, что он отдал приказ военно-воздушным и военно-морским силам США на Дальнем Востоке прийти на помощь Южной Корее. Он распорядился также, чтобы 7-й тихоокеанский флот, уже крейсеровавший в направлении Тайваньского пролива, предотвратил любую атаку со стороны Китая на Тайвань. Одновременно Г. Трумэн приказал расширить предоставление военной помощи французским силам в Индокитае и укрепить американские войска на Филиппинах.

30 июня президент США обязал генерала Д. Макарута двинуть сухопутные войска из Японии в Корею. Он также приказал американским ВМС блокировать все корейское побережье и дал распоряжение бомбардировать территорию Северной Кореи. Вмешательство Соединенных Штатов в военные действия на Корейском полуострове приняло всеобъемлющий, полномасштабный характер.

7 июня американская администрация провела в Совете Безопасности новую резолюцию, в которой содержались положения о предоставлении членами ООН вооруженных сил и иных средств в распоряжение объединенного командования под руководством США, о просьбе к Соединенным Штатам назначить командующего такими силами и об использовании

флага ООН в ходе боевых действий в Корее¹⁴.

Это решение Совета Безопасности поддержали 53 государства. Однако только 15 из них, связанные союзническими соглашениями с Вашингтоном или находящиеся в сильной зависимости от США, послали свои вооруженные силы в Корею. Более того, две трети «войск ООН» составляли американские военно-служащие (ВВС — 93,4 %, ВМС — 85,9 сухопутные силы — 50,3 %) ¹⁵.

8 июля Г. Трумэн назначил генерала Д. Макартура командующим войсками ООН в Корее.

Здесь следует сказать, что Советский Союз в это время не принимал участия в работе Организации Объединенных Наций. Дело в том, что после образования Китайской Народной Республики СССР энергично поддерживал требование китайского правительства об изгнании из Совета Безопасности представителя Чан Кайши и его замене представителем Народного Китая. Однако США и их сторонники отказались допустить в ООН представителя КНР. В знак протеста против этой незаконной акции советский представитель в ООН Я. Малик 13 января 1950 г. заявил, что Советский Союз не будет участвовать в работе Совета Безопасности и других органов ООН и признавать их решения до тех пор, пока чанкайшист не будет изгнан из Организации Объединенных Наций. «Эта кардинальная русская ошибка открыла пять месяцев спустя путь к объединению ООН против атаки на Южную Корею», — писал в своих мемуарах Д. Ачесон¹⁶.

Со своей стороны А. А. Громыко в книге «Памятное» возлагает вину за этот дипломатический просчет на Сталина, который якобы отверг его предложение принять участие в работе Совета Безопасности, чтобы иметь возможность наложить вето на любое решение, которое могло бы противоречить интересам корейского народа¹⁷.

После начала корейской войны и вмешательства в нее США правительство СССР сочло необходимым возобновить свое участие в Совете Безопасности, и 1 августа 1950 г. советский представитель занял в нем свое место.

Подытоживая сказанное, можно сделать вывод, что с точки зрения международного права столкновение Севера и Юга в начальный период носило характер внутреннего конфликта между проти-

востоящими друг другу различными частями одной нации, то есть это была гражданская война. Однако Соединенные Штаты вмешались во внутрикореиские дела, что стало актом открытой агрессии, в корне меняло характер разразившейся на Корейском полуострове гражданской войны.

После рассмотрения хода развития начальной стадии корейского конфликта сделаем попытку сопоставить приведенные выше совершенно противоположные точки зрения.

Как уже говорилось, к военным действиям готовились и Юг, и Север. США создали и вооружили южнокорейскую армию численностью 100 тыс. человек. В Северной Корее с помощью Советского Союза была создана Корейская народная армия.

Вооруженные стычки вдоль 38-й параллели происходили с разной степенью интенсивности и до 25 июня 1950 г. Особенно участились они в 1949 — первой половине 1950 г., исчисляясь сотнями. Иногда в этих стычках участвовало более чем по тысяче человек с каждой стороны.

Политические деятели Севера и Юга, пользуясь терминологией «холодной войны», предавались недипломатической риторике, обвиняя друг друга в предательстве интересов корейского народа. При этом в Сеуле звучали провокационные призывы «объединить нацию» силой оружия, имевшие своей целью поддержание напряженности на Корейском полуострове с тем, чтобы вначале (до июня 1949 г.) не допустить или замедлить вывод американских войск из Южной Кореи, а позже — добиваться от США получения максимально возможной военной и экономической помощи.

Из-за невозможности в настоящее время получить доступ к соответствующим архивным материалам у автора нет документальных данных, показывающих, каким именно образом развивались события в то злополучное утро. Так, в настоящий момент на основе имеющихся у исследователей данных невозможно абсолютно точно установить, было ли осуществлено нападение южнокорейских войск с углублением на территорию КНДР до 2—3 км, как утверждал Пхеньян, или имела место неспровоцированная агрессия Севера, как заявляли Сеул и Вашингтон. Анализируя происшедшее, важно иметь в виду следующее. До 25 июня 1950 г. вооруженные столкновения разной степени ожесто-

ценности исчислялись сотнями, однако никогда не вызвали столь масштабной реакции КНДР. Можно утверждать, что даже в том случае, если имела место провокация со стороны Сеула, реакция Пхеньяна была неадекватной, она далеко выходила за рамки «отпора» или «наказания». Следовательно, на этот раз было принято политическое решение начать вооруженные действия по всей линии 38-й параллели. Ведь такая акция требует тщательной подготовки: накопления достаточных сил, обеспечения необходимого запаса снаряжения, горючего, продовольствия и т. д.

Из теории военного искусства известно, что нападающая сторона для достижения успеха должна по численности в несколько раз превосходить своего противника. И трудно предположить, что южнокорейская сторона, тщательно подготовившись к походу на Север и развязав неожиданное генеральное наступление, смогла продвинуться только на несколько километров в глубь северокорейской территории. Более того, в считанные часы она была разгромлена и отброшена Народной армией, да так, что через три дня потеряла всю столицу Сеул, куда вошли части КНА.

КНДР, будучи зависимой в экономическом и военном отношении от Советского Союза, конечно же, не могла не согласовывать свою политику с Москвой. Какие-либо серьезные политические решения, которые принимались бы корейскими руководителями в те годы сепаратно, полагаю, исключались. Это в полной мере относится и к военным действиям против Южной Кореи.

Можно предположить, что Сталин, оценивая военно-политическую обстановку на Дальнем Востоке, полагал возможным достичь быстрой победы и добиться объединения Севера и Юга военным путем посредством развязывания гражданской войны на Корейском полуострове. На фоне убедительной победы китайской революции 1949 г., когда Народно-освободительная армия Китая разгромила чанкайшистские войска, пользовавшиеся огромной военной помощью со стороны Соединенных Штатов, Сталин, видимо, считал, что того же можно достичь и в Корее. При этом предполагалось, что США не решатся прямо вмешиваться в вооруженный конфликт, слишком сокрушительным выглядело их поражение в Китае, да и в американском обществе существовал

своего рода «китайский синдром».

То, что военные действия начала именно северокорейская армия, подтверждают высказывания очевидца этих событий — ответственного партийного работника КНДР Кан Сан Хо, который в первые дни боев находился в районе 38-й параллели. После анализа обстановки на месте боев он пришел к такому выводу: «Надо быть слепым или идиотом, чтобы не понять, что войну, несомненно, начал Ким Ир Сен»¹⁸.

Такой же вывод следует и из воспоминаний Н. С. Хрущева. Бывший советский руководитель утверждает, что Ким Ир Сен сумел убедить Сталина в том, что революционная ситуация на Юге Кореи созрела. Там, мол, только ждут сигнала с Севера, чтобы свергнуть режим Ли Сын Мана¹⁹.

Анализ опубликованных в то время документов позволяет достаточно ясно представить себе советские подходы к корейской проблеме. Так, в заявлении заместителя министра иностранных дел А. А. Громыко об американской вооруженной интервенции в Корее от 4 июля 1950 г. говорилось, что «корейцы имеют такое же право устроить по своему усмотрению свои внутренние национальные дела в области объединения Юга и Севера в единое национальное государство, какое имели и осуществили североамериканцы в 60-х годах прошлого века, когда они объединили Север и Юг в единое национальное государство»²⁰.

Однако Соединенные Штаты все же вмешались в корейские дела, кардинально отойдя от выработанной ранее стратегии «сдерживания коммунизма» в Азии. Недооценка такого поворота событий стала крупнейшим дипломатическим просчетом советского руководства.

Какими же обстоятельствами определялись действия Вашингтона в отношении событий в Корее? Отбросим как пропагандистские и риторические заявления американских деятелей о «защите свободы и демократии» в Корее от происков коммунистов, что лежало в основе обоснования вмешательства США в корейский конфликт. С точки зрения реальной политики Белый дом, видимо, пришел к заключению, что после «потери» Китая возможность образования единого корейского государства, дружественного Советскому Союзу, неминуемо создаст серьезную угрозу американским интересам в Японии, крайне затруднит положение Соединенных Штатов в азиатско-тихооке-

анском регионе. Нависла угроза краха всей азиатской политики США. Д. Ачесон впоследствии писал: «Ясно, что эта атака (Севера против Юга.— Б. С.) не давала повода для объявления войны Советскому Союзу. Также очевидно, что это был открытый, явный вызов нашему международно признанному статусу защитника Южной Кореи, региона огромной важности для безопасности оккупированной Соединенными Штатами Японии»²¹.

Как же в дальнейшем развивались военные действия на Корейском полуострове? Пытаясь предотвратить полное поражение лисынмановских войск, США 15 сентября высадили десант в тылу КНА в районе Инчхона (16 миль от Сеула) — 50 тыс. пехоты с танками и артиллерией. Высадку десанта прикрывали 800 самолетов и 300 военных кораблей. Одновременно американское командование подготовило мощный контрудар на Пусанско-Тэгуском плацдарме, где против 70-тысячной северокорейской армии были сосредоточены вдвое большие силы «войск ООН». В результате этих действий части КНА попали в трудное положение, многие из них были окружены и вынуждены с тяжелыми боями прорываться на Север, неся большие потери.

Тем временем США, предвкушая скорую победу, добились на 5-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН согласия последней на переход «войсками ООН» 38-й параллели. Это, по сути дела, давало им карт-бланш на захват всей территории КНДР. Развивая наступление, американско-южнокорейские войска в октябре 1950 г. вышли в отдельных местах к пограничным с Китаем рекам Ялу и Тумынь, что создавало непосредственную угрозу безопасности Китайской Народной Республики.

КНР не могла смириться с перспективой установления на Корейском полуострове американского контроля, то есть с возможностью появления враждебных сил на китайско-корейской границе протяженностью 700 км. Поэтому 25 октября 1950 г. китайские народные добровольцы были направлены в Корею и присоединились к частям КНА. После упорных оборонительных боев КНА и китайские добровольцы отбросили противника и перешли в контрнаступление. Американско-южнокорейские войска, понеся большие потери, начали отступать. К середине декабря 1950 г. территория КНДР была освобождена.

В дальнейшем военные действия развивались с разной степенью интенсивности, а с середины 1951 г. стабилизировались на 38-й параллели, то есть примерно там, где они и начались 25 июня 1950 г.

Ноябрьско-декабрьское (1950 г.) поражение американских войск в Корее вызвало взрыв истерии в США, панические настроения среди военных, импульсивные и мало продуманные рекомендации командующего силами ООН Д. Макартура. Он разработал программу «решительных действий», которая, по словам генерала, должна была быстро привести к победоносному завершению войны. Для этого он предложил перенести военные действия на китайскую территорию, используя стратегическую авиацию для бомбардировки военных и промышленных объектов в Маньчжурии, а также перекрытия путей снабжения китайской армии со стороны СССР. Макартур настаивал на необходимости полностью заблокировать китайское побережье. Он считал возможным использовать чанкайшистские войска для ведения военных действий на юге Китая, а также на корейском фронте.

Однако президент Г. Трумэн, госсекретарь Д. Ачесон, министр обороны Д. Маршалл (сменивший Л. Джонсона в октябре 1950 г.) не решились приступить к осуществлению этих опасных планов. В правящих кругах США развернулась длительная и острая дискуссия, так называемый большой спор. Как бы подытоживая его, председатель ОКНШ О. Брэдли заявил, что если бы было осуществлено предлагавшееся Макартуром распространение войны на Китай, то это повлекло бы США «не в ту войну, не в том месте, не в тот момент и не с тем противником»²².

Американская администрация, оценивая возможные последствия нападения на КНР, принимала в расчет наличие Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи, подписанного СССР и Китаем 14 февраля 1950 г. Сколь серьезное значение придавалось в США наличию этого договора, свидетельствуют многочисленные высказывания высших руководителей этой страны, а также ведущих американских исследователей. Вот что писал по этому поводу Г. Трумэн: «Без сомнения, мы достигли момента, когда надо было принимать серьезное решение. Если бы мы избрали путь разжигания войны в отношении Китая, нам следовало бы ожидать возмездия. Пекин и Москва были союз-

никами как идеологически, так и по договору. Если бы мы напали на коммунистический Китай, то должны были ожидать русского вмешательства»²³.

Рассуждения американских стратегов в общем виде сводились к следующему: США пока не готовы к «большой» войне с Советским Союзом. По их оценкам, у Соединенных Штатов не было для этого достаточного количества войск и ресурсов. Положение в Европе характеризовалось как нестабильное, западноевропейские союзники США испытывали большие экономические трудности и без американской поддержки были уязвимы, НАТО находилась только в зародыше. Поэтому главная опасность для США заключалась в возможности потерять Западную Европу, которая якобы легко могла попасть в руки Советов. Кроме того, после переброски американских сухопутных частей с Японских островов на корейский театр военных действий уязвимой оставалась Япония, которая входила в «периметр безопасности» США и потеря которой для них также считалась неприемлемой.

В этой связи Белый дом не решился расширить масштабы войны в Корее и отверг рекомендации Макартура по перенесению военных действий на территорию Китая, что неминуемо вызвало бы полномасштабную войну с КНР и вынудило Советский Союз в силу союзнических обязательств с этой страной встать на сторону Китая. «Генерал Макартур был готов пойти на риск всеобщей войны, — свидетельствовал Трумэн. — Я не был готов к этому»²⁴.

Отстаивая свою позицию, Д. Макартур активно выступал в прессе, от имени США делал заявления для печати, обращался с разного рода предложениями и даже ультиматумами к корейско-китайскому командованию, иногда в противовес официальной точке зрения Вашингтона, что вызывало крайне негативную реакцию Белого дома. В этой связи 11 апреля 1951 г. генерал Д. Макартур был смещен со всех командных постов на Дальнем Востоке.

Здесь следует отметить, что американское командование также допустило огромный дипломатический просчет в отношении оценки возможности включения в корейскую войну воинских частей Китайской Народной Республики. 2 мая 1951 г. на слушаниях в американском конгрессе впервые было оглашено содержание беседы Г. Трумэна и Д. Макартура,

которая состоялась в середине октября 1950 г. на острове Уэйк. Из нее следовало, что президент США был введен в заблуждение утверждениями командующего силами ООН по вопросу о возможности вмешательства КНР в корейскую войну. В сообщении отмечалось, что Макартур заявил Трумэну, что Китай вряд ли сможет переправить через пограничную реку Ялу из Маньчжурии войска численностью более 50-60 тыс. человек. При этом он утверждал, что американская авиация сможет «искромсать» их до того, как они достигнут Пхеньяна²⁵.

Однако в действительности события развивались по-иному. По американским оценкам, численность отрядов китайских добровольцев составила 200 тыс. человек и вооружены они были первоклассными советскими танками, реактивным оружием, в небе Кореи появились лучшие по тем временам истребители МиГ-15, что позволило дать противнику сокрушительный отпор, а затем прочно удерживать позиции вдоль 38-й параллели вплоть до подписания Соглашения о перемирии.

Вопрос о прекращении огня в Корее встал на повестку дня международной жизни практически с первых дней корейской войны. Вначале этого потребовали США и их сторонники в Совете Безопасности, а затем и Советский Союз, когда вмешательство Соединенных Штатов и «войск ООН» в гражданскую войну в Корее стало свершившимся фактом.

После ноябрьско-декабрьского поражения «войск ООН» и стабилизации военных действий вдоль 38-й параллели в Соединенных Штатах стали раздаваться голоса о необходимости поисков путей к установлению мира в Корее. В этих условиях Я. Малик, выступая 23 июня 1951 г. в Нью-Йорке с речью по радио, предложил в качестве первого шага мирного урегулирования корейского конфликта приступить к переговорам о прекращении огня и о перемирии²⁶. На этот раз США, убедившись в невозможности одержать победу военным путем, согласились на переговоры, которые продолжались почти два года. 27 июля 1953 г. Соглашение о перемирии в Корее было подписано.

Каковы основные итоги и уроки корейской войны? Что удалось достигнуть вовлеченным в нее противоборствующим силам?

Прежде всего нужно еще раз подчеркнуть, что война закончилась практически на тех же позициях вдоль 38-й параллели,

где она разразилась. Ни Северу, ни Югу не удалось с помощью кровопролитных сражений военным путем завершить «объединение родины» на своих условиях, добиться реализации своих классовых интересов. Вспомним, что за каждой из воюющих сторон стояли великие державы, принадлежавшие к различным социальным системам. Это означало, что первая послевоенная «проба сил» в локальном военном конфликте между ними никому не принесла политических дивидендов. Соотношение сил на мировой арене сложилось таким образом, что ни одна из великих держав не располагала больше возможностями безнаказанно проводить в жизнь свои великодержавные замыслы. К сожалению, этот исторический урок вскоре был забыт, и Соединенные Штаты ввязались в гражданскую войну во Вьетнаме, а Советский Союз вмешался во внутренние дела соседнего Афганистана. Печальные итоги этой политики общеизвестны.

«Ограниченная война» в Корее привела к огромным человеческим потерям всех вовлеченных в нее государств. По официальным американским данным, в корейской войне США потеряли 54 246 человек убитыми и 103 284 человека ранеными. Потери китайских частей, включая раненых, составили около 1 млн. человек.

Но самые страшные потери понес корейский народ: погибло 9 млн. человек, из них 84 % — мирные жители.

Что же касается советских людей, то данные об их потерях не публиковались. Но из литературных источников, в том числе мемуарных, известно, что во время корейской войны погибли наши советники, связисты, медработники, дипломаты, другие специалисты, оказывавшие помощь народной Корее. По нашему мнению, настало время дать в печати подробную информацию об этом.

Следующий итог корейской войны — резкое усиление милитаристских тенденций во всем мире, скачкообразный рост военных расходов, возрастание до критических масштабов международной напряженности не только на Дальнем Востоке, но прежде всего в Европе, на Ближнем и Среднем Востоке.

По официальным данным американской статистики, с 1949 по 1953 г. военные ассигнования США выросли с 12,9 млрд. долл. (32,7 % бюджета) до 50,4 млрд. (67,8 % бюджета). Всего же за 1950—53 гг. на военные цели было истратено 130 млрд.

долл., то есть почти на 50 млрд. больше, чем в предшествующем четырехлетии²⁷. Численность вооруженных сил США за три года войны увеличилась на 2 млн. человек. К ее концу в американской армии находилось 3,6 млн. человек²⁸.

Таким образом, война в Корее детонировала, по сути дела, переход Соединенных Штатов на военное положение, перевод ее экономики на военные рельсы. Это привело к существенному росту военного потенциала США. Резко возросла агрессивность Вашингтона, который все в большей мере стал опираться на военно-силовые методы разрешения международных проблем.

Конфликт на Корейском полуострове оказал самое непосредственное воздействие на всю глобальную систему международных отношений, способствовал активизации деятельности НАТО, что привело к усилению напряженности в Европе. «Холодная война» между Западом и Востоком, а точнее — между США и СССР достигла своего апогея.

Вполне естественно, что в этих условиях Советскому Союзу для сохранения военного паритета также пришлось резко увеличить расходы на оборону. И это в то время, когда мы только-только стали выбираться из руин второй мировой войны.

Война в Корее — яркий пример того, какое значение имеет для страны взвешенная, глубоко продуманная на коллективной основе внешняя политика. Ее неудача оборачивается неисчислимыми потерями для всего народа.

На нынешнем этапе исторического развития, когда новое политическое мышление становится реальностью в практике международных отношений, настал час разблокировать завалы, возведенные в печально известные времена «холодной войны», которые связаны с корейской проблемой, и войной на Корейском полуострове, в частности.

¹ The American Military and the Far East. Proceedings of the Ninth Military History Symposium. US Air Force Academy. 1-3 oct. 1980. Washington. US GPO, 1980. — P. 47.

² См.: История Кореи (с древнейших времен до наших дней). — М., 1974. — Т. II. — С. 222.

³ Paul Y. Hammond. *The Cold War Years: American Foreign Policy since 1945*. N. Y., 1969.— P. 44—45.

⁴ Dean Acheson. *Present at the Creation*. N. Y., 1969.— P. 358.

⁵ См., например: *История Кореи (с древнейших времен до наших дней)*.— Т. II.— С. 224.

⁶ О маневрах Ли Сын Мана см.: В. Б. Воронцов. *Послесловие ПДВ*.— 1990.— № 6.

⁷ *Правда*, 1950.— 26 июня.

⁸ ООН ГА. Пятая сессия. Документ А/1350.

⁹ *American Foreign Policy: 1950—1955, Basic Documents*.— Washington, 1957.— Vol. II.— P. 2536—2538.

¹⁰ *China and U. S. Far East Policy, 1945—1966*.— Washington, 1967.— P. 51, 53.

¹¹ Harry S. Truman. *Years of Trial and Hope. Memoirs*. N. Y., 1956.— Vol. II.— P. 337.

¹² Доклад Совета Безопасности Генеральной Ассамблеи за период времени с 16 июля 1949 г. по 15 июля 1950 г. Нью-Йорк, 1950.— С. 24.

¹³ Там же.— С. 26.

¹⁴ Там же.— С. 28—29.

¹⁵ См.: В. М. Мазуров. *Южная Корея*

и США (1950—1970 гг.).— М., 1971.— С. 18—19.

¹⁶ Dean Acheson. *Op. cit.*— P. 357.

¹⁷ А. А. Громыко. *Памятное. Книга первая*. М., 1988.— С. 207.

¹⁸ *Огонек*.— 1991.— № 1.— С. 27.

¹⁹ Там же.

²⁰ *Отношения Советского Союза с народной Кореей, 1945—1980. Документы и материалы*.— М., 1981.— С. 81.

²¹ Dean Acheson. *The Korean War*. N. Y., 1971.— P. 20.

²² *Military Situation in the Far East. Hearings before the Committee on Armed Services and the Committee on Foreign Affairs, United States Senate, 82-nd Congress, 1st Session*.— Pt. 2.— Wash., 1951.— P. 732.

²³ Harry S. Truman. *Op. cit.* — Vol. II.— P. 382.

²⁴ *Ibid.*— P. 416.

²⁵ *China and U. S. Far East Policy, 1945—1966*.— P. 57.

²⁶ См.: *Отношения Советского Союза с народной Кореей*.— С. 85.

²⁷ *U. S. Bureau of the Census, Statistical Abstract of the United States: 1956*.— Washington, 1956.— P. 234.

²⁸ *Ibid.*— P. 235.

Письма архимандрита Поликарпа

(из истории Российской
духовной миссии в Пекине)

А. ИПАТОВА

Члены Российской духовной миссии в Пекине, из стен которой вышло большинство русских китаеведов, оставили после себя обширную переписку, относящуюся к пекинскому периоду их жизни.

В середине XIX в. почтовая связь между Санкт-Петербургом и Пекинской миссией была строго регламентирована — всего 4 раза в год. Из Петербурга в Пекин и обратно почта направлялась одновременно во второй половине (не позднее 20 числа) февраля, мая, августа и ноября. Однако, судя по датам донесений и писем, эти сроки нередко сдвигались вплоть до последних чисел означенных месяцев. Сверх этого по 4 раза в год в Пекин отправлялась почта из Иркутска (канцелярии генерал-губернатора Восточной Сибири) и Кяхты (от Троицко-Савского пограничного начальника и городских властей) в январе, апреле, июле и октябре и из Пекина в эти города¹. Всякий раз наряду с официальной корреспонденцией — донесениями в Азиатский департамент МИД и Канцелярию Синода, отчетами о работе, деловыми бумагами в различные научные ведомства России, научными трудами — из Пекина отправлялись и частные письма.

Еще в 1727 г. Кяхтинский договор, официально закрепивший статус Пекинской миссии, определил 10-летний срок пребывания в Китае каждого очередного ее состава². Часто он бывал продолжительнее, к тому же многие из членов миссии по несколько раз выезжали в Китай³. И нетрудно понять, сколь важной для них была эта переписка.

Эпистолярное творчество членов духовной миссии — наименее выявленный

и освоенный пласт многогранного наследия отечественных китаеведов. Многие осело в домашних архивах и безвозвратно исчезло, тем не менее значительная часть приватной переписки уцелела и хранится в различных архивах, прежде всего в Архиве внешней политики России (АВПР) МИД СССР и Центральном государственном историческом архиве СССР (ЦГИА), бывшем ЛОЦИА, ЦГИАЛ.

Интерес русских и советских китаеведов к эпистолярному наследию своих предшественников, равно как и к их дневниковым записям в Пекине⁴, наблюдался всегда. Однако справедливости ради следует признать, что интерес этот проявляли и проявляют лишь отдельные историки, энтузиасты, поборники всестороннего, комплексного изучения отечественного китаеведения, русско-китайских отношений. Особая заслуга в изучении и популяризации этих своеобразных исторических источников, несомненно, принадлежит П. Е. Скачкову, его ученику, коллеге и последователю В. С. Мясникову, а также А. Н. Хохлову, досконально обследовавшему фонды не только центральных, но и многих республиканских и местных архивов и музеев. П. Е. Скачков опубликовал письма Н. Я. Бичурина, В. С. Мясников, возрождая эту традицию, — письма врача 11-й миссии Порфирия Евдокимовича Кирилова к известному сибирскому купцу и собирателю редкостей Василию Николаевичу Баснину⁵. Продолжая эту серию находок и публикаций, обратимся к частным письмам главы 12-й миссии П. Тугаринова к Н. И. Любимову, в те

Ипатова Анда Семеновна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИДВ АН СССР.

годы вице-директору Азиатского департамента МИД России.

Поликарп Тугаринов — каков он? В китаеведческой литературе сложился малопривлекательный образ начальника 12-й миссии, в значительной степени, видимо, под влиянием характеристик, данных ему академиком В. П. Васильевым, который молодым магистром-востоковедом был прикомандирован к 12-й миссии и работал в Пекине под началом Тугаринова. 10 лет спустя по возвращении из Китая В. П. Васильев вспоминал: «Никому из архимандритов Азиатский департамент не давал такого доверия и власти, а Поликарп все еще боялся, что у него ее отнимут, и на всяком шагу ее отыскивал. Будучи умным и нельзя сказать, что необразованным человеком, не имея ни тени монашеского ханжества, он тем не менее был несносен по своему взбалмошному раздражительному характеру и капризам. То он вдруг ласков, и вдруг чрез несколько минут смотрел на того же человека, как на лакея. У него были расставлены наперед вопросы, кого преследовать и кому покровительствовать»⁶. Позже в письме к П. С. Попову В. П. Васильев писал о Тугаринове, что тот «жесток до самодурства»⁷.

Вместе с тем не следует забывать и объективно непростые условия десятилетнего совместного проживания небольшой (7—10 человек) группы людей вдали от России в крайне непривычных для европейца условиях, и климатических, и бытовых. Размещались они в двух отстоявшихся друг от друга на расстоянии восьми верст русских подворьях — Южном (Наньгуань) и Северном (Бэйгуань)*. Вели весьма замкнутой образ жизни, жили почти изолированно от местного населения. Исключение составляли китайцы-учителя, чиновники Палаты внешних сношений (Лифанюаня), китайский пристав миссии, потомки албазинцев да небольшой круг знакомых пекинцев. В Пекине находились почти безвыездно. Однообразно, в трудах, учении и молитвах, проходили дни и годы. Приятное оживление и разнообразие вносили поездки в буддийские монастыри близ китайской столицы, походы ботаников и врачей за образцами местной флоры в близлежащие горы.

На таком отнюдь не радужном фоне особенно остро проявились несходство жизненных позиций, сложные противоречивые характеры В. П. Васильева и П. Тугаринова. Все это, вместе взятое, видимо, породило устойчивую нетерпимость во взаимоотношениях этих двух членов миссии, один из которых, хотя и номинально, находился в подчинении у другого.

В целом же известные китаеведам сведения о П. Тугаринове крайне скупы и в основном, что вполне объяснимо, ограничиваются его пекинским и предпекинским периодами жизни. Не установлена даже дата его смерти. Сын ярославского священника, Петр Андреевич Тугаринов родился в 1799 г. В августе 1827 г. по окончании Ярославской семинарии поступил в Петербургскую духовную академию. В ноябре 1829 г. студентом высшего класса он принял монашество и в январе 1830 г. зачислен в состав 11-й миссии иеродиаконном. По приезде в Пекин сразу же занялся изучением восточных языков — китайского, маньчжурского и тибетского. В свидетельстве, выданном ему Советом миссии в октябре 1835 г., говорится, что он занимался «китайским языком (<...> с успехом превосходным, маньчжурским — очень успешно и тибетским — хорошо». В Пекине Тугаринов увлекся изучением буддизма. В 1833 г., после того как ему удалось приобрести уникальное собрание буддийских книг на китайском языке «Ганчжур» и «Данчжур», он занялся переводами отдельных сюжетов из буддийских трактатов.

Из-за тяжелой болезни Тугаринов был вынужден раньше срока вернуться в Россию, где продолжил учебу в Петербургской духовной академии. В 1839 г. окончил ее, получил ученую степень магистра богословия, был назначен начальником 12-й миссии и посвящен в сан архимандрита.

Получив назначение, П. А. Тугаринов быстро занялся подбором людей, прежде всего тех, которых знал лично по учебе в академии. Состав без преувеличения оказался поистине уникальным. Помимо лиц духовного звания, таких, как иеромонах Иннокентий Немцов, Палладий Кафаров и Гурий Карпов, в 12-ю миссию вошли также студенты И. А. Гош-

* С конца 50-х годов на территории Северного подворья располагается Посольство СССР в КНР.

кевич, В. В. Горский (умер в Пекине в 1847 г.) и И. И. Захаров, врач А. А. Тугаринов, художник К. И. Корсалин и прикомандированный к миссии востоковед В. П. Васильев. Большинство из них стало китаеведами и оставило заметный след в отечественной и мировой науке, в истории дипломатии России на Востоке. И это определенная заслуга П. Тугаринова, сделавшего столь удачный выбор. Вскоре по прибытии в Китай многие из них под влиянием П. Тугаринова, имевшего некоторый опыт в переводе буддийских сочинений, увлеклись буддологией. Этому способствовало и такое немаловажное обстоятельство, как наличие в библиотеке миссии упомянутой нами коллекции буддийских книг, которую П. Тугаринов, уезжая в Россию, вынужден был продать библиотеке Пекинской миссии за 30 фунтов серебра, тем укрепив превосходную источниковую базу для научных изысканий в стенах миссии.

Регулярно докладывая в Азиатский департамент о научных занятиях членов миссии и особо выделяя труды П. Кафарова и В. Горского, архимандрит Поликарп высоко оценивал их успехи, способности и необыкновенное трудолюбие.

В научном китаеведении сам П. Тугаринов не оставил сколько-нибудь заметного следа. В «Библиографии Китая» П. Е. Скачкова нет ни одного упоминания имени П. Тугаринова, нет его и среди авторов дошедших до нас неопубликованных работ в подробнейшем своде «Рукописного наследия русских китаеведов»⁶.

Дипломатическая деятельность П. Тугаринова была весьма насыщенной и плодотворной. На него было возложено ответственное задание — всемерно способствовать расширению русско-китайских торговых связей. В период пребывания 12-й миссии в Китае произошли события, круто изменившие его историческое развитие. Поражение Цинской империи в первой опиумной войне 1840—1842 гг. и подписание неправомерного Нанкинского договора с Англией и дополнительного Хумэньского соглашения повлекли за собою целую серию подобных договоров Китая с другими странами. Это означало крах изоляционистской внешней политики Цинов и насильственное открытие страны для иностранных товаров, а затем и иностранного капитала. Английские изделия все уверен-

нее заполняли китайский рынок, вытесняя российские товары традиционного ассортимента кяхтинской торговли. Это весьма беспокоило Петербург, и министерство иностранных дел поручило миссии максимально полно информировать его о торговой ситуации в Китае. П. Тугаринов с этим заданием справился и, видимо, успешно. Успешно завершил он и начатые Н. И. Любимовым, длившиеся не один год трудные переговоры с цинскими властями о сокращении сроков пребывания в Пекине каждого состава миссии до 6 лет.

Таким представляется нам начальник 12-й миссии П. Тугаринов, автор писем, о которых речь пойдет далее.

Адресат П. Тугаринова, Николай Иванович Любимов, человек, бесспорно, интересный, деятельность которого заслуживает серьезного специального изучения. С его именем связан немаловажный период русско-китайских отношений. В жизни Н. И. Любимова были и благочестивое детство и отрочество (происходил он из духовного сословия), и университетская юность, и блестящая карьера дипломата-востоковеда, а затем петербургского сановника. В 1828 г. в возрасте 20 лет он закончил Московский университет и поступил на службу в министерство иностранных дел. В начале 1829 г. утвержден в чине коллежского секретаря, в октябре 1830 г. назначен начальником 1-го стола 2-го отделения Азиатского департамента, в апреле 1833 г. произведен в коллежские асессоры, с 1836 г. — начальник 2-го отделения. В апреле 1840 г. по предложению МИД Николай Иванович Любимов назначен приставом для сопровождения в Китай 12-й миссии и возвращения на родину 11-й миссии. Должность эта была весьма ответственной. Приставами назначались (постоянно — с 1794 г.) либо чиновники МИД, уже имевшие определенный опыт дипломатической службы, либо военные в ранге подполковника или полковника.

Тогда-то и познакомился Любимов с Тугариновым. Они провели вместе более года (по июнь 1841 г.). Пребывание Н. И. Любимова в Пекине было весьма плодотворным не только в деле знакомства с Китаем, но и в решении практических вопросов. В апреле 1843 г. статский советник Н. И. Любимов был назначен вице-директором Азиатского департамента. В его дипломатической деятельности была и своего рода детективная

страница. Между Россией и Китаем не существовало официальной договоренности о торговле в Западном Китае вплоть до Тарбагатайского (Кульджинского) договора 1851 г., и она носила подулегальный характер. Посредниками выступали жители Средней Азии. Однако со временем русские купцы, переодевшись в среднеазиатский костюм и заручившись письмами от своих среднеазиатских посредников к местным китайским властям, сами стали торговать в Западном Китае. В 1845—1846 гг., облачившись в среднеазиатский наряд, Н. И. Любимов нелегально совершил поездку в китайские города Чугучак и Кульджу под именем фридрихсгамского купца 2-й гильдии Николая Иванова Хорошева. Цель поездки — выявление возможностей расширения русско-китайских торговых связей в Западном Китае. Во время этой поездки Н. И. Любимов в беседе с чугучакским амбанем обратился к нему с вопросом: «Могут ли русские приезжать в Чугучак в своем национальном платье?» Ответ был категорически отрицательным: «Торговля там со стороны китайского правительства позволена андижанцам (кокандцам и ташкентцам), и поэтому русские должны приезжать в азиатском наряде»⁹. По возвращении Н. И. Любимову был пожалован чин действительного статского советника. После договора 1851 г. о торговле в Кульдже и Чугучаке, учреждении там консульств и открытия факторий¹⁰ Н. И. Любимов был назначен директором Азиатского департамента (1852). В 1856 г., после поражения в Крымской войне в МИД была проведена основательная смена дипломатических кадров, и Н. И. Любимов переведен в Сенат. Остаток дней своих он провел вдали от России. Скончался в 1875 г. в швейцарском городе Гаисе, был быстро забыт современниками, практически не вспоминали о нем и востоковеды последующих поколений. Это дало основание Н. И. Веселовскому с горечью констатировать, что Н. И. Любимов, «имевший некогда значительное влияние на политическую деятельность России на Востоке, мало кому известен. Он не оставил никаких печатных трудов, хотя имел большой запас интересных материалов, собранных им путем личных наблюдений в странах Восточной и Средней Азии и полученных от ориенталистов, с которыми находился в дружеских отношениях. Никто не потрудились написать его био-

графию и указать его заслуги перед государством»¹¹. Сказанное более 80 лет назад и сегодня остается, к сожалению, в силе.

Накопленные за 30-летнюю службу в МИД материалы (принадлежащие перу Н. И. Любимова рукописные подлинники, черновики документов, обширные и краткие научно-практические записки, отчеты, проекты документов и рекомендации, дневники путешествий, все его записные книжки) хранились в личном архиве Любимова, который он, покидая Россию, взял с собою. Казалось бы, архив Любимова был обречен на исчезновение. Так оно и случилось бы, если бы не энергичные действия М. Б. Аничковой, вдовы друга Николая Ивановича, бывшего российского посланника в Персии Н. А. Аничкова. Она знала о существовании этого архива, и поиски привели ее в Швейцарию. Здесь на чердаке дома, где жил Н. И. Любимов, она обнаружила его архив. Он хранится теперь в ЦГИА в фонде «Канцелярия Синода» (89 ед. хр.).

Особый интерес для характеристики Любимова представляют собою записки-размышления, которые он делал для себя перед отъездом из Петербурга. «Способен ли Китай обновиться? Не от того ли неподвижность Китая, что он, так сказать, отрезан от остального движущегося человечества?» — таков был главнейший вопрос его размышлений. «Отчего Китай так давно живет, какие особенные причины этой необыкновенной жизненности и долговечности? Сколько народов прошло и государств совершенно исчезло, а он все существует со времен гораздо предшествовавших христианству! И существует почти без религии, без чистых нравов, без всего, что составляет силу и крепость народа и дает ему долготитие»¹². «Практическим ориенталистом» назвал Н. И. Веселовский Н. И. Любимова.

В домашнем архиве Н. И. Любимова среди многочисленных и различных по характеру и назначению бумаг были обнаружены мною частные письма П. Тугаринова. Всего десять писем¹³. Первое и второе из них датированы 2 марта и 8 июня 1841 г., когда Н. И. Любимов был еще в Пекине, и адресованы не ему, а другому вице-директору Азиатского департамента. Вероятно, они попали к Любимову вместе с прочими бумагами его предшественника. Последнее письмо П. Тугаринова к Н. И. Любимову датировано 10 сентября 1849 г. и написано незадолго до

отъезда 12-й миссии из Пекина.

Письма от 2 марта и 8 июня 1841 г., посвященные событиям первой опиумной войны, носят преимущественно описательный характер, изобилуют зарисовками курьезных сценок, занимательными сюжетами из китайской жизни, связанными с войной, и не содержат сколько-нибудь серьезного анализа и глубоких суждений о ситуации в стране. Причины такого подхода вполне объяснимы. Краткий срок пребывания 12-й миссии в Китае, значительная удаленность от театра военных действий, скудость официальной информации. «Не знаю, что делается на Юге Китая,— признается П. Тугаринов,— а жители Пекина с некоторого времени вздохнули, и наиболее от того, что в Тяньцзянском заливе ничего особенного не происходит» (л. 15). И далее переходит к описанию заинтересовавших его эпизодов. «Представляю Вам еще курьезную штучку — английский пароход, нарисованный китайским художником, картина, которая в своем роде не имеет себе подобной и в числе многих экземпляров ходит теперь по рукам. Пекинцы рассказывают, что сия страшная машина срисована была в то самое время, как сидела на мели в Тяньцзинском заливе (видно недалеко была она от берега). Всего живописнее в ней трубы: из одной, сказано, что идет белый дым, а из другой черный дым, и чтобы никто в этом не сомневался, сделана над каждою трубою Китайская надпись. Здесь еще могла бы быть нарисована удивительная картина: отъезд Дзяньдзюня (*главнокомандующего*) на войну. Я удостоился видеть это особенной прелести зрелище: дзяньдзюнь был несомненно на носилках; весь штат его, кто в повозках, кто на лошадях, прислуги насчитал, разных чиновников человек с 50. Даже при нашем приставе, который с ним отправился, до 10 человек служителей, из коих один вез лук, другой стрелы, третий тюфяк, подушки и т. д. У нас, когда кто получает повеление ехать, — сел да полетел, а здесь — так нет погоды, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Дзяньдзюнь, напр[имер], собирался на войну ровно 20 дней, а провезут его, т. е. пронесут, — ровно 30 дней, и это еще потому, что должен делать по две станции в сутки согласно с высочайшим повелением».

Однако наряду с развлекательным материалом в этом же письме есть и весьма меткая характеристика цинского пра-

вительства: «Главное же, о чем хлопочет здешнее правительство это то, чтобы иметь, по китайскому выражению, перед народом лицо (по-русски это значит — врать всякую чепуху и петушиться, хотя на сердце совсем другое). От этого и выходит, что печатается одно, а предписывается иногда совсем другое и наоборот» (л. 16, 15 об.).

Письма П. Тугаринова, адресованные непосредственно Любимову, содержателее первых двух. Центральная тема их — социально-экономическое положение Китая, которое адресант характеризовал как кризисное. К этому кризису, резюмирует автор писем, привели страну первая опиумная война и кабальные условия Нанкинского договора. С чувством сострадания пишет Тугаринов о тяжелейшем положении простого народа, вызванном стихийными бедствиями и тяготами дополнительного налогового обложения для покрытия расходов на войну, а затем на уплату Англии контрибуции, о критических ситуациях, возникавших при сборе налогов, о состоянии торговли, в том числе и иностранной.

Изменениям конъюнктуры на китайском рынке глава миссии отводит значительное место в своих письмах, учитывая особый интерес своего адресата к этой проблеме. Судя по архивным материалам, Н. И. Любимов в 40—50-е годы тщательно изучал внешнеторговую ситуацию в Китае, выявляя возможности реализации товаров России на китайском рынке, разрабатывая рекомендации о путях и методах расширения русско-китайских торговых связей, причем не только за счет увеличения объема и ассортимента, улучшения качества российских товаров, но и путем расширения географии самой торговли. В архиве Н. И. Любимова хранятся копии и черновики его донесений о кяхтинской торговле, записки о торговле иностранцев в Китае, об участии Российско-американской компании в чайной торговле, о торговле с западными городами Китая через Семипалатинск (50-е годы) и другие материалы. Нет необходимости объяснять, как были важны для Любимова каждое новое добротное свидетельство, живая иллюстрация.

В письме от 10 марта 1846 г. Тугаринов пишет Н. И. Любимову: «Китай умирает с голоду, потому что англичане повытаскали из него все серебро. Как всегда, куча явилась всяких проектов и соображений для поправления зла, между которыми самый

главный тот, что вместо серебра хотят выехать на чохах*. Но зло неисцелимо, потому что неисцелима причина его — курение опиума. Пока все еще спокойно, исключая некоторых дебоширств, бывших в прошлом году при сборе оброка, местных и скоро подавленных. Но что будет и что должно быть дальше? Торговля в застое, народ в бедности и недоимках и правительство, угрожаемое опасностью совершенного банкротства. И впереди все то же: опиум, опиум и опиум. Есть от чего прийти в отчаяние. ...Прошлым летом, — продолжает глава миссии, — они (англичане. — А. И.) были в Корее; но по совету и настоянию Китайского Правительства там натянули им нос. Из этого однако же Вы увидите, что они странствуют по белу свету со своими неустойчивыми и неутомными замыслами и под предлогом разных предложений все высматривают. И само собой разумеется, что если Китай не даст им сильного отпора, они будут, не зная только скоро ли, и в Шаньдуне, и в Тяньцзине, и в Корее. Торговля — их недуг». Так писал Тугаринов за 10 лет до начала второй опиумной войны (л. 125—126).

Мысль о предстоящей новой войне неоднократно высказывается им. В письме от 26 июля 1846 г. о. Поликарп возвращается к теме иностранной торговли: «В Китае совершенно все по-старому и новостей особенно важных и замечательных нет (...). В торговле все та же старина. Опиум идет во главе всего и прелесть как идет, по отзывам всех, теперь это самый лучший товар, совершенно не имеющий застоя. Притом он и подешевел ужасно. В Пекине, за Цяньмэнем уже открыто множество гостиниц для исключительной затяжки этим зельем. Затем идут бумажные изделия, стекла, зажигательные спички и больше ровно ничего. Английских сукон нет ни лоскута, в буквальном смысле. Я говорю о Пекине. О юге мне ничего не известно. Зато торговля бумажными изделиями возросла у европейцев до изумительной степени. Пекин завален ими, и тогда как все китайское с году на год дорожает, они, напротив, к удовольствию китайцев непрестанно дешевеют. Теперь их развозят даже по деревням. Можете угадывать, какой должны они иметь сбыт:

не то что наши сукна» (л. 134 об. — 135).

В письме от 15 марта 1847 г. Тугаринов снова обращается к теме иностранной торговли: «Голод и дороговизна серебра, возвысившегося почти до 4100 чох. за лану, совершенно парализовали в нынешнем году пекинскую торговлю. Но торговля европейскими изделиями цветет на славу. Вследствие разных льгот, данных в конце прошлого года купцам из Шанхая (...), в Пекин столько навезено европейских товаров, что не знают, куда с ними деваться, и продают за бесценок. Мы увидели в числе их даже английские сукна, в значительном количестве и весьма хорошие, как все английское. С наступающего года разрешено казенный хлеб из Шанхая и прилегающих к нему мест доставлять в Пекин морем. Нет сомнения, что эта мера, уже постоянная, еще больше облегчит тамошним купцам привоз европейских товаров и даст торговле ими движение небывалое. Вообще европейская торговля благоденствует в Китае» (л. 149 об.).

Тема, постоянно присутствующая в письмах, — кризисное состояние китайской экономики, и как следствие ее — бедственное положение народа. В письме от 26 июля 1846 г. глава миссии сообщает: «Китайское правительство неутомимо занимается доправкой денег со всякой души, подлежащей его ведению. Но все как-то идет плохо и распадается. Соляные откупы совершенно падают, а эта статья дохода в Китае весьма важная. Она одна доставляла ежегодно казне до 80 млн. ассигнаций. Сбор поземельных доходов тоже становится труден и бедные чжисяни (уездные начальники) целыми десятками летят под суд за слабое усердие к пользам казны. В таможах то же настроение, и недочеты по ним считаются просто сотнями тысяч. Серебро снова начинает дорожать, и не дальше как на последних двух днях (...), слышно, поднялось весьма много. Что же будет, когда придут в Тяньцзинь суда с опиумом и наступит время взноса податей? Все говорят, и этому очень можно поверить, что к концу осени оно поднимется выше 4000 за лану. Вы, верно, помните, что во время нашего приезда в Китай лана менялась только по 3 тыс. чох., и все говорили, что эта цена ужасная. Значит, за 6 лет на каждую лану прибыла четвертая

* Чох — медная разменная монета, курс которой менялся в зависимости от курса серебряной денежной единицы лана, или ляна. Лян — слиток серебра весом в 37,301 г; соответствующая мера веса.

часть. Есть чем опечалиться китайскому правительству и порадоваться чужим» (л. 135—135 об.).

В письме от 15 марта 1847 г. Тугаринов снова возвращается к этой теме: «В Китае почти повсеместный голод, инде от засухи, в других местах от лишних дождей, но больше от первой, и преимущественно в Северном Китае. В одну Хэнаньскую Губернию отпавлено в пособие жителям больше 2-х миллионов рублей (так в тексте.— А. И.) серебром. От грабежей и разбоев дороги сделались почти непроходимыми (л. 149 об.).

В последнем письме, написанном из Пекина 10 сентября 1849 г., архимандрит сообщает, что, «по рассказам людей, читающих китайские газеты, Китай и в нынешнем году постигло наводнение в тех же самых местах и губерниях, что и прежде» (л. 158).

В заключение еще об одной важной теме, проходящей через все пекинские письма Тугаринова,— о народных волнениях, бунтах, смуте. Так же, как в одном из писем Тугаринов предсказал вторую опиумную войну за 10 лет до ее начала, он, внимательно следя за вспышками народных волнений и недовольства положением дел в стране, предсказал и крестьянскую войну тайпинов. «Не хочу пророчествовать,— писал он 26 июля 1846 г. Любимову,— и боюсь сделать это невпопад. Но в Китае готовится что-нибудь важное. Уже в прошлых годах осенью были в разных местах бунты, и весьма порядочные. Вероятно, что они повторятся и ныне при сборе оброка и будут повторяться до тех пор, пока весь Китай не взбунтуется» (л. 135 об.).

Приведенными выше выдержками отнюдь не исчерпывается познавательная, научная ценность этих писем. Даже фрагментарное знакомство с этой корреспонденцией дает вполне объективное представление о ее характере.

Научная ценность. Велика ли она у такого рода приватной информации, личных размышлений и оценок? И нужны ли они современному исследователю, вооруженному многочисленными официальными документами, в том числе дипломатической перепиской, научными справочниками, энциклопедиями, фундаментальными монографиями и обобщающими трудами, словом, всем тем, что накопило мировое китаеведение почти за 150 лет, отделяющих нас от того времени? Ответ может быть только утвердительным.

Живые свидетельства очевидцев, тех, кто имел уникальную по тем временам возможность видеть Китай и события, происходящие в нем, одновременно и изнутри, и вместе с тем в качестве и с позиций представителей другой страны, отстраненно, как бы извне,— сами по себе уникальны, так как позволяют почувствовать атмосферу жизни китайского общества, что особенно важно в такие переломные периоды истории, какими были для Китая 40-е годы XIX в.

¹ АВПР, ф. Главный архив. 1—5, 1823.— Д. 1, п. 22., л. 122.

² Русско-китайские отношения. 1689—1916. М., 1958, С. 19.

³ Продолжительность пребывания в Пекине 7 из первых 14 миссий (1715—1864) превышала срок от 1 до 7 лет. Глава 9-й миссии Н. Я. Бичурин прожил в Китае 15 лет, 19 лет жил и работал в Китае глава 11-й миссии (1830—1840) Вениамин Морачевич (1821—1840), 17 лет, с перерывом в 3 года,— глава 12-й миссии Поликарп Тугаринов (1830—1849), в общей сложности 31 год провёл в Китае Паладий Кафаров, член 12-й и глава 13-й и 15-й миссий (1840—1848; 1850—1858; 1865—1877) и т. д.

⁴ См.: Дневник архимандрита Палладия за 1858 г. СПб., 1912; Скачков К. А. Пекин в дни тайпинского восстания. Из записок очевидца. М., 1958; Ефимов Г. В. Пекинский дневник врача Российской духовной миссии А. А. Корниевского // Народы Азии и Африки.— 1965.— № 6.— С. 141—142.

⁵ Советское китаеведение.— 1958.— № 3.— С. 141—154; Народы Азии и Африки.— 1962.— № 1.— С. 100—102; Проблемы Дальнего Востока.— 1988.— № 3.— С. 115—126; № 4.— С. 146—155.

⁶ Цит. по: П. И. Кафаров и его вклад в отечественное китаеведение.— М., 1977.— Ч. 1.— С. 16.

⁷ Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения, С. 205.

⁸ См.: Скачков П. Е. Библиография Китая. М., 1960; его же. Очерки истории русского китаеведения. Приложение 4.— С. 388—459. АВПР, ф. Главный архив. 1—5, 1823.— Д. 1, п. 1, л. 404.

⁹ АВПР, ф. Главный архив. II—3, 1846, Д. 5., л. 152.

¹⁰ См.: Русско-китайские отношения, С. 26—29. Консулами были назначены: в Чугучак — А. А. Татаринов, в Кульджу — И. И. Захаров.

¹¹ См.: Живая старина (СПб), 1908.— II—IV.

¹² ЦГИА, ф. 796. оп. 448. ед. хр. 33., л. 51—52 об., 54.

¹³ Там же, ед. хр. 6. Далее — № лл. в тексте.

Имя выдающегося советского разведчика, коммуниста-интернационалиста Рихарда Зорге золотыми буквами вписано в летопись Великой Отечественной войны, 50-летняя годовщина начала которой исполняется в нынешнем году. Зорге прибыл в Японию с разведывательным заданием в сентябре 1933 г. Японская контрразведка вскрыла группу и начала аресты ее членов осенью 1941 г. К этому времени группа стала мощной, широко разветвленной. О Зорге и его боевых соратниках изданы десятки книг у нас в стране и за рубежом. Чаще всего имя Зорге упоминается в связи с тем, что его информация, достоверная и тщательно аргументированная, о готовящемся нападении гитлеровской Германии на Советский Союз была проигнорирована Сталиным и его окружением. При этом как-то забывается, уходит в тень, что это была лишь небольшая часть собранной и переданной в Центр его группой информации.

В 1962 г. в Японии было опубликовано три тома документов, относящихся к следствию и судебному процессу над группой Зорге. В СССР они практически не использовались. Доктор исторических наук, профессор МГИМО МИД СССР Ф. Д. Волков подготовил к публикации перевод этих документов, выполненный в 60-х годах Н. Н. Соловьевым. Мы намерены опубликовать тематические выдержки из них. Как ни печально, но мы вынуждены начать с материалов об аресте членов группы. Это позволит читателям получить представление о ней, о взаимоотношениях членов группы.

Начало разработки, арест и список арестованных лиц

Рицу Ито, арестованный полицией в 1940 г. как главное лицо инцидента, связанного с деятельностью подготовительного комитета по восстановлению Коммунистической партии Японии и подозреваемый в нарушении закона о поддержании общественного порядка, убежденный коммунист, в течение нескольких месяцев не признавался в совершенном преступлении, тем самым затрудняя ведение дела. Однако в результате примененных в полиции строгих мер, с одной стороны, а с другой, — благожелательности, внезапно изменил свое отношение и признался в совершенном преступлении.

В показаниях указанного выше Рицу Ито говорилось, что некая женщина Томо Китабаяси, 56 лет, член японской группы Коммунистической партии США вернулась в Японию и, похоже, она ведет шпионскую деятельность. После этого заявления полиция начала выяснять местопребывание указанной Китабаяси. К поискам полиции подключился особый первый отдел, а также отдел по делам иностранцев. Их совместными усилиями Китабаяси и ее муж Есисабуро Китабаяси были обнаружены и арестованы в префектуре Вакаяма 28 сентября 1941 г. Стало известно, что еще ранее до них в Японию возвратился и ведет шпионскую деятельность уроженец Окинавы, член Коммунистической партии США Етоку Мияги. Не теряя времени, полиция 10 октября арестовала Мияги. По результатам обыска квартиры Мияги и в связи с его попыткой покончить с собой, полиция пришла к выводу о существовании крупной шпионской организации. Круглосуточные пытки Мияги, а также слежка, установленная за его квартирой, привели к аресту многих лиц, вовлеченных в деятельность организации, а также вывели полицию на ядро организации. Начиная с 14 октября были арестованы Ходзуми Одзак, Рихард Зорге и др. После допросов Мияги и Одзак к 8 августа 1942 г., как это видно из таблицы,

было арестовано 35 человек. Среди них и те, кто знал о разведывательной деятельности, и те, кто о ней не знал.

Список арестованных лиц
Члены группы

Фамилия	Возраст	Место работы	Дата ареста
Томо Китабаяси	57	Закройщица	28.09.41
Етоку Мииги	40	Художник	10.10.41
Кодзи Аниями	53	Без определенных занятий	13.10.41
Фусэко Кацуми	53	Сотрудница компании	13.10.41
Ходзуми Одзакэ	42	Внештатный сотрудник компании «Мантэцу»	15.10.41
Такэси Мидзуно	33	Сотрудник зала «Итамото»	17.10.41
Рихард Зорге	48	Специальный корреспондент газеты «Франкфуртер цайтунг»	18.10.41
Макс Клаузен	44		18.10.41
Бранко Вукелич	38	Помощник представителя агентства «Гавас»	18.10.41
Садаёси Каван	42	Сотрудник компании	22.10.41
Угэита Тагути	40	Брокер	29.10.41
Анна Клаузен	43	Без определенных занятий	19.11.41
Масами Ямана	41	Сотрудник компании	15.12.41
Хисао Фунакоси	41	Сотрудник отделения научно-исследовательского Института по изучению Китая в Пекине	04.01.42
Есио Кавамура	33	Заведующий шанхайским отделением «Мансю нитинити»	31.03.42
Есинобу Косиро	34	Служащий компании	11.04.42
Токутаро Ясуда	45	Врач	08.06.42

Лица, не входившие в разведывательную организацию

Енсабуро Китабаяси	61	Без определенных занятий	28.09.41
Ясумаса Окаи	26	Студент Токийского университета	11.10.41
Такэси Хага	44	Внештатный сотрудник отдела изучения мировой экономики	12.10.41
Камэносукэ Судзуки	50	Брокер	13.10.41
Ицую Мацумото	21	Сотрудник канцелярии научно-исследовательского Института по изучению Китая	18.10.41
Юю Такахаси	32	Сотрудник канцелярии отделения компаний «Мантэцу» в Токио	22.10.41
Микэй Акиминэ	32	Внештатный сотрудник отдела информации при кабинете министров	25.10.41
Тюрао Синодзука	41	Владелец завода	14.11.41
Такэси Такэда	39	Рабочий	24.11.41
Фумико Такэда	31	Без определенных занятий	24.11.41
Синдзиро Танака	43	Заведующий политико-экономическим отделом газеты «Асахи» в Токио	15.03.42
Хатироси Кикүти	31		16.03.42
Томокадзу Сайондзи	37	Бывший внештатный сотрудник МИД и аппарата кабинета министров	16.03.42
Кэн Инукаи	47	Бывший депутат парламента	04.04.42
Хисатака Умиэда	35	Служащий станции «Мукден» ж/д компании «Мантэцу»	11.04.42

Таков был состав группы Зорге осенью 1941 г. к моменту начала арестов. А формирование ее началось в 1933 г. Вот что говорят опубликованные документы:

Организация группы

После инцидента в Маньчжурии, в результате которого усилилась опасность для Советского Союза со стороны Японии, было принято решение о направлении Зорге в Японию. Для того чтобы обезопасить свое пребывание в Японии Зорге в мае 1933 г. приезжает в Берлин. Здесь он добивается своего назначения в качестве специального корреспондента газеты «Франкфуртер Цайтунг», а также газеты «Амстердам Ханденсблат». Зорге также получает в Берлине рекомендательные письма в адрес сотрудников германского посольства в Токио, находящейся в Японии германской торговой фирмы «Ален», германского научного совета, Кацудзи Дэбути, Тосио Сиратори и т. д.

Во время пребывания в Берлине он встречается с назначенным в его группу радистом Бернхартом и назначает с ним время и место встречи в Токио.

Вукелич прибыл в Иокогама 6 сентября 1933 г. пароходом из Ванкувера, уже имея инструкции о связи с Зорге в Токио.

Мияги до конца 1932 г. жил в Сан-Франциско. Здесь он получил указание представителя Коминтерна: «Выезжайте в Токио, там вы получите указания от нашего представителя о ваших задачах». В конце сентября 1933 г. Мияги выехал пароходом в Японию из порта Сан-Питер и 24 октября 1933 г. прибыл в Иокогаму.

В сентябре 1933 г. в Иокогаму прибыл сам Зорге. Из Иокогамы он сразу же выехал в Токио и остановился в гостинице «Санно». В октябре Зорге согласно договоренности встречается в лобби гостиницы «Империал» с Вентом (то есть Бернхартом), а затем, как было обусловлено еще в Париже, начинает связываться с Вукеличем. Встреча состоялась и, таким образом, началась разведывательная деятельность группы.

Во время пребывания Зорге в США по пути в Японию ему сообщили, что в его группе будет работать японец по фамилии Мияги. О встрече с ним у Зорге также имела договоренность, и в ноябре 1933 г. они вступили в контакт.

Теперь была другая задача — привлечь к работе группы японцев. Зорге дает указание Мияги заняться этим. «Используйте широкие круги общества, однако избегайте использования левых элементов для того, чтобы избежать внимания со стороны полиции», — говорил он. Мияги пытался привлечь к работе группы несколько человек, но неудачно. Тогда Зорге решил вновь привлечь к разведывательной работе Ходзуми Одзаки, который был в его группе в Шанхае.

О своей работе в Шанхае Рихард Зорге дает показания на допросе 23 июля 1942 г. (Протокол № 7) и на других допросах в ходе следствия. Зорге вел активную разведывательную работу в Шанхае в 1930—1932 гг. О ней редакция «ПДВ» планирует поместить материал в одном из номеров этого года.

В апреле-мае 1934 г. Зорге с помощью Мияги встретился в парке города Нагасаки с Одзаки, который после возвращения из Шанхая работал в осакаской редакции газеты «Асахи». И, таким образом, была восстановлена шанхайская связь Зорге с Одзаки. В то время Мияги представлялся Одзаки как Нами Канити. И Мияги и Одзаки не знали настоящего имени Зорге. Мияги называл его Шмидтом, а Одзаки — Джонсоном.

Что подвигло Зорге и его соратников на опасную разведывательную работу? Каковы были их жизненные принципы и убеждения? Ответы на эти вопросы можно найти в документах. В своей разведывательной деятельности Зорге, как он говорил, руководствовался одним принципом: «Защита Советского Союза».

А вот выписки из протокола допроса Ходзуми Одзаки:

Вопрос: Обвиняемый, расскажите о так называемом «Обществе нового порядка в Восточной Азии», создание которого вы замыслили.

Ответ: Я уже говорил о том, что на смену мировому капиталистическому обществу неизбежно придет мировое коммунистическое общество. Естественно, если взглянуть на историю, то станет ясным, что эта смена социального строя не произойдет одновременно. Об этом говорит и действительность. С 1917 г. Советский Союз существует как единственное коммунистическое государство. Кроме него, в отдельных районах Китая образована советская власть.

Изучая положение в Европе, а также соперничество империалистических государств в Китае, в 1935 г. я высказал предположение, что вторая мировая война начнется в ближайшем будущем. Китайский инцидент еще более укрепил мое мнение. Я считал, что подобно тому, как в результате мировой войны появился Советский Союз, так и в результате второй мировой войны появится много социалистических стран и будут созданы условия для мировой революции. Я считал:

1) Советский Союз, неуклонно проводящий политику мира, должен стоять в стороне от борьбы империалистических государств между собой.

2) Борьба Японии, Германии и Италии с одной стороны, с Англией и США с другой (борьба изменившегося империализма с традиционным империализмом) будет чрезвычайно напряженной. Эта борьба приведет либо к взаимному поражению, либо к победе одной из сторон. Во всяком случае в поверженных государствах вспыхнут социальные революции.

3) Победившие государства будут сильно истощены, а удельный вес Советского Союза значительно возрастет, и появится много возможностей для вынужденного перехода великих держав на пути социалистических государств. Что же касается положения Японии, то необходима оценка со всех точек зрения, учитывая при этом события в Китае. Например, если Япония начнет войну с Советским Союзом или пойдет на сотрудничество с Англией и США или же усилит политику продвижения на юг и вступит в войну с Англией и США, то, возможно, она временно достигнет определенных военных успехов. Однако вскоре же она столкнется с трудностями, связанными с истощением страны. А это породит большие возможности для социальной революции. Я считаю, что, как ближайший срок, первый шаг в повороте Японии к социальной революции может произойти с первой или второй половины 1942 г. О таких перспективах я говорил Зорге еще в июле 1941 г. Когда я говорю об «Обществе нового порядка в Восточной Азии», я исхожу из действительного положения, суть которого состоит в слабости революционных сил в Японии в момент такого перехода, а также из трудностей осуществления такого перехода только в Японии. Если даже он произойдет, то положение не будет стабильным. Кроме того, для осуществления такого перехода в условиях, когда Япония находится во враждебных отношениях с США и Англией, необходимо, чтобы руководство им находилось полностью в руках Японии и Коммунистической партии Китая без участия Советского Союза и капиталистических стран. Необходима также дружеская взаимопомощь всех трех наций. Тесная связь трех наций будет началом создания содружества наций в Восточной Азии.

Я вовсе не думаю, что созданное таким образом государство сразу станет коммунистическим государством. Это может быть государство так называемой «новой народной демократии», основу которого составлял бы суньятсенизм. В Японии формой переходного государства могла бы быть социалистическая национальная община, сохраняющая японские особенности. Во всяком случае условием решения проблем народов Восточной Азии является тесное дружественное сотрудничество трех наций — Японии, Советского Союза и Китая. Освободившиеся из-под власти США, Англии, Франции и Голландии такие страны, как Индия, Бирма, Таиланд, Голландская Индия, Французский Индокитай, Филиппины и др., развиваясь как самостоятельные государства, будут развивать политические, экономические и культурные связи с союзом трех наций — СССР — Японии — Китая. И, естественно, что эти страны не обязательно сразу же станут коммунистическими. Они сами изберут форму для переходного государства, на основе своей независимости и развития связей с содружеством наций Восточной Азии.

Таким я представляю себе так называемое «Общество нового порядка в Восточной Азии». Естественно, что его образование является частью мировой революции. При этом я с самого начала не сомневался в том, что китайские события являются решающим фактором в деле создания так называемого «Общества нового порядка в Восточной Азии», которое в свою очередь, будет иметь чрезвычайно важное значение во всем процессе крушения мирового капитализма. Я свыше 10 лет был связан с Зорге и вместе с ним вел разведывательную деятельность, направленную на усиление Коминтерна и Советского Союза, а этим самым я внес вклад в сотрудничество с Советским Союзом. Так же я относился и к Китаю.

После ареста осенью 1941 г., за три года заключения по день казни 7 ноября

1944 г. Одзакі написал 250 писем своей жене Эйко и дочери Еко. 73 письма были изданы в Японии его друзьями в сентябре 1946 г. отдельной книгой, озаглавленной «Любовь подобна падающей звезде». Она переиздавалась 7 раз. В одном из писем, после смертного приговора Одзакі делится с женой тем, что привело его на путь борьбы против войны:

5 марта 1943 г.

«Вначале мысль моя не была направлена на коммунизм. В жизни меня занимали только политические вопросы. Изучая их, я пришел к осознанию, что самое главное — братство народов. Я думал, что нельзя будет избежать войны с США и Англией. Я всегда ратовал за необходимость независимости Азии. Я не скрывал этого. В то же время моим идеалом была полная гармония, которая бы царила между всеми нациями. Единственным моим недостатком было то, что я был мечтателем. Но, как ты сама знаешь, я никогда не мог ограничиться личными интересами».

Еще один близкий соратник Зорге Етоку Мияги. В полицейском отчете по его допросам говорится:

В обусловленное время Зорге встречался с Одзакі и Мияги. Часто Зорге встречался с одним Мияги. Во время этих встреч Мияги передавал Зорге добытую информацию или информацию, добытую Одзакі. Между Зорге, Одзакі и Мияги отношения были ближе, чем братские. Советский Союз они называли «наш дом» и «наша родина». Ради Советского Союза они были готовы на все. Они дали обещание хранить тайну, даже если это будет угрожать жизни.

Из протокола допроса № 28 от 30 марта 1942 г.
Обвиняемый Етоку Мияги

Вопрос восьмой. Думал ли обвиняемый над тем, что сбор информации и материалов, куда включаются секретные материалы, и предоставление их Коминтерну, наносит вред интересам обороны страны?

Ответ: ...В своей деятельности я руководствовался задачей по возможности избежать войны между Японией и Советским Союзом. Для выполнения этой задачи было необходимо правильно сообщать Советскому Союзу и Коминтерну о положении в Японии.

Вопрос девятый: Верит ли обвиняемый в настоящее время в правильность коммунистической идеологии?

Ответ: Да, верю.

Из протокола допроса № 3 от 30 октября 1942 г.
Обвиняемый Етоку Мияги

Ответ: ...Мы до самого конца прилагали усилия для того, чтобы между Японией и Советским Союзом не было войны, чтобы как можно раньше сообщить в Москву о позиции Японии в отношении Советского Союза. Зорге говорил, что, если мы узнаем о нападении Японии на Советский Союз за два месяца, то войны можно будет избежать путем переговоров. Если мы узнаем о нападении за один месяц, то Советский Союз сможет осуществить полностью подготовку к отпору нападения, направив в район границы значительные части. Если мы узнаем о нападении за две недели, то Советский Союз сможет провести подготовку обороны на первой линии. Если мы узнаем о нападении на Советский Союз за неделю, то и это позволит осуществить мероприятия, которые значительно снизили бы возможные жертвы.

Из показаний Одзакі о восстановлении сотрудничества с Зорге в Японии:

Весенним вечером 1934 г. в осакском отделении газеты «Асахи» мне передали визитную карточку некоего Канити Минами. Он сказал, что я в Шанхае был в очень близких отношениях с одним иностранцем и сейчас этот иностранец находится в Японии и обязательно хотел бы встретиться со мной.

Сначала я отнесся к этому человеку очень подозрительно, так как подумал, а не шпик ли он из полиции, которой стало известно о моей деятельности в Шанхае. Однако постепенно сомнения рассеялись, и я понял, что речь идет о Джоне

(Зорге). В этот же день часов в шесть вечера мы вновь встретились в китайском ресторане. Минами был некто иной, как Етоку Мияги.

Через несколько дней после встречи с Мияги в парке города Нара произошла моя встреча с Джоном. На этот раз Джон просил оказать помощь в получении информации о положении в Японии. «Теперь на повестке дня Япония, а не Китай», — сказал мне Джон.

Я принял решение вновь сотрудничать с Джоном и продолжал это сотрудничество до самого ареста.

Во вкладыше к первому тому документов опубликованы некоторые данные об аресте Зорге и его поведении на первом допросе.

Прокурор Есикава: «Когда полиция пришла арестовать Зорге, то она больше всего боялась как бы он не оказал вооруженного сопротивления».

— Арестованный 18 октября Зорге решительно отрицал предъявленные ему обвинения. Полиция обязалась устроить 25 октября встречу Зорге с послом Германии Оттом и поэтому стремилась добиться от него признания. Высшее начальство постоянно спрашивало ведущего допрос помощника полицейского инспектора Охаси о том, не получено ли еще признание. 24 октября Охаси доложил начальству, что появились возможности получения признания, а на следующий день это подтвердилось и в большой инспекторской комнате, которая находилась на 2-м этаже тюрьмы Сугамо, собралось 12—13 человек, среди которых были начальник идеологического отдела Накамура, прокурор Есикава и прокурор Тамасава от прокуратуры, начальник отдела иностранцев и начальник тайной полиции и другие лица (Вышеуказанное составлено со слов Охаси). Со слов Есикава произошло следующее.

— Для получения признания к Зорге насилия не применяли. Ему были предъявлены вещественные доказательства и потребовали их объяснения. Таким образом, в конце первой недели он признался. В то время я еще не ожидал его признания. Примерно в четыре часа дня, в субботу, я вместе с моим коллегой Тамасава и полицейским пошел к нему выяснить, позволяет ли его здоровье продолжать допрос. В это время он и признался. Перед признанием он попросил бумагу и карандаш. Затем, взяв бумагу, он написал на немецком языке следующее: «Я с 1925 г. коммунист и продолжаю им оставаться и в настоящее время». Эту записку он передал мне. После этого он снял пиджак и, поднявшись, громко сказал: «После того как я стал коммунистом, я никогда не терпел поражений, теперь я впервые проиграл». Сказав это, Зорге заплакал. Затем, отвечая на вопрос Тамасава, Зорге дал согласие приступить к допросам в понедельник.

Вот еще несколько моментов из вкладыша к первому тому документов. Это впечатления очевидцев допросов и казни.

Зорге говорил: «Гитлер предал мою родину — Германию. Любовь к родине не допускает, чтобы у власти находился Гитлер. Я ценю и уважаю людей, которые работают действительно для своей родины». Охаси был очень тронут этими словами Зорге. Хорошие отношения, которые установились между Зорге и Охаси, ускорили выяснение обстоятельств дела. Однако в полиции стали раздаваться голоса: «Отстраните от допросов Охаси, который скатывается на позиции Зорге». Временно допросы были прекращены. Тогда Зорге заявил: «Отказываюсь давать показания другим лицам за исключением Охаси».

Во время допросов Зорге часто просил Охаси связаться с советским посольством. В посольстве в то время находился второй секретарь Зайцев, который осуществлял связь с Зорге. Зорге настаивал на этом примерно до середины допросов, которые вел Охаси. Если бы Охаси внял просьбам Зорге, Зайцев вынужден был бы, очевидно, сесть в тюрьму вместе с ним. В конце концов Зорге перестал настаивать на своей просьбе.

В последний день допросов Зорге написал Охаси благодарственное письмо. Это письмо говорит о том, что на допросах к Зорге не применяли никаких пыток.

В перерывах между допросами Зорге всегда просил Есикава рассказать ему новости о Советском Союзе.

Во время ареста у Зорге были конфискованы машинописные листы работы «История современной дипломатии Японии». Однако, к сожалению, они сгорели в министерстве юстиции во время воздушного налета.

В тюрьме Зорге изучал историю. Работы, написанные им в тюрьме, были до-

ставлены в главную прокуратуру, но и они сгорели во время воздушного налета. Зорге сказал Есикава: «Прошу вас не трогать девушку из кафе по фамилии Ханакэ Нени, так как она не имела никакого отношения к моей разведывательной деятельности».

По заявлению защитника Асанума Зорге не хотел подавать апелляции и держался спокойно и с достоинством. Он говорил, что вина целиком на нем и просил не возлагать вины на других обвиняемых.

Есикава считал, что «если посмотреть на суть дела и приговор, то именно такой приговор был неизбежным. Подача апелляции не внесла никаких изменений».

Адвокат Асанума пошел в суд для подачи апелляции. Ему разрешили ознакомиться с документами, касающимися «дела Зорге», и сделать из них выписки, однако снимать копии с них ему было запрещено. Асанума говорил: «Зорге — героический мужчина. Он ничего не говорил без юмора, был очень отзывчивым, а когда смеялся, то был похож на любящего отца».

Перед тем как подняться на эшафот, он громко крикнул: «Да здравствует Красная Армия!», «Да здравствует Коммунистическая партия Советского Союза!». В это время Зорге уже знал, что Одзаки предал его. Он сказал: «Японец остается японцем». Причем в этих словах не было никакой ненависти к Одзаки. Зорге был человеком широкой души.

По протоколам допросов японские следователи составили перечни сведений, которые группа Зорге передала в Москву. Документальная информация передавалась в пленках, оперативная — по радио. Часть пленок, как свидетельствует протокол допроса № 6 одного из ближайших соратников Зорге радиста Макса Клаузена, передавалась хозяйке книжного магазина в Шанхае на Баблинг-роуд. С этой целью в Шанхай выезжали Зорге, Клаузен, жена Клаузена Анна. Только Клаузен, по его словам, перевез пленки, содержавшие 1100 кадров, его жена — 30—40 полутораметровых пленок.

Анализ опубликованных документов поражает важностью и полнотой добытой и переданной группой в Москву информации. Здесь и проблемы внутривнутриполитической обстановки в Японии, и вопросы развития отношений Японии с основными державами. Прогнозы и оценки развития событий, конкретные данные по военной и политической обстановке. О содержании информации в разделе «Члены секретной организации и их деятельность» в документах говорится:

Рихард Зорге

Помимо получения информации от членов группы, Зорге сам добывал информацию в германском посольстве в Токио. Сведения, добытые от членов группы, он изучал с учетом данных, полученных из германского посольства, и в результате изучения делал правильные выводы, о которых сообщал в Москву.

В Москву была направлена следующая полученная Зорге информация:

1) После выхода Германии из Лиги Наций в 1934 г. Зорге узнал от посла Дирксена, что «выход Германии из Лиги Наций станет первым шагом на пути к японо-германскому сближению».

2) В 1935 г. военный атташе Германии в Японии Отт сообщил Зорге, что «Япония вынашивает планы колонизации Северного Китая и не ведет подготовки к военным действиям против Советского Союза».

3) В третьей декаде февраля 1936 г. Зорге получил от военного атташе посольства Германии в Японии Шолля переведенную на немецкий язык брошюру «Мнение о чистке в армии», имевшую связь с событиями 26 февраля 1936 г. (путч «молодых офицеров»).

4) В марте 1936 г. после создания кабинета Хирота Дирксен сообщил Зорге, что «кабинет Хирота рассчитывает на улучшение японо-советских отношений и на решение китайской проблемы».

5) Осенью 1936 г. во время секретных переговоров о японо-германском антикоммунистическом пакте посол Германии в Японии и военный атташе Отт сообщили Зорге, что «в Берлине между министром иностранных дел Риббентропом и военным атташе Японии в Германии Осима проходят особо секретные японо-германские переговоры, главным объектом которых является Советский Союз». Позднее

Отт сообщил, что «Германия стремилась к заключению японо-германского военно-го соглашения, однако Япония стремилась избежать столкновений с Советским Союзом, поэтому и был заключен антикоммунистический пакт».

6) После возникновения китайского инцидента в середине июля 1937 г. военный атташе Отт сообщил Зорге следующее: «Япония, используя инцидент у моста Лу-гоуцзю близ Пекина, стремится одним махом решить китайский вопрос и превратить Северный Китай в специальный район, находящийся под господством Японии».

7) В декабре 1937 г. посол Германии в Японии сообщил Зорге следующее: «В соответствии с пожеланиями Японии об урегулировании инцидента Германия пыталась содействовать установлению мира, однако эти попытки не имели успеха в связи с увеличивающимися требованиями Японии в отношении Китая, а также занятием Нанкина».

8) В начале июня 1938 г. военный атташе Шолль сообщил Зорге информацию об изменении сил в сухопутных частях. Это изменение состояло в том, что после ухода Сугияма и Умэдзу издавна существовавшая в Квантунской армии группировка Итагаки и Тодзио получит значительную силу в новом правительстве.

9) После инцидента, связанного с переходом генерала Люшкова границы в конце августа 1938 г., военный атташе Шолль и специальный посланник Германии сообщили Зорге «информацию о содержании беседы специального посла Германии с Люшковым».

10) Весной 1939 г. Зорге узнал от сотрудников германского посольства, что «переговоры по заключению предложенного Германией японо-германского союза прерваны в связи с позицией против заключения союза, занятой Хиранума, военно-морскими силами и капиталистами». После этого, заявили они, последует заключение германо-советского договора о ненападении. «Именно из-за провала японо-германских переговоров был заключен германо-советский договор о ненападении».

11) В середине февраля 1940 г. военный атташе Макки сообщил Зорге «подробные данные о заводах по производству самолетов, танков, двигателей и т. д., а также об их производственных мощностях».

12) В феврале 1940 г. посол Отт сообщил: «Вопреки ожиданиям, заявление Арита является чрезвычайно слабым, поэтому оно вызывает недовольство германского посольства и народа».

13) В марте 1940 г. военный атташе сообщил Зорге «о местах дислокации 106, 109, 110, 114 и 116 дивизий».

14) В конце марта 1940 г. от сотрудников германского посольства в связи с созданием правительства в Нанкине Зорге узнал, что «так как Ван Цзинвей часто меняет свои требования, переговоры продлятся очень долго, поэтому министерство иностранных дел и деловые круги выступают против правительства Ван Цзинвея и стремятся к миру с Чан Кайши».

15) Весной 1940 г. сотрудник германского посольства в Токио сообщил Зорге названия заводов, производящих искусственное горючее, и их производственные мощности, а также подробные данные о производстве в Японии стали и меди.

16) В середине июня 1940 г. от сотрудников германского посольства Тэйхэр и Мальхитер (японская транскрипция.— Прим. пер.) Зорге узнал: «Когда Германия одержит победу над Францией, она предоставит гарантии территориальной целостности Франции, поэтому Япония, если она будет намерена продвигаться во Французском Индокитае, будет докладывать об этом правительству Германии, а Германия будет советовать Франции удовлетворить японские требования».

17) В июле 1940 г. сотрудник германского посольства Штамер сообщил Зорге, что «объектом тройственного союза между Японией, Германией и Италией являются Англия и США, а Советский Союз исключен из сферы действий союза».

18) В марте 1941 г. Зорге узнал от посла Отта следующее: «Министр иностранных дел Мацуока по приглашению Гитлера выезжает в Германию и ему приказано дать гарантии неофициального характера визита в Германию».

19) В начале июня 1941 г. от посла Германии Отта Зорге узнал, что в Японию прибыла специальная миссия Германии «для изучения вопроса о том, имеет или нет Япония возможности для начала войны против Советского Союза».

20) В апреле 1941 г. Зорге узнал от посла Отта следующее: «Германия предполагала, что между Японией и Советским Союзом возникнут чрезвычайные затруд-

нения, и она была удивлена заключением японо-советского договора о нейтралитете». Однако Зорге предполагал, что это случится, так как он заранее сообщил телеграфом Советскому правительству о том, что во время поездки в Европу министра иностранных дел Мацуока Япония планирует заключить с Советским Союзом договор.

21) В мае 1941 г. после инцидента с Гессом Зорге узнал в посольстве следующее: «Гитлер стремится к заключению мира с Англией и к войне с Советским Союзом, поэтому в качестве последней меры он направил Гесса в Англию». Зорге узнал, что, несмотря на существование германо-советского пакта о ненападении, нападение Германии на Советский Союз неизбежно осуществится в ближайшее время.

22) 20 мая 1941 г. от военного атташе Шолля, назначенного посланником Германии в Таиланде, Зорге узнал следующее: «Широкомасштабное нападение Германии на Советский Союз начнется 20 июня. Основные силы в составе 170—190 дивизий сосредоточены на границе и начнут движение в направлении Москвы». Затем от полковника Кречмера Зорге узнал: «На германо-советской границе сконцентрировано 175 дивизий».

23) 22 июня 1941 г. Зорге узнал от посла Отта, военного атташе Кречмера и военно-морского атташе Веннекера следующее: «В связи с началом войны Германии с Советским Союзом на основании приказа из Берлина посол приказывает военным атташе прилагать усилия к тому, чтобы японские сухопутные и военно-морские силы и японский народ выступали на стороне Германии и чтобы Япония начала военные действия против Советского Союза». Военный атташе сообщил также, что «японская армия через 1—2 месяца вступит в войну». От посла Отта Зорге узнал следующее: «Министр иностранных дел Мацуока заявил Отту, что, несмотря на существование японо-советского договора о нейтралитете, Япония в ближайшее время вступит в войну против Советского Союза на стороне Германии». Однако военно-морской атташе Веннекер сообщил: «Япония ни в коем случае не будет воевать с Советским Союзом, так как сфера японских интересов не Север, а Юг. К тому же военно-морские силы Японии придерживаются именно этой точки зрения». Веннекер сообщил также о положении в руководстве военно-морскими силами Японии. Зорге пришел к выводу о правильности мнения военно-морского атташе.

24) В июне 1941 г. Зорге от экономической делегации Германии (Вальтер, Фосс и Спиннер) узнал содержание японо-германских экономических переговоров о поставках Германией в Японию товаров военного назначения, о поставках из Японии в Германию резины, горючего и т. д., а также о строительстве в Японии заводов с помощью Германии.

25) В начале июля 1941 г. от посла Отта и военного атташе Кречмера Зорге стало известно о решениях конференции с участием императора, суть которой сводилась к следующему: «Япония усилит политику продвижения на Юг и будет вести подготовку для объявления войны Советскому Союзу в соответствующий момент».

26) В середине июля 1941 г. Зорге узнал от посла Отта, военного атташе и других сотрудников посольства следующее: «Руководство японской армии считает, что Япония вступит в войну против Советского Союза, когда Германия займет Москву, Ленинград и достигнет Волги», настроения в пользу участия в войне против Советского Союза падают, премьер-министр Коноэ изгнал из правительства Мацуока и для того, чтобы открыть возможности для какого-либо решения проблемы японо-американских отношений, вышел в отставку и создал третий кабинет министров».

27) С июля по август 1941 г. Зорге получал информацию от посла Отта и аппарата военного атташе о проводимой большой мобилизации. На основе этой информации он пришел к выводу: «В течение этого года Япония не начнет войну против Советского Союза». В качестве одного из аргументов было то, что «к сроку окончания большой мобилизации около 30 дивизий должны быть дислоцированы в Маньчжурии. Эти дивизии составляют $\frac{1}{3}$ войск, которые должны быть отмобилизованы по плану большой мобилизации. Если отправка этих войск будет проведена после 15 августа, то для войны в зимних условиях будет слишком поздно. Следовательно, Япония не будет вести военных действий против Советского Союза, а начнет их против США и Англии».

28) В августе 1941 г. от сотрудников посольства Зорге узнал, что запасов горючего в Японии хватит военно-морским силам на 2 года, сухопутным силам на 6 месяцев и на использование в мирных целях на 6 месяцев.

29) В начале августа 1941 г. от посла Отта и военного атташе Кречмера Зорге узнал, что Кречмер выезжает в Маньчжурию для проведения активных политических шагов, имеющих своей целью стимулировать вступление Японии в войну с Советским Союзом.

30) В конце августа 1941 г. Зорге узнал от посла Отта следующее: «Министр иностранных дел Японии Тоёда в беседе с послом Оттом заявил, что Япония дала гарантии соблюдать японо-советский договор о нейтралитете».

31) В сентябре 1941 г. Отт сказал Зорге о том, что «министр иностранных дел Германии был подавлен переданным ему сообщением о том, что Япония не начнет войну против Советского Союза».

32) Примерно в это же время от военного атташе Кречмера Зорге было получено сообщение, что «в Корею прибыло 6 японских дивизий, а в Маньчжурию — 4 дивизии», таким образом, армия в Корее увеличилась до 30 дивизий. Военная подготовка войск закончится в сентябре, однако решение о выступлении против Советского Союза не принято. В случае начала военных действий в направлении Владивосток — Благовещенск будет выдвинуто только три дивизии.

Одновременно военно-морской атташе Веннекер сообщил, что «командование военно-морского флота и правительство приняли решение не начинать войны с Советским Союзом в течение текущего года. Официальное решение по этому вопросу, принятое на совещании с 22 по 25 августа, может быть отменено, если неожиданно Советский Союз потерпит поражение». Япония в течение октября продвинулась во Французском Индокитае, начала занимать важные позиции в Таиланде и в будущем намерена вести подготовку к захвату Борнео.

33) В середине августа 1941 г. Зорге узнал в германском посольстве, что «Коноэ провел подготовку к отправке дивизий и они, очевидно, будут направлены на Юг», а также, что «в армии поднимается вопрос об ответственности за то, что в деле формирования Квантунской армии, согласно большой мобилизации, выявились политические и экономические трудности». Военно-морской атташе Веннекер сообщил: «Военно-морской флот Японии закончил подготовку к продвижению на Юг, однако дело задерживается недостаточной подготовкой сухопутных сил, а также некоторыми экономическими вопросами. Военно-морской флот настаивает перед Коноэ, чтобы он продолжил переговоры с США».

34) В начале октября 1941 г. Зорге узнал от Отта следующее: «Германия потребовала от Японии принятия мер к тому, чтобы японо-американскими переговорами не подрывались основы тройственного союза, однако удовлетворительного ответа не получила. Отношения между министром иностранных дел Тоёда и послом Оттом стали чрезвычайно напряженными».

Из этого перечня видно, насколько эффективно использовал Зорге свои связи в германском посольстве при сборе информации. Так же напряженно и эффективно работали и его соратники. Японские следователи обобщили факты утечки информации в результате работы других членов группы.

Бранко Вукелич

Информация, полученная Вукеличем, о котором стало известно в результате следствия:

1) Корреспондент американского телеграфного агентства Ньюман в конце мая 1941 г. из посольских источников узнал, что во время поездки министра иностранных дел Мацуока в Европу высшие правительственные деятели, связанные с военно-морскими силами, предложили американскому послу в Японии Грю начать японо-американские переговоры по улучшению государственных отношений. Содержание этого предложения сводилось к следующему: «Америка признает руководящую позицию Японии в сфере процветания Восточной Азии, а Япония хотела бы, чтобы США сыграли роль посредника в китайском инциденте».

2) В начале июля 1941 г. посол Франции в Японии беседовал с корреспондентами агентства «Гавас» Гильян и Анри. Касаясь заключенного в то время между Японией и Французским Индокитаем соглашения, посол сказал: «В Индокитае Япония не прибегала к использованию оружия, все вопросы были разрешены в результате переговоров с правительством Внши».

3) Как стало известно Вукеличу 9 октября 1941 г. от американского корреспондента Ньюмана, 8 сентября 1941 г. американский посол Грю выступил в американском клубе с секретной речью, которая была обращена только к американцам, находящимся в Токио. Посол, касаясь японо-американских переговоров, заявил: «Переговоры не проходят гладко».

4) С 3 по 15 июля 1940 г. по приглашению информационного отдела штаба сухопутных сил Вукелич посетил место боев советских и японских вооруженных сил в районе Намон-Кан Бурит-Обо (Халхин-Гол). Там у сотрудника информационного отдела ему удалось узнать следующее: «Нет никаких оснований для того, чтобы этот инцидент привел к широкомасштабной войне с Советским Союзом, японское правительство отдало приказ войскам, запрещающий переход границы».

(Продолжение следует. В очередных номерах будет рассказано об информации, переданной Зорге другими членами группы, о действиях Зорге, содействующих проведению внешнеполитического курса Советского Союза, о работе Зорге в Шанхае в 1930—1932 гг.).

Русские фашисты Маньчжурии

(К. В. Родзаевский: трагедия личности)

Ю. МЕЛЬНИКОВ

Изгнанные революцией и бессильные, они пытались компенсировать свою политическую импотенцию, занимаясь безнадежными фантазиями.

Джон Стефан, американский историк

Весной 1931 г. в Харбине произошло событие, оставшееся, по существу, незамеченным местной русской общественностью, но оказавшее впоследствии влияние на многие стороны жизни харбинцев: в городе была создана Русская фашистская партия.

В ее политическом органе — журнале «Нация» — в 1936 г., то есть спустя 6 лет, по этому поводу говорилось: «22 мая 1931 г. в Харбине, в маленьком домике на Школьной улице, где снимал комнату К. В. Родзаевский, собралось несколько никому тогда не ведомых людей, но уже опытных политических работников (? — Авт.) — то начал заседать первый съезд, сливший различные кружки, организации и синдикаты в единую Русскую фашистскую партию (РФП)». Иными словами, это собрание на Школьной его участники — в большинстве молодые харбинские студенты, называвшие себя фашистами, — стали считать первым съездом своей партии, прогремевшей в свое время по всей Маньчжурии (как называли в первой половине XX в. современный Северо-Восточный Китай), да, пожалуй, и за ее пределами.

Несколько слов о некоторых обстоятельствах, предшествовавших этому собранию. Еще в середине 20-х годов в Маньчжурии, в условиях усиливавшегося экономического кризиса, в среде российских эмигрантов, которые по-прежнему сохраняли свой антисоветский настрой, происходили лихорадочные поиски новых социальных идей и новых организационных форм борьбы с Советской властью. Местом дискуссий был выбран Клуб русского студенческого общества на Большом проспекте Нового города (угол Разъезжей улицы). На этих собраниях с критикой марксизма выступал выпускник Юридического факультета в Харбине, он же лидер созданного им в 1929 г. Союза национальных синдикатов, А. Н. Покровский; о происках мирового еврейства витийствовал присяжный поверенный, бывший министр внутренних дел Приморского правительства братьев Меркуловых, В. Ф. Иванов. Прекрасный оратор, он привлекал в Клуб многих слушателей, весьма далеких от идей фашизма, своими яркими лекциями «О роли масонства в гибели России», «О мировом заговоре иудомасонов» и т. п. По его же инициативе в Харбине были переизданы пресловутые «Протоколы сионских мудрецов» — подделка журналиста С. Нилуса, — получившие здесь чрезвычайно широкий отклик и многочисленные печатные комментарии.

Бывший царский генерал В. Д. Косьмин говорил в Клубе о фашизме, ссылаясь на идеи «зубатовщины» в России, и ратовал за создание фашистской партии здесь, в Маньчжурии. Эту идею поддержали некоторые студенты и выпускники Юридического факультета: В. Н. Василенко, С. И. Долов, В. В. Кибардин, Е. В. Кораблев, М. А. Матковский, А. Н. Покровский, К. В. Родзаевский, Б. С. Румянцев и др.

Именно трое из них — Кораблев, Покровский и Румянцев — выступили инициаторами создания новой эмигрантской группировки, получившей название «Российская фашистская организация» (РФО).

Эта организация постепенно стала значительной силой на факультете. В ноябре 1926 г. она обнародовала фашистские «Наши требования», в январе следующего года — «Тезисы русского фашизма».

В 1928 г. Родзаевский, сорвавший советский флаг с одного официального учреждения, был исключен с Юридического факультета, но позже был восстановлен и окончил его.

Основной базой РФО стал, конечно, не сам академический Юридический факультет, а открытый в 1929 г. Русский клуб — тоже на Большом проспекте (угол Телинской), где председательствовал уже другой царский генерал — известный В. В. Рычков. РФО и переросла спустя два года в РФП.

Председателем этой фашистской партии (пост, носивший номинальный характер) был избран В. Д. Косьмин, генеральным секретарем (явно по образцу созданного к этому времени Н. В. Сталиным поста в ВКП(б)) и фактически руководителем партии стал К. В. Родзаевский. Был выбран и Центральный комитет.

О К. В. Родзаевском и его семье. Константин Владимирович Родзаевский родился 11 августа 1907 г. в семье правоведа Владимира Ивановича Родзаевского и его жены Надежды Михайловны в городе Благовещенске. Кроме него, у четы Родзаевских было еще трое детей: дочери Надежда и Нина и младший сын Владимир.

Константин хотел стать юристом и в 1925 г., получив визу, выехал в Харбин, где и продолжил образование. Он решительно не принимал Советской власти и, оказавшись в Харбине, с легкостью примкнул к тем белоэмигрантским кругам, которые все еще надеялись взять реванш за свое поражение. Образованный и развитый, превосходный оратор, трибун, он также бойко владел пером и стал заниматься журналистикой. В его статьях, печатавшихся в эмигрантской прессе, содержались очень резкие выпады против Советской власти и коммунистической партии. Тут надо еще заметить, что по складу характера, он до фанатизма был привержен своим идеям, подчинял им все свое существование; личной жизни, он, по существу, никогда не имел.

Летом 1926 г. мать с двумя дочерьми-подростками по визе приезжала к нему в Харбин погостить. Надежда Михайловна умоляла сына прекратить свои печатные выступления, иначе он погубит и себя, и своих близких, находящихся в СССР. «Благо Родины для меня дороже личной жизни», — якобы был его неизменный ответ. Не добившись ничего, мать приехала в Харбине до осени и вернулась в Благовещенск.

Факт открытого приезда из СССР родных К. В. породил в Харбине разговоры не в его пользу... «Он здесь яростно выступает против совласти, а эта власть дает визу его матери и сестрам для свидания с ним в Харбине. Тут дело не чисто, не красный ли он провокатор?» — не раз слышал я», — пишет в своих не изданных до сих пор воспоминаниях И. К. Ковальчук-Коваль.

Зимой 1928 г. отец, Владимир Иванович, вместе с младшим сыном Владимиром при помощи контрабандистов тайно перешли из Благовещенска по льду Амура на территорию Маньчжурии и оказались в Харбине. Вслед за ними таким же путем собиралась бежать и мать с обеими дочерьми, но план сорвался. Их арестовали и отправили в ссылку в Туруханск. Репрессии преследовали их и здесь. Спустя короткое время, в 1930 г., женщины были снова арестованы и осуждены, получив от ОСО по 10 лет лагерей. Обвинения были предъявлены одинаковые: будто бы они во время пребывания в 1926 г. в Харбине были завербованы японской разведкой. Возраст девочек (в то время соответственно 13 и 10 лет) в расчет не принимался.

Но вернусь к делам харбинским. На идеологию и до известной степени на структуру РФП сильнейшее влияние оказали итальянские и фашисты Бенито Муссолини, под обаянием личности которого находился генсек. Харбинских фашистов с самого начала отличало крайнее юдофобство. Они ставили своей задачей осуществление национальной революции в России, свержение Советской власти и установление фашистской диктатуры, представлявшейся им в виде сотрудничества труда и капитала под контролем государства и под девизом «Бог, Нация, Труд». Что же касалось государственного строя «новой России», то вопрос о нем, по мнению фашистов, должен решить народ путем созыва Земского собора.

Символом русских фашистов Маньчжурии была выбрана свастика. Этот знак никакого отношения к фашизму — ни к итальянскому, ни к немецкому, ни к испанскому — первоначально не имел. Это древнейший индийский заимствованный буддизмом символ, отражавший испокон веков понятия счастья, добродетели и вечного движения вперед, иска-

ния человеческого духа. Заимствованный Китаем и китайским языком, он стал одним из иероглифов, читающимся как «вань» и означающим «добродетель». На китайских географических картах этим иероглифом обозначались храмы или «богоугодные» заведения. В Маньчжурии, например, функционировало китайское благотворительное общество «Красной свастики» — тут полная аналогия с нашим Красным Крестом.

Хорошо помнится трагикомическое происшествие во время второго «большого» парада советских войск, освободивших Харбин в августе 1945 г. Многотысячный митинг. Демонстрация русского и китайского населения. И в одной из густых колонн ее китайских участников на Соборную площадь вдруг выплыли транспаранты и знамена с этой красной свастикой. Кто тогда обратил внимание на ее цвет? Возмущению и негодованию советских офицеров не было предела. Представители же китайской гражданской администрации долгое время и чего не могли понять. К счастью, инцидент был как-то урегулирован мирно, замят.

Свастика импонировала генсеку РФО, он придавал ей свое личное толкование. Как он сам писал: «Наш знак — Святой Крест, а свастика — чисто политический знак, символизирующий единый антисемитский фронт» (Нация. — 1936. — № 8. — С. 79). Родзаевский категорически отвергал возможность отказаться от свастики, хотя это ему настойчиво предлагали некоторые сотоварищи, как и отказаться от самого названия партии — фашистская.

Помимо лиц, действительно интересовавшихся фашистской идеологией (а таких, как мы уже писали выше, было немного), Русский клуб привлекал к себе большое число любопытствующих. Эту категорию интересовали регулярно проводившиеся здесь различные политические доклады и сообщения на разные темы, особенно весьма квалифицированные лекции о текущем положении СССР, диспуты о масонстве. Такие мероприятия всегда собирали в Клубе очень большую аудиторию. Однажды, как рассказывал нам И. К. Ковальчук-Коваль, здесь был объявлен доклад «Роль масонов в судьбе России», привлечший особенно большое число слушателей, тем более что было обещано продемонстрировать и обличающие документы.

Начало доклада задерживалось, зал нетерпеливо гудел, время шло, но докладчик не появлялся. Наконец, на сцену вышел администратор Клуба Ю. Ф. фон Зиберг*.

— Господа! — с гневом и надрывом выкрикнул он. — Доклад не состоится, жидомасоны выкрали у нас обличающие их документы...

Слушатели со смехом разошлись.

При Клубе действовали также курсы: автомобиля, кройки и шитья, стенографии, бухгалтерии и японского языка. Несмотря на такое обилие кружков, деятельность Клуба печатью замалчивалась. Клуб вскоре был вынужден закрыться. Но временно.

В период с сентября 1931 по начало 1932 г. весь Северо-Восточный Китай был постепенно оккупирован войсками империалистической Японии, установившей на этой территории Китайской республики свой жесточайший военно-полицейский режим и создавшей здесь в марте 1932 г. марионеточную «империю Маньчжоу-го».

О сотрудничестве К. В. Родзаевского с японской контрразведкой и жандармерией в Маньчжурии можно написать очень многое.

Соответствующие японские органы взяли на учет Родзаевского и его группу еще задолго до событий «18 сентября» (начала оккупации Маньчжурии). В отличие от других бывших «вождей» белой гвардии (Семенова, Вержбицкого, Кислицына, Касьмина, Власевского и др.) К. В. Родзаевский был очень молод (в 1931 г. ему было всего 24 года) и поэтому перспективен. Начальник японской военной миссии в Харбине генерал Ринзо Андо (занимал этот пост в 1927—1928 и в 1933—1937 гг.) был давним покровителем местных фашистов. Фигура этого японского генерала тоже примечательна. Еще до революции, будучи молодым офицером, он побывал в России, хорошо изучил русский язык. На работу в Харбин впервые прибыл в 1911 г. Во время гражданской войны на Дальнем Востоке состоял советником при штабе атамана Г. М. Семенова.

Активно покровительствовал местным русским фашистам и тогдашний военный министр Японии генерал Араки. В своем интервью журналисту Родзаевскому он, в

* Ю. Ф. фон Зиберг в дальнейшем редактировал фашистский журнал «Нация» и был расстрелян в 1946 г. в городе Ворошилове.

частности заявил, что хочет ли этого человечество или нет, но императорская Япония спасет русский народ от Советской власти и коммунизма.

Обласканный властями «вождь» после образования Маньчжоу-го полностью отдался под их покровительство. Теперь он стал исповедовать ту веру, что путь к «освобождению» России лежит через сотрудничество фашистов с Японией. Он полагал, более того, был уверен, что в случае возникновения японо-советской войны СССР обязательно потерпит поражение, а он, Константин Родзаевский, станет в результате «вождем новой России». Ради этой цели был готов на все, был согласен стать и действительно стал японской марионеткой. Тяжкое, уничижительное для любого человека сотрудничество с оккупантами против своей родины, своего народа — положило начало деградации личности этого неординарного и не лишенного способностей человека.

Родзаевского и его партию неотступно курировали два японских офицера: майор Акикуса Шун из контрразведки генерального штаба японской императорской армии в Токио, и «Константин Иванович» Накамура, из всеильной в пределах Маньчжоу-го жандармерии, подчинявшейся командованию Квантунской армии. Ставка на Родзаевского и его сподвижников на этом начальном этапе вполне устраивала японских хозяев, так как они знали, что те без обсуждения выполняют любой их приказ, любую грязную работу, которую сами японцы не хотели бы делать своими руками. Так называемая «Русская фашистская партия» превратилась таким образом в составную часть японо-маньчжурской мафии в Маньчжоу-го, вовлеченной во все грязные дела японской военщины: рэкет, похищения людей, шпионаж, диверсии и провокации против СССР, советских организаций и учреждений в Северо-Восточном Китае, отдельных советских граждан.

Вся деятельность фашистов была окутана покровом тайны, секретности. Рядовые российские эмигранты, широкая эмигрантская общественность очень многого не знали о грязной антисоветской «работе» фашистов, о попытках их диверсий на территории Советского Союза, Дальнего Востока. Однако так или иначе, но эта грязь, сопутствовавшая деятельности фашистской партии, выплывала наружу, становилась известной, формируя в эмигрантской среде презрительное, гадливое чувство к местным фашистам.

Причины такого отчуждения рядовой массы эмигрантов от фашистов заключались, на наш взгляд, по-видимому, не в отношении этих эмигрантов к той «политической» борьбе с коммунизмом, которую декларировали фашисты, а в первую очередь в гражданской и нравственной порядочности людей, сторонившихся темных деяний и уголовных элементов, с которыми местные фашисты напрямую ассоциировались в общественном сознании.

Продолжая сегодняшние размышления о корнях этого явления, следует также иметь в виду, что русские люди, оказавшиеся после революции в Китае, в своем абсолютном большинстве не знали и подлинного лица немецкого фашизма, его человеконенавистнической идеологии. Не знали они и о зверствах, творимых фашистами на советской земле во время Великой Отечественной войны. Эти сведения тогдашними средствами массовой информации, находившимися под полным контролем японских оккупационных властей, полностью замалчивались.

Кроме того, российских эмигрантов в Маньчжоу-го непосредственно занимали отнюдь не немцы, а японцы и их политика. И между всеми теми, кто был непосредственно связан с этой политикой оккупантов, содействовал ее проведению, поступил на японскую службу, и основной массой русских людей существовала невидимая, но прочная стена недоверия и отчуждения. Все это полностью переносилось и на русских фашистов, особенно на их главарей.

К. В. Родзаевский был известен в Харбине. Сначала как назойливый сборщик средств для своего фашистского союза (ходил по лавкам и магазинам, по домам, по квартирам практикующих врачей и т. п.), затем как журналист и начальник местных фашистов (появлялся в черной форме и обязательно с телохранителем), позже как сотрудник так называемого «Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии» — органе японского контроля над выходцами из России, проживавшими в стране. Но вот что характерно: на всех этапах карьеры этого человека эмигранты полупрезрительно называли его не иначе, как «Костя Родзаевский». Честолюбивое желание во что бы то ни стало сделать карьеру, полное неприятие Советской власти, сотрудничество с японцами в конечном счете исковеркали жизнь этого человека и привели его к позорному концу. Но в этой своей бесплодной борьбе Константин Родзаевский не переходил определенных

граней человеческой порядочности, а тем более норм Уголовного кодекса, что позволило бы называть его отпетым негодяем или уголовным преступником.

С К. В. Родзаевским в качестве сотрудника Бюро приходилось иметь дело очень многим в Харбине. Он был фатально заиклен на антикоммунизме и антисоветизме. Но у харбинцев не было никаких оснований считать, что в случае таких контактов они имеют дело, встречаются и ведут деловые переговоры с каким-то убийцей, палачом, холодным садистом, якобы лично пытавшим свои несчастные жертвы, карманным вором, или другая крайность — с каким-то «генералом» и т. п. Что Родзаевский был таким — это небылицы, «кляквы» обыкновенная, густо украшавшая, к сожалению, некоторые советские романы и «документальные» повести первой послевоенной поры. С этими мифами, видимо, пора, наконец, покончить и перестать оглулять и поносить наших политических противников, пусть даже и самых злобных.

К. В. Родзаевский был убежденным непримиримым врагом Советской власти. Для борьбы с ней, как он говорил, были хороши все средства. Однако в действительности так уж и все? В 1946 г. на процессе в Москве К. Родзаевскому было предъявлено много политических обвинений, но обвинения в убийстве среди них не было.

С безоговорочной прояпонской ориентацией Родзаевского были согласны далеко не все в руководстве фашистской партии. Возникли серьезные разногласия, но К. В. это не остановило. В знак протеста против этой линии генсека в том же 1931 г. партию покинул Покровский. Он возглавил созданный им было в Харбине Фашистско-синдикалистский союз, но этот союз вскоре был запрещен японскими властями, а Покровскому пришлось бежать в Шанхай вместе со своей женой, известной харбинской поэтессой — Марианной Ивановной Колосовой.

Генерал Косьмин, пристрастившийся за годы эмиграции к «зеленому змию», устроил в 1932 г. пьяный дебош на станции Пограничная (на Восточной линии КВЖД) и был исключен из партии. Ведущая роль всецело перешла с этой поры к «вождю» — Родзаевскому, занявшему пост председателя РФП.

При покровительстве и поощрении властей фашисты Харбина постепенно распространяли свои ячейки по всей Маньчжоу-го и даже в пределах Китая и Японии, вовлекая в орбиту своей деятельности все большее число русских эмигрантов, и в том числе молодежи. Их успехи позволили им претендовать уже на некий «международный» статус. У фашистов стали появляться собственные печатные органы. Возобновил свою деятельность и Русский клуб в Харбине.

Фашистская газета «Наш путь» 4 января 1934 г. сообщила, что Русский клуб вновь открывается по новому адресу: на главной в Харбине Китайской улице, № 1 (125), в самом ее начале, на углу Диагональной, на втором этаже трехэтажного здания, известного харбинцам как «бывшее помещение Дальбанка». Огромная вывеска «Русский клуб» и голубая, ярко загоравшаяся по вечерам свастика над крышей здания были видны отовсюду. Почти рядом, на Короткой улице, с этой эмблемой соседствовал большой черный крест над харбинской общиной баптистов, создавая, таким образом, определенный зрительный образ начала этой главной улицы. На третьем этаже с согласия японских властей одно время работало казино, мыслившееся как вспомогательная финансовая база только что созданного японцами в конце 1934 г. Бюро эмигрантов. Заведовал казино известный всему Харбину Василий, сын генерала Л. Ф. Власевского. Определенную долю прибыли с этого игорного дома получали и фашисты.

Но мы несколько забежали вперед.

Вначале единственными изданиями ВФП были ее листовки. Затем у фашистов появился ежемесячный журнал «Нация», выходивший в Шанхае, а вслед за ним — ежедневная «Наша газета», вскоре изменившая свое название на «Наш путь» (с 3 сентября 1933 по апрель 1938 г.). Газета сменила состав редколлегии и начала выходить в свет в виде большой ежедневной утренней газеты, под редакцией главы фашистского движения в Харбине К. В. Родзаевского.

Сменив ее, с 3 октября того же года, стал издаваться «Наш путь». Из передовой статьи первого номера: «Ежедневный орган русской национальной мысли за рубежом, с девизом: "Бог. Нация. Труд". К объединению. К оздоровлению. К пробуждению. Русский русскому друг и брат». «Наш путь» (с № 23 главный редактор К. В. Родзаевский, писавший иногда под всевозможным Факелов) стал уже открытым фашистским партийным органом, придерживавшимся крайних антисемитских позиций. Редакторами

его были А. А. Кармилов, В. А. Голицын и др. Редакция выпускала массу отдельных приложений: «Авангард», «Военные заметки», «Наша смена», «Русский железнодорожник», «Пробуждение» и др. «Авангард», например, впоследствии стал самостоятельным журналом фашистской молодежи.

«Нация» — к № 12 за 1935 г. — это ежемесячный общественно-политический журнал, издаваемый Верховным советом Всероссийской фашистской партии; имел на обложке девиз: «Бог. Нация. Труд». Редактором в тот период был О. В. Константинов. К 1938 г. формат издания был увеличен; он стал журналом Российского национального фронта, официальным органом Российского фашистского союза, издаваемым Верховным советом РФС, под редакцией Г. В. Тараданова (№ 7. — 1938. — 20 июля). Новыми лозунгами на обложке стали: «Россия для россиян» и «Все силы — национальной революции».

Все эти изменения отражали внутренние процессы, происходившие в фашистской партии. К ним мы и переходим. Остается только упомянуть, что фашистская печать с ее серьезными статьями с анализом советской экономики и внутреннего положения СССР также привлекала многих.

Фашисты разработали свой партийный гимн («Вставайте с нами, братья...») на музыку «Преображенского марша», а также использовали российский национальный гимн «Боже, царя храни», освятили свое знамя и ввели строго определенную форму одежды.

Форма эта была вначале исключительно черной, что символизировало якобы их траур по России, «находившейся под игом большевизма»: черные кепки с черными же козырьками, черные гимнастерки, портупеи, широкий ремень, галифе и сапоги. Но в такой одежде их принимали за шоферов, и на этой почве возникали недоразумения. Тогда фашисты стали носить коричневые ремни, или портупеи, на галифе нашивались оранжевые канты; на левой руке была повязка с черной свастикой на ярко-оранжевом круге с тонкой белой полоской. Называли они друг друга соратниками и соратницами и приветствовали на нацистский манер — резким выбросом вверх руки и громким возгласом «Слава России!», считавшимся официальным партийным приветствием. На что в основной массе эмигрантов был придуман и пользовался широкой популярностью ответ: «Проср... Россию». Да, надо еще добавить, что над свастикой было изображение двуглавого орла, который должен был, по их мнению, символизировать неотрывность русского фашистского движения от истории России.

Тем временем в другой части света, в США, под руководством А. А. Вонсяцкого, вождя русских американских фашистов, с 10 мая 1933 г. начала функционировать Всероссийская фашистская организация (ВФО), со своим журналом «Фашист».

Анастасий Андреевич Вонсяцкий родился в Варшаве 12 июня 1898 г. (скончался в Сан-Франциско в 1970 г.). Вместе с остатками белой армии оказался выброшенным Гражданской войной в Европу. Весной 1921 г. в Париже этот красивый, с мужественной внешностью гвардейский офицер случайно познакомился в дансинге с американской миллионершей Марион Рим Стефенс. Ей было 44, а ему — 22 года, но эта разница в годах не помешала возникнуть между этими двумя столь разными людьми пылкому и искреннему чувству, любви с первого взгляда, продолжавшейся более 50 лет.

Марион увезла Вонсяцкого в Нью-Йорк. А. А. оставил в СССР свою первую жену Любу Муромскую, но это не послужило препятствием для его брака с Марион. В 20-е годы газеты сделали из этого брака сенсацию. Не осталась в стороне и художественная литература.

Известный эмигрантский писатель Николай Николаевич Брешко-Брешковский посвятил описанию этой истории роман «Голубой мундир». Он вышел в свет в 1930 г. в Риге, но им в свое время зачитывался и «весь Харбин». В романе автор придал истории любви Вонсяцкого и Марион, их встрече дополнительную романтическую окраску. Будто бы Марион, вдова короля кофе, обнаружила раненого прекрасного юношу в саду своего роскошного особняка в Бразилии, где тот сумел укрыться от напавших на него бандитов. Выходила его, вышла за него замуж...

Вонсяцкий не имел сторонников на Дальнем Востоке, Родзаевский — в США. Это обстоятельство способствовало их сближению и союзу, правда, весьма кратковременному. Инициатива исходила от К. В. Родзаевского. Соратники по духу, они встретились в Токио в конце марта — начале апреля 1934 г. и обсудили условия создания будущей объединенной фашистской партии: создавался Центральный исполнительный комитет из 8 членов; Вонсяцкий — председатель, Родзаевский — генсек; руководство партии —

в Харбине; материальную поддержку обещал Вонсяцкий.

После достижения такой договоренности А. А. Вонсяцкий проследовал в Маньчжоу-го, где 26 апреля того же года соратники устроили ему на харбинском вокзале пышную, триумфальную встречу.

После приезда Вонсяцкого в Харбине состоялся второй съезд РФП, провозгласивший уже создание Всероссийской фашистской партии (ВФП). Съезд собрал представителей русских фашистов Маньчжоу-го, Китая, Японии и некоторых других стран Европы, а также, как мы видим, и США. Местные фашисты уже могли на этом основании тешить себя иллюзией, что их организация «охватывает весь мир», хотя эти местные организации иногда насчитывали едва по несколько человек. Однако свою партию они переименовали почему-то именно во «Всероссийскую».

Вожди партии демонстрировали нежную дружбу. Вонсяцкий вернулся в Штаты. Учитывая важную общественную роль женщин, фашисты создали Российское женское фашистское движение (с 1932 г.). Во главе его стояла вначале Абаимова, сменила ее Е. Г. Охотина. Осенью 1945 г. она была арестована в Харбине, отсидела 10 лет на Колыме. Ее муж — Л. П. Охотин, один из охранников Родзаевского, тоже был арестован и умер в лагере. После освобождения в 1956 г. Е. Г. вышла замуж за своего бывшего соратника, также отбывшего срок, В. Н. Мигунова. Умерла она в декабре 1981 г. в Джамбуле. Отметим, к слову, что одной из инициатив харбинских фашистов было учреждение так называемых «голодных дней» (отказ раз в месяц от обеда в пользу Фонда антикоммунистической борьбы), действительно дававших некоторое пополнение фашистской кассе (см., например, «Нация». — 1936. — № 3. — С. 63).

В специальной статье по случаю 5-летия ВФП («Нация». — 1936. — № 5) особо подчеркивалось, что фашистская партия проявляет заботу о подрастающей смене — в смысле ее националистического воспитания и приобщения к фашистскому движению. Для этих целей были созданы детские и подростковые организации — союз юных фашистов «Авангард» (для мальчиков от 10 до 16 лет), Союз юных фашисток-авангардисток (для девочек такого же возраста) (с 22 апреля 1934 г.) и организация «Фашистские крошки» (от 5 до 10 лет, с 10 мая 1934 г.). Последними руководила «бабушка революции», как ее называли, Пац-Памарнацкая. Позже (12 августа 1939 г.) возник Антикоммунистический союз молодежи, тоже резерв пополнения рядов фашистского союза.

4 августа 1936 г. в Харбине открылась Фашистская академия в составе 5 кафедр. Ректором ее был назначен профессор Н. И. Никифоров. «Академия» имела довольно сильный преподавательский состав. Число слушателей достигало 100 человек. В вестибюле ее висел транспарант: «Через изучение СССР — к знанию врага, через знание — к победе. Все силы — национальной революции!» Один из номеров журнала «Нация» за 1936 г. вышел с портретом П. А. Столыпина на обложке и со специальной статьей, приуроченной ко дню 25-летия со дня смерти этого видного российского политического деятеля, который был назван в статье «первым фашистом великой России». Харбинские фашисты явно стремились спекулировать именем П. А. Столыпина в собственных целях и даже присвоили его своей «Академии».

Один из бывших главных идеологов дальневосточного русского фашизма, Геннадий Тараданов, составил «Азбуку фашизма» (опубликована в 1935 г. в Шанхае, явно по образцу написанной в 1921 г. Н. И. Бухариным «Азбуки коммунизма»). Харбинский поэт незаурядного дарования, скрывшийся под псевдонимом Николай Дозоров, посвятил фашистам стихи:

Только такие, только такие
 Вырвут из двери тюрьмы засов,
 К нам свои руки простерла Россия,
 К нам ее голос, к нам ее зов.
 Каждый молод и каждый может,
 Ветры победы знамена рвут,
 В каждом сердце стучит, как молот,
 Бог,
 Нация,
 Труд.

Казалось бы, все шло гладко и не предвещало никаких осложнений. Однако так все выглядело лишь для непосвященного человека. Почему же, говоря выше о сотрудничестве Родзаевского с секретными японскими службами, мы назвали это сотрудничество «тяжким»?

На связи русского фашистского союза в Маньчжоу-го и японской разведки и контрразведки накладывали свой отпечаток и отношения между японскими властями и атаманом Семеновым. Эти отношения вовсе не были однозначными, как кому-то, возможно, представляется. На них влияли изменения в японо-советских отношениях и в еще большей степени — все перипетии отношений милитаристской Японии и фашистской Германии рассматриваемого нами периода. В контексте всех этих отношений К. Родзаевский и его партия частенько попадали в положение между молотом и наковальней, несли большой физический и моральный урон, а в конечном счете фашистская партия была в одночасье просто уничтожена японскими властями.

Японо-германские отношения сказались на судьбе русской фашистской партии в Маньчжоу-го, пожалуй, особенно драматично. По сути, эти отношения, когда их основным базисом являлась общая ненависть к коммунизму, к СССР, стремление развязать агрессию против нашей родины, разделить в случае успеха между собой ее территорию, носили сложный и комплексный характер. Они характеризовались и такими моментами, как заключение 27 сентября 1940 г. между Японией, Германией и Италией тройственного союза, создание оси Токно — Берлин — Рим, выделение в Маньчжоу-го перед всеми прочими немецких фирм (разумеется, исключая японских); и такими, как заключение советско-германского пакта о ненападении от 22 августа 1939 г., и советско-японского пакта о нейтралитете, подписанного 13 апреля 1941 г.

Основные цели фашистской Германии лежали главным образом в Европе, Японии — в Китае и Восточной и Юго-Восточной Азии в целом; но соперничество этих двух государств, претендовавших на мировое господство, разумеется, сохранялось, подозрительность и недоверие занимали в их взаимных отношениях значительное место.

Надо сказать, что и основания для такого недоверия были. Так, например, в начале лета 1935 г. в Харбине появился гость из Германии Г. Фохлер Хауке, «географ, доцент Мюнхенского университета». Этот немец, молодой, с военной выправкой, выразил желание присоединиться к организуемой в это время исследователем Харбинского музея В. Н. Жернаковым историко-этнографической экспедиции, ставившей своей целью исследование вулканической группы Эркэшань и Холдонгир в Северной Маньчжурии. В середине августа экспедиция вернулась, а Хауке немедленно отправился в Баргу и на Большой Хинган (северо-западная часть Маньчжоу-го). Геолог Э. Э. Анерт снабдил немецкого «географа» двухверстными картами Маньчжурии. Тот благодарил Жернакова и музей за оказанную помощь и обещал прислать свою книгу. Действительно, прислал. Только называлась она «Экономическое положение Маньчжурии» и говорилось в ней о военно-стратегическом положении Большого Хингана, Барги, о границах Забайкалья, Монгольской Народной Республики, а также о политических и экономических позициях Японии в Северной Маньчжурии. Выяснилось, что Г. Фохлер Хауке был офицером генерального штаба вермахта и основной целью его поездки в Маньчжурию была разведка. Жернакова и Анерта вызвали в японскую военную миссию, у них были неприятности. Японские власти были чрезвычайно чувствительны к шпионам в немецкой форме. Это отчетливо продемонстрировала история с Рихардом Зорге, в связи с которой Родзаевский был даже арестован. Об этом подробнее — ниже. Пока же отметим, что и «дело Зорге» из-за своего уровня и масштабов отнюдь не улучшило атмосферы в японо-германских отношениях.

Вероломным выглядело в глазах японцев поведение их союзника — фашистской Германии в 1939 г., в разгар боев на Халхин-Голе, когда перед Квантунской армией стояла перспектива неотвратимого и унижительного поражения. Германия именно в этот момент заключила пакт о ненападении с СССР; японские военные публично выражали свое возмущение этими действиями германской дипломатии.

После нападения Германии на СССР 22 июня 1941 г. японское военное командование в Маньчжоу-го недоумевало, как это СССР снимает с границы свои дальневосточные дивизии и отправляет их на Западный фронт, оставляя свой Дальний Восток без защиты перед лицом Квантунской армии. Ответом на их недоумение год спустя было «дело Зорге».

Далее, после эйфории, вызванной первыми успехами, ставшими возможными именно

в результате вероломного нападения на СССР, фашистская Германия начала терпеть серьезные военные неудачи; затяжной же характер, который приняла война, означал для Германии перспективу тотального военного поражения.

В этих условиях сделать русских фашистов какой-то политической силой в Маньчжоу-го, раздражать СССР отнюдь не входило в политические и военные расчеты Японии. Оговоримся, что на динамике советско-японских отношений мы еще не раз остановимся в ходе нашего изложения, и скажем теперь несколько слов об отношении японских властей к атаману Семенову.

Этим отношениям также были присущи недоверие и неприязнь. В то время, как РФС, несмотря на разногласия Родзаевского с Семеновым, слепо следовал курсом на сотрудничество с атаманом, японские власти уже серьезно разочаровались в Семенове. В годы гражданской войны на Дальнем Востоке Семенов оказался слабым, ненадежным союзником, то и дело обращавшим свои взоры в сторону Соединенных Штатов, потерпев военное поражение, оказался в положении беженца. Тем не менее из Маньчжурии он поехал в Штаты, а только потом в Японию, и вернулся в Маньчжурию. Семенов серьезно скомпрометировал себя в глазах эмигрантов и в первую очередь казачества своей нечистоплотностью, жестокостью, своей и своих сатрапов. Недаром один из них, начальник семеновской контрразведки генерал Тирбах, был убит сразу же после возвращения в Маньчжурию из Шанхая.

Но другого «вождя» эмиграции у японцев, к сожалению, не нашлось, выбирать было не из кого, и Семенов был официально объявлен «главой российских эмигрантов в Маньчжоу-го».

Эти обстоятельства и определяли взаимные отношения. Г. М. Семенов, по существу, был изолирован японцами от внешнего мира в своей дайренской резиденции, почти не покидал ее, жил здесь под неусыпным и мелочным присмотром своих японских хозяев. Попытка представителей национал-социалистской партии Германии в начале 40-х годов напрямую сноситься с Семеновым, напрочь игнорируя при этом местный ВФС, также насторожила японцев. Русским же фашистам эта акция показала, что их Союзу немцы никакой роли в своих планах в отношении СССР не отводят.

В апреле 1945 г. скоропостижно скончалась молодая жена Семенова (28 лет). В эмигрантской среде это событие как-то глухо связывалось с отношениями атамана с японскими властями. Характерно и то, что в августе того же года эти власти бросили атамана на произвол судьбы, и он был арестован в Дайрене советским военным командованием.

Японские специальные службы ревниво следили и за контактами Родзаевского с фашистской группой американского гражданина А. А. Вонсяцкого.

В августе 1934 г. в японском офицозе, газете «Харбинское время», неожиданно для всех появилась статья неизвестного в Харбине Невилля, гражданина Франции, обвинявшая Вонсяцкого в одном из самых тяжелых смертных грехов, по представлениям фашистов, — в принадлежности к масонству (!). В газете «Наш путь» за 24 августа 1934 г. снова на первой полосе появилось следующее сообщение:

— Миллион долларов тому, кто докажет, что А. А. Вонсяцкий — масон. Заявление А. А. Вонсяцкого. Что скажет теперь лжец Невилль?

В свое время в Харбине много шуму наделало заявление местного видного масона Невилля, будто председатель Ц.-К. В.Ф.П. А. А. Вонсяцкий является масоном. Мы тогда же выступили с категорическими опровержениями этой подлой провокации.

А. А. Вонсяцкому было послано подробное сообщение о провокационном выступлении Невилля, в ответ на что А. А. Вонсяцкий прислал в «Наш путь» для опубликования нижеследующее официальное заявление:

— Провокаторы — агенты коминтерна пустили самую злостную клевету, подхваченную их подголосками, о принадлежности моей к масонству. Заявляю, что это — ложь. Даю 1 000 000 долларов тому, кто докажет, что я был или состою в какой-либо масонской ложе.

А. А. Вонсяцкий.

Вместе с тем за этим внешним фасадом солидарности и взаимной поддержки уже возникали трения и зрел раскол. Легче всего было бы объяснить разрыв между Родзаевским и Вонсяцким борьбой «вождей» за власть, за влияние. Но причины лежали глубже. Еще во время сговора в Токио остались неурегулированными, по крайней

мере, две проблемы: сотрудничать ли с атаманом Семеновым и как относиться к евреям и еврейству? Вонсяцкий отвергал возможность сотрудничества с атаманом, как с личностью, глубоко дискредитировавшей себя еще во время гражданской войны и иностранной военной интервенции на советском Дальнем Востоке. Далее он, как гражданин США, прекрасно представлял себе, какую важную роль играли евреи в финансах и политической жизни этой страны, да и во всем мире. Родзаевский же с маньчжурской узостью своего кругозора видел в местных евреях лишь объект поборов для пополнения партийной кассы, а в так называемом «международном еврействе» — только орудие некоего «иудомасонского коминтерна».

Внешне, однако, в отношениях «вождей» все пока оставалось до поры до времени тихо и гладко. Резкий и полный, внезапный разрыв, происшедший в декабре 1934 г., прозвучал для рядовых фашистов как гром среди ясного неба. В выпуске XIII журнала «Фашист», издававшегося группой Вонсяцкого в США, появилась статья об атамане Семенове, озаглавленная «Его нужно расстрелять».

Японские хозяева Родзаевского и Семенова такого Вонсяцкому простить, конечно, не могли. Они заставили генсека через «Наш путь» от 11 декабря того же года ответить председателю, попытавшимся полностью дискредитировать Вонсяцкого от имени всего ЦИК ВФП. «Срочным постановлением Ц.И.К.-а» Вонсяцкого исключили из партии. Тот, разумеется, не остался в долгу, и «Фашист» повел резкую кампанию против Родзаевского и «маньчжурских раскольников». Прошлого уже не вернуть, с Союзом было навсегда покончено.

Решение ЦИК было одобрено «третьим (всемирным) съездом Российских фашистов» (как они сами его называли), созванным в Харбине и проходившим с 28 июня по 7 июля 1935 г. в Механическом собрании. Съезд, собравший 104 делегата, представлявших организации русских фашистов в Маньчжоу-го, Японии, Китае, на острове Ява, в Сирии, Египте, Марокко, Болгарии, Польше, Финляндии, Германии и США, стал личным триумфом, мы бы сказали, пиком партийной карьеры К. В. Родзаевского, объявленного главой Всероссийской фашистской партии. Ни последующий 1936 год, ни тем дальнейшие годы уже не могли сравниться с тем апофеозом личной власти, радужных проектов, эйфорических представлений, которые «вождь» культивировал в этом, 1935 г.

Съезд был, конечно, для фашистов главным событием года, но открыла этот год ВФП выдвижением лозунгов «Из отбора — отбор» (в связи с представившимися возможностями расширения своей численности в результате деятельности Бюро и союза с местным казачеством) и «В Россию», что химерически определяло «главное направление» будущих акций русских фашистов, так сказать, вновь выработанную генеральную линию ВФП. По ней было разработано положение о так называемой фашистской трехлетке. «Генеральный лозунг родил генеральный план,— писал «Наш путь»,— фашистскую трехлетку — план трехлетнего посева по городам и селам нашей родины не связанных друг с другом национал-революционных и фашистских ячеек — для объединенного совместного выступления в 1938 г. ... 1 мая 1938 г.— реализация (этого плана) завершится освободительным взрывом».

— 1 мая 1938 г. я буду в Москве,— заявлял Родзаевский своим соратникам. Его пророчество не сбылось. К. В. Родзаевский попал в Москву, но на 7 лет позднее — в 1945 г., и в совершенно ином качестве, чем он это себе представлял.

В прямой связи с выдвинутыми лозунгами 1935 год ознаменовался также и серьезным расширением в фашистской печати изучения СССР. Это изучение осуществлялось под тем же призывом — «Через изучение СССР к знанию врага. Через знание — к победе», так что наша оценка этого процесса является совершенно однозначной: это было одно из средств в антисоветской борьбе ВФП. Другое дело, что, как мы уже отмечали выше, приводимый обильный фактический материал из советской периодической печати (в условиях отсутствия какой-либо объективной информации об СССР при жесткой японской цензуре в Маньчжоу-го), из иностранной печати и главное — высокий теоретический уровень анализа этих материалов, действительно интересовали многих. Полный перечень тем об СССР, проработанных харбинскими фашистами в одном только 1935 г., занял бы слишком много места в этой нашей краткой публикации. Назовем поэтому лишь только некоторые из них: «Советская промышленность в 1935 г.», «Цены и заработная плата в СССР», «Стахановщина», «Под пятой ОГПУ»,

«На постройке канала Москва — Волга гибнет тысяча людей ежедневно» («Наш путь». — 1935. — 10 октября)*.

Вернемся к третьему съезду. Делегаты его послушно одобрили резолюцию о Вонсяцком («Третий съезд В. Ф. П. считает исключение из В. Ф. П. А. Вонсяцкого, проведенное срочным постановлением Ц. И. К.-а В. Ф. П. совершенно правильным» (Собрание постановлений третьего (всемирного) съезда Российских фашистов // Нация. — 1935. — № 8. — С. 54), приняли курс на сотрудничество своей партии с атаманом Семеновым и Дальневосточным союзом казаков («Да здравствует атаман Семенов, правопреемник адмирала Колчака и вождь всех эмигрантских сил, готовых к борьбе за великую Россию!» (Там же. — С. 50). Съезд подтвердил линию на поддержку русскими фашистами руководства созданного японскими властями Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии. Об отношении фашистов к этому Бюро свидетельствует следующее заявление третьего съезда: «...съезд горячо благодарит правительство Маньчжоу-го за создание Бюро по делам российских эмигрантов. С созданием этого Бюро — проблема объединения эмиграции решена. Наша партия будет всячески поддерживать это Бюро как общеэмигрантский руководящий центр» (там же). Подоплека подобного отношения и оценок, конечно, совершенно понятна. Такая смычка значительно способствовала распространению ячеек русских фашистов по всему марионеточному «государству Маньчжоу-го».

Что касается международно-политических резолюций, то обращает на себя внимание следующая: «Союз трех империй будущей фашистской России, Ниппон и национал-социалистской Германии, заявляя, что только такой союз может решить все мировые проблемы, установить вечный мир и прекратить всемирное владычество иудомасонства» (там же). В соответствии с этим во всей послесъездовской литературе фашистов упоминались имена фашистских вождей этих стран. Например, «Муссолини — Гитлер — Араки — Семенов... Привет Вождям Нового Человечества» (см., например, «Наш путь». — 1936. — 13 сентября). Заметим при этом: «Семенов», а не «Родзаевский».

22 мая 1935 г. Родзаевский заявил, что якобы он командует 20 тысячами «соратников» (Дж. Стефан. — Русские фашисты. Трагедия и фарс в изгнании. — Голулу. 1978. — С. 176). «Эта цифра была им преувеличена втрое, — пишет американский историк. — Однако к концу 1935 г. численность членов фашистской партии, действительно могла достигать 10 тыс. человек». С этим утверждением трудно согласиться. На наш взгляд, и эта последняя цифра является преувеличенной. Даже если включить в нее всех «фашистов» — железнодорожников и всех малолеток из детской и юношеской организаций.

Что касается железнодорожников, то тут дело заключалось в том, что один из основателей ВФП, по некоторым данным, советский разведчик М. А. Матковский возглавил к этому времени третий отдел Бюро, ведавший трудоустройством эмигрантов. А через него в середине 30-х годов проходили тысячи людей. Так вот от всех, стремившихся получить хорошо оплачивавшуюся работу на перешедшей к японцам бывшей КВЖД, Матковский требовал заполнения бланков о вступлении в ряды фашистской партии. Читая маньчжурскую фашистскую печать, мы находили в списках «соратников» хорошо известных нам людей, которые были бесконечно далеки от какой-либо идеологии фашизма. Отнесение их к фашистам, безусловно, являлось результатом деятельности М. А. Матковского. Одним из дополнительных мотивов могла явиться дискредитация возможно большего числа эмигрантов в связях с фашистами. Не отставал от Матковского и сам Родзаевский, бывший заместителем начальника Бюро, а затем и начальником его второго отдела. С учетом даже этого момента, нам представляется, что более прав Оберлендер, который определяет численность фашистов в 4 тыс. человек. При этом еще необходимо учитывать и четко установленные руководством ВФП градации членства в фашистской партии. Опасаясь проникновения в свою среду советских разведчиков, русские фашисты установили четыре категории своих «соратников»: сочувствующий ВФП, кандидат ВФП, действительный член ВФП и фашист.

* Некоторые темы 1936 г.: «Социалистический транспорт», «Нефтяная промышленность СССР», «Крестьянство и советская власть», «Внешняя торговля СССР», «Новая советская конституция», «Новая программа и устав ВЛКСМ», «Что проводится под флагом закрепления земли за колхозами».

фашистка. Для каждой из этих категорий лиц были предписаны инструкции, издаваемые в виде общих брошюр, и «партийный» стаж.

Об уровне идейной и политической сознательности, убежденности, а тем более «степени богоготовности» основной массы молодежи в силу тех или иных обстоятельств оказавшейся вовлеченной в фашистское движение, дает представление история, рассказанная в мемуарах И. К. Ковальчук-Коваль. «Кажется, в августе 1936 г. капитан Хакуяма из японской военной миссии организовал ночной сбор фашистов Харбина. Местом этого экстренного, необычного по времени сбора был конференц-зал Института св. Владимира.

У входа в Институт грозно стоял японский солдат с винтовкой. Электричество в помещении было притушено. Окна задернуты плотными шторами. На сцене широко шагал взад и вперед глава ВФП Родзаевский, в полной форме, а за ним с маузером у пояса его телохранитель — огромный Лев Охотин. Вдоль стен и у дверей несли караул люди из фашистского учебного отряда под командованием Н. Горлова. Переговаривались присутствующие коротко и только шепотом. Словом, обстановка была необычная, таинственная и напряженная.

На сцену вышел капитан Хакуяма. Зал замер.

— Друзья! Сейчас никто из вас отсюда не выйдет, — на чистом русском языке медленно произнес японец. — Ниппон объявил войну СССР. Части нашей императорской армии форсировали Амур, они взяли Хабаровск и Благовещенск. Настал момент, которого вы, русские фашисты, давно ждали. Сейчас вас отвезут на аэродром и с самолета забросят на советскую сторону. Кто не согласен, пройдите в соседнюю комнату»...

Присутствующие будто онемели. Потом переглянулись, стали перешептываться и вдруг все разом заговорили... Мужчины в черных гимнастерках, женщины в белых блузках пришли в движение, стали группироваться, переходить в замешательстве с места на место. Многие незаметно скрылись в дверях указанной комнаты. Послышались женские рыдания. Тут же спорили, судили-рядили, что-то доказывали. Словом, люди по-своему раскрылись.

Родзаевский подошел к краю рампы и молча наблюдал за своими соратниками. К сцене подошла молодая пара. Девушка оказалась смелее.

— Константин Владимирович, — обратилась она к вождю. — Мы всей душой, но понимаем... завтра у нас свадьба...

— У меня очень больна мать, — вклинился в разговор другой. — Как мне быть?

Родзаевский молча кивнул головой в сторону комнаты.

Неожиданно на сцене снова появился капитан Хакуяма. Он поднял руку. Зал стих.

— Господа, — чуть улыбнулся японец. — Успокойтесь. Это была проверка. Можете расходиться по домам...

Ночной смотр фашистов, их боевой готовности в тайне не остался. Эмигранты, посмеиваясь, обсуждали этот случай между собой и, конечно, не без добавлений и прикрас. Кто-то сочинил даже анекдот: «По вызову явился тоже член фашистского союза, известный харбинский юрист, глава армянской секции (называли фамилию). Когда ему предложили как пропагандисту лететь на советскую сторону, он якобы ответил:

— Не могу, у мэна завтра дело в судэ...»

Лично я услышал подробности этой забавной (? — Авт.) истории с проверкой, — заключает И. К. — через 44 года в Москве от бывшего активиста ВФС Н.».

Сказанное выше вряд ли нуждается в каких-либо комментариях.

Но наряду с таким «составом» у фашистов была и горстка убежденных бойцов. Они-то и были их главной ударной силой.

Так называемая генеральная линия третьего съезда, «новый курс» 1935 г. на борьбу с Советской властью «по ту сторону границы», то есть внутри Советского Союза, активизировала провокации фашистов на границах СССР, засылку в страну фашистских агентов, диверсии в советском тылу. Собственным тылом при этом фашисты безосновательно считали всю российскую эмиграцию в Маньчжурии. На совести Родзаевского и других фашистских руководителей много жертв молодых обманутых ими русских парней, согласившихся на ведение открытых враждебных акций против своей родины, на то, чтобы стать японскими шпионами, диверсантами. Их быстро, чаще всего тут же, на границе, вылавливали, приговаривали к расстрелу.

Многие гибли в тайне, оставаясь безвестными. Имена других всплывали, становились общим достоянием, о них говорили. Так стала известна гибель диверсантов-одино-

чек — полковника А. В. Кобылкина (задержан на станции Инокентьевка Восточно-Сибирской ж. д. 27 августа 1935 г.), Г. И. Семени (расстрелян в Хабаровске в начале 1936 г.), из «пар» — члена актива Харбинского отделения ВФП Д. А. Сорокина и Бабина (задержаны с подложными документами, взрывчатым веществом, ядом и фашистской литературой вблизи станции Облучье Амурской ж. д. 9 июня 1935 г. и расстреляны в Хабаровске по приговору Военного трибунала ОКДВ СССР). Из боевых групп — много разговоров было об отряде бывшего телохранителя «вождя» — Маслакова и К. М. Носова численностью в 35 (!) человек. Из этого засланного на гибель отряда никто не вернулся. О поимке диверсантов, суде над ними и приговоре (всех к высшей мере) сообщило радио из Хабаровска.

Отрицая ведение «соратниками» шпионской работы в пользу японской Квантунской армии, журнал «Нация» писал: «Замечено, что в последнее время большинство случаев национально-революционной борьбы с диктатурой ВКП(б) — они (советские власти.— Авт.) подводят под шпионаж» («Нация». — 1935. — № 12. — С. 72).

Из отряда Маслакова уцелели лишь руководители, командир и К. М. Носов. Они вместе с японским офицером разведки, переправив через Амур на лодках на советскую территорию своих сотоварищей, тут же вернулись обратно. «Я был отлично знаком с Костей Носовым,— пишет И. К. Ковальчук-Коваль.— Однажды он ошаршил меня предложением «прогуляться» для работы на «ту» сторону. Я спросил, почему бы ему самому не совершить такую «экскурсию»?

— Я здесь нужен — уклончиво ответил Костя.

— Представь себе, и я тоже...

Более на эту тему у нас разговора не возникало».

История с Носовым имела свое продолжение. Трагическая судьба членов отряда произвела страшное впечатление на этого человека, потрясла его. Чтобы замолить вину в гибели товарищей, он ушел в монастырь и стал отцом Нилом. Однако и этот поступок не спас его от сильнейших угрызений совести. Он, по существу, покончил жизнь самоубийством, заболев и категорически отказавшись от какого-либо лечения.

По этому поводу Н. Дозоров написал дежурное стихотворение «У гроба соратника», в котором, в частности, были такие строфы:

Команда и музыка. К милому гробу

Спешим — угнетает беда.—

Чтоб с Костей проститься и с Костею чтобы

ОСТАТЬСЯ ДУШОЙ НАВСЕГДА. («Нация». — 1937. — № 10. — С. 38—39).

(Продолжение следует)

ИНЬ И

Совершенно неслучайно в ходе беспорядков и контрреволюционного мятежа в Пекине Бао Цзуньсинь исполнял роль организатора и подстрекателя. Упорно придерживаясь платформы буржуазной либерализации и выдавая себя за борца против конфуцианства, он на протяжении длительного времени своевольно подвергал нападкам и отрицал традиционную китайскую культуру, всемерно распространял концепции и настроения национального нигилизма. В прошлом году на симпозиуме «Проблемы и перспективы развития конфуцианского учения», который состоялся за рубежом, он прямо направил острие нападков на современный китайский марксизм, заведомо ложно заявляя о его конфуцианизации и тщетно пытаясь под флагом борьбы против конфуцианства отрицать идеи Мао Цзэдуна. Отношения между идеями Мао Цзэдуна и Конфуция — это действительно важный принципиальный вопрос, в котором нужно серьезно разобраться.

Бао Цзуньсинь говорит: «Так называемая китаизация марксизма» — это как раз и есть «легализация и даже автократизация конфуцианских традиций под вывеской марксизма и социализма». Смысл этого вполне понятен, — здесь имеется в виду мысль о том, что современный китайский марксизм существует лишь номинально и что в сущности он является конфуцианством. Все это — коварные нападки и злонамеренное искажение фактов.

Общезвестно, что под современным китайским марксизмом имеются в виду идеи Мао Цзэдуна. Применяя основные положения марксизма в конкретной практике Китая, китайские коммунисты во главе с товарищем Мао Цзэдуном произвели теоретическое обобщение самобытного опыта в ходе длительной практики революции и строительства нового Китая. Таким образом идеи Мао Цзэдуна — это продукт соединения основных положений марксизма с конкретной практикой революции и строительства в Китае, а применение и развитие марксизма в Китае — это современный китайский марксизм, система научных идей, мировоззрение и методология пролетариата, которые целиком и полностью служат коренным интересам китайского народа.

Конфуцианство же — это одна из школ, появившихся в периоды Чуньцю и Чжаньго, основоположником которой был Конфуций (Кунцзы). Эта школа проповедовала «человеколюбие и справедливость» («чжун шу»), «ритуал и музыку» («ли юе»), «преданность и великодушие» («чжун шу»), «золотую середину» («чжун юн»), пропагандировала «добродетельное управление» («дэ чжи»), «человеколюбивое правление» («жэнь чжэн») и «путь совершенного правителя» («ван дао»), придавая большое значение этике, самоусовершенствованию, самовоспитанию и т. п. После того как ханьский император У-ди (140—87 гг. до н. э.) «предал остракизму сто школ и стал ценить лишь конфуцианское искусство», конфуцианская школа постепенно стала наиболее уважаемой в Поднебесной и заняла господствующее положение в области идеологии и культуры. И хотя в существовавшем на протяжении длительного времени феодальном обществе конфуцианское учение неоднократно менялось, сообразуясь с нуждами феодального господства, оно, в принципе, всегда защищало феодальный строй и устои феодальной морали. После «движения 4 мая» конфуцианство подверглось шквалу нападков со стороны различных направлений прогрессивной и революционной культуры, а рождение нового Китая и создание социалистического строя в итоге положили конец его господству в области идеологии и культуры. Как одно из учений, созданных в ходе истории, конфуцианство, несомненно, является важным

Инь И — автор статьи, сотрудник отдела пропаганды КПК. Статья опубликована в журнале «Цюши цзачжи», 1989. — № 24.

наследием национальной культуры, которому следует дать историческую оценку с позиций материализма. Что касается композиционного содержания этого учения, его системы методов, его плюсов и минусов, достоинств и пороков, а также перспектив развития, то по этим научным вопросам, нечего и говорить, вполне можно соперничать и развертывать дискуссии. Однако как цельная идеологическая система оно представляет собой и отражает феодальное идейное мировоззрение, которое, будь то в новодемократический период или в период социализма, всегда являлось объектом наших возражений и критики. Идеи Мао Цзэдуна и конфуцианские идеи как два вида весьма и весьма различных систем идей являются в корне противоположными как с точки зрения мировоззрения и методологии, так и с точки зрения классовых интересов, которые они представляют и выражают. На этот счет нам нельзя допускать ни малейшей халатности.

Когда Бао Цзуньсинь безапелляционно заявляет о «конфуцианизации современного китайского марксизма», то это значит, что идеи Мао Цзэдуна являются не применением и развитием марксизма в Китае, а современными переизданием и экстраполяцией конфуцианства, не пролетарскими мировоззрением и методологией, а мировоззрением и методологией феодально-помещичьих классов и служат не коренным интересам китайского народа, а классовым интересам феодального господства. Такого рода абсурдное воззрение целиком отрицает и выхолащивает научный характер и классовую сущность идей Мао Цзэдуна. В этом и заключается главное зло тезиса о так называемой «конфуцианизации современного китайского марксизма». Когда говорят, что идеи Мао Цзэдуна — это применение и развитие марксизма в Китае, то под этим прежде всего имеют в виду, что по своему основному духу и содержанию анализ, изучение и решение реальных проблем Китая с позиций марксизма и с применением марксистских подходов и методов решительно не имеют ничего общего с традиционной китайской идеологией. Однако нельзя отрицать, что у марксизма в процессе китаизации и у идей Мао Цзэдуна должна была возникнуть историческая связь с традиционной китайской культурой, которая включает в себя и конфуцианство. Подобно тому, как создание самой марксистской теории было неразрывно связано с использованием достижений идеологии и культуры предшественников, формирование материалов по идеологии и культуре из истории Китая. Однако это отнюдь не означало «легализации конфуцианских традиций под вывеской марксизма», а означало взятие ценного зерна из традиционной культуры, в том числе и из конфуцианства (с освобождением от «шелухи» с позиций марксизма, с ее преобразованием и преемственностью на критической основе). Товарищ Мао Цзэдун говорил: «За долгий период существования феодального общества в Китае была создана замечательная культура. Разобраться в процессе развития этой древней культуры, выкинуть из нее всю феодальную рухлядь, взять ее демократическое зерно — вот необходимое условие развития новой национальной культуры и укрепления веры нации в свои силы» (см. Мао Цзэдун. Избранные произведения. — Т. 2. — С. 667—668). Можно сказать, что сам он был выдающимся практиком, хотя без критики феодальных идей конфуцианской школы не могли бы возникнуть идеи Мао Цзэдуна. Вот почему в его идеях была проведена последовательная критика «феодальной рухляди» в традиционной культуре. В то же время они стали и богатым сбором ценных зерен традиционной культуры. Здесь нам важно понять, что с включением зерен традиционной культуры в систему идей Мао Цзэдуна они утрачивают свой прежний смысл и обретают новое содержание. Так, этимологически общеизвестный тезис о «стремлении раскрывать в реальных фактах их подлинную сущность» восходит к «Жизнеописанию хэцзяньского Сянь-вана» памятника «Хань шу», где говорится: «[Он] совершенствовался в учебе и любил древность, [а также] стремился в каждом действительном деле докопаться до истины». В комментарии Янь Шигу содержалось пояснение: «В занятиях следует придерживаться настоящего дела, [поскольку] каждый стремится к подлинной правде». Приведа этот тезис (четыре иероглифа «ши-ши цю-ши». — *Прим. перев.*) в статье «Перестроим нашу учебу», товарищ Мао Цзэдун дал ему совершенно новую трактовку: «реальные факты» — это все объективно существующие предметы, явления; «подлинная сущность» — это внутренняя связь, то есть закономерность всех объективно существующих предметов, явлений; «раскрывать» — это значит изучать. В трудах товарища Мао Цзэдуна есть много примеров как раз такого точного обращения к материалам истории и культуры с целью наследования и развития традиций, а также много крылатых слов, идиоматических выражений и даже в чем-то схожих концепций, взятых из конфуцианского учения. Однако

при цитировании и трактовке подобных выражений товарищем Мао Цзэдуном они отличались научным анализом конкретных проблем Китая, который проводил товарищ Мао Цзэдун, применяя основные положения марксизма, служили этому анализу и уже не имели никакой ценности и никакого смысла самостоятельного существования. Совершенно очевидно, что это не была конфуцианизация марксизма. Напротив, преобразованные марксизмом зерна конфуцианского учения включались в систему идей Мао Цзэдуна и благодаря этому оказывались унаследованными и поднятыми на новую высоту. Стало быть, китаизация марксизма и конфуцианизация марксизма — это два абсолютно разных понятия, которые никак нельзя путать и смешивать.

Злостная клевета Бао Цзуньсиня о «легализации конфуцианских традиций под вывеской марксизма и социализма» не только ставит под вопрос характер новодемократической и социалистической революций в Китае, но и перелицовывает все в нашем сегодняшнем дне. Вооруженная идеями Мао Цзэдуна Коммунистическая партия Китая уже оказывается не политической партией пролетариата, а конфуцианизированной кликой; созданный под влиянием идей Мао Цзэдуна общественный строй уже оказывается не социализмом, а феодализмом и т. д. и т. п. И это не какое-то логическое умозаключение — так действительно считают твердолобые сторонники буржуазной либерализации (в том числе и Бао Цзуньсинь). Разве такие, как Гэ Ян, не заявляют совершенно открыто, что коль скоро созданное в Китае «социалистическое общество в сущности оказывается феодальным обществом, то его главарь непременно становится императором»? Нетрудно заметить, что баоцзуньсиневская «конфуцианизация современного китайского марксизма» — это по своей сути вестероннее отрицание четырех основных принципов под вывеской борьбы против конфуцианства.

II.

Бао Цзуньсинь не только в целом смешивает идеи Мао Цзэдуна и идеи конфуцианской школы, заявляя о «конфуцианизации современного китайского марксизма», но и допускает выпады и клевету по конкретным вопросам, что нашло свое проявление, в основном, в следующем:

1. Он обвиняет нашу партию в «конфуцианском этическом местничестве», которое выражается будто бы в том, что она связывает все сферы общественной жизни, делая упор на роли идеологии и на этико-политических принципах и ставя в моральном отношении в пример Лэй Фэна, Ван Цзэ и Оуян Хая.

Следует признать, что будь то в период новодемократической революции или в период социалистического строительства наша партия всегда делала упор на роли идеологии и придавала большое значение идейно-нравственному воспитанию. Она вела и ведет пропаганду и воспитание революционного духа: «не бояться лишений, не бояться смерти», революционных идеалов пожизненной борьбы за коммунизм, а также идей и морали коллективизма, когда ради общего блага забывают думать о себе. Сами идеи и мораль пронизывают все сферы общественной жизни и, естественно, что идейно-нравственное воспитание нужно вести во всех сферах жизни общества, — это само собой разумеется. Такие герои, как Лэй Фэн, Ван Цзэ и Оуян Хай, были образцами морали в общепринятом смысле слова и поэтому они не могли не стать примерами для всеобщего подражания. Однако в нашей пропаганде и воспитательной работе идейно-нравственные принципы никогда не были оторванными от жизни и абстрактными, они всегда были конкретными и обоснованными. Они выводились из революционных требований и строительства, а также из коренных интересов народных масс, являлись генеральной линией в решении общих задач партии в различные периоды истории, что помогало воплощать их в жизнь. А это никак уж не назовешь каким-то этическим местничеством. Конечно, даже заново отлаженное идейно-нравственное воспитание не может полностью решить все проблемы революции и строительства, однако без соответствующего идейно-нравственного воспитания люди лишились бы духовных устоев, без чего невозможно проводить революционные преобразования. Разве это не совершенно очевидный факт и не такая же очевидная истина?

В прошлом, действительно, имела место практика пренебрежительного отношения к принципу материальной заинтересованности и чрезмерного упора на моральный фактор, однако этот перегиб в практической работе был, в конечном счете, результатом воздействия идей левачества и уж никак не был связан с каким-то «этическим местничеством». В те же годы допускалась и другая крайность — пренебрежительное отношение к просвещению, включая этико-нравственное воспитание, что привело к серьезным ошибкам, из чего мы извлекли горький урок. Усваивая этот урок, наша партия в настоящее

время совершенствует и укрепляет работу по идейно-нравственному воспитанию. И когда Бао Цзуньсинь упорно навешивает на наше серьезное отношение к идейно-нравственному воспитанию ярлык «конфуцианского этического местничества», мы вправе считать, что это делается в целях отмены идейно-нравственного воспитания в духе социализма и коллективизма, чтобы допустить свободное распространение буржуазных концепций ценностей и буржуазного образа жизни. Нам следует резко разоблачать такого рода гнусный замысел.

2. Он обвиняет товарища Мао Цзэдуна в том, что, предлагая преобразующему объективный мир пролетариату одновременно преобразовывать и свой субъективный мир, тот-де превращает субъект преобразования объективной реальности в объект самоперевоспитания и что предлагаемые им «методы и пути» напоминают учение о сердце Лу Цзююаня и Ван Шоужэня.

Посмотрим, что по этому поводу писал К. Маркс: «Одна сторона человеческой деятельности — обработка природы людьми. Другая сторона — обработка людей людьми». И далее: «Совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности может рассматриваться и быть рационально понято только как революционная практика» (см. «Фейербах». — С. 32, 84). Совершенно очевидно, что, говоря о необходимости одновременно с преобразованием объективного мира преобразовывать и свой субъективный мир, Мао Цзэдун придерживался тех же основных концепций марксизма. В основе преобразования субъективного мира лежит преобразование объективного мира, которое осуществляется через практику. И эта объективная истина неоднократно разъяснялась классиками марксизма. К. Маркс и Ф. Энгельс в свое время подчеркивали, что если в революции пролетариат не преобразует себя и не сможет «сбросить с себя всю старую мерзость» то он не станет способным создать «основу» нового общества. Товарищ Лю Шаоци в книге «О работе коммуниста над собой» говорил: «Мы должны смотреть на себя как на нечто, что не только необходимо, но и можно преобразовать. Не следует смотреть на себя как на нечто неизменное, совершенное и священное, что не нужно и невозможно преобразовать. Ставя перед собой задачу преобразовать себя в социальной борьбе, мы несколько не унижаем себя. Этого требуют объективные законы общественного развития. Поступая иначе, мы не сможем двигаться вперед, не сможем осуществить задачу преобразования общества» (см.: Лю Шаоци. Избранные произведения. — Т. I. — С. 98). Однако, когда мы говорим о преобразовании идей или о самоперевоспитании, то это как по целям, так и по методам одинаково отличается от учения о сердце Лу и Вана (Лу Цзююаня и Ван Шоужэня). В учении о сердце Лу и Вана говорилось о некоем «достижении врожденного знания», о самоусовершенствовании при закрытых дверях, просветлении сердца и о поисках высшего принципа («ли»). Они исходили из того, что «сердце — это и есть высший принцип» и считали, что высший принцип всего сущего находится в сердце, что стоит лишь «просветлить первородное сердце», как все в природе пойдет в соответствии с высшим принципом. Совершенно очевидно, что это было оторванное от общества и от практики идеалистическое учение феодальных чиновников о нравственном самоусовершенствовании и воспитании природных качеств. И когда, абстрагируясь от революционной объективности (практика и классы), Бао Цзуньсинь смешивает концепцию товарища Мао Цзэдуна о преобразовании субъективного мира с «учением о сердце Лу и Вана», (что проповедовали феодальные чиновники) этим он принижает и очерняет идеи Мао Цзэдуна.

3. Бао Цзуньсинь обвиняет коммунистов в том, что, делая чрезмерный «упор» на коллективизме и «поднимая его до перечеркивания человеческого достоинства и цены независимости личности, когда в признании любой из сторон личности видят буржуазный индивидуализм», они тем самым не отходят от конфуцианских норм взаимоотношений между людьми.

Коллективизм — важный принцип идей Мао Цзэдуна, которого мы неизменно придерживались на протяжении нескольких десятилетий, основная этическая норма, на которой вновь и вновь мы делаем упор. Марксизм считает, что коллектив и общество не могут не обладать приоритетом по сравнению с личностью. К. Маркс и Ф. Энгельс подчеркивали, что «только в коллективе существуют для каждого индивида средства, дающие ему возможность всестороннего развития своих задатков, и, следовательно, только в коллективе возможна личная свобода» (см.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. — Т. I. — С. 82). Тем паче, что в условиях социализма коллективные и государственные интересы стали сосредоточенно выражать коренные и перспективные

интересы трудящихся. Поэтому при возникновении противоречий между интересами личности и интересами коллектива или государства, их следует подчинять интересам коллектива и интересам государства. Совершенно ясно, что коллективизм ведет борьбу лишь против крайнего индивидуализма, который вредит или причиняет ущерб интересам других людей, коллективным или государственным интересам, и противостоит так называемым «достоинству личности» и «цене независимости» лишь в случае, когда они поражены злокачественным эгоцентризмом. Надлежащие интересы и права личности, как и достоинство человека, не только получают уважение и защиту у коллективизма, но и могут обрести под его руководством здоровое и полное развитие. В прошлом, действительно, случилась промахи в регулировании отношений между интересами личности, коллективов и государства, что приводило к игнорированию законных интересов личности и даже к отождествлению последних с индивидуализмом. Однако проблема заключалась не в принципах коллективизма, а в неправильном регулировании отношений между указанными интересами, что делалось под воздействием левацких идей. И для выправления такого рода уклона отнюдь не нужно отрицать коллективизма, — нужно более эффективно и твердо его придерживаться, чтобы еще лучше сочетать интересы личности, коллектива и государства. Бао Цзуньсинь совершенно беспочвенно обвиняет коллективизм в отрицании достоинства и цены независимости личности. Еще большая несуразица заключается в том, что он ставит коллективизм в один ряд с конфуцианскими моральными нормами взаимоотношений между людьми. В идеологии конфуцианства — от Конфуция и Мэнцзы до братьев Чэн и Чжу Си — немало говорилось о человеке, но это были преимущественно высказывания, подавлявшие и сковывавшие личность человека и оценивавшие крайне низко его независимость. Конфуцианцы не понимали, не выдвигали да и не могли выдвигать идей коллективизма, не дали они такого рода идей даже в зародыше. И хотя у них были некоторые высказывания о популяциях, из-за противопоставления таких популяций личности последние превращались в иллюзорную пустышку, лишённую всякого смысла. Какое отношение это могло иметь к высказываниям представителей марксизма и идей Мао Цзэдуна о важности коллектива и общества? Черня коллективизм как конфуцианскую идею и выступая под флагом борьбы против конфуцианства и против феодализма, Бао Цзуньсинь всемерно рекламирует моральные концепции буржуазного ультра-эгоизма и готовит общественное мнение к наступлению капитализма в Китае.

4. Веруя в то, что «конфуцианская традиция — это закрытая не критическая система идей», Бао Цзуньсинь считает, что и современный китайский марксизм также является «закрытой и не критической системой идей», «современным канонизированием». Он клеветнически заявляет, что «история марксизма в современном Китае — это путь от современного канонизирования до двух во всем»*.

Верно, что в процессе пропаганды и осуществления на практике теории марксизма не раз появлялись уклоны в сторону догматизма и книгопочтения, погоня за красивой фразой и механическое зазубривание отдельных концепций и выводов из классических произведений марксизма и даже основанная на этом кройка живой действительности. Классические тому примеры — наши критика левоуклонистской линии Ван Мина и «два во всем». Однако каждый, кто обладает элементарными знаниями, понимает, что догматизм — это не марксизм, а антимарксизм. Современный китайский марксизм — это неисполненная жизненной силой и непрерывно развивающаяся научная теория. Успешно соединив с конкретной китайской практикой основные положения марксизма, она не только решила множество важных проблем новодемократической и социалистической революций, а также социалистического строительства, но и собственным самобытным опытом обогатила и развила марксизм. Современный китайский марксизм всегда придерживался делового принципа «во всем исходить из практики и связывать теорию с практикой»; мы решительно выступаем против изучения марксизма в отрыве от китайского общества и от практики китайской революции. История свидетельствует о том, что, применяя основные положения марксизма для анализа и решения конкретных китайских проблем, современный китайский марксизм всегда твердо придерживался и придерживает-

* Имеется в виду высказывание последователей Мао Цзэдуна о том, что китайские коммунисты должны поддерживать или отрицать все, что поддерживал или отрицал Мао Цзэдун. — Прим. ред.

ся концепций практики, развития и творчества, никогда не видел в себе системы «окончательных и исчерпывающих» истин в последней инстанции, всегда держит распахнутыми настежь ворота для истины и именно по этой причине обладает могучей жизненной силой и авторитетом. Упреки Бао Цзунсиня в адрес современного китайского марксизма, который якобы переродился в «современное каноноведение» и представляет собой «закрытую и некритическую систему идей», — это нападки, обусловленные не только невежеством, но и злонамеренными целями. Попутно нужно заметить, что без исторического анализа не просто увидеть «закрытую и некритическую систему идей» даже в конфуцианском учении. И пусть комментирование древних текстов, источниковедческие исследования, различные толкования и подстрочные глоссарии придают конфуцианскому учению вид закрытости и некритичности; вместе с тем у этого учения есть и такая сторона, как открытость и критичность. В противном случае будет трудно объяснить такие исторические явления, как абсорбция и усвоение идей буддизма и даосизма конфуцианством в периоды правления династий Хань, Цзинь и Тан. На этот счет Бао Цзунсинь и К¹¹ не обмолвились ни словом. Из сказанного можно сделать вывод, что политические цели до предела сузили их научный кругозор.

III.

Бао Цзунсинь обвиняет современный китайский марксизм в конфуцианизации в целях борьбы против строительства социализма с китайской спецификой, но эти «замыслы новоявленного Сыма Чжао* уже известны всем и каждому».

Предложение строить социализм с китайской спецификой — продукт соединения марксизма с конкретной практикой современного Китая. Конечно, «китайская специфика» не может не находиться под воздействием традиционной китайской культуры (которая включает в себя и конфуцианскую культуру), не может не усваивать и не преобразовывать зерен китайской традиционной культуры. «Китаизированный марксизм», то есть идеи Мао Цзэдуна, как раз и удалось создать в результате действенной научной работы в процессе руководства китайской революцией, которое осуществлял товарищ Мао Цзэдун, применяя марксизм. Чтобы достичь своих целей полного отрицания традиционной китайской культуры и борьбы против идей Мао Цзэдуна, Бао Цзунсинь обрушивается с нападками на китайскую специфику в осуществлении модернизации. Он говорит: «Что такое «китайская специфика»? Как утвердить «китайскую специфику»? До сих пор не нашлось человека, который дал бы убедительное разъяснение на этот счет». И он дает понять, что испытывает крайнюю «озабоченность» по поводу отстаивания «китайской специфики». Что же это за «озабоченность»? Истинное стремление Бао Цзунсиня заключается в полном отбрасывании всего, что имеет китайскую специфику. Он считает, что «система ценностей традиционной культуры несовместима с модернизацией и без разрушения этой системы ценностей не удастся осуществить модернизацию». В то же время он утверждает, что «поскольку Запад уже вступил в модернизацию, постольку нам в процессе модернизации не обойтись без такого шага, как заимствование их достижений и обращение за справкой к их опыту. И пусть даже этот шаг будет копированием и приведет к «вестернизации», это наверняка благоприятно скажется на модернизации, и нечего впадать в панику из-за пустяков». Проблема совершенно ясна, — так называемая «модернизация» по Бао Цзунсиню — это: 1) полное отрицание традиционной китайской культуры и огульное зачеркивание всей цивилизации, созданной китайской нацией; 2) полная вестернизация и огульное перетаскивание всего капиталистического с Запада. Две неотделимые стороны одной медали — национальный нигилизм и пресмыкательство перед иностранщиной. Уже во взглядах Бао Цзунсиня на модернизацию окончательно обнажается его облик раба, в котором не осталось ничего и на дух от китайца. Строя социализм с китайской спецификой и осуществляя модернизацию китайского типа, мы придерживаемся научного и критического подхода — будь то по отношению к традиционной китайской культуре (которая, повторяю, включает в себя и конфуцианскую культуру) или по отношению к культуре Запада, — отбрасываем из нее шелуху и берем рациональные зерна. Другими словами, мы не станем падать ниц перед традиционной культурой и не станем холопски пресмыкаться перед культурой Запада. И грубое оскорбление нашей правильной теории

* Сыма Чжао — военачальник периода Троецарствия (220--280 гг.), пытавшийся захватить верховную власть в Вэй, но разоблаченный местным правителем.

и такой же практики — это целиком плод личных ухищрений Бао Цзуньсиня и иже с ним.

«Квинтэссенция» так называемой культуры Бао Цзуньсиня и К", сочинивших уйму антиконфуцианских статей, направлена не только на отрицание традиционной китайской культуры — ее острее, что важнее, направлено против идей Мао Цзэдуна и в целом против четырех основных принципов. На политическую подоплеку такого рода выступлений совершенно недвусмысленно указали некоторые деятели за пределами континентального Китая и за границей. Так, один профессор из института культуры при одном из сянгганских (гонконгских) университетов говорит: «В настоящее время те, кто выступает против конфуцианского учения и против традиций, и особенно молодые люди, нередко соединяют находящиеся у власти китайских коммунистов со смутно понимаемой ими традиционной китайской культурой, создавая объект, который они называют «традициями». В китайском обществе действительно повсеместно бытуют некоторые концепции, часть из них уже утратила силу, но по-прежнему оказывает воздействие на уклад жизни китайцев, причем от воздействия этих бранных останков культуры не может, подобно другим соотечественникам, избавиться и большинство ведущих деятелей КПК. И вот антиконфуцианцы нередко смешивают все недовольство властью китайских коммунистов со своей антипатией к традиционной культуре». Говоря о трудностях современного конфуцианского учения, профессор одного из американских университетов выступил с концепцией своего рода «блуждающей души». Он считает, что сегодня конфуцианство как систематизированное учение уже скончалось и от него осталась лишь «блуждающая душа». Но навсегда ли эта «блуждающая душа» «покинула тело» или она «возродится в чужом труп»? Профессор считает, что «она может возродиться, воспользовавшись трупом партии», то есть что конфуцианские традиции уже проявляются внутри КПК; вот почему он открыто говорит: «Выступать против конфуцианства значит на деле выступать против партии, бороться против конфуцианской школы значит пытаться возродиться, воспользовавшись трупом партии». Словом, все действия и поступки Бао Цзуньсиня и иже с ним по сути и в деталях — это борьба против партии и против социализма под флагом «борьбы с конфуцианством».

Бао Цзуньсинь — не ученый, а самый настоящий контрреволюционер. Он дал себе исчерпывающую характеристику в ходе политических волнений и контрреволюционного мятежа, возникших в Пекине на стыке весны и лета текущего (1989.— Прим. перев.) года. В компании с такими людьми, как Янь Цзяци, он раз за разом публиковал «открытые письма» или «открытые заявления», в которых объявлял политические беспорядки, направленные на свержение социалистического строя, «патриотическим и демократическим движением». Периодически он появлялся на площади Тяньаньмэнь, где и выступал с речами, «навещал страждущих» и вел беспардонную контрреволюционную агитацию. Он готовил и организовал незаконную Ассоциацию интеллигентов Пекина, среди руководителей которой он оказался, открыв нелегальное издание «Синьвэнь куайсюнь». Вместе с такими людьми, как Янь Цзяци, он особенно зло высказывался в «манифесте от 17 мая», где утверждал, что «правительство утратило свою ответственность, потеряло человеческие чувства». Он же призывал «сокурсников своими действиями доказать, что эти студенческие волнения — не беспорядки, а акт великого патриотического и демократического движения, в последний раз хоронящего в Китае деспотию и императорскую систему». И когда, принимая решительные меры, ЦК партии и Госсовет объявили о введении чрезвычайного положения, Бао Цзуньсинь, оказавшись вновь в компании с Янь Цзяци, выступил с «клятвой наших интеллигентов», в которой уверенно заявлял, что они-де «решительно не сдадутся абсолютизму», будут до конца противостоять социализму и власти пролетариата, до конца оставаться врагами партии и народа. Дела и поступки Бао Цзуньсиня в ходе волнений и мятежа — это самый чудесный комментарий к его же тезису о «конфуцианизации современного китайского марксизма». Ведь действуя и поступая так, он сам сорвал с себя и порвал псевдовуаль «ученого». Тот, кто идет против законов истории, в конечном счете наказывается этими же законами. Участь Бао Цзуньсиня лишней раз подтверждает эту непреложную объективную закономерность.

Перевод с китайского Э. Никогосова

Послесловие

«Китайский марксизм» — «социализм с китайской спецификой»?

«Китай дал миру Конфуция, и он гордость всех китайцев» (Жэнь Цзюй). Более того, Конфуций как «учитель десяти тысяч поколений» принадлежит не только Китаю и китайцам, но всему человечеству. Конфуцианство играет консолидирующую и стабилизирующую роль в китайском обществе, поскольку обладает гуманистическим потенциалом и содержит конструктивные элементы, рациональный отбор и использование которых вполне могут и должны оказать позитивное влияние на процесс модернизации КНР. Во многом благодаря конфуцианству Китай сегодня приближается к «идеалу духовной гармонии и внутреннего равновесия», взвешенно и гармонично строит отношения с внешним миром, что «не может не отвечать надеждам всех людей, живут ли они в Азии или Европе, Америке или Африке». Так или почти так недавно говорили и писали, выражая официальную точку зрения на предмет, ведущие ученые КНР, среди которых можно назвать Почетного президента Фонда Конфуция Гу Му, Президента этого Фонда Куан Ямина, вице-президента Гун Дафэя и др.

Вообще официальная трактовка Конфуция и конфуцианства со времени прихода к власти КПК менялась не раз и прошла через три основных этапа: «критическое наследование» (1949—1964); «полное и безоговорочное неприятие» (1965—1976); возвращение вновь к «критическому восприятию» (1976—1978 — по настоящее время). В последнее десятилетие отношение к конфуцианству все больше и больше характеризовалось тенденцией к признанию того, что национальному своеобразию философии должно быть отведено соответствующее, и весьма заметное, место в методологии исследования истории марксистской философии. Причин очередной идеологической переориентации несколько. И одна из них (может быть; наиболее существенная) в том, что всякий раз, когда руководство КНР сталкивается с серьезными проблемами, затрагивающими интересы не только партии, но и всего общества, оно обращается к прошедшей проверке веками формуле «древность — на службу современности». Ведь несмотря на достигнутые за последнее десятилетие экономические успехи, в обществе все более явно ощущался некий вакуум между партией и народом. Назревала потребность в поисках и создании новой общегосударственной идейно-политической доктрины, с помощью которой можно было бы достичь не только внутреннего консенсуса, сплотить нацию (хотя это было главным), но и объединить до известной степени всех этнических китайцев, сблизить всех членов диаспоры.

Auctoritas namque cereum habet («у авторитета — восковой нос»). Фигурой, олицетворяющей единение, и выразителем общих идей мог стать только Конфуций, чей авторитет среди всех китайцев был непрерывно на протяжении долгих столетий и во многом остается таковым и сегодня. И не случайно Генеральный секретарь ЦК КПК Цзянь Цзэминь во время беседы с представителями зарубежных делегаций на симпозиуме, посвященном широко отмечающейся 2540-летней годовщине со дня рождения Конфуция, с пиететом говорил о конфуцианстве как об этическом учении, лишенном элементов культа и ауры некой таинственности, особо выделив его педагогические постулаты и морально-воспитательные идеи, которые можно и нужно в первую очередь использовать сегодня в деле воспитания молодого поколения.

К политическому подтексту этого высказывания мы еще вернемся. Здесь же хотелось бы отметить, что в последнее время некоторые китайские ученые, не ограничиваясь констатацией национальной самобытности философского сознания и признанием необходимости релятивистского подхода к отечественной традиции, пошли в своих рассуждениях о синтезе традиционного и современного еще дальше. На симпозиуме по конфуцианству (Сингапу, сентябрь 1988 г.) известный ученый Тан Ицзе предложил новое толкование хорошо всем знакомого понятия «китаизация марксизма», подразумевая постепенную ассимиляцию марксистской теории традиционной китайской культурой (по аналогии с буддизмом). Другой автор, Цинь Гуантао, был еще категоричнее, развивая тезис о «конфуцианизации марксизма в современном Китае». Наконец, Бао Цзуньсинь говорил о том, что «так называемая китаизация марксизма есть не что иное, как легализация и — более того — автократизация конфуцианских традиций под вывеской марксизма и социализма».

И вот на страницах печатного органа ЦК КПК журнала «Цюши» появляется статья сотрудника отдела пропаганды ЦК Инь И с резкой кригикой концепции «конфуцианизации марксизма»; на этот раз имелась в виду интерпретация Бао Цзуньсиня. Истинная политическая подоплека появления этой публикации сомнений, разумеется, не вызывает. Логика политической борьбы диктует необходимость дезавуировать идеологические позиции противника — одного из духовных лидеров студенческих выступлений в защиту демократии в мае-июне 1989 г. на площади Тяньаньмэнь. Но эта трагическая страница современной китайской истории — особая тема. Наше внимание в данном случае привлекает другое. Точка зрения китайского марксиста интересует нас постольку, поскольку дает недвусмысленное представление об отношении руководства КНР и партаппарата к самому тезису «конфуцианизации марксизма».

Мнение партийного работника Инь И идеологически и социально ангажированно, позицию он занимает откровенную и вполне ортодоксальную, хотя, как нам кажется, уровень аргументации не всегда и не всех может удовлетворить, декларативность и эмоциональность зачастую идут в ущерб аналитичности. Тем не менее статья напечатана и, видимо, получила соответствующий резонанс. Марксизм в Китае не «конфуцианизированный», а «китаизированный».

Но *Non fit nihil ex nihilo* («Из ничего не происходит ничего»). Возникновение тезиса о «конфуцианизации» марксистской теории в Китае, судя хотя бы по его сегодняшней популярности в мировой синологии, никак нельзя назвать случайным явлением. (В этом контексте уместно вспомнить, что еще Го Можо называл Конфуция «древним предшественником Маркса в Китае»). Поэтому предваряя знакомство с официальной точкой зрения, целесообразно дать абрис аргументации сиологов, обнаруживающих традиционные черты в той ипостаси марксизма, которая существует в нынешнем китайском обществе, и удовлетворительно отвечающих на вопрос об известной «конфуцианизации» марксистской идеологии в стране.

Сторонники гипотезы, считающей китайский марксизм «не более как тонким слоем краски, нанесенной на конфуцианство», отмечают, что это учение смогло утвердиться в стране потому, что, с одной стороны, было «достаточно революционным», а с другой — «достаточно конфуцианским» (в отличие от концепций западного либерализма). Конфуцианство удалось облачить в «маскарадные одежды марксизма», так как многие моменты в этих учениях совпадают: как и конфуцианство, марксизм утверждает, что все вещи суть субъекты, управляемые объективными законами, определяющими сущность вещей и детерминирующими их развитие; постулаты обоих учений легитимированы классическими книгами, для обеих систем взглядов характерны канонические канонические и лиетет к догмату; и конфуцианство и марксизм акцентируют значение вертикального порядка: в предлагаемой ими модели общества личность может существовать только как ступень в иерархии — если она выполняет свои функции в вертикальной структуре. В результате «марксизм был воспринят только до такой степени, до какой он мог служить заменой конфуцианству, которое в силу своей ассоциированности с монархией впадо в немилость — хотя, судя по всему, только на время». Иными словами, марксизм рассматривался не столько как инструмент социального анализа и общественного устройства, сколько как утилитарное средство координации и гарантии поддержания вертикальных связей. Кроме того, надо принимать во внимание, что «как Европа не стала конфуцианской только потому, что Вольтер дважды в день отбивал поклоны перед изображением Конфуция, так и Китай не стал марксистским, потому что работы Маркса и Энгельса читались и воспринимались здесь с благоговением и — как следствие — чаще всего не понимались и еще чаще искажались». «Марксизм в Китае — это псевдоним конфуцианства, вынужденного скрывать свое настоящее имя» (Г. Кири, К. Макшейд).

Некоторые авторы считают, что «китаизированный марксизм» или «идеи Мио Цзэдуна» в их изначальной, исконной форме (находившие, вплоть до недавнего времени, почитателей даже на Западе) — это продукт 30—40-х годов (времен Великого похода и Яньани). Но «впоследствии маоизм трансформировался и предстал как подвижная идеологическая структура, постоянно модифицирующаяся в зависимости от политической конъюнктуры». Современное китайское общество нельзя назвать ни социалистическим, ни тем более капиталистическим — это общество, «постепенно трансформирующееся в meta-конфуцианское» (что имеет не много общего с «Конфуцианством с большой буквы» или «конфуцианством мандарината», а подразумевает ту его ипостась,

которая функционирует на уровне обыденного сознания, то есть как оно воспринимается («человеком с улицы»). Один из важнейших моментов в шкале ценностей «мета-конфуцианства» — «порядок» как необходимая альтернатива «хаосу» (луань). Эта концепция находится в противоречии с идеями плюрализма: конфуцианский порядок признает только одну доктрину мироустройства, государства и общества, только одну партию, обладающую мандатом на власть (О. Вегель).

«Если М. Вебер в свое время должен был искать причины неудач Китая, то мы должны найти причины его успехов, но парадоксально, что в нашем ответе мы, как и Вебер, подчеркиваем роль местного колорита, национальной специфики». Имеется в виду, что конфуцианство, отделенное от имперской системы, способствует политической стабильности и экономической модернизации — и, кстати, не только в КНР, но и вообще в странах конфуцианского культурного ареала (Т. А. Метцгер). В этом контексте значительно возрастает роль и таких, казалось бы, прозаических на первый взгляд ценностей конфуцианской этики, как усердие, умеренность (бережливость), лояльность, благожелательность и, главное, «дух семейных взаимоотношений», принцип «почитания едикта» или, выражаясь современным политологическим языком, корпоративность мышления (кстати, общее место всех китайских этико-политических учений и утопий — от конфуцианства и моизма до суньятсенизма). Эти ценности помогают координировать отношения не только в рамках семьи, но и внутри более широких социальных групп: ведь сегодня уже достаточно убедительно доказано, что конфуцианские благожелательность и доверительность, консолидирующие членов японских корпораций («фирма — моя семья»), во многом обусловили беспрецедентные темпы социально-экономического развития Японии, стали далеко не последними факторами в деле рождения «японского чуда» (а позднее, можно добавить, и «четырёх малых Драконов» — Республику Корея, Тайвань, Сингапур, Гонконг). С некоторыми оговорками сказанное верно и в отношении Китая (Лау Квок Кун).

Один из важнейших аспектов концепции создания «духовной цивилизации социализма» в КНР также вызывает вполне отчетливые реминисценции с понятием «цзяохуа» (если пользоваться языком конфуцианства), то есть с моральным образованием, воспитанием и самосовершенствованием человека. Установочная статья, опубликованная в газете «Жэньминь жибао» к 33-й годовщине образования КНР (июль 1982 г.), и тексты резолюции ЦК КПК «Основные направления строительства духовной цивилизации социализма» (сентябрь 1986 г.) определенно говорят за то, что партия и в конечном счете государство все еще рассматриваются скорее не как политические, а как моральные институты. Но подобная трактовка прямо корреспондируется с конфуцианской традицией. Поэтому мы не можем объяснить превалирование морального аспекта в программе «духовной цивилизации социализма» только ссылками на ленинскую концепцию и традиции партийности. Конфуцианский подтекст, безусловно, присутствует в сильнейшем акценте, сделанном в упомянутой резолюции на личном примере каждого члена партии и его роли как образца для других (М. Курин).

Встречаются и вовсе откровенные высказывания авторитетных ученых: концепция «социализма с китайской спецификой» во многом аналогична конфуцианскому политическому идеалу, поскольку подразумевает «политическое разделение власти, экономический эгалитаризм, общественное благоденствие и социальную гарантированность...», ассоциируется с конфуцианским идеалом «Среднего пути» (У Дэ Яо).

Высказывается и несколько иная точка зрения, может быть наиболее близкая к истине: «критическое наследование» конфуцианства в КНР характеризуется, с одной стороны, элиминированием «негативных элементов» учения, а с другой — отбором тех его позитивных аспектов, которые способствуют «подготовке кадров и воспитанию народа», то есть опять-таки использованием принципа «древность — на службу современности». Все это нацелено на «политическую консолидацию общества и укрепление пошатнувшихся позиций коммунистической идеологии в Китае». Таким образом, «критическое восприятие» конфуцианства в КНР «фактически направлено не на возрождение и развитие конфуцианского общества, но на прагматическое использование определенных моментов конфуцианства для развития марксистско-ленинского общества» (Кин-ю Чжан).

Действительно, можно предположить, что утверждения обществоведов КНР о необходимости заимствования и рационального применения некоторых конфуцианских идей,

освобожденных от «феодальной шелухи» (выражение Инь И), обуславливаются стремлением каким-то образом сблизить марксистскую идеологическую доктрину со спецификой национального мышления, основами глубоко интегрированных в сознание китайцев элементов традиционной системы ценностей, достичь их окончательного синтеза. Именно этим объясняется тезис об объективной необходимости адаптации отечественного культурного наследия в современных условиях как основе национального возрождения и строительства нового общества (Гу Му). Именно поэтому подчеркивается, что Мао Цзэдун всегда пропагандировал конфуцианские идеи, в частности культивировал «конфуцианский дух постоянной неустанной учебы», и считал необходимым «не стыдиться задавать вопросы и учиться у чьих-либо последователей» (Чжан Цижи).

Симптоматично, что сильнейшее влияние традиционных стереотипов, стремление к синтезу отечественного духовного наследия и пришедших извне идей сказывалось и в наполнении казенно-конфуцианским (государственным и в какой-то степени бюрократическим) содержанием западного понятия «социализм». «Народное благоденствие», «государственный социализм», «националистический этатизм», «народная демократия» или «китаизированный марксизм», наконец, «социализм с китайской спецификой» — названия могут быть разными, но суть в основном и главном одна — ассимиляция западных социалистических теорий на национальной почве (преимущественно их «конфуцианизация») и создание социализма «китайского типа». Очевидно, что, помимо тех или иных объективных факторов, здесь сказывается не только и даже не столько социальная позиция, но и выработавшийся веками практицизм китайского ума, предписывающий утилизировать все, что, как представляется, может служить достижению поставленной цели, коль скоро цель эта велика и насущна.

Иными словами, возникновение тенденции к синтезу не было чем-то неожиданным для Китая. Напротив, со времен ассимиляции буддизма синкретический подход был присущ всем китайским мыслителям, выросшим в конфуцианской традиции. По крайней мере в нынешнем столетии — от Лян Цицао, Сунь Ятсена и Ху Ханьмина через Чжан Дунсюня, Чжан Цзюньмая, Фэн Юланя и Хэ Линя и до Мао Цзэдуна (исключение здесь, да и то с оговорками, разве что Ху Ши). Столкнувшись еще в первые десятилетия XX в. с натиском западной мысли, новое поколение интеллектуалов оказалось перед дилеммой отказа либо от традиционализма, либо от модернизма. С одной стороны, формирование современной национальной государственности требовало, несомненно, новой структуры. Но с другой стороны, традиционное и здесь могло предложить компенсацию. Оно подсказывало, что любая заимствованная идея может и должна быть синтезирована со стереотипами самобытной культуры — только в этом случае она сможет «прижиться» и оказать нужное воздействие на процесс «национальной реконструкции» или «национального возрождения». Как бы то ни было, вряд ли мы ошибемся, если скажем, что в интеллектуальной сфере, как и во всех прочих, революция не была тотальной: в большинстве случаев «новая» интеллигенция Китая при решении дихотомии (реальной или мнимой) «Восток — Запад» приходила к выводу о необходимости синтеза определенных сторон двух цивилизаций, точнее — ассимиляции европейских доктрин в контексте национальной специфики. Несмотря на все идеологические пертурбации, традиция продолжала жить. И не случайно в ходе «иконоборческого» движения «за новую культуру», да и позднее, декларации о приверженности «г-же Науке» и «г-же Демократии» сопровождалась симптомами традиционного влияния: сама критика конфуцианства приобретала подчас традиционные черты (например, у одного из наиболее радикальных «нигилистов» У Юя), и даже такой впоследствии решительный сторонник марксизма, как Ли Дачжао, считал, что «классическое» конфуцианство (а не «фальсифицированное», с которым и велась, по его мнению, борьба) может способствовать развитию прогрессивных социальных идей. (Кстати, на симпозиуме, посвященном 2540-летнему юбилею Конфуция, один из докладов назывался «Вклад Ли Дачжао в начальное сращение марксизма и конфуцианства в период «движения 4 мая».) Не случайно и то, что неформальный лидер КНР и инициатор нынешних реформ Дэн Сяопин избрал символом построения «социализма с китайской спецификой» раннюю социальную утопию Конфуция «сяо кан» («общество малого благоденствия»).

В. ГОЛОВНИН

Раздался резкий удар гонга, и фиолетовые шелковые занавески неслышно распахнулись. Открыв затаившему дыханию залу две неподвижные фигуры, облаченные в тяжелые одеяния по моде VII в. Рядом с женщиной с мертвенно набеленным лицом, застыл в напряженной позе смуглый мужчина в высокой черной тиаре и каштановом кимоно, расписанном священным узором из листьев павлонии, фениксов и фигур загадочных кентавров-«кирин», приносящих счастье. Не меняя выражения лица, он бесстрастно произнес: «Я вновь клянусь, что буду соблюдать Конституцию Японии и выполнять свои обязанности в качестве символа государства и единства народ»... Эта фраза, произнесенная на простом разговорном языке, прозвучала почти до неприличия современно в охваченном духом многовековой истории низком зале, который охраняли 74 стражника в средневековых нарядах, вооруженных мечами, луками и стрелами.

Ощущение исторического диссонанса еще больше усилило появление на одном уровне с императорским тронном невысокого человека во фраке и белом галстуке, премьер-министра Японии Тосики Кайфу. «Мы, народ Японии, почитаем Ваше Величество в качестве символа государства и единства народа и с новой уверенностью клянемся посвятить все наши усилия построению Японии, открытой миру, процветающей и культурно богатой, вносить вклад в мир во всем мире и благосостояние человечества». Проговорив эти слова, премьер воздел руки и троекратно прокричал «бандзай», что подхватили все присутствующие в зале под грохот артиллерийского салюта в 21 залп...

Именно так, сознательно смешав стиль нынешних политических выступлений и ритуалов глубокой древности, японские власти 11 ноября 1990 г. провели официальную церемонию вступления на престол 125-го императора Японии Акихито. На ней присутствовали короли, принцы и принцессы, высокопоставленные представители 158 государств планеты. Токио лихорадило от предпринятых полицией чрезвычайных мер безопасности, кавалькад «роллс-ройсов», торжественных приемов и бесконечной череды дипломатических встреч.

И все же привыкшие к сухой рациональности иностранцы молчаливо недоумевали: почему достаточно формальную процедуру вступления на престол нужно проводить через 22 месяца после того, как Акихито после смерти своего отца уже стал вполне законным императором Японии и почти два года исправно выполнял свои обязанности, принимая высоких гостей, поднимая бокалы на банкетах и подписывая поздравительные телеграммы?

Однако для японцев в этом нет никакой тайны. Дело в том, что императору их страны мало быть монархом, которого признают его подданные и другие страны в соответствии с законами человеческими. Император Японии должен стать богом, что и произошло при мерцающем свете факелов в ночь на 22 ноября. А срок в 22 месяца был подсказан сложными расчетами, основанными на земледельческом календаре, базирующемся на производственных циклах древних рисоводов.

...Шажок за шажком ступал Акихито по освященной жрецами тростниковой дорожке, которую тут же один из придворных скручивал в рулон за его спиной, а другой разворачивал, пятясь к низкому входу в нарочито скромную хижину с соломенной крышей, где должно было совершиться непостижное для смертных таинство. Этот домик специально воздвигли в Восточном саду императорского дворцового комплекса в центре Токио по старинному проекту для того, чтобы новый император мог встретиться там со своими божественными предками.

Сверху монарха тщательно прикрывали большим зонтом, чтобы скверна не попала на него не только с земли, но и с неба — ведь Акихито только что совершил ритуальное омовение в священной купальне и теперь был полностью свободен от мирской нечистоты. Только два замаравших от волнения оператора снимали медленное движение монарха к хижине. Через узкую щель им позволили запечатлеть на сверхчувствительной пленке лишь начало Великого жертвоприношения, когда Акихито преподнес богам рис нового урожая, саке, хурму, просо и другие плоды японской земли. После этого дверь захлопнулась, и император остался только с двумя молоденькими прислужницами в белых кофтах, красных юбках и прическах из длинных черных волос, схваченных в почти двухметровые «конские хвосты».

Было объявлено, что после Великого жертвоприношения император разделит трапезу с богами и принес молитву о процветании японского народа, текст которой держится в абсолютной тайне и передается устно от императора к императору.

Официально на этом ритуал и закончился, но многим в Японии и за ее пределами все же не дает покоя присутствие в хижине грубой, крытой соломенным матом постели, белого одеяла и пары ритуальных сандалий. До войны многие исследователи утверждали, что в ходе уходящего в незапамятную древность эротического ритуала новый монарх должен разделить это ложе с прародительницей императорской династии — солнечной богиней Аматерасу, возглавляющей пантеон японской религии Синто. Слившись с богиней, он из возлюбленного становится ее ребенком и заново рождается из чрева Аматерасу — но уже в качестве живого бога. Кстати, на мотив умирания-рождения указывает и ослепительно белый цвет одежд монарха во время этой церемонии, который традиционно считается в Японии цветом траура и погребения.

Сейчас представители двора отрицают столь малоприличную версию, утверждая, что во время запретной ночи император даже не касается постели. Однако никто не может опровергнуть, что ритуал при свете факелов символизирует все же превращение монарха в «живого бога», олицетворяющего неразрывную связь Японии и японцев с их священными предками и небесными покровителями. Но как же быть тогда с конституционной ролью монарха, с провозглашенным после второй мировой войны отделением религии от государства и официальным отречением отца Акихито от божественного статуса?

Левые и либеральные круги Японии долго требовали отказаться от проведения Великого жертвоприношения, которое, по их мнению, может бросить тень на правомерность духовных итогов второй мировой войны и дать новый повод для нападков на «переведенную с английского» конституцию. Однако и правительство в Токио, и большинство японцев, верных своему правилу отделять внешнее, церемониальное от внутреннего, подлинного, предпочли все же не услышать эти предупреждения. Ведь без таинственного обряда Великого жертвоприношения их новый император будет вроде бы приниженным, чего экономическая сверхдержава позволить себе явно не может.

Но в то же время японцы не хотят даже в малом ставить под сомнение установившиеся после второй мировой войны демократические порядки, отрицающие шовинистический мистицизм прежней поры, который был идейной основой тоталитаризма и милитаризма, приведших страну к краху 1945 г. Поэтому подлинный смысл Великого жертвоприношения все дружно согласились «оставить за скобками», а 125-й император Акихито, по всеобщему мнению, все же стал первым человеком на восьмитонном «хризантемовом троне» японских монархов, чья непрерывная династия официально длится уже 2600 лет.

Еще отец нового императора — скончавшийся в начале 1989 г. император Хирохито, по требованию победителей-американцев публично отрекся от мифа о своем небесном происхождении, заявив, что он «такой же человек, как и все». Согласно послевоенной конституции, император — это не более, чем «символ государства и единства народа», фигура без политической власти, но с изрядным духовным влиянием. И здесь нам не обойтись без некоторых пояснений, поскольку императорский титул всегда вводил в заблуждение европейцев, переносивших на Восток представления своего мира: король — так самодержец в короне и горностаевой мантии, двор — так с соблазнительными фаворитками, бравыми кавалерами и т. д.

Однако японский монарх почти никогда на протяжении последних столетий не был «королем» и тем более самодержцем. Реальная власть в стране с раннего средневековья находилась в руках военных диктаторов, а «сын Неба» был их заложником, жившим в древней столице Киото под строгим надзором. Если же искать европейские аналогии,

то больше всего он, пожалуй, напоминал папу римского, поскольку император в Японии был в первую очередь верховным жрецом синто и как бы давал религиозную санкцию существовавшим в стране порядкам. Иными словами, он издавна был лишь на положении некоего «резидента Неба» на земле, фигурой сакральной, для которой занятия политической текучкой просто неприличны.

Именно этим, на мой взгляд, объясняется и потрясающая продолжительность непрерывной династии японских императоров, поскольку им вряд ли бы удалось столь успешно удерживать «хризантемовый трон», если бы он сулил реальную власть, а не просто возможность раз в жизни «разделить ложе» с богиней Аматерасу. В любом случае, нынешний статус «символа единства народа» очень близок к традиционному японскому пониманию роли монарха как воплощения «духовного начала», «эталоны всего японского», который положено почитать и бережно хранить в закрытом от чужих глаз дворце в центре Токио. А это, естественно, вызывает особый интерес к человеку, волею судьбы оказавшемуся в столь странной роли живой абстракции.

...В начале 30-х годов двор императора Хирохито захлебывался от волнений, так как императрица Нагако никак не могла произвести на свет наследника для продолжения непрерывной линии потомков солнечной богини Аматерасу. Четыре родившиеся к тому времени дочери в счет не шли, поскольку священные яшмовое ожерелье, зеркало и меч могут быть достоянием только мужчины. Суровые старцы из высшей придворной аристократии все настойчивее советовали Хирохито последовать обычаю предков и взять наложницу, которая бы вместо императрицы Нагако произвела на свет наследного принца. Однако обычно податливый монарх проявил неожиданную твердость и наотрез отказался бросить тень на репутацию жены. И свершилось чудо: 23 декабря 1933 г. о рождении принца Акихито было объявлено подданным, встретившим радостную весть криками «банзай».

Однако участь наследника престола мало напоминала блестящую жизнь принцев из западных сказок. Согласно беспощадному ритуалу, трех лет от роду его отняли у матери и передали на воспитание в семью высших придворных советников, фанатично преданных своей миссии — воспитанию живого бога. Акихито был обречен на уединение, лишен элементарных радостей детства: игр, общения со сверстниками, материнской заботы и разговоров с отцом. Знающие люди утверждают, что это наложило заметный отпечаток на характер будущего императора, который впоследствии не раз пытался тихо бунтовать против жестоких условностей придворной жизни. Однако даже эти скромные мятежи вряд ли бы, как говорится, имели место, если бы не крутой поворот, который вся Япония пережила в 1945 г.

Легенда гласит, что после выступления Хирохито по радио с заявлением о безоговорочной капитуляции 11-летний Акихито несколько дней не мог оправиться от шока и лишь повторял, что «теперь, после поражения, ему нужно учиться еще лучше». Есть и еще более интересное свидетельство настроений юного принца в тот период — его собственноручное сочинение, написанное сразу же после начала американской оккупации страны. «Японцы, — начертал Акихито черной тушью на листе тонкой бумаги, — несомненно, умнее и по всем параметрам выше американцев и прочих иностранцев. Однако оказалось, что иностранцы обладают более развитой техникой и военной стратегией, что и привело нас к поражению».

Именно с такими мыслями по воле командования вооруженных сил США он встретился в 1946 г. с учительницей из Бостона Элизабет Байнинг, которую специально отобрали для воспитания будущего японского императора. Сейчас все сходится во мнении, что ей удалось оказать серьезное влияние на формирование личности своего ученика, привив ему многие ценности западного мира.

Япония в те годы разрухи, падения некогда незыблемых идолов тоталитарного режима и всеобщего смятения в умах была переполнена слухами и готовностью к самым невероятным переменам. Одни всерьез поговаривали, например, что император... вступил в компартию и готовится переселиться в Америку. Другие твердили, что отрекшийся от своего божественного происхождения монарх окончательно отринул веру предков и намерен совершить паломничество в Ватикан, чтобы приложиться к туфле папы римского. Непочтительность к бывшим «богам» приняла столь невиданные размеры, что соученики открыто издевались над Акихито, выкрикивая при его появлении: «Эй, вон идет наш нищий принц...»

Однако для будущего 125-го императора эти времена были, возможно, самыми счастливыми в жизни — ведь именно тогда он решился на первое непослушание. В компании приятелей юный принц сбежал из-под надзора бдительных придворных, которые, естественно, подняли страшный переполох и направили сыщиков во все концы Токио. Те быстро обнаружили Акихито в одном из кафе торгового квартала Гиндза в центре города. Когда же мальчишку тащили обратно, он упирался и кричал, что «просто хотел прокатиться на трамвае»...

Однако самый сенсационный бунт Акихито устроил, когда на теннисных кортах горного курорта Каруидзава он встретил в 1956 г. очаровательную девушку по имени Митико Сада — дочь крупного предпринимателя-мукомола. Ему было 23 года, ей — 22, и не привыкший к женскому обществу принц влюбился, как в сказке — с первого взгляда. После недели встреч на кортах он стал бомбардировать Митико письмами и телефонными звонками, предлагая ей руку и сердце. Отец девушки поначалу струсил, поскольку Акихито хотел немислмого: жениться на простолюдинке наперекор древнему закону, предписывавшему «сыну Неба» искать спутницу жизни лишь в пределах императорского клана.

Но Япония во второй половине 50-х годов была уже далеко не той, что прежде: начавшийся быстрый рывок к экономическому успеху и благосостоянию рождал в людях новое, пьянящее ощущение собственных прав и значимости, усиливая интерес ко всему, что было связано с заманчивой новизной и отказом от старых догм. История влюбленного принца и Золушки-Митико тронула сердца миллионов, предрекая наступление эпохи раскованности и человечности. Специалисты по пропаганде, конечно, скажут, что хорошо разрекламированная женитьба на простолюдинке создала императорскому семейству хорошую рекламу, вернув ему потерянную после 1945 г. популярность. Но факт есть факт: свадебный кортеж Акихито и Митико бурно приветствовали на улицах Токио полмиллиона японцев. А большинство жителей страны именно тогда раскошелоилось на телевизоры, чтобы своими глазами наблюдать церемонию бракосочетания принца, дерзнувшего отстоять свое право на любовь.

Окрыленный успехом, Акихито позволял себе все новые и новые малозаметные, но важные для него мятежи против «дворцовых правил»: ездил в путешествия по стране на простом поезде, а не в пуленепробиваемом лимузине; смущал охрану приказом строго соблюдать все правила дорожного движения и останавливаться на красный свет, «как это делают нормальные люди». Посетив Хиросиму, он первым делом пошел к памятнику жертвам атомной бомбардировки, хотя это не было предусмотрено программой. Помня о собственном безрадостном детстве, Акихито отказался отлучать своих троих детей от семьи, а прямого наследника «хризантемового трона» — старшего сына Хиро — послал учиться в Оксфорд, где тот сам готовил себе завтрак, стирал рубашки.

Разумеется, все эти занимательные истории — лишь компоненты легенды, сложившейся, а в чем-то и умело созданной вокруг нового императора. Легенды, где правда тесно переплетается с преувеличениями, замалчиваниями и увлекательными выдумками. Но нам важно сейчас, что именно такой миф о «простом и человечном императоре» оказался более всего созвучным настроениям современных японцев, которым доведется жить в наступившую в 1989 г. «эпоху Хэйсэй» — «эпоху Установления Мира», как после долгих дебатов назвали эру пребывания Акихито на «хризантемовом троне».

Демократический налет при разговорах о взглядах Акихито уже заметно тревожит крайних националистов, которые связывали со сменой монархов свои надежды на реставрацию «прежнего имперского величия «Великой Японии». Еще совсем недавно правые намекали, что новое лицо на престоле может избавить страну от «национального позора 1945 г.», подведет черту под периодом «гнилого либерализма, последовавшим за поражением в войне». Националисты явно рассчитывали, как говорил, например, один из их лидеров писатель Хидзаки Касэ, что «смена фигур на троне может дать необходимый стимул изменению конституции 1947 г., введенной в период оккупации». Речь идет о том, чтобы отменить зафиксированный в основном законе официальный отказ от войны и создания вооруженных сил, покончить с духом послевоенной терпимости и парламентаризма.

«Мы не хотим, чтобы наш император походил на членов британской королевской семьи,— говорил тот же Касэ.— Нам не нужен король, развлекающий публику». Правые поговаривали даже о том, что неплохо было бы увезти Акихито из космополитического Токио в древнюю японскую столицу Киото, где более ощущается дух благочестия.

Однако замыслы замшелых «патриотов» не встречают понимания в стране, да и у самого Акихито. Напомним, например, что он не упускает случая подтвердить свою верность конституции, которую националисты до сих пор презрительно именуют «писаниной двух евреев из штаба американской оккупационной армии».

Впрочем, пока политологи и журналисты спорят о непростом будущем «эпохи Хэйсэй», 125-й император заново учится иметь дело с полутора тысячами бдительных чиновников Управления императорского двора, приученных контролировать каждый шаг и каждую иену живого «символа единства народа». На Акихито легло также бремя «поддержания порядка» в императорской семье из 20 человек, где периодически происходят недоразумения типа того, что случилось несколько лет назад с его двоюродным братом принцем Томохито. Тот отрастил бороду и заявил, что хочет отказаться от всех титулов и пожизненной пенсии из государственного бюджета — лишь бы получить возможность вырваться на свободу из тоски поднадзорной жизни во дворце. Однако родственники его быстро утихомирили, заставили побриться и назначили в порядке утешения председателем Общества японо-норвежской дружбы...

Со смерти Хирохито прошло совсем немного времени, а Акихито уже дал понять, что не намерен копировать своего отца, который в памяти одних японцев остался затянутым в мундир генералом на белом коне во главе войска беспощадных завоевателей, а в глазах других был замкнутым старичком, не слишком любившим общаться со своим народом. Новый император старается одеваться не в официальный фрак, а в демократичные пиджаки и демонстративно говорит на простом японском, а не на малопонятном для народа придворном языке.

По пробивающимся в печать сведениям, такая экстравагантность — отнюдь не экспромт, а хорошо продуманная составная часть плана, разработанного в «частном штабе» 125-го императора. Ежедневник «Сюкан гэндай» сообщал, что в него входят старые друзья Акихито по колледжу, которые ныне стали крупными бизнесменами и журналистами. За стаканом виски они обсуждают многочисленные проекты перестройки императорской системы в Японии. В частности, уже вовсю поговаривают о том, что Акихито неплохо бы иметь собственный отдел для связи с прессой, который бы готовил пресс-конференции и телевизионные выступления монарха-реформиста.

Однако жизнь показывает, что консервативные японцы пока не очень готовы к тому, чтобы чуть пошире приоткрыть тяжелые ворота, наглухо закрывающие от публики императорскую резиденцию в Токио. Кстати, совсем недавно полиция и придворные все же вынудили Акихито отказаться от одной из его наиболее броских демократических привычек, уговорив монарха «по соображениям безопасности» больше не останавливаться на перекрестках на красный свет...

**А. Е. Глускина —
кавалер ордена
«Благодатное
Сокровище»**

Т. ГРИГОРЬЕВА

Глускина Анна Евгеньевна

Вручение японского ордена «Благодатное Сокровище» Анне Евгеньевне Глускиной завершилось по всем правилам ритуала. Посол, господин Эдамура, передал награду от имени Императора Японии и зачитал приветствие Премьер-министра страны. Сдержанная элегантность отличает истинного японца. Изящество и деловитость: ни одного лишнего жеста, ни одного лишнего слова, та самая сдержанность, недосказанность (*ёдзё*), которая от полноты чувств, умеренных тактичностью, от внутренней культуры, воспитываемой веками.

Лишь несколько фраз о символике ордена и о благодарности мастеру, открывшему русским глубины японской поэзии. Орден же символизирует регалии, переданные японской Богиней Солнца, Аматэрасу, через своего прямого потомка правителям японских островов: зеркало, меч и яшму. Зеркало олицетворяет Богиню, сияющую на небосклоне, волшебный меч — «собирающий небесные облака», яшмовые подвески-магатама — знак чистоты. Память предков! Не в ней ли чудодейственная сила японцев?

И ответное движение — низкий поклон и японские слова благодарности, а за всем этим — тонкость души, которая когда-то привела Анну Евгеньевну к Японии и дала почувствовать тайны ее искусства, полюбить ее народ. И то, что через любовь и знания открылось ей, она поведала восприимчивой к Красоте душе русского человека. Память предков и святое отношение к тексту, воплощенному духу народа. Не каждому дано донести этот дух. Высший дар — слышать голос другого, на время забыв о себе. Свойство истинного поэта и ученого — чувство благоговения перед теми, кто жил когда-то, и способность передать волнение, испытанное от встречи с сокровенными письменами, другим, «от сердца к сердцу». Но иначе мы не имели бы три великих тома переводов антологии японских стихов, составленной в VIII в., «Манъёсю». Научный комментарий к 20 свиткам поэзии — 4 516 стихотворений, жизнь нескольких поколений, протяженной во времени и пространстве, требовал глубочайшего знания обычаев, верований, языка

Григорьева Татьяна Петровна, доктор филологических наук.

народа. Комментарий сам по себе, как он представлен в трехтомнике, есть достояние науки и культуры, образец трепетного отношения к тексту. Такой подход для нашего спешащего неизвестно куда времени — большая редкость. Да, пожалуй, и нечего сравнить из японотворческих работ последних десятилетий с культурой исследования «Манъёсю» А. Е. Глушкиной.

А переводится «Манъёсю» как «Собрание мириад листьев», это все, что пережито когда-то в полноте чувств, но не исчезает, существует поверх времени, поверх преходящего, потому и не знает границ. «Песни-послания», «Плачи», «Песни весны», «Лета», «Осени», «Зимы», «Песни, в которых печалются из-за разлуки», «Песни странствий», «Песни, в которых просто высказываются думы и чувства»... И так из свитка в свиток тянется нить воспоминаний и не прерывается по сей день. В «Манъёсю» заложены образцы почти всех поэтических форм, можно сказать, предопределено поэтическое видение японцев, их угол зрения на мир (поэтический строй танка — господствующей формы японской поэзии — чередование строк в 5—7—5—7—7 слогов). Это действительно энциклопедия жизни, как пишет о том Анна Евгеньевна в своих исследованиях, энциклопедия, которая позволяет судить не только об обычаях и нравах древних японцев, о манере выражать свои чувства стихами, но и о том душевном складе, национальном духе, который позволяет лучше понять и современных японцев. Танка сопровождала жизнь японцев, танка обменивались влюбленные, прощальную танка сочинял приговоренный к смерти, тот, кто расставался с земной жизнью, и чем глубже переживание, тем подлиннее стихи — своего рода катарсис, освобождение.

За «Манъёсю» мысли устремляются к «Кокинсю», следующей знаменитой японской антологии начала X в., — «Собранию старых и новых песен», читатель знакомится с программным для японской поэзии сочинением — «Предисловием» к антологии поэта Ки-но Цураюки «Песни Ямато» (древнее название Японии). «Вы вырастаете из одного семени — сердца и превращаетесь в мириады лепестков речи, в мириады слов. И когда слышится голос соловья, поющего среди цветов, или голос лягушки, живущей в воде, кажется: что же из всего, что живет на Земле, не поет своей собственной песни?» И тянется нить от ранней антологии к следующей и не прерывается путь поэзии, прорастают новые «листья» или «лепестки речи» на древе жизни. Отрываясь, они не исчезают, а летят по свету с доброй вестью, долетели стараниями подвижников, подобных А. Е. Глушкиной, и до нашего края. И не поврежден ни один лепесток.

Истинное слово, по вере японцев, божественно, имеет душу (*котадама*) и потому одухотворяет тех, кто способен слышать, и потому бессмертно. «То страна, где сила слов счастье дивное несет» — говорится о древней вере японцев в магическую силу слов в комментарии к переводу «Манъёсю». Японцы и поныне черпают силу в стихах «Манъёсю», и не только японцы. Памятью сердца жив народ и дает жить другим.

Это было около двух десятилетий назад. Я сидела в зале клуба им. Курчатова. Шло кинетическое представление: путь человека в Космосе — от праотца к современнику. Это был истинный триумф электроники, цветомузыки, неистовый танец техники, которая, казалось, всесильна, заворожила человека. И вдруг неожиданно, откуда-то сверху, издаലെка зазвучали стихи:

*Всегда перед зарей, прислушаться лишь надо,
Предутренней порой,
Едва забрезжит день,
Здесь, сотрясая гор простертые громады,
В тоске рыдает осенью олень.*

И сразу тишина, сменился настрой души, человек задумался о вечном. И мне в радость: я услышала стихи японского поэта, одного из составителей «Манъёсю» — Отомо Якамоти. Радостно оттого, что так чутко сердце человека к движению души, будто и в самом деле, ни время, ни расстояние не могут быть помехой. И поспешила поделиться своей радостью с учителем своим, А. Е. Глушкиной, которая сделала это все возможным. Оказалось, что и технике не выжить без поэзии, без тех коротких стихотворений в пять-шесть слов, в которые переводчик вложил свою душу. Недаром их переложили на музыку. Такие композиторы, как Ипполитов-Иванов, Таривердиев, Раскатов обратились к японским танка, переведенным А. Е. Глушкиной, найдя в них созвучное настрою своей души.

Вот такая миссия выпала на долю ученого-поэта, начавшего свой путь с «Песен Ямато» (1926). Потом последовали «Танка из Кокинесю» (1927), «Песни разлуки» (1928), потом «Театр и религия в Японии» (1931), «Японский теневой театр» (1931), «К вопросу японского театра и драмы» (1944), «Старинные японские предания» (1958), «Об истоках театра Но» (1965). Всего не перечислишь. Но вот последние работы: монография «Заметки о японской литературе и театре (древность и средневековье)» (1979) и прекрасно изданные переводы «Японская любовная лирика» (1988). Такую последовательность, верность избранному пути у многих ли встретишь в эти страшные 30—50-е годы? Но вершина — это, несомненно, перевод «Манъёсю», научный и жизненный подвиг.

Вдохновенная своим учителем, Н. И. Конрадом, Анна Евгеньевна начала изучать «Манъёсю» еще в студенческие годы, и ей же посвятила свою дипломную работу (1925). В 1933 г. перевод «Манъёсю» включили в план Академии наук, но увидел свет он лишь в начале 70-х. Теперь даже трудно представить, что приходилось преодолевать ученому, неспособному к компромиссам, к угодничеству. Востоковедческая школа, сильнейшая в мире, была подсечена, низведена фактически на нет репрессиями, шантажом, травлей талантов в эти годы царства посредственности. Все, что сохранилось, держалось на энтузиастах, выходцах в основном Ленинградской школы. В этой атмосфере одного мужества было мало, нужна была величайшая преданность делу, любовь, которая сильнее страха. И еще — чувство благоговения перед тем, что недоступно человеческому взору, но присутствует незримо, придавая смысл человеческой жизни. И, конечно, идеальный слух, чтобы услышать голоса других, живших когда-то и донести их мысли и чувства до своих современников, своих соотечественников.

Благородство души — вот, пожалуй, что помогло выжить. И дело не в том, что Анна Евгеньевна обладает даром исследователя и поэта, ученого и переводчика, а в том, что в ней сочетаются такие человеческие качества, которые не так уж часто встречаются в одном человеке: доброжелательность, удивительная нравственная чистота, жертвенность. Пройти тяжкий путь, в одиночку поднять двоих детей, дать им прекрасное образование, пережить войну, голод в ленинградской блокаде, травлю завистников, кошмары быта коммунальной квартиры (отдельной она так и не получила) и при этом сохранить человечность, влюбленность в людей и веру в спасительную миссию поэзии! Видеть мир, который, казалось бы, должен внушать ужас, сострадая ему и веря в изначальный свет («и тьма не объяла его»). Не помню случая, а я знаю Анну Евгеньевну со своих детских лет, чтобы она о ком-то сказала плохо, чтобы ей изменил внутренний такт, благорасположенность к человеку и способность понять и простить. Анна Евгеньевна — красивый человек, красивый той красотой, над которой не властно время. Удовольствие не только слышать, но и видеть ее. Возраст! Разве он измеряется годами? Можно прожить 8 раз по 10 и слышать зов души, а можно и в 20 лет его уже не слышать. А разве не живая душа красит человека?

Говорят, творчество, созидательный труд — само по себе есть величайшее благо, они хранят человека. В момент вдохновения преобразуется сознание. Забывая о себе, о своих малых заботах и страхах, человек как бы подключается к вселенской энергии, и уже ничто его не может сокрушить. Говоря словами японского поэта XVII в. Мацуо Басё, полюбившегося нашему читателю благодаря переводам еще одного чудопээта, художника слова, Веры Николаевны Марковой: «Познавший Красоту, становится творцом, спутником четырех времен года. На что ни смотрит, видит цветок, о чем ни думает, видит луну. Если не видишь в любой вещи цветка, значит ты варвар. Если нет цветка в твоей душе, значит, подобен зверю. Изгони же варвара, избавься от зверя, и станешь творящей силой Вселенной!»

И эта вера в человека как в «душу Вселенной» тянется издалека, пронизала культуру японцев, в чем убедимся, обратившись к «Запискам у изголовья» Сэй-Сёнагон, хорошо знакомым нашему читателю, или к «Запискам от скуки» монаха XIV в. Кэнко-хоши. Скажем, такие рассуждения Кэнко позволяют почувствовать дух этой культуры, устойчивость традиционного чувства Красоты: «Смена времен года очаровательна в любой мелочи. Вероятно, каждый скажет, что очарование вещей осенью всего сильнее. Это, конечно, так, но, по-моему, весна более всего приводит в движение наши чувства». «Ужасно, когда человек перестает постигать очарование вещей... Человек — душа Вселенной. Вселенная же не имеет пределов. Тогда почему же должны быть отличны от нее свойства человека? Когда ты великодушен и не стеснен, тебе не мешают

ни радость, ни печаль, и люди тебе не причиняют вреда» (перевод В. Н. Горегляда).

Три женщины привили мне любовь к Японии. С самого детства мама, Александра Петровна Орлова — своей любовью к японскому языку, в его живую структуру, способностью любить человека, каким бы он ни был. Ее ученики до сих пор вспоминают об этом свойстве ее души: принимать на себя боль каждого. Вторая, Вера Николаевна Маркова, воздействовала на мое детское воображение своими удивительными сказками, потом — своими чудесными переводами хокку (трехстиший), а в последние годы и своими собственными духовными стихами. И, конечно, Анна Евгеньевна — своим поэтическим отношением ко всему, что ни попадает на глаза, поэтическим озарением. Идем ли в институт, едем ли навестить Веру Николаевну, Анна Евгеньевна нашептывает стихи, японские ли, свои, и тихо улыбается, поглядывая сбоку:

*Как эти камни, что лежат у берегов
И в час прилива в волнах исчезают,
Так рукава мои...
Они влажны от слез,
А люди ничего не видят и не знают!*

Это классическая танка поэта Нидзэйн Сануки из последнего сборника Анны Евгеньевны «Японская любовная лирика».

*Чуть вымолвишь: «вчера»,
Глядишь — уже «сегодня»,
И «завтра» наступает вслед за ним...
Как воды Асука — и месяцы и дни
Бегут и исчезают незаметно... (Поэт Харумити Цураки)*

Я молчу, притаившись, боюсь вспугнуть что-то, а что не знаю. Может быть, бога поэзии, как сказали бы японцы? Не потому ли поэт дарит счастье, что сам пребывает в нем? А кто щедро дает, тому и щедро возвращается. и нет этому конца...

П. КОРОВЯКОВСКИЙ

В страшные времена сталинщины Анна Ахматова писала: «Я была тогда с моим народом, там, где мой народ, к несчастью, был». Но далеко не все из тех, кого коснулись репрессии 1920-х, 1930-х, 1940-х, мог бы сказать о себе те же самые слова в качестве единственного и горького утешения. Ведь и иностранцы, а не только советские люди значились в гигантском мартирологе преступной политики Сталина. В силу разных обстоятельств оказавшиеся на территории нашей страны, они были вынуждены разделить судьбу «не своего народа» — судьбу ошельмованных, лишенных честного имени и права на память потомков. Были среди жертв сталинской репрессивной машины и китайцы...

Лет 15 назад автор этих строк, оказавшись на Соловках, с удивлением обнаружил китайские иероглифы среди надписей на стенах бывшей церкви на Секирной горе — своеобразных «писем в никуда», которые оставляли перед смертью обитатели СТОИ (Соловецкая тюрьма особого назначения). В те времена пытаться наводить справки о репрессированных было делом явно бесполезным, а для студента политизированного Института стран Азии и Африки при МГУ, пожалуй, и небезопасным. Но тот запомнившийся случай обозначил тему. Вернуться к ней удалось, когда перестройка сняла старые запреты.

Оказалось, что китайцев было немало среди узников сталинских тюрем и лагерей. Во всяком случае, упоминание о них содержится во многих мемуарах, посвященных ГУЛАГу.

Евгения Гинзбург в «Крутом маршруте» вспоминает, как в камере Бутырской тюрьмы ее встретила «улыбающаяся китаевка, возраст которой трудно определить... — По-русски меня зовут Женей, — говорит она. — Женя Коверкова. Училась в Москве в университете Сунь Ятсена»¹.

В «Архипелаге ГУЛАГ» А. И. Солженицына содержится воспоминание о таком эпизоде, относящемся к 1953 г.: «Подстрелили старого китайца — в Кенгире не помнили его имени, по-русски китаец почти не говорил, все знали его переваливающую фигуру — с трубкой в зубах и лицо старого лешего. Конвоир подозвал его к вышке, бросил ему пачку махорки у самого предзонника, а когда китаец потянулся взять... — выстрелил, ранил»².

Л. Гумилев, рассказывая, как создавал в лагере свою будущую научную теорию, пишет: «С китайцами мне было труднее объясняться и общаться... потому что у них совсем другая ментальность. Но, к счастью нашелся там маньчжур. А маньчжур говорит и думает примерно так же, как представители наших сибирских народов. Поэтому мы очень подружились. Он мне переводил — я китайского не знаю. И в результате у меня сложилась концепция, которую я изложил в «Этногенезе и биосфере Земли»³.

Пребывание китайцев оказалось закреплено даже в географических названиях «архипелага ГУЛАГ». Старые норильчане, читаем мы в книге В. Аграновского «Вариации на тему «Жди меня», помнят про кладбище со странным названием «Людзэ». «Так звали — Лю Дзэ — китайца, сторожа этого кладбища, он тоже был зеком, в конце концов и его похоронили там же, как и всех, написав на пятке номер чернильным карандашом. Но даже после его смерти лагерные начальники говорили строптивым зекам: «Вы что, на людзэ захотели? В момент устроим!»⁴.

Известно, что к 1917 г. в России находилось около 0,5 млн. китайцев, большинство из которых было завербовано на тыловые работы в годы первой мировой войны⁵.

Коровяковский Петр Павлович, журналист китайской редакции Московского радио. Гонорар за статью автор переводит на счет общества «Мемориал».

Значительная их часть осталась в Советском Союзе на постоянное место жительства. Практически во всех крупных городах Советской России в начале 20-х годов существовали китайские землячества со своими клубами, школами, газетами. Учитывая, что десятки тысяч китайских интернационалистов в годы гражданской войны сражались под знаменами Красной Армии, власти относились к этим землячествам доброжелательно. Но длилось это недолго. В опубликованной недавно в нашей стране книге А. Орлова «Тайная история сталинских преступлений» весьма ярко показывается, насколько зыбким было положение в СССР китайского населения.

«Как-то вечером, сидя с Паукером за бутылкой, Сталин получил от наркома иностранных дел сообщение, что Чан Кайши начал массовые аресты китайских коммунистов и что китайские власти произвели обыск советского посольства в Пекине (дело происходило в 1927 г.). Эти акции были вызваны близорукой политикой, проводившейся Сталиным в отношении Китая, и его лицемерным заигрыванием с Гоминьданом. Сталин был взбешен «двурушничеством» Чан Кайши и приказал Паукеру арестовать всех китайцев, проживающих в Москве.

— А как быть с китайским посольством? — поинтересовался Паукер.

— За исключением посольских, забирай любого китайца! — уточнил Сталин. — К утру все до одного московские китайцы должны сидеть!

Паукер пустился исполнять приказ. Он мобилизовал всех сотрудников ОГПУ, кого только мог найти, и трудился ночь напролет, хватая любого китайца, попадавшего в руки, начиная с владельцев прачечных и кончая старым профессором, преподававшим китайский язык в Военной академии.

Наутро Паукер предстал перед Сталиным с докладом о том, что приказ выполнен. За завтраком он веселил Сталина, пересказывая ему смешные эпизоды, которыми сопровождалась операция. При этом комично изображал испуг захваченных врасплох китайцев, имитируя их забавное произношение.

Спустя несколько часов, когда утомившийся Паукер спал в своем кабинете в ОГПУ, личный секретарь Сталина поднял его с постели телефонным звонком и сообщил, что хозяин немедленно хочет его видеть. При этом секретарь доверительно предупредил, что хозяин не в духе.

Как оказалось, один из руководителей Коминтерна, если не ошибаюсь, Пятницкий, позвонил в сталинский секретариат и спросил, известно ли Сталину, что этой ночью арестованы все китайцы, работающие в Коминтерне, и студенты китайской национальности, обучающиеся в Коммунистическом университете трудящихся Востока.

— Значит, ты всех китайцев арестовал? — спросил Сталин, едва Паукер вошел к нему в кабинет.

Подозревая, что случилось неладное, и не догадываясь, в чем дело, Паукер ответил, что старался не упустить ни одного.

— Ты в этом уверен? — зловеще допытывался Сталин.

Паукер подтвердил:

— Да, уверен.

— А этих из Коминтерна... и китайских студентов? Ты тоже забрал?

— Ну, конечно, Иосиф Виссарионович! — воскликнул Паукер. — Я забирал их прямо из постели...

Не успел Паукер закончить фразу, как почувствовал сильный удар по лицу.

— Дурак! — выкрикнул Сталин. — Отпусти их немедленно!

Паукер выскочил как ошпаренный...»^b

Но вскоре, сообщает далее автор воспоминаний, Сталин простил своего чересчур усердного подручного и даже пожаловал ему «за китайскую операцию» орден Красного Знамени. Работники ОГПУ злословили по этому поводу, что Паукеру полагалось бы носить орден не на груди, а на пострадавшей щеке.

Если на первых порах, как видно из вышеприведенного материала, в карательной политике еще делалось исключение для китайцев, работавших в Коминтерне, а также для китайских студентов, обучавшихся в Москве (большинство — по направлению КПК), то в последующие годы именно они стали главной мишенью.

В начале 1936 г. возникло так называемое «дело антисоветского контрреволюционного троцкистского блока Ли Лисаня». И сам Ли Лисань, и почти все китайские товарищи, работавшие в аппарате Коминтерна и учившиеся в совет-

ских вузах, были арестованы. О том, как происходила эта трагедия, лучше всех мог бы рассказать А. Г. Крымов, сумевший — почти единственным из коминтерновцев — пройти через 17 лет тюрем, лагерей и ссылки. Но увы, в его воспоминаниях, которые недавно стали доступны советскому читателю, рассказ на эту тему отсутствует. Когда готовились воспоминания, было, как говорится, «еще не время». А теперь, когда «время», А. Г. Крымова, увы, нет в живых.

В том же печально запомнившемся 38-м прокатилась новая волна массовых преследований проживавших в СССР лиц китайской национальности. Особенно повальные формы это приняло во Владивостоке. Органы НКВД, очистив город от «корейских шпионов», столь же рьяно взялись за «шпионов» китайских.

Живущий ныне в Москве У Синье свидетельствовал в беседе с автором, что происходившее в те дни во Владивостоке заслуживает одного слова — геноцид. Китайцев хватили прямо на улице, в общественном транспорте, не спрашивая даже документов. Рабочих арестовывали целыми бараками, включая и женщин, и малолетних детей.

Ян Хиншун, другой свидетель описываемых событий, вспоминал, как спасся от ареста буквально чудом. Он работал во Владивостоке в Ленинской школе для китайских рабочих и однажды вечером, выходя из здания, по какой-то причине задержался. Те, кто пошли вперед, были схвачены и увезены дежурившим у дверей нарядом военных.

В ноябре 1989 г. Верховный Совет СССР принял декларацию о признании незаконными и преступными репрессивных акций против народов, подвергшихся в сталинский период насильственному переселению. Китайцы не упоминаются в приложенном перечне, видимо, в силу крайне недостаточной исследованности данной исторической страницы. Но не вызывает сомнения, что в скором времени будет стерто и это «белое пятно».

Что же происходило с людьми, попадавшими в облавы? Во время командировки в Воркуту в местном краеведческом музее мне показали папку — личное дело Валецкого Федора Алексеевича, заведенное в 1948 г. отделом кадров Воркутино-Печорского исправительно-трудового лагеря. В автобиографии говорится, что настоящая фамилия Валецкого Хо Юнхан. Он родился в 1906 г. в провинции Хунань, учился в разных учебных заведениях, в 1926 г. вступил в КПК. Через два года он был направлен во Владивосток, где работал в китайской Совпартшколе, в газете «Китайский рабочий». В 1938 г. был арестован, осужден Особым совещанием НКВД сначала на 3 года ссылки, затем на 5 лет лагерей. Срок этот потом продлевался. Во Владивостоке у Хо Юнхана осталась жена — Нина Владимировна Морошкина и дочь Ирина. Как следует из личного дела, и после освобождения Хо Юнхан вынужден был еще несколько лет работать в Воркуте. В 50-х годах ему удалось уехать в Китай.

Но сколько было таких, кому уже не суждено было вновь увидеть семью, родные края!

«В ноябре 1938 г. к нам в лагерь пригнали 270 китайцев с Дальнего Востока, — говорится в книге Л. Э. Разгона «Непридуманное». — Это были жители Маньчжурии — в огромных волчьих шапках, длинных шубах, каких-то особых ватных сапогах. Оказывается, они, испокон веков живя на границе, которая не имела видимого обозначения, летом переходили в Россию и работали на огородах. Им дали по восемь лет «за незаконный переход границы» и послали в лагерь... Начальство поставило их на трелевку. Надо было по глубокому снегу доставлять бревна от делянки к дороге. 6-8-10 человек в зависимости от кубатуры бревна берут его на плечо и несут. Глаза вылетают из орбит, все мысли вылетают из головы, идешь, думая только об одном: скорее, как можно скорее свалить это страшное, давящее, убивающее... Больше недели такой нагрузки никто не выдерживал. А китайцы день за днем ровно, тихо и спокойно работали. Десять человек осторожно, размеренно несли бревно, в котором было почти две тонны... 269 китайцев умерли к февралю 1939 г. Остался только один, который работал поваром на кухне»¹.

Испытание каторжным, убивающим трудом, нечеловеческими условиями проживания, на которые был обречен каждый, попадавший за проволоку ГУЛАГа, было, наверно, самым трудным испытанием, которое может выпасть в жизни человеку. Китайцы выдерживали и его, не изменяя таким замечательным чертам своего характера, как исключительное трудолюбие, честность.

Удалось разыскать нескольких бывших репрессированных, которые встречались с китайцами.

К. П. Марушак из Сыктывкара отмечал мастеровитость своего лагерного товарища Ван Цзэнлу. Тот был печником, и именно ему поручались самые важные и срочные заказы. В один из морозных зимних дней в лагерной столовой завалилась печь. Ван Цзэнлу взялся ее срочно восстановить. Начал он работу с помощником рано утром, и к вечеру печь была уже выложена, труба выведена на крышу. В помещении вернулось тепло. В знак признательности заключенные подарили мастеру и его помощнику табак — настоящую драгоценность по лагерным меркам!

Л. М. Гордон, проживающий ныне в Киеве, поведал о китайце Ван Футине, которого все в лагере звали на русский манер — Сережей. «...В лагере у нас был очень неумелый повар. Кто-то сказал, что Сережа содержал ресторанчик на Дальнем Востоке. Спросили его:

— Пойдешь, Сережа, поварить?

— Моя может.

И каким еще поваром оказался! А сколько времени пробыл на общих работах и ни разу не попросился на сытное и теплое местечко. Та самая вонючая треска, которую мы раньше получали в виде ошпаренных липких кусков, в его руках превратилась в благородную рыбу. Сережа вымачивал ее в реке, пластал и ухитрялся даже жарить на тех скудных граммах хлопкового масла, которое полагалось на котел. Честности он был необычайной, не брал себе ни кусочка сверх положенного, а тем, кто раньше прикармливался у кухни, решительно дал от ворот поворот. Многие из нас тем, что выжили, обязаны именно ему».

Закончить этот небольшой обзор материалов о китайцах, ставших жертвами сталинских репрессий, мне хотелось бы словами Льва Эммануиловича Разгона, у которого мне довелось брать интервью в связи с трансляцией в китайских передачах Московского радио фрагментов его упоминавшейся выше книги.

— Они были добрыми, честными и работящими людьми — эти китайцы. Месяц или полтора мне пришлось жить в их бараке, что оказалось большим счастьем: в этом бараке не воровали, не грабили, там всегда было подметено. Среди них не было «стукачей», не было ни одного грабителя, ни одного наглеца. Это были, повторю еще раз, очень хорошие люди. Они честно работали из всех оставшихся физических сил и честно погибали. Я говорю «честно», потому что лагерь — это не то место, где люди становятся лучше. Нет, лагерь — это место, где иногда выявляются самые отвратительные черты человеческого характера. Должен сказать, что мои китайские товарищи по несчастью были людьми, на которых это развращающее влияние лагеря сказывалось меньше всего... У каждого из нас, прошедших этот земной ад, есть свой мысленный памятник всем тем, кто был рядом и не дождал до часа освобождения. Есть он у меня, и мои китайские друзья занимают в нем большое и светлое место...

¹ Юность. — 1986. — № 9. — С. 62.

² Новый мир. — 1989. — № 11. — С. 110.

³ Дружба народов. — 1989. — № 11. — С. 195.

⁴ Московский комсомолец. — 1990. — 30 января.

⁵ Правда. — 1989. — 24 сентября.

⁶ Горизонт. — 1989. — № 9. — С. 60—61.

⁷ Юность. — 1989. — № 2.

Г. МЕЛИХОВ

19 марта, в день второго концерта Шаляпина, «Заря» опубликовала воспоминания об артисте еще одного крупного деятеля музыкальной жизни Харбина — Владимира Давыдовича Трахтенберга. Эти воспоминания, никогда еще не публиковавшиеся в СССР, нам тоже хотелось бы привести здесь полностью.

«ДИКТАТОР ОПЕРНОЙ СЦЕНЫ».

Шаляпинский сезон в Народном Доме. — «Классический» оперный оркестр. — Дирижер по выбору Шаляпина. — Урок Моцарту-Крутейкису. — Першерон в роли «Росинанта». — Исая Дворишин в лучах шаляпинской славы.

Популярный в Харбине скрипач В. Д. Трахтенберг два десятка лет назад играл в оперном оркестре при выступлениях Ф. И. Шаляпина в Петербурге. В беседе для «Зари» В. Д. Трахтенберг поделился воспоминаниями о работе великого артиста на оперной сцене...

— Это было в 1914 году, — рассказывает музыкант, — я тогда состоял в большом театре Петербургского Народного Дома помощником концертмейстера вторых скрипок.

Театр имел три с лишним тысячи мест и зал, при отсутствии особой отделки, был довольно хорошим по акустике. Между прочим, это здание построил хорошо известный харбинцам инженер В. А. Барри.

Антрепризу держал Аксарин, который вышел впоследствии в большие антрепренеры, именно благодаря шаляпинскому сезону.

Ф. И. Шаляпин выступал тогда в Мариинском театре, артисты которого не имели права гастролировать где-либо, но для Шаляпина сделали исключение и он дважды в неделю выступал в Народном Доме.

Дирижировал на шаляпинских спектаклях всегда М. М. Голинкин, избранный потому, что не только не протестовал против указаний Ф. И. Шаляпина, но безропотно исполнял все тончайшие намерения и желания великого артиста. Оркестр Народного Дома в те времена состоял из шестидесяти, можно сказать, ветеранов оперы. В частности, среди оркестрантов были и пенсионеры Императорских театров.

Для меня это был первый оперный сезон, я «горел» и естественно проявлял исключительный интерес к работе Ф. И. Шаляпина. Шаляпин является на сцене абсолютным диктатором, не терпит никаких противоречий и, в некоторых случаях, может стать «зверь-зверем».

Когда он работает на репетициях — на сцене нет никого из других руководителей, в действия которых он не вмешивается только до тех пор, пока они правы. При малейшей ошибке Шаляпин тотчас же делает поправки. Конечно, это не всем нравилось... Самолюбивые дирижеры, режиссеры, хормейстеры начинали ломиться в амбицию, защищая «свою компетенцию».

Между тем, я не помню ни одного случая, при котором подобная обида была бы оправдана. Все замечания и указания Шаляпина представляют из себя такую огромную художественную ценность, что пренебрегать ими было бы прямо преступно. Ведь Шаляпин, выступая в опере, всегда превосходно знает всю партитуру, помнит не только все ответственные арии и места, а даже партию любого comprimario. Понятно, что когда он при этих условиях слышит «это мое дело, а не ваше», то, будучи по природе очень вспыльчивым, сразу готов на предельную резкость...

Художественная правда указаний Шаляпина всегда бесспорна и этим замечаниям следует подчиняться, поступившись самолюбием, чего, к сожалению, не все и не всегда понимали. Помню, например, — продолжает В. Д. Трахтенберг, — постановку «Моцарт

Окончание. Начало см.: ПДВ — 1990. — № 6; 1991. — № 1.

и Сальери». Как всегда, фактически ставил оперу сам Шаляпин, несмотря на наличие и режиссера, и дирижера.

Каким изумительным Сальери является Шаляпин — общеизвестно. Но на сей раз был очень неплох и Моцарт, которого пел молодой финн Крутейкис, обладатель красивого тенора и по внешности очень подходивший к своей роли. На генеральной репетиции Крутейкис позволил себе переместить в одной фразе слова, с целью улучшения звучания голоса (с «у» на «а»), что нередко делается большинством певцов. Грех, по существу, небольшой. Однако, Шаляпин остановил репетицию и попросил Крутейкиса слов не переставлять: — Имейте в виду, — сказал он коллеге, — что вы поете текст Пушкина, а не Бурлюка...

Подобное «вмешательство» Шаляпина характерно для всего его «диктаторства». Незабываемо впечатление о талантливости Шаляпина как художника.

Всем петербуржцам, вероятно, памятен удивительный «Росинант» Шаляпина — Дон-Кихота. Подходящего коня долго искали, так как по внешности это должен был быть одер, но в то же время лошади предстояло вынести солидную тяжесть артиста...

Нескладная кляча на сцене была поразительна и, после спектакля, я поспешил на сцену посмотреть на нее. Вблизи это оказался здоровеннейший першерон и только искусство Шаляпина превратило огромное животное в полудохлую скотину. Гримировал «Росинанта» Шаляпин всегда сам, никому не доверяя этой ответственной работы.

Шаляпин — превосходный рисовальщик. Помнится, он сделал великолепный набросок, кажется, из «Бориса Годунова», на двери своей уборной. Впоследствии, если не ошибаюсь, эту дверь куда-то перенесли на хранение.

В заключение беседы В. Д. Трахтенберг упомянул и о долголетнем неизменном спутнике Шаляпина — известном Дворищине, тогда, хористе Народного Дома, а ныне, по сообщению самого артиста, успешно подвизающемся в качестве советского режиссера:

— Без этого человека Шаляпин в те времена не мог обходиться, что вызывало наше общее изумление. Исая исполнял всевозможные поручения, был и попросту лакеем артиста, а иногда сидел и «за приятеля», играя с Шаляпиным в «шестьдесят шесть». Насколько Шаляпин был привязан к этому человеку, показывает случай, когда артист, находясь в «Монте-Карло», прислал в Народный Дом телеграмму с просьбой отпустить к нему хориста и тот, несмотря на сезон, был освобожден и отправился к своему благодетелю, как у нас шутили, — «на партию в шестьдесят шесть»...

Дворищину пользовался таким вниманием Шаляпина, что к этому хористу не раз прибегали «сильные» театрального мира, заинтересованные в расположении знаменитого артиста...» («Заря», 19 марта).

Перед началом первого отделения второго концерта последовало объявление М. Э. Кашука, вышедшего на сцену вместе с Шаляпиным и сказавшего: «Федор Иванович неожиданно к вечеру стал вновь сильно кашлять и чувствует себя хуже, и даже хотел отменить выступление. Он просит снисхождения...»

«Аплодисменты были ответным дружеским протестом на это предупреждение... Переполненный зал забыл о нем после первых же звуков голоса певца. Ф. И. по общему признанию пел еще лучше, чем в предыдущий раз, невзирая на временами мучивший его кашель.

— Я спую вам «Ночь», музыка Чайковского, — произнес он первые свои слова...

И в абсолютной тишине полились первые звуки драгоценного голоса: «Почему я люблю тебя, ночь...» К сюрпризу слушателей предупреждение артиста оказалось неосновательным: артист был гораздо спокойнее, чем на первом концерте, и голос звучал чище. Только кашель временами мешал артисту. Один за другим засверкали шаляпинские шедевры: — «Пила вино и — хохотала...», — «В ногу, ребята, идите — Раз! Два!..»

«Старый капрал» наэлектризовал зал. На сотнях лиц было видно предельное волнение. А следующая песня — «Два гренадера» — привела всех слушателей в восторженное состояние.

Шаляпин — певец, Шаляпин — художник и артист, это — такое громадное полотно, что рамы для него не существует...

Какого «Семинариста» услышала затем публика. Он стоял живой перед ней — этот вихрастый, здоровый, краснощекий парень, которого «благословляли по заправке» латынью. Сколько лукавства, юмора, подлинной жизни вносит артист в исполнение этой увековечен-

ной им песни!.. Такое же огромное удовольствие доставил Шаляпин маленькой картинкой Даргомыжского — «Мельник», после которого зал услышал:

— Сейчас я попробую рассказать вам кое-что о клевете... Только прошу извинить, — с юмором добавил он, — русских слов не помню, буду петь по-итальянски...

И певучий язык, в прекрасном произношении Шаляпина, зазвучал в знаменитой арии Дон-Базилло из шедевра Россини.

Повторные выходы артиста на продолжительные благодарные аплодисменты показали, что первое отделение кончилось. Занавес закрылся. Г. Ф. Годзинский отлично исполнил перед первым отделением Прелюдию Карганова и Польский национальный танец. После антракта он доставил исключительное удовольствие слушателям мастерским во всех отношениях исполнением вальса «Голубой Дунай» Штрауса, в транскрипции самого концертанта.

И на сцене затем, под грохот зала, снова Федор Иванович.

Публика вторично услышала изумительный романс Сахновского «Жизнь и смерть» и вновь была потрясена мощью и жутью этого произведения в исполнении Шаляпина... «Ходит смерть вокруг меня...» От одного этого начала, передаваемого на низких, «шаляпинских» нотах, слушателей охватывает дрожь. А когда после страстного призыва к жизни — «Отзовись!» — артист делает тяжкую паузу, становится страшно от дрящей тишины... На согнутых напряженных лиц слушателей видна ясная тревога, и нет ей исхода и после страшных слов песни:

«Жизнь — молчит... А смерть — смеется...»

Тот же мотив в «шубертовской» форме прозвучал в романсе «Смерть и девушка», после которого артист заявил:

— Теперь после грустного возьмем что-нибудь веселое. Я спою вам русскую народную песню о селезне и утке, имеющую припев «Калина-малина», которого иностранцы никак не поймут...

Шутка была встречена общим смехом. Смех продолжал блуждать по лицам при искрящейся юмором передаче Шаляпиным этой веселой песенки.

Затем была анонсирована, встреченная аплодисментами, песня «Эй, ухнем». — «Может быть и выйдет. — с улыбкой сказал он, опершись на рояль. Потом поднял руку к горлу и с убеждением подтвердил: — Должно выйти...»

Артист оказался прав.

Знаменитая русская песня в его непревзойденном исполнении совершенно заворожала зал. Публика слышала прославленный голос артиста в полной мере такого нарастания звука и такого невероятного дыхания, какого нет ни у кого в мире, кроме Шаляпина.

Когда стихли овации, последовала «Блоха», первое же упоминание о которой вызвало в зале радостный гул. По бешеным овациям, завершившим исполнение «Блохи», можно было судить, какую славу создал этому произведению Шаляпин.

— Сейчас, на прощание, — сказал артист, — я спою вам что-нибудь насчет судака, Тверской улицы, Ямской и разных других... И — опять залихватская, чисто русская удаль, безудержное веселье заплясали в звуках шаляпинского голоса, заставив дрогнуть все сердца, истосковавшиеся по родному пению...

Под непрерывные аплодисменты Шаляпин выходит на сцену, держа за руку Г. Ф. Годзинского. Конец концерта? — Невозможно!..

Публика срывается с мест. Все теснятся к сцене. Крики «бис» и треск тысяч ладоней оглушают.

Федор Иванович готов на жертву: — Ну, еще маленький пустячок... Так — шутка...

И в нежных тонах, с поразительной модуляцией в голосе артист рассказывает о необычайно чудодейственных глазах, способных «камень оживить...»

Овации не стихали так же долго, как и на первом концерте. Шаляпин выходил, раскланивался, благодарил, но больше публика в этот вечер ничего не услышала.

Артист был вновь в температуре. Его кашель, на досаду меломанам Харбина, все еще не исчез. Часть публики при этих условиях высказывала сочувственное недоумение: — Можно ли утруждать сценическим выступлением столь изумительный музыкальный инструмент, как дорогое всему человечеству горло Шаляпина?..

Но сам артист — наперекор недомоганию — решил «не отступать» и с великой честью вышел из нелегких затруднений, непревзойденно исполнив богатейший и разнообразнейший репертуар второго концерта.

«Русское спасибо Федора Ивановича Шаляпина — харбинцам!» — так называлась

статья, появившаяся в «Заре» после второго концерта. В статье, в частности, говорилось:

«Через посредство «Зари» Ф. И. Шаляпин просил вчера передать его сердечную благодарность всем харбинцам, так тепло встретившим его на обоих концертах. «Прошу передать всем милым русским людям, без различия их «партийности» и «группировок», — заявил великий артист, — мое душевное русское спасибо за оказанный мне приветливый и горячий прием! Дело здесь совсем не в аплодисментах, которыми меня встречали при появлении на сцене и к которым каждый из артистов в достаточной степени привык. Ценным и дорогим для меня явилось то, что во время всего концерта харбинцы-слушатели внимали моему пению так, что даже полет мухи слышен был бы моему слуху...

А это значит, что каждое мое слово доходило до сердец аудитории: лучшая награда и высшая радость певцу!

Судьбой суждено было так сложиться обстоятельствам, что обоим моим харбинским концертам предшествовали анонсы о простуде и кашле. Анонсы, в сущности, были излишни: разве не видела публика, что Шаляпин во время пения кашлял?.. А ведь кашель для певца — это самое горшее при совершенной чистоте голоса... Возьмем непохой инструмент — скрипку или виолончель и вставим в дэку инструмента вот этот, например, ключ от входной двери. Инструмент честно даст свои привычные звуки, но посторонний предмет помешает слушать музыку, исковеркает ее, вызовет волну досады и у самого музыканта, и у его слушателей...

Такова именно и была роль моего трахеита, мешавшего мне в Харбине показать «тон скрипки без железного ключа в дэке». Будь мой голос не в порядке от простуды — иное дело: — Никакие силы в мире не могли бы тогда побудить меня выступить перед аудиторией! Но кашель в условиях незнакомого и непривычного мне харбинского климата играл за эти недели коварные штуки: покидал меня, вновь угнетал, исчезал днем, внезапно появлялся чуть не за четверть часа до начала концерта...

Откладывать выступления или заранее фиксировать дни концертов «по выздоровлению» было при этих условиях совершенно немислимо. Готовясь к выходу, я решительно не знал, в какой степени «отпустит» или «скрутит» меня кашель при исполнении номеров первого либо второго отделения...

И вот я ясно видел и глубоко чувствовал всей своей душой: как ни досаждала мне временами эта похота, вся харбинская аудитория словно один человек, внимала моему пению с одинаково чуткой восприимчивостью и сердечным доброжелательством.

Мое русское спасибо за это всем харбинцам, посетившим мои концерты!..»

В заключение статьи говорилось, что в состоянии здоровья Ф. И. Шаляпина, по мнению лечащих его врачей, за вчерашний день резкой перемены не произошло. В отношении горла показания улучшаются. Самочувствие — хорошее. На вопрос, состоится ли сегодня объявленный третий концерт, прямого ответа вчера никто дать не мог. Есть, однако, всекие надежды, что концерт осуществится. С совершенной категоричностью нам было заявлено, говорилось далее, что о четвертом концерте в Харбине не может быть и речи. Вопрос о выступлениях Шаляпина на обратном пути в Шанхай — в Синьцзине, Дайрене и Тяньцзине пока остается открытым. Послешанхайские планы, возможно, также будут пересмотрены.

И вот, прозвучали «Прощальные слова и песни Федора Ивановича Шаляпина». Именно так называлась рецензия на третий и последний в Харбине его концерт.

«Харбинцы вчера, — писала «Заря», — в восторженных — из глубины сердец — овациях простились с Федором Ивановичем на его третьем и последнем здесь концерте. Сегодня, в 9 часов утра, Шаляпин покидает наш город, выезжая с экспрессом «Азия» в Дайрен...

Весь вчерашний вечер прошел в приподнятом настроении тысяч слушателей и также искренно волновался сам Федор Иванович, растроганный предельным вниманием и теплотой, проявленной к нему соотечественниками.

Не знаем, можно ли говорить, что Шаляпин иногда поет лучше, или еще лучше, но вчера его голос, его искусство были настолько СОВЕРШЕННЫМИ, что нелепой казалась мысль о промчавшихся над этой царственной головой годах...

Концерт, как всегда, начался с выступления талантливого пианиста-композитора Г. Ф. Годзинского, необычайно лирично исполнившего «Бабочку» и «Приход Весны» Гринга и мелодичный вальс своего учителя, профессора Пальмгрена. Пианист был награжден

единодушными аплодисментами всего зала, затем зал замер, когда на сцене появился неизменный «передовой» Шаляпина — рабочий, закрывающий крышку рояля.

Федор Иванович вышел все с той же широкой обаятельной улыбкой и навстречу ему грянула БУРЯ ПРИВЕТСТВИЙ, продолжавшаяся несколько минут. Наконец, аплодисменты стихли и, за вступительными аккордами рояля, артист запел: — «Духовной жаждою томим в пустыне мрачной я влачился...»

Бессмертный Пушкин, Римский-Корсаков и великий Шаляпин — дарили драгоценнейшими перлами своего сверхчеловеческого творчества...

После «Пророка», последовал «Узник» Антона Рубинштейна, дальше траурный напев — «Опавшие листья» Мусоргского, «Двойник» Шуберта, «Ночной смотр» Глинки, и, наконец, в заключение первого отделения — снова ария о клевете из «Севильского цирюльника» Россини.

Зал то вспыхивал громом аплодисментов, то погружался в благоговейную тишину, в которой чудесно колдовал Шаляпин, вызывая яркие картины, образы, волнуя сердца и души глубокими чувствами и величием своего искусства.

Едва закрылся занавес, как перед барьером оркестра собрались десятки дам с букетами и охапками цветов в руках. Когда артист вышел из-за кулис, то, под аккомпанемент непрекращающихся оваций, на сцену к ногам артиста полетели белые гвоздики и розы, устлая пол. Артист оперетты Е. А. Мунцев ухитрился залезть на суфлерскую будку и подал оттуда Шаляпину два больших букета.

Федор Иванович пожал молодому коллеге руку, подобрал несколько цветков и, прижимая их к груди, сделал знак, что хочет говорить:

— Трудно человеку, который всю жизнь привык петь по нотам, — говорить... — с явным волнением в голосе начал Шаляпин. — Но вот при такой обстановке, — Ф. И. развел руками, как бы обнимая зал, — я попробую...

Милые барышни... Вы награждаете меня таким вниманием, которое обычно проявляется к самому любимому тенору... Вы так меня приветствуете, что я даже, пожалуй, могу зазнаться... Но, не улыбайтесь, пожалуйста, я — понимаю... — Под общий смех Ф. И. комическим жестом поднес руку к своим седым вискам. — Я глубоко благодарен, дорогие мои соотечественники... То, что я чувствую, здесь, в сердце, прекрасно выразил словами Алексей Толстой... — И артист с глубоким чувством прочел отрывок из поэмы «Иоанн Дамаскин», где говорится о человеке, обращающемся в великой радости к друзьям, врагам, готовом заключить в свои объятия весь мир.

— Но так как, — прервал стихотворение Ф. И., — необъятного объять невозможно, то...

И, вместо слов, артист снова сделал широкий приветственный жест в сторону зала, и под неистовые крики и аплодисменты направился за кулисы. Зал весь антракт гудел веселым оживлением, многие пытались проникнуть за сцену, на узенькой площадке служащие театра, пожарный, М. Э. Кашук и Мишель с трудом сдерживали напор наиболее экзальтированных слушателей.

Взволнованный Федор Иванович сидел перед своим столиком с зеркалом, поправлял волосы и тихо беседовал с двумя-тремя друзьями.

Второе отделение.

Г. Ф. Годзинский очень удачно выбрал для своего второго сольного номера собственные вариации на флорентийскую тему и Тарантеллу Респиги. Нежная мелодия первой вещи, при превосходном «туше» пианиста, внесла успокоение в общее возбужденное настроение. Такой же ажурной оказалась и Тарантелла, исполненная с блестящей законченностью.

Снова на сцене Федор Иванович, по достоинству стоящий на цветочном ковре...

— Сейчас я спою вам арию Лепорелло из «Дон-Жуана», оперы Моцарта. Но так как я пою ее на итальянском языке, который, может быть, не всем знаком, я позволю себе вкратце изложить содержание...

Это выступление Федора Ивановича встретило в зале благодарный отклик, но когда великий артист начал петь, оказалось, что в «либретто» арии не было необходимости. Необычайная выразительность голоса, интонации, мимолетные жесты, воскресили перед слушателями плутоватого слугу бессмертного любовника. Пение и мимика Шаляпина очень многих, знакомых с «Дон-Жуаном», перенесли в обстановку подлинной оперы.

Во втором отделении Федор Иванович еще спел романс Рубинштейна «Певец», «Персидскую песню» того же композитора, «Эй, ухнем», «Блоху», «Вдоль по Питерской».

На этом предполагался конец программы, но, конечно, вчера повторился и с понятным большим подъемом, обычный финал шаляпинских концертов.

Публика стеснилась в партере к самому барьеру оркестра, непрерывные крики «браво» и «бис» заставили артиста несколько раз выходить за уже закрытый занавес.

В конце концертов, Федор Иванович сдался, Г. Ф. Годзинский занял место за роялем и, прежде чем спеть, артист сказал:

— Я еще раз благодарю вас, дорогие соотечественники, и готов петь перед вами хоть целый месяц день и ночь, но у каждого певца есть свои возможности, а поэтому я спую вам еще один романс, в котором говорится о русской любви... Я пел про персидскую, а это вот — русская...

И Шаляпин спел романс Даргомыжского «Мы гордо расстались»: «О если б снова встретиться я мог...»

Это — последнее, что услышали вчера харбинцы от Шаляпина, было полно трогательного содержания. Если б мы могли еще раз встретиться с Федором Ивановичем — какой радостью было бы это!

Зал еще долго шумел и волновался, при окончательно закрытом занавесе. Так трудно примириться с мыслью, что сегодня Харбин уже будет жить без Шаляпина, без сладостной надежды снова и снова смотреть на него и слушать. М. Шмидт.

По окончании этого своего заключительного концерта Ф. И. Шаляпин обратился к директору издательства «Заря» Г. Н. Шипкову с просьбой передать на страницах газеты его сердечное прощальное приветствие и глубокую благодарность всем соотечественникам в Харбине за оказанный ему сердечный прием, растрогавший его до глубины души.

«Уезжая, — сказал Федор Иванович, — я увожу с собой драгоценные для меня чувства и они будут освещать мои дни до конца жизни, а прожить я надеюсь долго...

Я очень сожалею, что болезнь помешала мне поближе познакомиться с Харбином и такими симпатичными харбинцами. Это — единственное, что меня искренно печалит накануне отъезда.

Я прошу всех, интересовавшихся мной во время пребывания в Харбине, не обижаться на то, что я был лишен возможности принять всех, кого бы искренно хотел видеть. Прошу верить, что не мог этого сделать физически, но душой я ко всем милым русским людям расположен и сердечно благодарю их за внимание.

Я знаю, что ко мне разные группировки старались приклеить политические ярлыки. Но считаю, что эти люди направлялись не по адресу. Дайте мне в руки винтовку — это будет смешно... Я — артист, мои песни — для всех русских, а какие это песни — слушайте и судите. Еще раз большое прощальное спасибо всем моим дорогим соотечественникам в Харбине! Такие встречи согревают жизнь и никогда не забываются!..

Мой привет русскому Харбину!!!». («Заря», 22 марта).

Как не хочется теперь — сразу после этих теплых и проникновенных, искренних слов великого Шаляпина, спустя полвека по-прежнему любезных и приятных сердцу харбинцев, рассеявшихся ныне по всему белому свету, — говорить о вещах совершенно иного рода, но сделать это необходимо.

Вернемся в связи со словами Федора Ивановича о политических ярлыках к этому самому вопросу. После того, как Шаляпин с позором изгнал из своего номера делегацию местных фашистов, те, разумеется, затаили к нему сильнейшую ненависть. Каких-либо попыток сорвать концерты артиста фашисты, конечно, не предпринимали; это было не в их силах, да никто бы этого им и не позволил. Но в своей газетке «Наш путь» они принялись исподволь очернять Ф. И. Шаляпина, называя его «французским подданным», чуждым интересам эмиграции, обвиняя в эгоизме и, конечно, «в связях с красными». Все это было воспринято харбинской общественностью совершенно однозначно: только как еще одна возмутительная хулиганская выходка местных фашистов. Им был дан отпор на страницах прессы. «На защиту» Шаляпина бросилась в бой молодежь.

Общественный деятель и литератор Харбина, в то время ученик средней школы, — И. Н. Пасынков вспоминает:

«В поднявшемся диспуте мы, 6-классники, выступили на страницах газеты в защиту Шаляпина против местных нападок. И эта обида за Шаляпина еще больше сближает нас между собой и с родной русской культурой, за представителя которой мы подняли голос.

Присутствуя на втором концерте Шаляпина, я был свидетелем того, как «французский подданный Теодор Шаляпин», перед которым преклонялся весь мир, пропев несколько арий иностранных композиторов, сказал: — А теперь, господа, я спою вам нашу русскую песню «Эй, ухнем», — и сказал это с такой теплотой, с таким волнением, от которых приятная дрожь пробежала по телу, а весь зал в ответ восторженно зааплодировал, почувствовав свою слитность с пением в стихии родной культуры» («Луч Азии», Харбин, 1945, № с.).

Отказ Шаляпина дать деньги фашистам имел дальнейшее продолжение в известных событиях, связанных с пребыванием Ф. И. в Шанхае. Именно в этом городе, где у фашистского союза тоже были некоторые позиции, и имел место финал этой постыдной истории.

Мы уже приводили выше отрывок из высказывания Ф. И. о шанхайском вымогательстве. Теперь продолжим его.

«...По приезде обратно (из Харбина в Шанхай.— Г. М.) нахожу, что там уже выпущена какая-то прокламация с заявлениями, что Шаляпин — враг русской эмиграции.

Одним словом, денег не дает.

Меня это взорвало. Увидел по газетам, что следующий день — день предполагавшегося концерта, а рано утром уходил пароход в Ниппон. Я сказал жене, чтобы она собиралась, мы сели и уехали.

И ведь, главное дело, кто попрошайничеством занимается? Не те, кто действительно страдает, кто бедствует. Приходит ко мне в Харбине одна молодая симпатичная барышня, бедно, но чисто одетая. Объясняет, что хотела бы попасть на концерт, но нет денег.

Я обещал достать ей контрамарку. Разговорились. Спрашиваю ее, что она делает. Оказывается, учителствует. Преподает, кажется, языки и еще что-то. Живет с матерью, отца нет. Спрашиваю ее, сколько же вы получаете? — 11 долларов в месяц.

— Как же можно жить на эту сумму? А она ответила, что другие еще хуже живут.

Ну, думаю, что же делать? Предложить ей деньги сразу не удобно. Попросил ее зайти ко мне через день на чашку чая.

Заходит через день. Разговорились опять. Передаю ей конверт и объясняю, что вот, мол, после нашего разговора, играл в карты на ее счастье и выиграл деньги и не могу их оставить себе потому, что играл на ее счастье. Так верите ли? Ни за что не хотела брать деньги.

Насилу настоял. А в деньгах она нуждалась гораздо больше, чем различные господа Шанхае!

Разговор перешел на другие темы. У Ф. И. спросили относительно того, является ли он французским гражданином.

— Нет, я не французский гражданин. Я только путешествую по французскому паспорту и нахожусь под покровительством французского правительства.

Когда я путешествовал по обычному эмигрантскому паспорту, то на меня различные власти косились, будто я что-нибудь украду или натворю что-нибудь. Это мне не понравилось, и я обратился к французским министрам. А ввиду того, что я являюсь не только кавалером ордена Почетного легиона, а и «коммэндером» и у меня имеются еще другие заслуги перед Францией, правительство как бы и взяло меня под свое покровительство, выдав мне французский паспорт».

Нам представляется, что, как об этом можно судить и по высказываниям самого Ф. И., отнюдь не эти постыдные события все же были главными и не они определяли лицо этих последних в жизни артиста дальневосточных гастролей. Более важным, на наш взгляд, был общий восторженный настрой слушателей и зрителей шаляпинских концертов в том же Шанхае, в Японии, в Харбине. О подлинной атмосфере гастролей дают правильное представление хотя бы приведенные выше отчеты. А вот еще одно свидетельство артиста из того же интервью.

«Говоря о том, что в предстоящем сентябре исполнится 46 лет артистической деятельности знаменитого певца, он упомянул о неофициальном предложении, поступившем к нему из Москвы.

— Да,— сказал он,— только теперь начали понимать, что Шаляпин сделал в музыке. Я не пою, я даю образ! Когда я пою: «В 12 часов по ночам из гроба встает барабанщик», я пою так, чтобы люди видели этого самого барабанщика, чтобы они получили впечатление

полночи, заглушенного барабанного боя, и, наконец, призрака Наполеона.

А то ведь можно и голос громадный иметь и петь бессодержательно. Только: фа фа фа, ми ми, ля.

И Шаляпин для полноты впечатления спел эту музыкальную фразу двояко, как ее надо петь и как можно петь, передавая только музыкальные ноты.

— Возьмите мое ниппонское турне. Пою я по-русски, а ниппонцы русского не понимают. Правда, почти у каждого из них в руках книжечки с переводами, но все же это далеко не то. А вот многие из них на концертах плакали. Вообще турне по Ниппон произвело на меня поразительное впечатление. Концерты там пользовались колоссальным успехом, какого я не ожидал.

Во-вторых, я вынес удивительное, исключительное, поразительное впечатление от самого народа. В особенности меня поразила их вежливость и уважение друг к другу»...

...«Заключительный вопрос: — А каково же ваше отношение к полуофициальному предложению об юбилее в Москве?

— Да что же вам сказать? Я душевно болен тем, что я оторван от русского народа. Я самый настоящий русский. На 160 % русский, если бы можно было быть таким.

Когда я давал концерты в Харбине, я был невыразимо рад, что пою перед почти исключительно русскими, которые понимают мое каждое слово.

Но ведь «туда» ехать нельзя. Там человека могут угнать в Соловки за малейшую провинность. За то, например, что в пьяном виде он заорет что-нибудь, что будет считаться противоправительственным. А надо сознаться, что пьяным я и сам бываю. А вдруг я запою: «Боже, Царя храни»?

Это не то, что в старое время, когда мы ходили компанией навеселе в Киеве по Крещатику и я останавливался перед городовыми и многозначительно заявлял во все горло:

— «Государя Императора обожаю, а полицию нет!»

И городской ничего не мог сделать. А теперь!..

* * *

Перед своим отъездом из Харбина Ф. И. Шаляпин дал также интервью представителям японского агентства «Кокуцу», опубликованное 23 марта под заголовком «Русское спасибо Федора Ивановича.— Прощальный привет великого артиста». В нем Шаляпин заявил:

— За оказанный мне здесь столь сердечный и приветливый прием я душевно благодарен и прошу вас передать всем мое глубокое русское спасибо. Да вот беда — случилась со мной обидная незадача.

Судьбой суждено было так сложиться обстоятельствам, что моим харбинским концертам предшествовали анонсы о простуде и кашле. Климат играл на переломе от зимы к весне свои коварные шутки, и все эти дни меня мучил жесткий трахеит. А ведь кашель для певца — это самое горшее...

Это обстоятельство заставило меня провести все дни пребывания в Харбине безвыходно в отеле, наедине в своем номере с пользующимися врачами. Досадная и обидная незадача.

Думал хорошенько посмотреть Харбин, познакомиться с жизнью здесь, где мои сородичи — русские составляют столь крупный процент в населении, но смог лишь раз, да и то тайком от строгих эскулапов и пестунов своих, пройтись до берега реки, а свидания принужден был и на дому, у себя, ограничить единицами.

Что же скажешь тут про свои впечатления от Харбина, когда видеть-то его пришлось лишь из окна отеля, да с эстрады на концертах.

Разве только то, что радостно сердцу было видеть перед собою чуткую, внимательную и великодушно доброжелательную аудиторию.

Как русскому же человеку, мне особенно радостно и приятно было убедиться в том, что русские люди, из которых преимущественно состояла аудитория на моих концертах, здесь бодры, жизнерадостны и очевидно довольны. Жизнь-то здесь, видно, течет для всех в бодрых тонах и уверенных перспективах. Дай то Бог».

На вопрос: собираетесь ли посетить еще раз Ниппон — прославленный артист ответил:

— В апреле, как закончу анонсированные концерты свои в Китае, непременно собираюсь вновь посетить Ниппон, чтобы провести там знаменитый сезон цветения сакуры.

Заканчивая свою беседу, Ф. И. Шаляпин еще раз просил передать его сердечное спасибо все харбинцам, а также привет друзьям в Японии.

Администрация гастрольного турне артиста сообщила, что в дальнейшем маршруте намечены: «25 марта — концерт в Дайрене; 26 марта — отъезд из Дайрена в Тяньцзинь, куда Ф. И. Шаляпин прибывает 27 марта и сделает остановку на 4—5 дней. После концертов в Тяньцзине и Пекине Ф. И. Шаляпин проследует в Шанхай, где к нему присоединятся его супруга и дочь. 8 апреля — концерт в Шанхае. Около 10 апреля Ф. И. Шаляпин с супругой и дочерью собирается отплыть из Шанхая в Ниппон, где предполагает провести вновь сезон цветения вишни и дать ряд концертов в различных главных городах». («Заря», 23 марта).

В эти планы позднее были внесены некоторые изменения.

Приведем отрывки из статьи «После Шаляпина» в том же номере «Зари».

«Две недели во всех домах, на улицах, в кинотеатрах, клубах,— повсюду только и было слышно: — Шаляпин, Шаляпин, Шаляпин...

Русский Харбин подлинно осиротел после отъезда своего великого соотечественника. Вчера уже открылась первая страница воспоминаний о «Шаляпине в Харбине»: рассказывали, как он вернулся сильно утомленный с третьего концерта в «Модерн», как, отдохнувши, захотел поужинать с задержавшимся у артиста доктором И. Н. Витенсоном.

Лег спать Федор Иванович в два часа ночи, а в восемь утра близкие уже застали его свежим, бодрым и веселым, за стаканом кофе. Счастливая привилегия путешествовать без каких бы то ни было хлопот обеспечила Шаляпину спокойное предотъездное настроение...

Беседа с друзьями, Федор Иванович снова подчеркнул, что покидает Харбин с двояким чувством.— С одной стороны,— говорил он,— я очень растроган и даже взволнован своим посещением Харбина. Здесь меня так тепло, так сердечно встретили, что я невольно вспомнил лучшие времена далеких российских дней... С другой стороны, я чувствую печаль и сожаление, что не имел возможности в достаточной мере компенсировать радость, доставленную мне соотечественниками...

Из дальнейших слов выяснилось, что артист сетует на свою болезнь, из-за которой он, по его мнению, не дал всего, что мог, на концертах, а, главное, был физически лишен возможности ответить личной благодарностью на бесчисленные к нему приветственные обращения.

Все обращения, подношения, просьбы и т. п., полученные Шаляпиным за двухнедельное здесь пребывание, пока не поддаются учету: книги, фотографии, портреты, целые книги — для автографа; адреса, приветственные письма, «проекты», просьбы о помощи, не только материальной, но и моральной, письма с советами и о советах...

Отметим поднесение Шаляпину, накануне его отъезда, прекрасно исполненного г-жой Людикорминой его портрета (шитье гладью); автограф артиста пастельным карандашом на его портрете (масло), сделанный 20 лет назад в Париже (собственности г. Бриллиантшикова); наконец, поднесение Шаляпину адреса от Московского землячества, что его председателю П. И. Савостьянову, удалось сделать уже только в вагоне, незадолго до отхода экспресса «Азия».

Среди провожающих артиста были слушательницы с последнего концерта с цветами в руках. Эти цветы не предназначались для подношения, эти цветы были расхвачены счастливицами после пения Шаляпина на импровизированном «цветочном ковре»...

Федор Иванович, успокоившийся от «концертной лихорадки», был тепло тронут всеми этими последними знаками всеобщего поклонения. Между прочим, Шаляпин остался очень доволен помощью, которую ему оказывал здесь д-р И. Н. Витенсон. По просьбе артиста, врач будет продолжать наблюдение за его горлом, пока он не отплывет из Шанхая. Д-р И. Н. Витенсон завтра выезжает из Харбина, чтобы соединиться с Ф. И. Шаляпиным в Дайрене... («Заря», 23 марта).

Ф. И. Шаляпин уезжал сразу же на следующий день после своего третьего концерта, в воскресенье 22 марта в 9.00 часов утра. (Там же). «Отъезд великого певца в воскресенье с экспрессом «Азия»,— писала «Заря»,— был решен накануне, и русский

Харбин был о нем почти не осведомлен, так как поздний сон праздничных горожан помешал вовремя ознакомиться с газетами, но, тем не менее, ВЕСЬ ПЕРРОН перед вагонами 1 и 2 классов был занят плотной толпой явившихся проводить покидающего город ГЕНИАЛЬНОГО СООТЕЧЕСТВЕННИКА.

Около тысячи человек явились на вокзал задолго до 9 часов, чтобы занять «лучшие места» у салон-вагона, в котором должен ехать ВЕЛИКИЙ ВОЛШЕБНИК ПЕСНИ. В 8.30 приехал Г. Ф. Годзинский вместе с А. Д. Строком. Талантливый пианист был встречен толпой поклонников и поклонниц.

С обеих сторон слышатся сожаления о скорой разлуке.

Федор Иванович до отъезда на вокзал принял в «Модерне» несколько своих друзей и в 8.40 утра, вместе со своим секретарем М. Э. Кашуком, сел в лимузин, провожаемый прощальными приветствиями. Через пять минут он прибыл уже на вокзал и вышел из машины у главного входа, но тут его известили, что по распоряжению управляющего дороги г. Сахара, открыты парадные комнаты, где его ожидает администрация станции.

Ф. И. Шляпин прошел до парадного крыльца и, зайдя в зал, на минуту присел в кресло. После обмена приветствиями великий артист вышел на перрон и направился к своему вагону.

Раскланиваясь с провожающими харбинцами, встретившими Ф. И. восторженным гудом, он, по живому коридору, прошел до площадки вагона, бросая сквозь шарф, закрывающий шею и подбородок, сердечное: — Спасибо, спасибо!

Затем гениальный певец прошел в отдельное купе, снял пальто, шарф и шляпу и подошел к окну. В вагон послесили с прощальным приветом друзья Ф. И., представители прессы, знакомые Г. Ф. Годзинского.

Ровно в 9 часов «Азия» отошла от харбинского перрона. Над толпой поднялся лес колышущихся рук с платками, шляпами... Раздалось «ура».

Федор Иванович раскланивался из окна. Прощальный привет руки. Шляпин уехал.» (Там же).

25 марта Шляпин дал концерт в Дайрене и в тот же день принял в «Ямото-отеле» дайренского корреспондента «Зари».

«Незабываемые дни!» — вспоминал артист. Свои впечатления о Харбине он выразил в следующих словах:

«Все, что бы ни кончилось на дороге человеческой жизни, всегда вызывает чувство печали.

Так и сейчас я понимаю и чувствую, что многие милые харбинцы — слушатели моих концертов, так восторженно меня баловавшие своими приветствиями — испытывают как бы некоторую пустоту. Чувство пустоты испытываю и я!

Несмотря на бедствие, которое напало на меня в виде болезни и которое не дало мне возможности посмеяться, послушать, что говорят приятели, рассказать самому им что-нибудь, я все-таки провел 15 прекрасных, незабываемых дней в Харбине.

Все прошедшее, чем дальше оно будет отдаляться, тем глубже будет укладываться в сердце. И это отдаление прошлого дает мне некоторый покой, потому что в воспоминаниях моих харбинские концерты будут для меня такими же значительными, как мои выступления в Мариинском театре Петербурга или в Большом театре Москвы.

Имею ли я намерения вновь приехать в Харбин?.. Нельзя загадывать о будущем. Но если мне случится быть снова на Дальнем Востоке, то, конечно, пожать руку харбинцам будет одним из первых моих желаний!

На последнем концерте милые харбинки устроили мне, без преувеличения скажу, «райский праздник». К моему неожиданному удивлению, они разбросали по всей сцене цветы, и я чувствовал себя разгуливающим по этим цветам, как какое-то мифическое существо, совершающее прогулку по «млечному пути», — пусть извинят меня за шутку!

Передайте еще раз спасибо этим милым существам с горящими глазами и полураскрытыми от волнения устами. Всем посетившим мои концерты харбинцам — горячее спасибо!

Как здоровье? Вот сегодня я чувствую себя, слава Богу, уже хорошо. Мой проклятый, похожий на ослиный коклюш, кашель приходит к концу.

Передайте также всем работникам издательства «Заря» мою глубокую признательность за их простое и теплое внимание — это тоже забываемо! — Н. А.»

Ф. И. Шляпину в Дайрене была преподнесена драгоценная японская ваза от

президента ЮМЖД И. Мацуоки. 26 марта он выехал на пароходе «Чохэй-мару» в Тяньцзинь.

Предстояли концерты здесь и в Пекине (Бэйпине), где артиста встретила его супруга М. В. и дочь Дасия. Они вместе осматривали исторические достопримечательности города: Храм Неба, храм «Юнинсы», парк Бэйхай и другие. Русская колония города поднесла Шаляпину памятный художественный адрес (Летопись..., с. 337).

Затем снова Шанхай... Здесь, до своего отъезда в Японию Шаляпин встречается в отеле «Катэй» с Александром Николаевичем Вертинским (Вертинский А. Четверть века без родины.— «Москва», 1962, № 5, с. 215-218).

Последующие известия о Ф. И. Шаляпине поступили в Харбин 16 апреля: Ф. И. не будет давать концертов в Японии и до октября будет отдыхать («Заря», 16 апреля). Сообщалось также, что 25 апреля Шаляпин был на Русском балу в Кобе и благодарил дам-устроительниц за доставленное удовольствие. Отдых артиста продолжался однако недолго. Федор Иванович с 10 мая возобновил концертную деятельность в столице и других городах Японии. Вероятно, именно в это время ему была поднесена в Японии тяжелая золотая медаль с голубой эмалью и надписью на японском языке на правой стороне. На левой было по-английски выгравировано: «Мистеру Шаляпину от печати Ниппон» («Заря», 15 июля).

Газета сообщала также, что из Японии Ф. И. Шаляпин отправится в Америку, где хочет повидать своих сыновей. Отсюда он отбудет в Европу. М. В. и Дасия Шаляпины уже покинули Японию и встретят Ф. И. в США. (Там же).

14 мая на пароходе «Асама-мару» Ф. И. Шаляпин отбыл в Сан-Франциско (США). Дальневосточное турне артиста было завершено.

Таковы основные факты и комментарии последних в жизни великого певца Земли Русской крупных гастролей по зарубежному Дальнему Востоку. Эта гастрольная поездка, не такая уж продолжительная по времени, но состоявшаяся за два года до смерти Ф. И. Шаляпина (12 апреля 1938 г.), безусловно, обогатила последние годы жизни замечательного артиста яркими впечатлениями об Японии и Китае. Она подарила ему и глубочайшее удовлетворение от выступлений перед своими соотечественниками — русскими людьми за рубежом, внесла огромный вклад в дело популяризации в Японии и Китае русского искусства.

БАО ЮЭСЯ, МЭН СИНМИН

В последние годы число желающих заниматься цигун стремительно увеличивается. Те, кто приступает к занятиям, должны иметь представление о цигун и основных методических правилах. Они перечислены в ответах на вопросы, которые обычно встают перед начинающими.

1. Как правильно выбрать систему упражнений?

Выбор конкретной методики определяется характером вашего заболевания и общим состоянием здоровья. Например, при длительном заболевании, повышенном весе и пониженной энергетике организма возможен выбор упражнений в положении лежа, сидя, стоя и при ходьбе. Ослабленным людям стоит взять за основу статические упражнения, молодым и здоровым — динамические. Область тела, на которой в той или иной методике предписывается сосредоточивать преимущественное внимание, тоже не безразлична. Так, если страдающий пониженным кровяным давлением будет сосредоточиваться на верхней области дантянь¹, это может способствовать повышению давления. И наоборот, если при повышенном давлении сосредоточиваться на точке хуэйинь в промежности и точках юнцюань на сводах стоп, то давление может снизиться. Работникам умственного труда лучше сосредоточивать фокус внимания на нижней области дантянь. При нарушениях менструального цикла и задержках целесообразно сосредоточиваться на средней области дантянь и точке шаньчжун (на грудной кости).

На определенном этапе занятий от сосредоточения на одной области следует перейти к приемам «мысль следует впереди» и «мысль идет вослед ци»². Не стоит, познакомившись с опытом занятий других людей, ломать последова-

тельность овладения практикуемой вами методикой. Слепое экспериментирование не только не приведет к успеху, но и может вызвать неприятные последствия для здоровья. Необходимо выбрать определенную методику и неизменно ее придерживаться, шаг за шагом совершенствуясь в ней.

2. Как овладеть способами сосредоточения, перевода и переключения фокуса внимания?

«В цигун «погружение в состояние покоя» представляет собой специфическую форму «отдыха» для коры головного мозга и главное условие правильного выполнения упражнения. «Погружение в состояние покоя» и способы сосредоточения являются главным звеном в любой методике цигун. В ходе занятий необходимо устранить «посторонние мысли». Для этого применяются такие способы, как счет вдохов и выдохов про себя, «прислушивание к дыханию», мысленное повторение установок (сосредоточение на них), счет про себя и другие. Их задачами является «отключение» от внешних раздражителей и устранение их воздействия на кору головного мозга, что способствует сосредоточению на управлении движением «внутренней ци». Овладевая техникой сосредоточения, необходимо соблюдать следующие требования: добиваться такого состояния, когда «нечто будто присутствует и словно отсутствует», «сосредоточение есть и его нет»; «использовать мысль, а не грубую силу», «нельзя сознательно (рассудочно) сосредоточиваться», «нельзя (пытаться обойтись) без мысленного действия», сосредоточение не должно быть чрезмерным³.

Основные моменты сосредоточения: «сосредоточиваться на близком, а не на далеком»⁴, на окружающем пейзаже — предметах, а не на движущихся людях или животных. Как уже отмеча-

лось, страдающие повышенным кровяным давлением должны сосредоточиваться преимущественно на нижней части тела, пониженным — на верхней. При заболеваниях печени объект сосредоточения должен быть зеленого цвета, легких — белого, сердца — розового, почек — фиолетового, селезенки и желудка — желтого⁵. Приступая к сосредоточению, лучше сконцентрировать внимание на внешнем предмете или какой-либо установочной фразе по следующей схеме: «выбрать объект (предмет или фразу), стабилизировать объект (т. е. четко его установить), сосредоточиться на объекте, оставить объект («отключиться» от него)» и переключить фокус внимания на область даньтянь⁶. Через определенное время тренировка в сосредоточении позволит обеспечить «безмятежность сердца и спокойствие духа» (транквилизацию сознания и психики), усиление «истинной ци»⁷ и будет способствовать укреплению здоровья.

3. Как выбрать время для занятий цигун?

Согласно теории китайской традиционной медицины, потоки «ци и крови» циркулируют по системе каналов — меридианов и коллатералей. По системе 12 главных меридианов за сутки проходит полный цикл циркуляции, причем каждые два часа — «стражу» по традиционному времяисчислению — доминирует определенный меридиан, а «противоположный» ему в суточном цикле максимально ослабляет активность. Этот принцип носит название цзы у лю чжу — «сосредоточение потоков с полуночи до полудня». Если исходить из его закономерностей, то лучшее время для занятий — «стража хуан» (с трех до пяти часов утра)⁸. Древние китайские врачи считали, что «в легких сосредоточена истинная пневма всего тела», а в названную «стражу» пневма наиболее активно перемещается по меридиану легких; они не только являются тем органом, в котором происходит «обмен ци», но и поддерживают внутренний баланс в организме. Период с трех до пяти часов утра — время «зарождения» силы ян и наилучшее для стимуляции «внутренней ци», усиления «изначальной ци», принятия лечебно-профилактических мер. В частности, в «стражу хуан» целесообразно выполнять упражнения цигун для профилактики и лечения рака.

4. Почему во время занятий цигун необходимо «дыхание животом»?

Для успешных занятий цигун необходимо овладеть техникой «тонких, ровных, длительных и плавных» вдохов и выдохов. Этим условиям отвечает именно «дыхание животом» (глубокое диафрагмальное, или абдоминальное), а не грудное. Исходя из того, что мастера цигун считают главной задачей «тренировку ци даньтянь»⁹, они рекомендуют этот тип дыхания, связанный с укреплением именно этого вида ци.

5. Почему во время занятий цигун иногда возникает ощущение «затвердения» корня языка, сухости во рту и сухости губ?

В ходе занятий язык должен быть естественно расслаблен, а его кончик легко прикасаться к нёбу за альвеолами — бугорками над зубами. Некоторые упражнения предусматривают, чтобы при вдохе язык прикасался к нёбу, а на выдохе легко и свободно опускался, отрываясь от нёба. Эти действия должны выполняться естественно и мягко, без усилий. Если во время или после занятий появляется ощущение «затвердения» корня языка, это значит, что вы нарушили указанные выше условия, выполняли эти действия с чрезмерным усилием и неестественно. Такого рода отклонения исправляются путем старательного овладения основными элементами цигун. Иногда приходится прервать выполнение упражнения, вернуться в исходное положение, чтобы с самого начала сделать все правильно.

6. Что делать, если во время выполнения упражнений наблюдается обильное потоотделение?

Если во время занятий вы немного вспотели — это нормальное явление. Слишком обильное потоотделение может привести к коллапсу. Это происходит вследствие чрезмерного физического напряжения, усиленного сосредоточения, напряженного и неправильного дыхания, когда чрезмерно активизируется циркуляция ци и возбуждаются потовые железы. В таком случае лучше прервать занятия, немного походить, успокоиться, расслабиться и только после этого вновь приступить к занятиям.

7. Что противопоказано и на что следует обратить внимание во время занятий цигун?

Чтобы достичь с помощью цигун терапевтического эффекта, следует отказаться от курения, алкоголя, употребления в пищу сырых продуктов, холодных, острых и кислых блюд, умерить половую жизнь¹⁰. Перед занятиями следует ослабить ремень или пояс, посетить туалет. Для занятий выбирается тихое место, где бы вам никто не помешал.

Воздерживайтесь от занятий натощак, на полный желудок или когда вы возбуждены и взволнованы. По представлениям китайской медицины, чрезмерно бурная радость вредит сердцу, гнев — печени, беспокойность — селезенке, огорчение — легким, страх — почкам. Повышенные эмоции являются внутренним фактором патогенеза — они могут вызвать нарушения в системе каналов и, таким образом, болезни.

Во время занятий избегайте сквозняков, особенно если вы вспотели. В этом случае вовремя смените одежду. Воздерживайтесь от тренировок под прямыми солнечными лучами во избежание перегрева, по той же причине нельзя слишком укутываться. Во время «погружения в состояние покоя» старайтесь не заснуть¹¹, устранив посторонние мысли. Избегайте сосредоточения на образах, которые эмоционально значимы для вас. После занятий противопоказано садиться на холодную землю или камень. Перед завершением упражнения медленно проглотите накопившуюся во рту слюну¹².

8. Почему после занятий может болеть или кружиться голова?

Такие реакции являются следствием неправильной позы и недостаточного расслабления, чрезмерно «упорного» сосредоточения, слишком резких движений, психического напряжения, чрезмерно долгого сосредоточения на верхней части тела и т. п. Чтобы устранить головную боль или головокружение, надо сосредоточиться на точке юнцюань и выполнить упражнение «трехкратное открытие и закрытие области даньтянь», мысленно провести ци вниз и вывести «лишнюю ци» наружу через точки юнцюань на сводах стоп.

Что делать, если во время занятий вас нечаянно испугали и в результате

возникло ощущение «стеснения» в груди и икота? Это случается от резкого громкого звука, обычно у начинающих, когда мышцы напряжены и не удалось добиться естественности дыхания. Чтобы избежать таких реакций, перед тренировкой нужно мысленно подготовить себя к возможности неожиданностей. «Настраивать дыхание» на определенные характеристики следует «мыслью, а не силой», то есть задать себе определенный режим дыхания мысленно, не прибегая к физическим усилиям. Тогда при случайной помехе вы будете чувствовать себя как ни в чем не бывало. При этом постарайтесь оставить глаза закрытыми. Одновременно «опустите ци», полностью расслабьтесь, выполните «подъем и опускание ци с открытием и закрытием двух областей даньтянь» и, если контроль над ци был потерян, выполните «открытие и закрытие средней области даньтянь»¹³ от трех до девяти раз.

* * *

Материал Бао Юэся и Мэн Синмина содержит еще ряд рекомендаций более частного характера. Полностью их статья публикуется во втором номере журнала «Цигун и спорт».

Примечания переводчика

¹ Области даньтянь — «энергетические резервуары» организма.

² «Мысль следует впереди» — перевод фокуса внимания «ведет» за собой поток ци. «Мысль идет вослед ци» — фокус внимания переводится по ходу меридианального потока ци.

³ «Нечто будто присутствует и словно отсутствует» — отстраненность от осмысления словесной установки или образа, лишение их конкретности и «обязательности» при отключении от внешних объектов и внутренних переживаний. В таком состоянии словесные и образные установки начинают действовать наиболее эффективно.

«Сосредоточение есть и его нет» — уточнение предыдущей установочной формулы.

«Нельзя сознательно (рассудочно — букв. «сердцем») сосредоточиваться, «использовать мысль, а не грубую силу» — установки на «легкость» психического действия; произвольное усиление должно

стать как бы произвольным, «естественным». Вторая установка подразумевает также принцип выполнения физических действий — добиваться того, чтобы движение выполнялось «само собой», спонтанно, следуя мысленному импульсу, а не произвольному напряжению мышц.

⁴ «Сосредоточиваться на близком, а не на далеком» — при выполнении упражнений с открытыми глазами фокусировать взгляд на предмете, который находится в нескольких метрах, а не на отдаленном объекте. Этот принцип подразумевает также использование при «погружении в состояние покоя» приятного вам, успокаивающего образа.

⁵ Корреляция цветов с внутренними органами соответствует классификационной схеме «пяти элементов», которые соотнесены также с целым рядом предметов и явлений: звуками, видами пищи, эмоциями, свойствами темперамента, планетами и т. д. О применении схемы «пяти элементов» в китайской традиционной медицине см.: Фалев А. И. Классическая методология традиционной китайской чжэньцзю-терапии. М., 1991. Представления китайских врачей о влиянии цвета на психосоматическое состояние вполне соответствуют взглядам современной медицины.

⁶ Обычно под даньтянь подразумевается средняя область (4—5 см ниже пупка).

⁷ «Истинная ци» — здоровые, «чистые» субстанции организма, собственно жизненная энергия и аналог первосубстанции космоса.

⁸ Разные методики могут предполагать разное время занятий.

⁹ «Ци даньтянь» — синоним «истинной», или «изначальной ци». Принято считать, что она накапливается в средней области даньтянь.

¹⁰ Часто терапевтические методики цигун требуют временного полного отказа от половой жизни. Например, методики наиболее распространенной системы цигун-терапии — нэйянгун («упражнения внутреннего вскармливания») предписывают это на первые три месяца занятий.

¹¹ Чтобы не засыпать во время занятий, они не рекомендуются при сильном утомлении. Иначе может быстро возникнуть условный рефлекс засыпания при «погружении в состояние покоя».

¹² Обычно накопившуюся слюну проглатывают в три приема.

¹³ «Опустить ци» — мысленно провести ци из груди в среднюю область даньтянь.

«Подъем и опускание ци с открытием и закрытием двух областей даньтянь». Другое название «открытие и закрытие двух областей даньтянь». Это упражнение, а также «открытие и закрытие средней области даньтянь» описаны в брошюре: Ю Р К Е В И Ч А. Г. Уроки китайской гимнастики. — Вып. 4. — М., 1991 со ссылкой на книги на английском (Ghang Mingwu, Sun Xingyan. Chinese Qigong Therapy. — Jipan, 1985 (1987)) и китайском языках (Цао Чжунган. Практика цигун. — Харбин, 1983).

Перевод с китайского языка и примечания А. Г. Юркевича.

«До:дзо ёросику! — «Добро пожаловать!»

С. МАРКАРЬЯН,
Э. МОЛОДЯКОВА

Бережное отношение к национальным традициям и культуре присуще взаимоотношениям людей большинства восточных обществ, в том числе и японского. Несмотря на постоянный процесс заимствований и модернизаций, основы национальной культуры японцев на протяжении веков удивительно устойчивы, что прежде всего проявляется в манере поведения современных японцев. Это весьма удивляет европейцев, поскольку Япония энергично и активно включилась в процесс интернационализации, стала полноправным, ведущим членом западного мира.

Манера поведения людей формируется в процессе их общения между собой на основе национальных норм, которые включают правовую и морально-этическую системы. Для японцев более свойственно опираться не на юридические нормы, хотя в повседневной жизни они относятся к законам с величайшим уважением, а на социально-психологические. Это, вне всякого сомнения, связано с морально-этическими установками японцев, представляющими собой сплав синтоизма, буддизма, конфуцианства и до некоторой степени христианства.

В сфере социального поведения особенно глубоко сказывается влияние конфуцианства. Оно проявляется повсюду, где люди вступают в какие-либо отношения: на производстве, в семье, в общении с соседями, во время путешествий, праздников. По точному определению известного итальянского японоведа Фоско Маранини, тень Конфуция в современной Японии витает над большинством семейных дел, брачных контактов, изощренным стилем поведения при встречах друг с другом, при приеме гостей, при поднесении и получении подарков, обмене письмами и визитными карточками, а также над изысканным искусством упаковки товаров.

Этические нормы японцев базируются на пяти принципах конфуцианства: гуманности, долге, благонравии, мудрости и искренности, которые изложены в книге «Беседы и суждения» («Луньхой»), толкующей учение Конфуция. Эти принципы, или, как их еще называют, «пять постоянств», регламентируют различные уровни отношений людей — родителей и детей, хозяина и слуги, жены и мужа, братьев, друзей. При этом одним из главных принципов таких отношений, сформированных японской культурой, стали нормы *гири*. Они представляют собой определенный ритуал выполнения долга, предписаний и благодарности. Следует сказать, что ритуалы, так же, как и всевозможные обычаи, занимают чрезвычайно большое место в повседневной жизни японцев, являясь одной из социальных норм их поведения. Возможно, эта приверженность японцев к старинным обычаям и соблюдению ритуалов, связанных в частности, с приемом гостей, нанесением визитов и обменом подарками, создает тот гостеприимный образ Японии, который остается в памяти у любого посетившего эту страну.

Древним японским ритуалом взаимоотношений предписывается непременно нанесение визитов по разным поводам родственникам, друзьям, соседям, сослуживцам, как правило, стоящим выше на иерархической лестнице. Это могут быть дни рождения, похороны, переезд на новое место жительства, праздники. Такие визиты часто бывают весьма краткими, ограничиваются лишь обменом несколькими фразами у порога дома или даже сводятся к оставлению визитной карточки на специально для этого выставленном подносе. Этот обычай широко распространен, например, во время празднования Нового года, которое вообще занимает особое место в ритуале общения японцев. В это время повсюду слышатся слова поздравления, обращенные

к знакомым и незнакомым людям. Во второй половине дня первого января огромная масса людей отправляется с визитами к родственникам (с некоторыми из которых они встречаются только раз в году в этот день), к друзьям, сослуживцам и тем, кто оказал семье какие-либо услуги в прошедшем году.

По установившейся традиции младшие служащие государственных учреждений и частных компаний поздравляют вышестоящих по положению и званию работников совсем так, как это предписывалось еще кодексом «Тайхорё» (VIII в.). Статья 18 «Правила этикета» закона XVIII данного кодекса вменяла в обязанности чиновникам поздравлять вышестоящих начальников в первый день Нового года.

Церемония визитов всегда имела свои особенности, которые при всей модернизации современной жизни сохраняются и до сих пор. Согласно многовековой традиции, хозяйка дома встречает гостя в прихожей (*гэнкан*). Японская прихожая как в традиционном жилище, так и в современных квартирах, как правило, состоит из двух уровней. На нижнем входящий снимает обувь и поднимается как бы на ступеньку (достаточно высокую), где его ждет хозяйка, приготовившая пару домашних шлепанцев. Само приветствие хозяйки «*о-агаи кудасай*» (по смыслу — входите, пожалуйста, а дословно — поднимайтесь) передает эту особенность японского дома. Точно такой же прием ждет посетителя в японском ресторане (*рёрия*) и традиционной гостинице (*рёкан*).

Такое устройство прихожей в японском доме имеет не только функциональное назначение, очевидно, связанное с японским культом чистоты, но несет и психологическую нагрузку. Придя в дом, сняв уличную обувь, поднявшись на ступеньку, человек как бы отрешается от внешнего мира и полностью переходит в домашнюю обстановку, в атмосферу духовного общения с хозяевами данного дома.

Возможно, это ощущение домашней атмосферы — одна из причин устойчивой и достаточно большой популярности *рёканов*. Именно здесь культивируется традиционное японское гостеприимство. Посетителя в *рёкане* встречает хозяйка и обслуживающий персонал, провожают в комнату, готовят тут же непрелюбный

зеленый чай, помогают переодеться в кимоно, готовят японскую ванну (*офуро*), провожают туда, затем в комнате сервируют ужин, ведя доброжелательную, заинтересованную, но отнюдь не назойливую беседу с гостем. И все это — высокопрофессиональная работа гостиничного персонала, но выполняемая с таким искусством, что порождает у постояльца ощущение душевного комфорта. Недаром в наш стрессовый век *рёканы* переживают своего рода ренессанс.

Своеобразным проявлением японского гостеприимства является и чайная церемония (*тя-но ю*). Ведь она проводится ради того, чтобы встретиться с друзьями, знакомыми или оказать уважение почетному гостю. В чайной церемонии процедура строго регламентирована: от входа в сад, где расположен чайный домик, до рассаживания гостей и общения с ними хозяина. Вся она проникнута духом равенства, взаимного глубокого уважения, преодоления отчуждения, религиозных и социально-политических противоречий.

Как и нанесение визитов, с японским гостеприимством тесно связан и обычай подношения подарков и написания поздравительных открыток. И эта традиция также уходит в далекое прошлое страны. Феномен подношения подарков является одной из уникальных особенностей японской национальной культуры и отражает стремление японцев утвердить и усилить личностные связи, что, очевидно, служит отражением «пяти постоянств» конфуцианства. Ритуал дарения являет собой вещественное воплощение *гири*, выражающее долг благодарности.

Традиционно подарки преподносились два раза в год — летом во время праздника поминовения усопших и называлось *о-тюгэн* и зимой, в конце года и называлось *о-сэйбо*. Именно в это время, дважды в году, всем работникам в стране выплачивают премиальные — бонусы. Каждый японец непременно испытывает чувство благодарности к кому-то и от кого-то непременно ждет ответной благодарности в виде подарка. Долг благодарности выражается не столько в самом подарке, сколько в идее возможности совершить акт дарения. Подарок важен не сам по себе, а как символ жертвенности со стороны дарящего. Таким образом материальный предмет обретает духовное содержание.

На протяжении веков ритуал дарения служил своего рода проявлением социальных связей общества, проявлением чувства принадлежности к определенной общности людей. По мере урбанизации ослабевали и даже прерывались прежние семейные связи и обмен подарками подчас оставался единственным связующим звеном. Как это ни кажется парадоксальным, ритуал дарения является в настоящее время одним из немногих путей для среднего японца ощутить себя в определенной социальной среде.

Как и многое в традиционной культуре, ритуал подношения подарков имеет сакральный характер. В первую очередь это касается подарков, которые делаются на Новый год. Считается, что с подарком в дом войдет «дух» Нового года. В старину подарки имели скорее символический смысл и назывались *госидама* (дословно «сокровища года»). В некоторых районах страны в качестве *госидама* преподносили ритуальные *моти* (рисовые лепешки), веера, полотенца, а детям — монетки, завернутые в специальную бумагу, свернутую конвертиком. Позднее часто фигурировал просто конвертик, как символ богатства и благополучия. Часто новогодние подарки изготавливались собственноручно.

Со временем новогодние подарки приобрели функциональное назначение. На Новый год стали дарить комплект мыла, консервы, бутылку масла, печенье, конфеты, набор кухонной утвари, носовые платки, постельное белье. В последние годы практицизм в условиях потребительского бума стал преобладать, и даже вещи и предметы обихода стали заменяться подарочными чеками, на которые можно приобрести подарок по своему вкусу. В этом случае обмен подарками теряет свой традиционный смысл как проявление именно личностных отношений.

Даже тогда, когда подарок очень прост и недорог, он преподносится в великолепной упаковке. Декоративный бант и каллиграфические написанные имена того, кто дарит, и того, кому дарят, имеют огромное значение, ибо придает подарку торжественный вид. В самое последнее время исключительно возрос интерес к традиционной японской упаковке, которая является своеобразным видом прикладного искусства. Молодежь больше внимания уделяет даже не самому подарку, а его упаковке. Происходит

возвращение к тем временам, когда в упаковке ценилась ее оригинальность и художественность.

До сегодняшнего дня японцы бережно сохраняют искусство упаковки. Непременным ее атрибутом являются специальные виды бумаги, изготовленной ручным способом, красно-белые бумажные шнуры (*мидзухики*), а также особые праздничные подарочные наклейки (*носи*). Преобладание красного и белого цветов имеет непосредственное отношение к солярной магии, весьма почитаемой в прошлом. Примечательно, что в декоре упаковки вообще достаточно сильны символические элементы.

Например, в день девочек (3 марта) им преподносят сладости в декоративных мешочках с изображением кукол и украшенных искусственными цветами персика, символизирующими лучшие женские черты. 15 ноября, во время другого праздника, когда отмечается достижение детьми к этому времени трех, пяти и семи лет, преподносятся сладости в красно-белой упаковке продолговатой формы, на которой изображены сосна, бамбук и слива, символизирующие счастье, а также журавль и черепаха, обещающие долголетие. Во время праздника мальчиков (5 мая) им часто дарят фигурки собачек, сделанных из папье-маше. Как правило, к ним привязаны красно-белым бумажным шнуром пакетики с символическими подарками. Согласно поверью, собачки способны отгонять злых духов и сохранять здоровье детей.

Японцы любят использовать традиционные виды упаковки и для продуктов питания. Часто подарочные бутылки сакэ помещаются не в картонные коробки, как это принято в странах Запада, а в соломенную упаковку, на которой стилизованно изображен иероглиф, обозначающий рис. Во время религиозных праздников бочки сакэ в таком виде приносят в храмы, на церемонии открытия новых зданий театров, культурных центров как ритуальное подношение богам-покровителям. В основе такого подношения — традиционный долг благодарности. Особенно любимое национальное блюдо суси (рисовые колобки с морепродуктами) имеет много различных подарочных упаковок. Например, каждая порция *хамосуси* (вареный рис с ломтиками угря, положенный на бамбуковые листья) помещается в коробочку длиной до десяти сантиметров, сделанную из ствола

бамбука. На коробочке непременно наклеена *носи*. В старину в листья бамбука заворачивали сладкий рис, перевязывали соломенной веревочкой и получался талисман на счастье — *тимаки*. Такие *тимаки* разбрасывали во время шествия колесниц на празднике Гион в Киото (июль месяц). Сейчас вместо риса заворачивают пучки соломы.

Для японца выбор подарка и упаковки для него — это особый ритуал. Для его культивирования сейчас существует своего рода подарочно-упаковочная отрасль промышленности. Практически во всех магазинах есть специальные отделы, где выставлены образцы красочных упаковок. Поскольку в Японии принято преподносить подарок не только при личной встрече, но и с посылными из магазина, то дарящему остается только выбрать подарок и упаковку и заполнить соответствующую квитанцию.

Подарки в Японии делают по всякому поводу: в праздничные дни, в дни рождения, как сувениры из путешествий, и пр. Примечательно, что ни один японец не вернется из путешествия, даже очень непродолжительного, без сувениров родным и знакомым. Эта привычка воспитывается еще в школьные годы, когда путешествия по историческим и памятным местам своей страны входят в программу обучения. Исстари существует традиция торговли сувенирами около храмов, дворцов и других архитектурных памятников. В настоящее время в крупных городах торговые пассажи с сувенирами, особенно для молодежи, тянутся на километры.

Среди сувениров много предметов, связанных с историей и религией страны, а также с традиционными народными промыслами того или иного района. Например, практически каждый, кто посещает префектуру Аомори на севере острова Хонсю, непременно привозит с собой *явата-ума* — деревянную стилизованную лошадку. Она символизирует доблесть воинов-монахов, которые устраивали соревнования всадников в стрельбе из лука около храма Явата, посвященного богу войны Хатиман. Из префектуры Мияги лучшим сувениром считается *кокэси* — деревянная куклолка цилиндрической или прямоугольной формы, без рук и ног, как правило, разрисованная. Из Токио неизменным сувениром в 50—70-е годы было изображение токийской телебашни или какой-нибудь

памятный подарок, купленный в многочисленных магазинах, расположенных в районе башни. Теперь же нельзя не привезти из столицы что-нибудь на память из Диснейленда. Около 30 % пассажиров, уезжающих из Токио, увозит с собой такие сувениры для своих друзей и знакомых.

Японский обычай подношения подарков органически соединился с западноевропейскими христианскими традициями поздравлений и обмена подарками, например, на Рождество или в день святого Валентина (14 февраля, когда женщины дарят подарки мужчинам). Это произошло не только потому, что японцы не захотели отстать от своих западных соседей, но главным образом потому, что ритуал празднования Рождества вполне вписывался в морально-этическую конфуцианскую концепцию. Японцам были близки поздравления, обмен визитами и подарками, письмами и открытками, пожеланиями всего наилучшего, общение с родственниками и другие атрибуты этого праздника. А сам Дед Мороз был весьма похож на добрых, веселых японских богов.

Поскольку обмен подарками составляет часть японского образа жизни, то существует определенный ритуал подношения и принятия их. Как уже упоминалось, обмениваются, как правило, чем-то материальным, поэтому то, что преподносится, возвращается дарителю примерно в том же эквиваленте. Вручение подарка, а также прием гостей сопровождаются поклонами и бесчисленным количеством церемонных приветствий, которые не имеют особого значения, а служат лишь данью традиции. Примечательно, что в Японии принято не только угощать гостей, но и дарить им подарки, как бы в благодарность за то, что они пришли в гости. Это бывают мелкие сувениры или даже что-то из оставшегося угощения. Точно так же все, что принимал участие в свадебной церемонии и, естественно, принес подарок, не вернется домой без ответного подарка.

Система разнообразных личностных связей, в основе которой лежат этические нормы конфуцианства, пожалуй, наиболее зримо проявляется в миллионах рассылаемых новогодних открыток (*нэнгадзэ*). На них обычно изображен символ наступающего года — один из двенадцати знаков восточного зодиака. Кро-

ме того, сюжетами новогодних открыток бывают храмы, замки и другие исторические достопримечательности, зимние и весенние пейзажи. Есть открытки, декорированные елочками, японскими куколками и другими игрушками, а также в последние годы стали очень популярными музыкальные открытки. Можно сказать, что это уже не только произведение полиграфии, но и прикладного искусства.

В Японии существует давняя традиция создания новогодних открыток в технике гравюры, так называемые гравюры малых форм. Это, например, карточки *суримоно* (буквально «что-то нарисованное»). *Суримоно* создаются также по поводу свадеб, юбилеев и других торжеств. Отпечатаны они обычно на плотной хорошей бумаге, присыпаны перламутровым, золотым и серебряным порошком. В этом жанре работали известные японские графики XVIII—XIX вв. Сунман, Хокусай, Хоккэи и др. И в наши дни известны профессиональные мастера гравюры Сайто, Китаога, Уэно плодотворно работают над созданием новогодних открыток. Поздравления на *суримоно* посылаются в специальных конвертах. В выставках-конкурсах новогодних открыток, которые проводятся в конце года, наряду с профессионалами принимают участие художники-любители и дети. Создание новогодних открыток — один из любимых видов детского творчества.

Цена открыток варьируется в зависимости от качества бумаги и дизайна. Однако многие японцы, большей частью пожилые, более приверженные традициям, по-прежнему отдают предпочтение открыткам, сделанным своими руками.

Хотя на большинстве открыток в настоящее время поздравительный текст отпечатан типографским способом, одно-

временно с поздравлениями к Рождеству многие из японцев дополнительно пишут собственные поздравительные слова на старый манер — кисточкой и тушью. Это служит знаком особого уважения тому, кому предназначено послание. Праздничные поздравления пишут близким, родственникам, друзьям и знакомым, а также тем, с кем отправитель связан по службе. Не получить новогоднее поздравление от знакомого расценивается как глубокая обида. В то же время японцы никогда не пошлют поздравительную открытку человеку, который в прошедшем году потерял кого-то из близких. Это своего рода выражение соболезнования.

Используя давнюю традицию рассылки новогодних поздравлений, министерство связи стало проводить с начала 50-х годов лотереи с новогодними открытками. Каждая из них имеет свой номер. В середине января публикуются таблицы с выигрышными номерами. В качестве главных премий в 50-е годы выдавалась шерстяная одежда и детские перчатки, в 60-е — швейные машины и велосипеды, а в 80-е — электропечи и фотокамеры.

И, конечно, облик гостеприимной Японии будет неполным, если не упомянуть о бесчисленных поклонах, которыми обмениваются жители этой страны. Причем поклон для японца — это не только ритуальный жест, это признание своего места в обществе и в конечном счете — следование конфуцианской этике.

Традиции обмена визитами, подарками, поздравительными открытками, визитными карточками отражают приверженность японцев к сохранению и укреплению личностных связей, ощущению причастности к группе, коллективу, обществу. Возможно, такое мировосприятие помогает консолидации общества, что содействует процветанию страны.

Китайские анекдоты и притчи

А. ВОСКРЕСЕНСКИЙ

Существует мнение, что китайцы обделены чувством юмора, но народ, лишенный смеха и шуток, трудно себе представить. Любой, побывавший в Китае, согласится с этим. Другое дело, что китайский юмор специфичен, поскольку он взращен на самобытной культурной традиции, кое-кому до сих пор непонятной, а точнее говоря, непонятой, поскольку она принадлежит отличной от западной цивилизации и отражает наиболее ярко этнопсихологические особенности народа, а значит, специфику национально-го характера. Приблизившись к пониманию этого пласта китайской культуры, мы, возможно, осознаем то, что ее отличает, а значит, отличает и нас, и, взглянув под углом зрения этих отличий, поймем, что нас объединяет. Мысль довольно банальная: такие разные наши народы сближает и, пожалуй, быстрее всего именно юмор.

Китайский анекдот — не совсем то, что принято называть анекдотом сегодня. Он, скорее, более близок байке, баутке, побасенке, в то же время впитал дидактичность и рафинированность философских афоризмов и, конечно же, в значительной степени, их лаконичность. К тому же и самого слова «анекдот» в китайском языке нет — это или народная шутка (миньцзянь сяохуа), забавный случай (миньцзянь цюйши), или комический рассказ (хуацзи гуши). Однако мы остановились все же на слове «анекдот», имея в виду, что представленные ниже юмористические миниатюры при всех их особенностях все же являются короткими по содержанию и сжатыми в изложении прозаическими произведениями народного творчества (фольклор городского ученого сословия тоже ведь своего рода народное творчество) о заме-

чательном, забавном или небывалом случае.

Первые аналоги анекдотов, зафиксированные в письменной традиции (в необычайно ранней письменной фиксации специфика китайского фольклора), по-видимому, можно с успехом искать в памятниках доцинских философов VI—III вв. до н. э. Тогда юмор был одним из приемов риторического искусства. Подобная тенденция характерна и для несколько более поздней греко-римской традиции. Так, скажем, у Конфуция, который, кстати, умер раньше, чем родился Сократ, а также у его последователя Мэн-цзы, юмористические приемы использовались для иллюстрации философской концепции, были своеобразной формой доказательства того или иного силогизма, словом, одним из немаловажных способов аргументации. Соперники конфуцианской школы Чжуан-цзы, Ле-цзы, Ханьфэй-цзы и другие также активно использовали этот прием в полемике со своими оппонентами. Парадоксальность построений этих философов определила специфику их юмора — это прежде всего игра ума, где смех лишь усиливает удар в поединке интеллектов. Здесь берет начало двойственность характера китайского анекдота — высокий юмор рафинированного интеллектуала противопоставлен народной смеховой культуре, которую официальное общество уже тогда считало низкой и вульгарной. А потому включение великим китайским историком Сыма Цянем (родился в 135 или 145 г. до н. э.) «Жизнеописаний комиков (или шутов)» («Хуацзи лечжуань») в свои «Исторические записки» («Шицзи») выглядит как нарочитое нарушение норм официальной этики того времени. Сыма Цянь считал комиков до-

стойными упоминания в своем официальном историографическом труде, правда, сознавая, что бросает тем самым вызов обществу. Аналогичное прогнотовставление высокого и низкого начала в юморе проследживается и в западной традиции еще со времен Аристотеля.

В «Жизнеописаниях комиков» Сыма Цянь привел и некоторые шутки того времени, вроде юмористических парадоксов Дунфан Шо (правда, с современной точки зрения они скорее не юмористического, а дидактического толка). В прозрениях юрдивых комиков-хуици, выраженных в юмористической форме и впитавших народную смеховую культуру, было нередко гораздо больше трезвой правды о нравах двора, ошибках внутренней и внешней политики, пороках монархов, чем в патетичных обличениях правдолюбцев-чиновников, согласных на опалу или даже на смерть, лишь бы донести свои иллюзии о праведном правлении до государя. Нередко поэтому шуты становились если не советниками, то хотя бы советчиками императоров, а их шутки-прозрения — известными всей стране. Подобное было свойственно и западноевропейской культуре более позднего времени — вспомним хотя бы Шико, ставшего бессмертным благодаря Дюма.

Знаменитый китайский писатель Лу Синь (1881—1936) как-то в запальчивости сказал, что в истории Китая нет ничего смешного, а значит, и не над чем смеяться. В то же время вряд ли кто будет спорить, что все его произведения, как и многие другие, более ранние и более поздние произведения китайской литературы повествовательных жанров, пронизаны особым юмором. И хотя это не юмор ради юмора — иногда он саркастический, злой, иногда просто черный, иногда скорее сатира, но писатель все же усмехается, правда, как бы внутри себя, часто оставаясь внешне вполне серьезным.

В своем «Кратком очерке истории китайской повествовательной литературы» («Чжунго сяошо шилюэ») Лу Синь, пожалуй, первый из современных исследователей-литературоведов, проанализировал истоки китайского юмора, первые антологии китайских анекдотов. Самая известная из них «Лес шуток» («Сяо линь»), компиляция II в. н. э., хотя и сохранилась в отдельных отрывках, но все же позволяет получить представление о

характере всего сборника. Известны и более поздние антологии: времен династии Сун (960—1279), хотя в них зафиксированы шутки еще со времен династий Поздняя Хань (25—220) и Суй (581—618). Одним из известных собирателей шуток да и автором многих юмористических парадоксов был китайский поэт Су Дунпо (Су Ши) (1037—1101). Сборники анекдотов издавались и во времена династий Юань (1271—1368), Мин (1368—1644) (только при Минах собрано не менее десяти крупных коллекций анекдотов) и Цин (1644—1911). Активно собирались, издавались и переиздавались сборники шуток и анекдотов в последующее время.

Китайский юмор по-китайски «прагматичен». Это не юмор ради юмора, ради развлечения, он непременно с дидактическим, морализаторским оттенком. Наверное, поэтому слово юмор (юмо) в современном китайском языке заимствовано из западной культуры, принесено к его черту, которая, конечно же, существовала в народной среде, но, по-видимому, практически не фиксировалась официальной письменной традицией.

Герой китайских анекдотов скорее антигерой, его шутки специфичны, но эта специфика имеет и весьма универсальный смысл, поскольку придерживается популистских тенденций, весьма четкой антиавторитарной направленности. Содержание анекдотов и шуток довольно широко и глубоко, они затрагивают все сферы жизни. Герои их едко иронизируют над вечными пороками рода человеческого: ленью, глупостью, корыстолюбием, алчностью, властолюбием, тягой к славе, над различными предрассудками... И смех над своими слабостями и промахами, как и над пороками власти предрержащей, вызывает духовное раскрепощение, быть может, катарсис, и люди прозревают и начинают понимать, где истинное добро, а где зло, по-иному реагируют на жизненные горести и радости. Не случайно в Китае простолюдины нередко говорят, что народный юмор подобен сильнодействующему лекарству, либо сравнивают его с перченой приправой.

В среде литературоведов и сейчас продолжается нескончаемая дискуссия: как возникают анекдоты — в народной среде как непосредственная реакция на изменение социума или в среде рафинированной интеллигенции, которая в

Китае веками генерировала обличительные тенденции, направленные против правящих недоумков и корыстолюбцев. И все же истина, наверно, где-то посередине. Хотя китайские шутки и анекдоты — скорее результат обобщения комического на протяжении веков с четкими элементами заимствований у предшественников, тенденций к добавлению повествовательных деталей при письменной фиксации, чем искрометный фонтан спонтанных шуток, свойственный западной культуре. Китайские анекдоты, как, пожалуй, никакое другое произведение мировой литературы, — «палимпсест», в бодлеровском метафорическом понимании «необъятного и многосложного палимпсеста памяти» и потому они так трудны для понимания и перевода. Китайская культура, в которой и событие тысячелетней давности, и день вчерашний равносвязаны и равноправны, сделала исторический анекдот реальностью сегодняшнего дня. Вечные темы шуток далекого прошлого воспринимаются в сегодняшнем Китае как вполне современные, и опасность преследования, скажем, за политический анекдот, в таком случае вполне теряет свой смысл. Мы же, практически, не имеем анекдотов далекого прошлого, которые бы с успехом рассказывались сегодня.

Сказанное выше определило принципы отбора нами китайских анекдотов для перевода. Прежде всего мы отдавали предпочтение анекдотам, которые в той или иной форме существуют в сегодняшней устной традиции, даже если они, в принципе, являются образцом исторического анекдота, либо юмора ученого сословия прошлого. Тексты представленных анекдотов в определенной степени обработаны таким образом, чтобы приблизить их к устному варианту, либо зафиксированному в литературе, либо непосредственно услышанному нами в Китае. Взяты они из разных изданий, прежде всего из сборников «Избранные анекдоты» («Сяохуа сюань») (Ред.-сост. Ли Линь, Шоу Чжэнь.— Пекин, 1981), «300 народных анекдотов» («Миньцзянь сяохуа саньбайти») (Ред. Чжун Цзюнь.— Шанхай, 1982), «Шутки» («Сяохуа») (Ред.-сост. Хэ Чжо.— Пекин, 1983).

Один человек превыше всего ценил спокойствие и тишину. К несчастью,

жилище его находилось между мастерскими медника и слесаря, которые денно и нощно стучали, колотили, сверлили, чем доставляли ему невыразимые мучения. Нередко он говаривал:

— Если бы оба моих соседа переехали куда-нибудь подальше, то уж я бы угостил их на славу.

И вот однажды оба мастера пришли к нему и сообщили, что собираются переезжать. Дело только за исполнением обещания об угощении. Их сосед был страшно доволен и устроил по этому поводу роскошный стол. За трапезой он поинтересовался, куда переезжают его соседи.

— Он в мой дом, а я в его, — ответил, кивая на другого, один из мастеров.

* * *

Жила некогда одна женщина. Была она чрезвычайно ленива, а потому во всех делах полностью полагалась на своего мужа. Однажды стал собираться муж в дальнюю поездку. Зная, что будет отсутствовать пять-шесть дней, а жена за это время и пальцем не пошевелит, чтобы приготовить себе поесть и, глядишь, умрет с голоду, он приготовил огромную лепешку, привязал жене на шею и со спокойным сердцем отправился в дорогу.

Через неделю муж вернулся домой и обнаружил, что жена умерла от голода. Глянул он, а лепешка на ее шее почти нетронута, объедена только там, где женщина могла достать до нее ртом.

* * *

Жил некогда старик, был он очень набожный. В доме у него всегда стояло несколько изваяний бодисатв*. Однажды наварил старик мяса и отправился по делам, а перед уходом сказал сыну:

— Мясо уже почти сварилось, как будет совсем готово, поставь его бодисатвам!

После ухода отца сын съел все мясо, а потом взял палку и разбил половину фигур бодисатв. Когда старик вернулся, он, понятно, страшно рассердился и принялся кричать:

— Кто разбил моих бодисатв?

— Ты знаешь, как только мясо сварилось, бодисатвы затеяли свару и подрались из-за мяса. Видишь, некоторым пришлось совсем плохо, — ответил сын.

* Будд. божество, святой, здесь — дух-покровитель данной местности.

Старик просто обалдел от такой наглости:

— Что ты ерунду мелешь, бодисатвы же глиняные, как же они могли подраться из-за мяса?

А сын в ответ:

— Если они не могут подраться, то не могут и есть. Кому же пришло в голову ставить им угощение?

* * *

Муж умер, жена стоит над гробом, оплакивает мужа и обмахивает его веером. Сосед спрашивает, зачем она это делает. Жена отвечает:

— Покойный перед смертью наказывал мне, чтобы я не выходила замуж, пока его труп не остынет.

* * *

Муж возвратился домой, когда от жены еще не успел уйти любовник. Не зная, куда спрятать любовника, жена, не долго думая, посадила его в мешок из-под крупы. Муж вошел в комнату, увидел мешок и спросил, что это такое. Растерявшаяся жена не знала, что ответить, как вдруг из мешка послышалось:

— Крупа!

* * *

Один малоискусный игрок на цине* вышел как-то на улицу и стал наигрывать мелодию. Однако он так фальшивил, что все слушатели разбежались, остался только один. Благодарный «музыкант» сказал:

— Только вы и есть истинный ценитель музыки!

Кто мог подумать, что «ценитель» ответит:

— Стул, на который ты сел,— мой, иначе разве бы я остался до конца твоего представления?

* * *

Один человек так хотел жить со всеми в мире, что избегал любых ссор, любых противоречий и был чрезвычайно осторожен в выражениях, за что прозвали его «господин Миролюбец».

Однажды поссорились Чжан-третий с Ли-четвертым. Сначала пришел к «Миролюбцу» Чжан-третий, рассказал о ссоре и стал просить рассудить их. Выслушал его «господин Миролюбец» и вынес свое заключение:

— Ли-четвертый не прав.

На следующий день пришел к нему Ли-четвертый и рассказал о ссоре.

— Чжан-третий не прав,— заключил «господин Миролюбец».

В конце концов они одновременно пришли к нему.

— Вы оба правы,— сказал им после долгих раздумий «господин Миролюбец».

— Кто же тогда не прав? — спросила его жена.

— Да все правы, и ты тоже,— изрек «Миролюбец».

* * *

Жена проводила время с любовником, как вдруг возвратился муж. Любовник выпрыгнул в окно, но муж успел сорвать с его ноги башмак. Осыпая жену бранью, он положил башмак себе под подушку и прибавил:

— Ну погоди, такая-сякая. Завтра, как рассветет, я рассмотрю, чей это башмак, и уж задам вам обоим.

Ночью жена подменила башмак любовника на башмак мужа. Поутру муж схватился за башмак — глядь, а это его собственный. С раскаянием муж сказал:

— Прости, дорогая, ведь это я сам вчера выпрыгнул из окна.

* * *

Одну девицу выдали замуж в другую деревню. Когда она после свадьбы вернулась навестить родных, мать спросила, такие же в другой деревне обычаи или нет.

— Все то же самое,— ответила дочь.— вот только у нас подушку кладут под голову, а у них под поясницу.

* * *

Некий глупец решил открыть портняжную мастерскую. Однажды пришел к нему клиент и заказал стеганный халат. При этом он пожелал, чтобы у халата были рукава такие же широкие, как стропила у дома портного.

Отрезал портной материал и приказал подмастерью шить рукава по предложенному образцу, а сам пошел стегать халат. К вечеру подмастерье закончил рукава, но поскольку шил «по образцу» прямо на стропилах, то снять их уже не мог. Решил он попросить совета у мастера. Кто знал, что мастер, отправившись стегать халат, застегал себя вовнутрь. Услышал он, что подмастерье просит помощи, и кричит ему в ответ:

— Глупец, как можно шить рукава на стропилах, вот если бы я не застегал себя внутрь халата, то уж непре-

* Семиструнный цинковый музыкальный инструмент.

менно всыпал бы тебе по первое число.

Некий человек очень переживал по поводу того, что его сын нерадив в учении. Чтобы наставить его на путь истинный, он часто рассказывал сыну истории об ученых древности, известных своим усердием и трудолюбием.

— Вот, к примеру, некий Сун Тан, — говорил он, — был чрезвычайно беден, и не было у него денег даже на покупку масла для лампы, а потому он читал книги при свете отблесков луны на снегу и в конце концов стал знаменитым ученым. Ты, сын, должен брать с него пример!

Сын молча слушал и кивал головой.

Прошло несколько дней, отец снова заглянул в комнату к сыну и увидел, что тот сидит, вперившись в окно, и ничего не делает. Отец рассердился и закричал:

— Ты снова сидишь без дела?

— Да вот, жду снега, — ответил сын.

Некий человек был чрезвычайно суеверен — каждый свой шаг сверял по гороскопу и гадательной книге. Однажды обнаружил он, что стена его дома вот-вот обвалится. Прежде, чем затеять починку стены, он, как обычно, решил свериться с гороскопом. Однако гороскоп рекомендовал избегать строительных работ, поэтому он решил обождать. Через два дня стена рухнула и придавила хозяина. Стал он звать сына на помощь, но кто бы мог подумать, что его сын вырастет таким же суеверным, как отец. Увидев, что отца придавило стеной, он тут же бросился к книге с гороскопом, стал ее листать. «Три дня не вести строительных работ», — прочитал он и сказал отцу:

— Батюшка, гороскоп говорит, что в течение трех дней нужно воздерживаться от строительных работ. Подожди немного, через три дня я тебя спасу.

Один врач любил хвастаться своим искусством. Он частенько говорил:

— Я могу вылечить даже горбуна... из сотни больных мне удавалось излечить девяносто девять.

Услышал это один горбун и решил прийти к нему лечиться. Врач получил деньги, велел больному лечь на пол, потом вскочил к нему на спину и стал мять горб ногами. Больной не выдержал

страшной боли и закричал:

— Ой, да этак я просто отдам концы!

— Я взялся выправить твой горб, а умрешь ты или нет — это не мое дело, — услышал он ответ лекаря.

Охотник, увидев в небе пролетающих диких гусей, наложил стрелу, натянул лук, прицелился и сказал:

— Если попаду в гуся, тут же сварю его и съем.

Кто мог знать, что у младшего брата охотника было другое мнение:

— Если гусь попал в силок, то его можно варить, а вот подстреленного гуся надо обязательно запекать на огне.

Так они препирались друг с другом и никак не могли договориться. Тогда решили вернуться в деревню и обратиться за советом к старейшине. Старейшина, подумав, сказал:

— А вы гуся разрубите на две части, одну сварите, а другую попробуйте запечь.

Вернулись братья обратно — гусей уж и след простыл.

Пришел раз пациент к врачу рвать зуб. Он так кричал, что все посетители, ожидавшие своей очереди, разбежались кто куда. Вырвал врач зуб и предъявил счет в десять раз больше обычного. Пациент пытался протестовать, но врач сказал:

— Ваш крик распугал всех моих сегодняшних больных, теперь ко мне долго никто не придет, поэтому я и беру с вас плату в десятикратном размере и считаю, что это еще по-божески.

Жил один неграмотный помещик. Однажды он сидел с гостями во дворике перед домом и распивал чай. В это время пришел от соседнего помещика человек с письмом, в котором сосед просил одолжить ему быка. Хозяин крутил письмо туда-сюда, но, естественно, ничего не понял. Боясь, что гости начнут смеяться над ним, он напустил на себя озабоченный вид и сказал:

— Если сосед просит, я сам к нему отправлюсь.

Слуга, который принес письмо, попытался объяснить:

— Хозяину нужен бык...

Помещик, не дав ему договорить, отрезал:

— Не важно, кто ему нужен, я все

равно к нему приеду.

* * *

Однажды невестка приготовила рис и дала главе семьи. Дед съел ложку и похвалил:

— Сегодня рис удался, очень ароматный!

Невестка не преминула заметить:

— Это я его готовила!

Дед съел вторую ложку, обнаружив в каше песок, покачал головой.

— Рис промывала младшая сестрица, — не растерялась невестка.

Дед поковырял рис палочками и бурчал:

— А чего это он пригорел?

— Огонь разводила свекровь, — тут же ответила невестка.

* * *

У некоего человека в двадцатилетнем возрасте родился сын. Прошло время, сын вырос. Исполнилось ему тридцать лет, а он не научился ничего делать — так и сидел на шее у отца. Отец, понятно, горевал, что сын вырос таким непутевым.

Однажды он решил пойти к прорицателю узнать, что его и сына ждет в будущем. Прорицатель сказал:

— Отец доживет до восьмидесяти лет, а сын только до шестидесяти двух.

Услышав это, сын очень расстроился. Отец решил его утешить:

— Не горюй сын. Тебе сейчас только тридцать, значит, осталось еще тридцать два года.

— Да меня беспокоит вовсе не это, — ответил сын. — Почему ты проживешь только до восьмидесяти, а не до восьмидесяти двух лет?

Отец подивился такому вопросу и, успокаивая его, сказал:

— Обо мне не беспокойся. Мне сейчас пятьдесят, значит, еще целых тридцать осталось.

Сын покачал головой:

— Да меня не это беспокоит. Если ты проживешь до восьмидесяти, а я до шестидесяти двух лет, кто будет меня кормить целых два года после твоей смерти?

* * *

Два приятеля болтали о том, о сем. Один сказал:

— Не верна пословица: «Когда сын уезжает за тысячу ли, мать не находит себе места; когда мать уезжает за тысячу ли, сын остается равнодушным».

Второй из приятелей поинтересовался, почему так.

— Я начинаю страдать, даже когда моя мать уходит из дома на полдня, — пояснил первый.

— Какой ты любящий сын! — отметил второй.

— Не понимаю, как можно не печалиться, когда умираешь с голоду, а покормить некому?

* * *

Жил один человек, у которого никогда не было своего мнения. Если люди говорили, что белое, он тут же повторял, что белое. Если говорили, что черное, он вторил, что черное. Поэтому его даже прозвали «Трава на стене», намекая на то, что трава на стене всегда клонится туда, куда дует ветер. Однажды вечером отправился он в гости к соседу поболтать о том, о сем, как вдруг сын соседа закричал:

— Змея, змея! Берегитесь!

«Трава на стене», как услышал, тут же стал вторить:

— Змея, змея!.. Я даже слышу ее шипение.

Тут сын соседа пригляделся, видит — змея-то, оказывается, не двигается.

— А змея-то мертвая, — поправился он.

«Трава на стене» сразу поддакнул:

— Не удивительно, что я почуял запах мертвечины.

Тут сосед принес из дома лампу, глянул, а это веревка. «Трава на стене» промолвил:

— Вот я и думал, откуда зимой появиться змея...

* * *

Хромой торговец продавал лекарства на рынке:

— Лекарства, покупайте лекарства! Чудодейственные зелья от ста болезней!

К нему подошел старик с внуком.

— От каких же болезней твои лекарства?

— Да от любых.

— А от простуды помогают?

— Помогают.

— А хромоту вылечить могут?

— Могут.

— А чего же ты сам не вылечишься от хромоты? — спросил его внук.

* * *

Император, услышав, что в стране начался голод, спросил канцлера:

— Почему люди мрут от голода?

— В этом году засуха, неурожай зерна, — разъяснил канцлер.

— Какой глупый народ. — подумав, воскликнул император. — Если зерно не уродилось, могли бы есть мясо, тогда бы и не умирали от голода.

Крестьянин пришел в город навестить свою родню. Желая угодить гостю, родственники подали самый дорогой сорт чая, а для заварки — воду из источника Сунло, славившуюся необыкновенной прозрачностью и редкостным вкусом. Крестьянин изюм всех сил нахваливал чай.

Хозяин, посчитав его знатоком, спросил:

— Уважаемый, что же тебе больше нравится — вода или чай?

— Чай горячий, вот что здорово, — ответил мужик.

Два человека, надумав разрешить спор в суде каждый в свою пользу, собрались подкупить уездного чиновника. Один приобрел большую дыню, вынул из нее сердцевину, а внутрь засунул пятьдесят серебрянных лянов, после чего преподнес дыню уездному судье. Второй же купил большую рыбу, выпотрошил ее, положил внутрь тридцать лянов, а потом зашил брюхо и тоже отнес в подарок судейскому чиновнику. Оба радовались, что дело решится в их пользу.

Получив вызов, каждый из них явился в судебное присутствие и изложил свои доводы. Иск, конечно же, выиграл первый. Второй из жалобщиков подумал, что судья, как видно, забыл о подаренной ему «рыбе», и решил напомнить о подношении.

— Господин судья, я — тот самый рыбак, который поймал рыбину.

— Хотя ты и поймал рыбину, но дыня твоего противника оказалась куда тяжелее, — послышалось в ответ.

Жил один хвостун. Однажды он сказал:

— В моих краях в одном храме стоит барабан в несколько обхватов, звук от него слышен аж на 100 ли*.

Кто-то из слушателей заметил:

— А в моих местах есть корова,

* Мера длины, около 0,5 км.

** Мера веса, около 0,5 кг.

*** Старая денежная единица, содержащая 10 цаней.

такая огромная, что голова у нее находится на южной стороне Янцзы, а хвост — на северной. Ноги — аж в десять тысяч с лишним цзиней**. Просто чудеса!

Окружающие усомнились, тогда он пояснил:

— Если бы не было такой громадной скотины, откуда бы взялась шкура, которая натянута на такой большой барабан?

Армия одного полководца терпела поражение в бою. Дела были совсем плохи, как вдруг появился воин-небожитель, который помог полководцу одержать победу. Неудачливый вояка, упав на колени, принялся бить поклоны и благодарить воина-небожителя, а потом спросил у духа его имя.

— Я — Бог стрелковых мишеней, — ответил небожитель.

— Чем же я, ничтожный, заслужил божественную помощь? — спросил генерал.

— Когда тренировал своих солдат, ты ни разу не попал в мои мишени, вот тогда я и решил тебе помочь, — ответил небожитель.

Жил некогда один жадный чиновник. Перед тем как занять очередной пост, он во всеуслышание сказал:

— Если моя правая рука потянется к деньгам, пусть Небо испепелит ее. Если потянется к деньгам моя левая рука, пусть Небо испепелит и ее.

Вскоре пришел к нему жалобщик со взяткой в несколько сот лянов*** серебра. Чиновник хочет взять ее, но не решается — помнит он о своих словах. Мялся он, мялся, а потом вдруг приказал служителю принести таз и смахнуть туда сверток с деньгами.

— Небо все видит! Если решит уничтожить, то уничтожит таз, а не руки — они совершенно ни при чем.

Ко дню рождения уездного чиновника подчиненные решили поднести ему подарок. Зная, что начальник родился в год Крысы, они сложились и преподнесли ему сделанную из золота фигурку крысы в натуральную величину. Чиновник расплылся от удовольствия.

— На днях я буду отмечать день рождения жены, — принимая подарок,

сказал он.— Не забудьте, любезные, что она родилась в год Быка.

* * *

Бедняк пригласил приятеля на ужин, но поскольку есть было особенно нечего, жена под рис положила булжжик величиной с яйцо, чтобы горшок казался полным. Когда гость съел весь рис, он увидел камень. Хозяин, не моргнув глазом, воскликнул:

— Ох уж эти бездельники-слуги, совсем обленились и не хотят работать. Когда промывали крупу, даже камень поленились вынуть.

* * *

Один пьянчужка попросился на угощение к приятелю, но, пройдя к нему в дом, увидел, что на столе стоят совсем маленькие чарки. Гость всхлипнул, а потом зарыдал в полный голос. Удивленный хозяин стал допытываться, почему гость так расстроился.

— Как увидел я эти чарки, мое сердце пронзило одно горестное воспоминание, я вспомнил кончину моего батюшки,— сказал пройдоха.— Моего родителя, а был он человек здоровый и крепкий, позвал в гости приятель, на столе у него стояли точно такие же чарки. Батюшка ненароком одну проглотил и, подавившись, умер. Как мне не плакать при виде таких же маленьких чарок!

* * *

Один помещик ужасно любил ставить людей в тупик — это доставляло ему несказанную радость. Однажды он дал слуге пустую бутылку и приказал купить вина.

— Вы не дали денег, хозяин, как же я куплю вино? — спрашивает слуга.

— Купить вино за деньги — всякий сумеет, ты купи вино без денег. Вот было бы дело!

Через какое-то время слуга вернулся и сказал, протянув помещику винную бутылку:

— Вот ваше вино, хозяин, извольте отведать.

— Так в ней и капли вина нет, а ты предлагаешь мне пить?! — воскликнул хозяин.

— Выпить вино — всякий сумеет, редкость другое — напиться без вина! — не замедлил с ответом слуга.

* * *

Скупец-помещик решил пригласить к своему сыну учителя. Чтобы не тратить лишних денег, он мечтал найти та-

кого книжника, который бы отличался умеренностью и в еде, и в питье, а лучше бы — и вовсе не ел. Кто-то из знакомых ему сказал, что есть один подходящий человек — он не ест, не пьет, а питается только южным ветром. Скупердяй, сильно обрадовавшись, подумал: вот такой учитель как раз и подходит, но на всякий случай решил посоветоваться с женой, чтобы та высказала свое мнение.

— Не подходит он нам! — отрезала женщина.— Разве можно быть таким простаком? А если подует северный ветер? Неужто мы будем его кормить?

* * *

Слуга налил гостю неполную чарку вина. Гость поднял ее, долго рассматривал, а потом изрек:

— Чарка слишком велика, надо бы ее обрезать.

Хозяин поинтересовался, почему так.

— Верхняя часть чарки — пустая, вина в ней нет. А коли так, для чего она нужна?

* * *

Один человек сидел в гостях у хозяина-обжоры. Не успел гость моргнуть глазом, обжора очистил все блюда. Гость вдруг попросил у хозяина свечу.

— Не рано ли? — спросил тот.

— Что-то на столе ничего не видно! — ответил гость.

* * *

Один хозяин потчевал гостя разбавленным вином. Гость, пригубив его, стал расхваливать блюда. Хозяин удивленно спросил, почему гость нахваливает еду, хотя даже закуски еще не подавали.

— Ясно, что блюда будут отменные, у вас ведь даже кипяченая вода походит вкусом на вино!

* * *

Один скряга-помещик куда-то отправился с сыном. Неожиданно путь им преградила бурная река, и помещику пришлось нанять лодку, чтобы переехать на другой берег. Лодку он постарался нанять самую дешевую и, конечно, углую, а потому им пришлось переправляться по очереди. Кто мог подумать, что, когда помещик окажется на середине реки, лодка вдруг перевернется и пойдет ко дну. Бурная река несла захлебывающегося помещика, а сын метался по берегу. Отца надо было спасать, и сын побежал к другому лодочнику. Лодочник

запросил один цянь*, а у сына было лишь пять фэней**. Они принялись торговаться, но так и не могли договориться. Вдруг с реки послышался крик уносимого рекой отца:

— Сын! Спасай меня только за пять фэней, за цянь не спасай!

* * *

Одного скупердяя схватил тигр и потащил в горы. Его сын взял лук и стрелы, бросился в погоню, догнал зверя, наложил стрелу, согнул лук и приготовился выстрелить, как вдруг послышался голос отца:

— Целься получше, чтобы не повредить тигру шкуры, а то никто не даст за нее и гроша!

* * *

Гость, подняв бокал и пригубив вино, вдруг разразился рыданиями. Хозяин в изумлении спросил, почему тот заплакал, едва пригубив вино.

— Я большой любитель вина, — ответил гость. — Но оно, как видно, скончалось. Иначе как могло случиться, что оно вдруг потеряло не только аромат, но и вообще винный запах.

* * *

Помещик пригласил художника и велел ему нарисовать свой портрет. Они как будто обо всем договорились, только помещик не соглашался уплатить нужную сумму денег. Художник, разозлившись, нарисовал помещика со спины. Помещик удивился:

— Художники рисуют лицо человека, а вы нарисовали спину.

Художник ответил:

— Вы хотели, чтобы нарисовали ваш портрет, но тратить денег не желаете. Как вы после этого посмотрите в лицо людям!

* * *

Уездный чиновник в одном монастыре спросил буддийского монаха, не нарушает ли он обетов, не ест ли мясного?

— Нарушаю, но немного, — ответил монах. — И только тогда, когда выпью вина.

— Так ты и вино пьешь! — возмутился чиновник.

— Немного и только тогда, когда меня навешают жена, тесть и братья жены.

— Так, значит, у тебя есть и жена. Ну, это уж никуда не годится! Ты же

монах! — ругивался чиновник. — Завтра же я непременно доложу начальнику уезда, и он лишит тебя монашеского сана.

— Прошу не трудиться понапрасну, — отвечал монах. — Вот уж три года, как меня лишили сана за преступление.

* * *

Один скряга пригласил в дом даосских монахов свершить молебен, чтобы Небо ниспослало ему долгую жизнь. Даосы стали вызывать духов Северной и Южной столицы. Хозяин спросил, почему они призывают духов из таких дальних мест.

— Местные духи слишком хорошо все знают и, конечно, ни за что не появятся.

* * *

Некогда жил один скупец. Как-то приятели сказали ему:

— Если хочешь получить тысячу лянов серебра, позволь нам прибить тебя до смерти.

— Мне достаточно пятисот лянов, прибейте меня до полусмерти, — ответил скряга.

* * *

Однажды поймали вора, укравшего быка. Надели на него колодки и выволокли на площадь на всеобщее обозрение. Случайно на площади оказался его знакомец.

— Что ты такого сделал, что тебя притащили на площадь и наказали в назидание людям?

— Ох, уж не повезло мне, так не повезло. Иду я нынче утром по улице, вижу — валяется веревка, ну, я и решил ее прибрать. Сгодится, думаю, в хозяйстве!

— Неужто за это забили в колодки и выволокли на площадь?!

— На мое несчастье, к другому концу веревки был привязан бык!

* * *

Однажды лекарь ошибочно дал больному не то лекарство, и бедняга отправился на тот свет. Лекаря окружили родственники покойного и принялись его избивать. Лекарь попытался было проскользнуть через парадный вход — ворота закрыты, ткнулся в дверь черного хода — путь и там закрыт. Глядь — лестница на верхний этаж, бросился он по лестнице вверх, а родственники покойного за ним. Выскочил лекарь на крышу — дальше пути нет. Подумал он, лучше прыгать

* Денежная единица, около 37,3 гр. серебра.

** Десятая часть цяня.

с крыши вниз, чем ждать, когда тебя забьют до смерти. И он полетел вниз. По счастью, возле дома был пруд, и лекарь не разбился, а сумел выплыть и спастись.

Прибежал он домой. Видит, его сын сидит за медицинскими трактатами. Выхватил он у сына книгу из рук и сказал:

— Науки могут подождать, сначала научись плавать.

* * *

Чжан-третий и Ли-четвертый отправились как-то по делам. Вдруг полил дождь. Ли-четвертый спрятался под зонтиком у Чжана-третьего.

— У моей жены есть чувство предвидения, — сказал Чжан-третий. — Она заранее знала, что нынче будет дождь, и велела мне взять зонт.

Ли-четвертый тут же заметил:

— А моя жена предвидит еще лучше. Когда я выходил из дома, она мне сказала: «Не бери зонт, если будет дождь, спрячься под зонтом Чжана-третьего».

* * *

Невежественный и малообразованный уездный чиновник считал себя тонким ценителем искусства и крупным художником. Одажды он нарисовал тигра и повесил картину на стене. Своими успехами он был очень доволен. В это время мимо проходил кто-то из служащих ямыня. Чиновник спросил, что нарисовано на картине. Служащий, желая угодить начальнику, солгал.

— Ах, какой великолепный рисунок! Тигр — как живой, — воскликнул он, хотя на картине был нарисован облезлый кот.

Чиновник расплылся от удовольствия и наградил служащего десятью ляннами серебра.

На следующий день другой служащий проходил мимо, и чиновник снова спросил, что нарисовано на картине. Простофиля ответил, что нарисована кошка. Чиновник разъярился, а служащий, перепугавшись, добавил:

— Господин, говорю сущую правду!

— Ах ты, мерзавец! — вскричал чиновник. — Ты осмелился тигра назвать кошкой? Значит, у тебя что-то на уме!

И он приказал дать бедняге сорок палок.

На другой день чиновник задал тот же вопрос третьему прислужнику. Помня о судьбе незадачливого предшественни-

ка, служащий, помявшись, сказал:

— Господин начальник, не осмеливаюсь ответить!

— Чего ты боишься?

— Вас, Господин!

— А чего боюсь я?

— Божества.

— А чего боится божество?

— Неба.

— А Небо чего боится?

— Небо боится облаков.

— А чего боится облака?

— Облака боятся ветра.

— А ветер боится чего?

— Ветер боится стены.

— А чего боится стена?

— Стена боится мыши.

— А мышь чего боится?

— А мышь ничего не боится, кроме картины, которая нарисована господином начальником.

* * *

Однажды Цянь У зашел в харчевню к Вану-второму перекусить и заказал три вареных яйца. Когда он спросил, сколько должен заплатить, Ван-второй принялся считать на счетах:

— Если три яйца не были бы съедены, то из них бы вылупились три цыпленка, а через год они бы превратились в куриц и принесли бы...

Считал, считал и насчитал целых два серебряных ляна. Цянь У задумался, но спорить не стал и только сказал:

— У меня при себе только двадцать медяков, я отдаю их тебе, а с остальными деньгами придется тебе обождать, денка через три расплачусь.

Прошло три дня, но Цянь У так и не пришел. Ван-второй подождал еще немного, а потом обратился в суд. Судья призвал Цянь У к ответу. День прошел, два, а Цянь У не приходит в суд. Лишь на четвертый день, запыхавшись, с огромным черпаком в руках появился он в судебном присутствии.

— Нижайше простите, глубокоуважаемый судья, — говорит Цянь У. — Никак не мог явиться раньше, занят был неотложным делом: скоро будет сея, надо хорошенько проварить зерно, а то ведь оно не прорастет.

— Что за ерунда? — заорал чиновник. — Как может вареное зерно прорасти?!

— А как же из вареных яиц может получиться курица.

Школа каратэ

(занятие пятое)

Ю. БУГАЕВ

6. Удары ногами

Базовая техника для нанесения ударов ногами

На тренировках боевого каратэ отрабатываются, в основном, нижние удары. Верхние удары хороши для упражнений на растяжку, резкость, точность попадания и т. п., но не рекомендуются для применения в уличных схватках, так как наносящий удар в случае промаха становится легко уязвимым для нападения противника.

Два основных типа боевых нижних ударов: проникающие (stamping) и подхлестывающие (snapping). Мы познакомимся с методом нанесения таких ударов. Этот базовый метод применяется во всех нижних ударах двух основных типов.

Подхлестывающие удары

Все подобные удары выполняются в ниже указанной форме. Когда на тренировке вам говорят нанести подхлестывающий удар, следуйте этим указаниям.

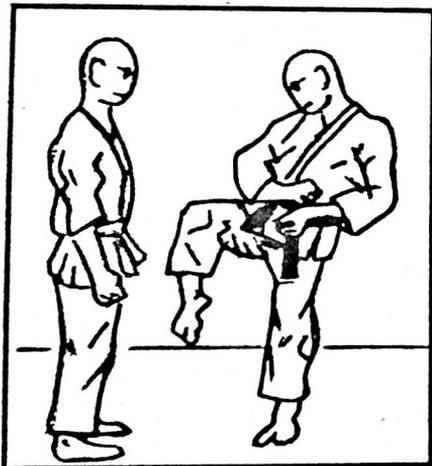

Рис. 36

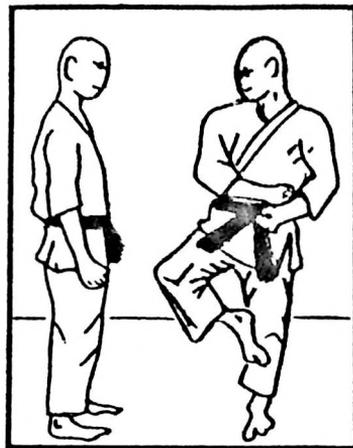

Рис. 35

Согнув бьющую ногу, подтяните ступню к колену. Это очень существенно для выполнения подхлестывающего удара: из этой позиции вы сможете выполнить удар с наибольшей резкостью и силой.

Из положения, показанного на рис. 35, наносите хлесткий резкий удар вперед и сразу же возвращаете ногу в исходное согнутое положение. Обращайте внимание, в первую очередь, на скорость и точность, что более эффективно, чем толчок сильный, но замедленный.

Эта разновидность подхлестывающего удара может быть выполнена подошвой стопы.

Проникающий (толчковый) удар отличается от подхлестывающего не только манерой исполнения, но и способом возвращения в исходное положение. Обычно после нанесения проникающего удара нападающий меняет положение тела, передвигаясь вслед за ударом.

В обоих типах ударов вы поднимаете бедро, как бы сжимая пружину энергии, заложенной в мышцах вашей ноги.

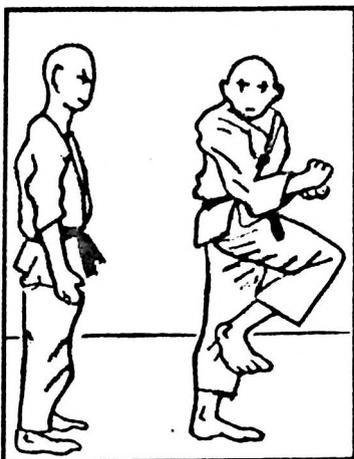

Рис. 38

Поднимаете колено высоко вверх и сильно бьете назад ступней.

Рис. 39

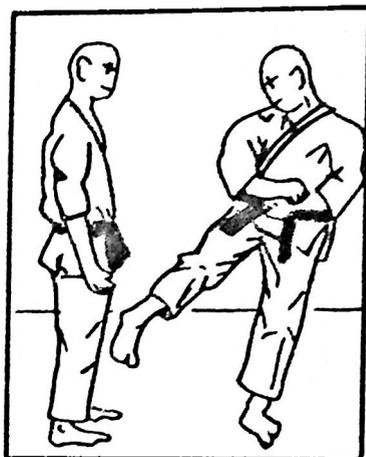
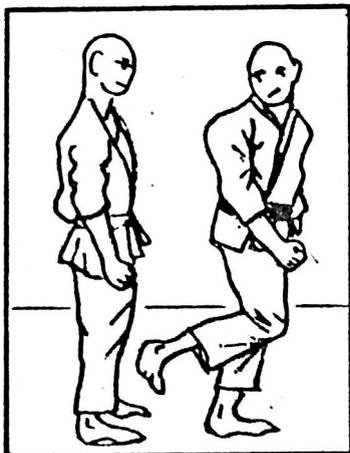

Рис. 37

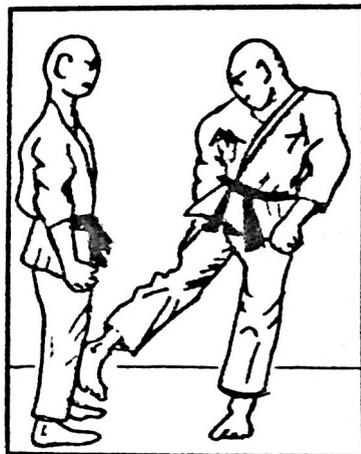

Рис. 40

Поднимаете бедро и наносите сильный удар вниз в кость голени и вниз по подъему ступни.

На рисунках специально показано выполнение ударов босыми ногами, чтобы понять правильное положение ступни в момент удара. В уличной схватке удары

наносятся чаще всего обутой ногой, что придает им дополнительную силу и защищает ногу от повреждения. Отработайте удары босой ногой по мягкой стенке, боксерскому мешку, «кукле» и т. п.

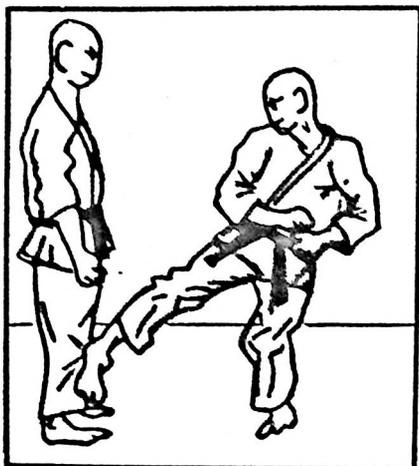

Рис. 41

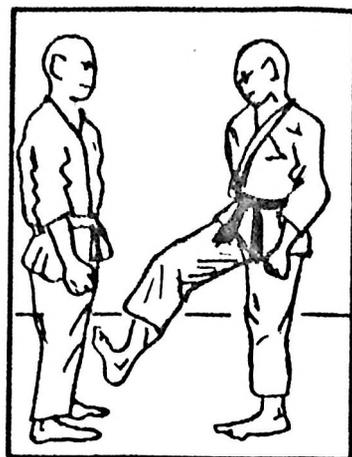

Рис. 42

Прямой удар вперед подушечками стопы.

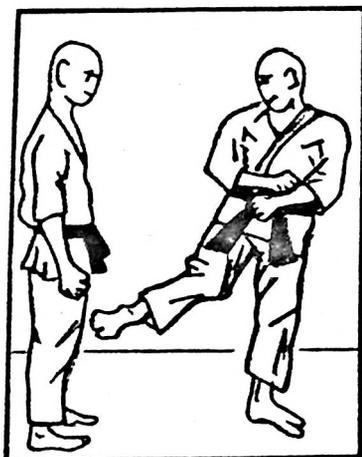

Рис. 43

Удар внешним ребром стопы.

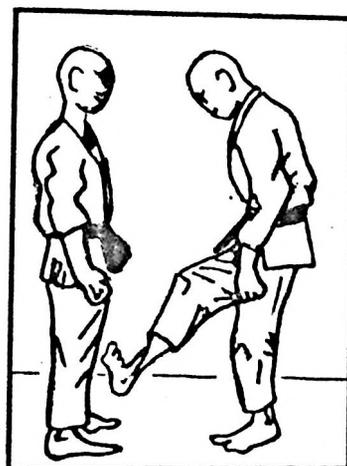

Рис. 44

Удар внутренним ребром стопы.

Словарик каратиста. Удары ногами

Рис. 45

Удар подошвой стопы назад; аналогичный может быть выполнен и вперед.

69. Фумикоми — проникающий удар
70. Киагэ — подхлестывающий удар
71. Маз-гири — удар подушечкой стопы вперед
72. Ёко-гири — удар ребром стопы
73. Усиро-гири — удар назад пяткой
74. Маваси-гири — удар ногой по дуге
75. Ура-маваси-гири — удар назад пяткой по дуге
76. Хидза-гири — удар коленом

(Продолжение см. 240 стр.)

Кристина Холмс (Christina Holmes)

Изучает советско-китайские отношения. В настоящее время изучает процесс советско-китайского сближения в период от смерти Мао Цзэдуна в 1976 году до советско-китайской встречи в верхах в мае 1989 года. Консультант Корпорации РЭНД.

Публикации:

— "The Soviet Union and China", in: *The Soviet Union in East Asia*, ed. Gerald Segal (London, Heinemann, 1983)

(Советский Союз и Китай, в кн.: Советский Союз в Восточной Азии)

— "Sino-Soviet Relations", in: *The Soviet Union After Brezhnev*, ed. Martin McCauley (London, Heinemann, 1983)

(Советско-китайские отношения, в кн.: Советский Союз после Брежнева)

Арнольд Горелик (Arnold Horelick)

Изучал политику СССР в Азии и советско-американские отношения на Дальнем Востоке. Имеет публикации по проблемам безопасности на Корейском полуострове; в настоящее время изучает в РЭНД советско-японские отношения. В 1983—1989 гг. руководил Центром по изучению СССР при РЭНД — Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе; профессор политических наук в том же университете.

Публикации:

— "Gorbachev in the 1990s", in: ed. Patrick Cronin, *Soviet Foreign Policy: Perestroika or Peredyshka?* (Center for Naval Analysis, Alexandria, Va., 1990)

(Горбачев в 1990-е годы, в кн.: Внешняя политика СССР: перестройка или передышка? — RAND Report, "Managing U. S.— Soviet Relations in the 1990s", (co-authored with Abraham Becker), 1989

(Подход к советско-американским отношениям в 1990-е годы; в соавторстве с Абрахамом Бекером.)

С. НЕВЕРОВ

У В. В. Маяковского есть строки:

А тут
на третьем этаже
сияет вывеска —
«ТЭЖЭ».

Вряд ли представители нынешнего молодого и среднего, а, возможно, и старшего поколения могут объяснить, что именно имел в виду поэт, говоря о «ТЭЖЭ». А, между тем, совсем недавно, в послевоенные годы, эта торговая марка отечественного парфюмерного объединения, как и его продукция, были широко известны и у нас в стране, и за рубежом. Сейчас нам трудно сказать также, что именно продавалось в начале века в московских лавках под вывеской «Колониальные товары».

Каждое время имеет свою довольно быстро меняющуюся систему понятий, символов и выражающих их внешних атрибутов. Очень разнятся они и в разных странах, и ориентироваться в них на улицах чужого города, куда выходит наш путешественник из своего отеля, нелегко. Есть в этом отношении своя специфика и у Японии.

Необычно для нас, например, то, что освещенный изнутри белый цилиндр с нанесенным на него спиралевидным узором из красных и синих линий, вращающийся у дверей помещения, означает, что там находится парикмахерская.

Конечно, в Японии используются и широко распространенные теперь во всем мире понятные всем пиктографические знаки — картинки: «вилка и нож» — ресторан или закусочная, «чашка» — кафе, «телефонная трубка» — телефон, «конверт и зигзаг молнии» — почта, телеграф, «самолет, направленный вверх» — вылет, «самолет, направленный вниз» — прилет, «изображение автобуса» — автобусная остановка, то же «изображение с ромбовидной дугой на крыше» — остановка трамвая. Однако некоторые пиктограммы непривычны для нас: «изображение ананаса» в аэропорту указывает место санитарного контроля растений, «голова щенка» — соответствующий зооконтроль, символическое изображение глаза, очень похожее на то, что используется в нашей телевизионной программе «Взгляд», обозначает место сбора для желающих принять участие в экскурсии. Изображение на фоне белого круга зеленого кресла с сидящим на нем человеком — это так называемое «зеленое окошечко» для предварительной продажи железнодорожных билетов с компьютером, который в течение 30 секунд выдает вам нужный билет. Изображение верблюда на фоне такого же белого круга обозначает кассу железной дороги, где продаются льготные билеты со скидкой.

Неверов Святослав Витальевич, доктор филологических наук, профессор.

Площадь перед станцией Сибуя. Здесь пересекаются и сходятся многие линии городской железной дороги, метро, маршрутов автобусов. И как в большинстве подобных мест, здесь много крупных универмагов, магазинов, отделений банков. Большинство из них имеет свою торговую марку. Клиенты привыкают к ней. Например, на фасаде здания в центре мы видим эмблему банка «Токай» — круг с тремя волнами. Над ним транспорт со стрелкой и эмблемой универмага «Токио». Стрелка и иероглифы на ней указывают как пройти к основному зданию универмага.

Как и всюду, в Японии используются силуэты мужчины и женщины (последний часто красного цвета) для обозначения соответствующего туалета, но направление к нему может быть указано еще на некотором расстоянии изображением ладони с падающими на нее каплями воды и стрелкой.

Несомненно, что в своей основной массе вывески и указатели в Японии выполнены в иероглифическом написании, что, конечно, затрудняет положение иностранца, не знающего иероглифики. Многие наши и западные архитекторы и дизайнеры единодушно высказывают мнение, что иероглифика вывесок и знаков — своего рода архитектурный элемент в японском городском ландшафте, придающий ему неповторимый красочный вид. Особенно красивы эти вывески вечером и ночью, когда иероглифы горят, сверкают, бегут, вспыхивают, гаснут и переливаются всеми цветами радуги.

Мне представляется, однако, что некоторые указатели, выполненные иероглифами, которые в своей основе и являются пиктограммами, будут понятны и не знающему иероглифики именно своей наглядностью. Просты для понимания и запоминания, например, иероглифы, означающие «вход» и «выход», «для взрослых» и «для детей». Но таких сочетаний иероглифов, конечно, немного, да и доверяться субъективному их восприятию рискованно, так как легко впасть в ошибку.

Что касается дорожных знаков и разметки дороги на автотрассах, то они выполнены в соответствии с международными стандартами, очень подробно, тщательно. Иероглифические названия районов, пунктов, направлений продублированы латинскими буквами. То же относится и к названиям станций на линиях железной дороги и метро. Здесь затруднений с ориентировкой, как правило, не возникает.

Очень трудно найти в Японии нужный адрес, так как система организации жилых

あ a	か ka	さ sa	た ta	な na	は ha	ま ma	や ya	ら ra	わ wa	
い i	き ki	し shi	ち chi	に ni	ひ hi	み mi		り ri	お o	
う u	く ku	す su	つ tsu	ぬ nu	ふ fu	む mu	ゆ yu	る ru		
え e	け ke	せ se	て te	ね ne	へ he	め me		れ re	ゑ e'	
お o	こ ko	そ so	と to	の no	ほ ho	も mo	よ yo	ろ ro	を o'	ん n

Таблица транскрипции знаков хираганы буквами латинского алфавита.

районов совершенно отлична от западной. В крупных городах, за исключением нескольких магистралей, улицы обычно не имеют наименования. Город делится на «ку» (район), «мати» (округ), «тэ:мэ» (квартал), «банги» (номер многоквартирного дома или группы домов) и «го:» (номер квартиры или индивидуального дома). Поэтому, отправляясь по какому-то незнакомому вам адресу, позаботьтесь о том, чтобы кто-то знающий нарисовал вам схему нужного района. Такие схемы часто можно увидеть на спичечных коробках, рекламирующих тот или иной ресторан, магазин, отель, фирму, на рекламных проспектах и даже на визитных карточках деловых людей.

Следует сказать, что во всех районах в многолюдных местах, у выходов из метро, на перекрестках и площадях установлены крупномасштабные карты и схемы с четким обозначением места, где вы сейчас находитесь, и с названиями «мати» и «тэ:мэ» как в иероглифическом написании, так и в транскрипции латинскими буквами. Найдя такую схему, ориентироваться в дальнейшем обычно несложно. Тем не менее, если, вы нуждаетесь в дополнительных разъяснениях, обратитесь в ближайшие лавки, табачные киоски и тому подобные заведения. Их владельцы обычно прекрасно осведомлены о всех жителях округи и охотно расскажут все, что требуется. Если в поле вашего зрения окажется постовой полицейский (*омавари-сан*) или дежурный полицейский пункт (*кобан*), смело обращайтесь, даже, если вы можете объясниться только с помощью жестов. Вас встретят в высшей степени доброжелательно и сделают все возможное, чтобы помочь вам, а иногда и сопроводят до нужного места.

Очень сердечны и внимательны жители сельской местности, но следует иметь в виду, что иногда чуть не вся деревня носит одну фамилию, и потому нужно знать точно и имя и некоторые другие данные человека, которого вы отыскиваете.

Уличные торговцы различной снедью — неотъемлемая часть японского городского андшафта. К их числу относится «исиякииомоя» продавец печеного на раскаленных камнях сладкого картофеля-батата, тянущий за собой небольшую тележку, оглашая улицу рзывом: «якиимо..., ойсий якиимо...» — «печеный сладкий картофель... вкусный картофель!..» Рядом небольшой автофургон, где, распространяя кругом аппетитный запах, поджариваются, как шашлык, на огне початки кукурузы, политые соевым соусом (*сё:ю*). Японцы, в отличие от европейцев, предпочитают печеные, а не вареные початки. Таким же образом предлагаются вам «такояки» — поджаренные на ваших глазах кусочки осьминога или «якитори» — шашлык из кусочков курицы на небольших бамбуковых шампурах, или же «исобэяки» — рисовые пирожки, завернутые в листья морской капусты.

По утрам домохозяйкам предлагаются доставляемые на багажнике велосипеда, мотоцикла, на ручной тележке или в маленьком автофургоне свежие овощи и соевый творог — «то:фу» — богатая белком необходимая составная часть пищевого рациона японцев.

Ближе к вечеру внимание прохожих привлекает аппетитный запах, исходящий от ручных тележек с «одэн». Это дешевый и любимый для всех людей даже весьма скромного достатка, горячий и потому особенно приятный вечерами в прохладное и холодное время года отвар из рыбы, морской капусты, японской редьки, *то:фу*, непременно с крутым яйцом. У тележки с *одэн* охотно останавливаются спешащие домой после работы продавцы магазинов, мелкие клерки и другой рабочий люд. Желающие могут здесь же получить чашечку саке или отличное японское пиво. Эти уличные торговцы всегда очень опрятны, в чистой одежде, посуда сияет и невольно вызывает желание отведать что-нибудь из всего этого разнообразия. Вся эта бойкая торговля очень оживляет улицы городов и придает им неповторимый колорит.

Веселая суета улицы манит нашего путешественника из отеля и вызывает желание окунуться в ее водоворот, но, чтобы не быть только сторонним наблюдателем всей этой жизни, он перед выходом на улицу должен позаботиться о том, чтобы поменять имеющиеся у него дорожные чеки Госбанка СССР или, допустим, доллары и другую валюту на японские иены, которые являются единственным платежным средством во всей розничной торговле внутри Японии.

Обмен валюты осуществляется банками, но не всеми. Некоторые провинциальные, местные и даже столичные банки этой услуги не оказывают. Справки о том, в какой ближайший банк следует обратиться, можно получить у стойки администрации отеля. Банки в Японии работают с 9 часов утра до 15 часов. В субботу и воскресенье они закрыты. Для обмена нужно заполнить короткий бланк, где, в частности, указывается номер вашего паспорта, название валюты и сумма, подлежащая обмену.

Звонкая японская монета включает монеты в 1 иену (из белого легкого металла), 5 иен (бронзовая с отверстием посередине), 10 иен (бронзовая), 50 иен (из белого металла с отверстием посередине), 100 иен и 500 иен (из белого металла). Банкноты 500, 1000, 5000 и 10 000 иен. В ноябре 1984 г. в обращение были введены новые банкноты 1000, 5000 и 10 000 иен, но старые также до сих пор находятся в обращении. Наиболее употребительны монеты в 10 и 100 иен, поскольку они широко используются в телефонах-автоматах, в автоматах по продаже билетов на метро и электропоезда, по продаже напитков, сигарет и т. д.

Задачи дальнейшей ориентации в городском пространстве и ознакомления с ним ставят на очередь знакомство с городским транспортом. Основу общественного транспорта в японских городах составляют электропоезда, которые принадлежат как муниципальным железным дорогам («тодэн» — Токио и «сидэн» — в других городах), так и частным (ситэцу), а также метро и автобус. Троллейбус существовал в довоенное время, но теперь его нет. Трамвай еще сохранился кое-где, не в самых больших городах и тоже постепенно исчезает.

Электропоезда не бывают только пригородными, как у нас. Доставляя пассажиров из пригородов, они проходят и через город по широкой сети эстакад или под землей, сливаясь с метро и обеспечивая удобные узлы пересадки. Стоимость проезда на сравнительно небольшое расстояние, с нашей точки зрения, довольно высокая — 300—500 иен (2—3 доллара) и выше, в зависимости от расстояния. Билеты на электропоезда и метро продаются почти повсеместно автоматами, где имеются четкие схемы с указанием стоимости проезда до того или иного пункта, станций пересадок и названий всех станций как в иероглифическом написании, так и латинскими буквами. Пользование ими не составляет труда даже для неопытного человека. Можно использовать не только звонкую монету, но и 1000-иенную банкноту — автомат выдаст сдачу. Билет компостируется служащим при входе на станцию (*кайсацу*) и обязательно сдается при выходе (*сюссацу*), почему его необходимо сохранять до конца поездки. Теперь на входе встречаются и компостеры-автоматы: вы вкладываете билет в щель автомата и, проходя, получаете его уже закопстированным из щели на другом конце автомата. Если, сев в вагон, вы решили проехать дальше первоначально намеченного пункта, то разницу вы доплатите, сдавая билет при выходе.

Линий много, все они переплетаются в довольно сложную систему и обозначены на схеме разным цветом. В этот же цвет (желтый, красный, зеленый и т. д.) окрашены и поезда данной линии. Вагоны комфортабельны, в них всегда чистота и порядок, а также множество красочных объявлений, которые обычно свешиваются с потолка, конечно, не создавая помех пассажирам. Здесь разнообразная полезная информация о распродажах, о только что вышедших новых книгах и журналах, адреса отелей, мест отдыха, развлечений. Все они со вкусом художественно оформлены и одновременно с полезной функциональной нагрузкой, создают своеобразный уют внутри вагона, где нет атмосферы пустоты и холода. К сожалению, все эти объявления в основном на японском языке с множеством иероглифов, и не знающие языка могут только рассматривать картинки, благо они на японских плакатах весьма информативны.

Электропоезда и метро очень надежные виды транспорта, строго выдерживающие графики движения и достаточно свободные и удобные для поездок в дневные часы, но, конечно, не в часы «пик», когда вагоны сильно переполнены. В это время администрации железных дорог иногда приходится пользоваться услугами так называемых «осия» — специальных служащих на платформе, которые перед автоматическим закрытием дверей

силой заталкивают внутрь битком набитого вагона пассажиров.

Правила и принятый этикет поведения в вагоне предписывают, если нет места сесть и вы вынуждены стоять, взяться за поручни-кольца, висящие вдоль всего вагона, а вещи разместить так, чтобы они не мешали окружающим. Не создавать неудобств окружающим — верный путь к тому, чтобы самому было удобно, считают японцы. Приглядывайтесь к поведению японцев и поступайте соответственно. Вряд ли вы увидите в метро, что японец широко развернет газету, мешая соседям, развалится на сиденье, широко расставив ноги, скрестив руки на груди, занимая более чем одно место.

Электропоезда и метро быстро доставят вас к месту назначения, но, чтобы лучше познакомиться с городом, ощутить его жизнь и колорит, предпочтительнее городской автобус. Автобусы тоже комфортабельны, всегда в отличном техническом состоянии, блестят чистотой и тоже удобны для поездок, но не в часы «пик». На автобусных остановках нередко располагается справочная, где, даже не владея языком или владея им плохо, вы сможете получить от служащего информацию о нужном вам автобусе, маршруте, стоимости проезда. Автобусы теперь повсеместно работают по системе «ван-ман» (англ. *one man*), то есть с одним шофером без кондуктора. Как правило, стоимость проезда одина для всего маршрута. Вход через переднюю дверь, и, войдя, сразу же рядом с местом шофера вы увидите билетный автомат с указанием цены проезда для взрослых и для детей. Автоматы рассчитаны на монеты в любом наборе. Однако в отличие от касс метро, здесь нельзя пользоваться банкнотами. Поэтому, садясь в автобус, позаботьтесь о наличии звонкой монеты.

Водитель периодически включает пленку с объявлением следующей остановки, различными предупреждениями и другой информацией. Для экстренной остановки автобуса можно нажать одну из расположенных в салоне кнопок. Если вы не уверены, что расслышите и поймете название нужной вам остановки, предупредите водителя при посадке, хотя бы при помощи жестов. Он обязательно поможет вам.

Говоря об автобусе, как средстве транспорта, можно упомянуть и об экскурсионных автобусах, которых, особенно в больших и известных городах, великое множество. Автобусы удобны, снабжены кондиционерами, микрофонами с отличной акустикой. Обычно маршрут начинается от крупных железнодорожных вокзалов или известных отелей. Есть множество разнообразных и удобных маршрутов — тур на несколько часов, на полдня, на целый день, специальный ночной (проходящий по сути дела поздним вечером) тур. Экскурсии на японском и частично на английском языке проводятся опытными гидами, как правило, молодыми девушками, отлично вышколенными, умеющими и правильно красиво говорить, и пошутить, и развлечь, и спеть песню. Они отлично знают свой предмет — историю данного места, исторические даты, памятники, имена исторических деятелей архитекторов, художников, школы искусства, изречения классиков, поэтов, имеющие отношение к теме экскурсии. Правда, эти знания носят несколько начетнический и узкий характер, связанный исключительно с данным маршрутом. В японском языке даже появилось специальное выражение о таком характере знаний «*басу-га:ру обоэ*» — знания как у «девушки из автобуса» (англ. *bus girl*). Здесь, как мне кажется, лишний раз проявляется здравый смысл и рационализм японцев. Естественно, что для глубоких и обширных познаний по всем перечисленным темам потребуется как минимум высшее образование, а, может быть, и ученая степень, как это часто бывает у нас. Но такой подход требует больших расходов и длительного времени, да и захочет ли человек с подобным образованием работать гидом экскурсионного автобуса? А молодой девушке со средним образованием с острой молодой памятью после короткой подготовки легко запомнить ряд данных строго по одной теме одного маршрута и поработать некоторое время, по крайней мере до замужества, на этой совсем неплохо для нее оплачиваемой работе.

Воспользовавшись за сравнительно умеренную плату (примерно от 20 долл. и выше) одним из таких туров, который оплачивается непосредственно при посадке, можно достаточно подробно и интересно ознакомиться с городом и его достопримечательностями, сфотографироваться всей группой на память у профессионального фотографа, причем отлично исполненные цветные фотографии вручаются немедленно по окончании экскурсии.

Так называемый «ночной тур» дает некоторые возможности для ознакомления со сферой развлечений и искусством Японии, так как часто включает знакомство с театром Кабуки, кукольным театром, знакомство с чайной церемонией и национальной кухней, например, знаменитыми «сукияки» (о чем у нас еще пойдет речь). Вам объяснят, как надевать и носить национальную одежду *кимоно*, дадут возможность самим по предло-

женному рецепту приготовить какое-то блюдо японской кухни. Не торопитесь легкомысленно соглашаться, так как обязательным условием при этом служит то, что вы сами должны его съесть.

Несколько традиционных фраз на перечисленные темы:

1. Где можно обменять иностранную валюту?	<i>Гайка-ва доко-дэ казрарэмас ка</i>
2. Я хочу обменять деньги (дорожные чеки)	<i>Оканэ (торабэра:дзу-тиэкку) — о казтай но дэс га</i>
3. Какой сейчас курс обмена?	<i>Рэ:то-ва до: наттэ имас ка</i>
4. Разменяйте на мелкие деньги	<i>Комакаку-ситэ кудасай</i>
* * *	
5. Простите, как отсюда проехать в...?	<i>Сумимасэн га, коко-кара ...—э ва до: иттара ии дэсэ: ка</i>
6. Можно ли проехать туда на метро?	<i>Соко-э ва тикатэцу-дэ икэмас ка</i>
7. Где ближайшая станция метро?	<i>Моёри-но тикатэцу-эки-ва доко дэс ка</i>
8. Идет ли туда автобус?	<i>Соко-э ва басу-дэ икэмас ка</i>
9. Куда идет этот автобус?	<i>Коно басу-ва доко-юки дэс ка</i>
10. Какой автобус идет до...?	<i>...—э ику-ни ва намбан-но басу-ни ноттара ии дэс ка</i>
11. Где остановка автобуса номер...?	<i>...—бан-но басу-но тэйрю: дзё-ва доко дэс ка</i>
12. Мне нужно до остановки (станции)...	<i>...—тэйрю:дзё (...—эки)— —мадэ икитай но дэс га</i>
13. Сколько остановок отсюда?	<i>Коко-кара икуцу-мэ дэс ка</i>
14. Где мне сделать пересадку?	<i>Доко-дэ норрикаэтар ии дэсэ: ка</i>
15. Скажите (мне), когда будет остановка (станция)...	<i>...тэйрю:дзё (...эки),—ни цуйтара оситэ кудасай</i>
16. Какая следующая остановка?	<i>Цуги-ва доко дэс ка</i>
17. Разрешите пройти (я сейчас выхожу)	<i>Сумимасэн, оримас кара</i>
* * *	
18. Где стоянка такси?	<i>Такуси:-нориба-ва доко дэс ка</i>
19. Пожалуйста, в гостиницу...	<i>...хотэру-э иттэ кудасай</i>
20. Мне нужно в аэропорт... (на вокзал...)	<i>...кюко: (...эки)-э иттэ кудасай</i>
21. Остановитесь здесь, пожалуйста	<i>Коко-дэ томэтэ кудасай</i>
22. Подождите меня, я сейчас вернусь	<i>Сугу модоримас кара тётто маттэ итэ кудасай</i>
23. Сколько с меня?	<i>Мэта-ва икура дэс ка</i>

Словарь и комментарий к тексту:

1. *Гайка* — иностранная валюта. *Казрарэмас ка* — букв. «возможно ли обменять?» — форма потенциального залога от глагола *казру* — менять.
2. *Торабэра:дзу-тиэкку* — дорожные чеки (англ. travellers cheque)
3. *Рэ:то:* — курс, ставка (англ. rate)
4. *Комакаку-ситэ* — букв. «сделайте помельче» от прилагательного *комакай* — мелкий и глагола *суру* — делать.
5. *До: иттара ии дэсэ: ка* — букв. «если как поехать, то будет хорошо?» *Иттара* — форма условного наклонения от глагола *ику* — идти, образованная с помощью суффикса *тара* (см. комментарий к данным ранее текстам).
6. *Тикатэцу* — метро (букв. «подземная железная дорога»)
7. *Моёри* — ближайший. *Эки* — станция, вокзал.
8. *Басу-дэ икэмас ка* — букв. «можно ли проехать автобусом?» *Икэмас* — форма потенциального залога от глагола *ику* — идти, ехать.
9. *Доко-юки* — букв. «куда идущий» — сложное слово, образованное вопросительным местоимением *доко* — где, куда и *юки* — именной основой от упоминавшегося выше глагола *ику* (вариант *юку*) — идти, ехать.

10. *Нан (нани)* — вопросительное местоимение «что», «какой» *бин* — номер. *Намбан* (произносится не *нанбан*, а *наМбан*) — который номер? *Ноттара* — букв. «если сесть на (автобус)» — форма условного наклонения от глагола *нору* — ехать верхом или на каком-либо виде транспорта, образованная с помощью суффикса —*тара* (см. выше)
11. *Тэйрюдзэ* — остановка (автобуса, трамвая и т. д.)
13. *Икуцу-мэ* — букв. «который по счету»? *Икуцу* — сколько, —*мэ* — суффикс порядковых числительных
14. *Норикаэтара* — букв. «если сделать пересадку». Форма условного наклонения от глагола *норикаэру* — делать пересадку.
15. *Цуйтара* — букв. «если (когда) придет» — форма условного наклонения от глагола *цуку* — прибывать, достигать.
16. *Цуги* — следующий
17. *Сумимасэн, оримас кара* — букв. «извините, т. к. я выхожу»
18. *Нориба* — букв. «место посадки»
21. *Томэтэ кудасай* — букв. «остановите, пожалуйста» от глагола *томэру* — останавливать (переходный глагол)
22. *Сугу* — сейчас, немедленно. *Модоримас* — вежливая форма с суффиксом —*мас* от глагола *модору* — возвращаться. *Маттэ итэ* — форма длительного вида от глагола *мацу* — ждать
23. *Мэта:* — счетчик (англ. meter). *Мэта:—ва икура дэс ка* — букв. «сколько на счетчике?»

Что ожидает иностранца в Китае

И. ЖАРКИХ

Холодное мартовское солнце слепит глаза. «Лай-лай-лай», — звучит со всех сторон («проходи-проходи!» по-китайски). Пробка быстро рассасывается, и вот уже снова спешат в разных направлениях потоки велосипедистов.

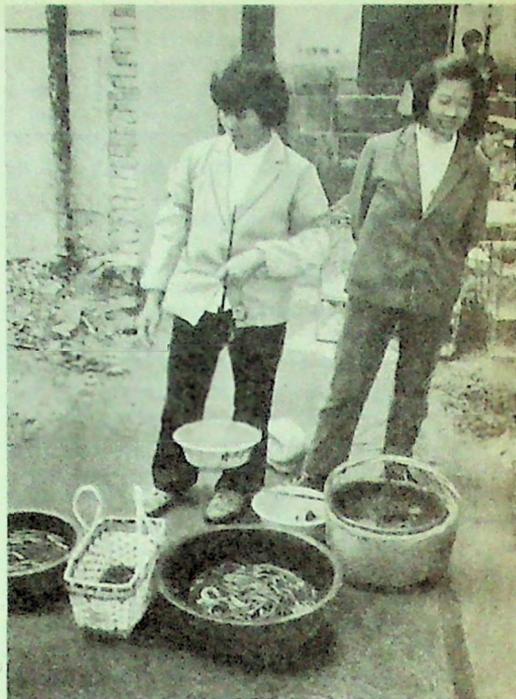
Я еду на своем велосипеде, к которому после полугодового «обшения» испытываю нечто вроде родственных чувств. Обгоняя меня, китайцы с нескрываемым любопытством оглядываются: иностранец в Тяньцзине — явление не частое. Периодически слышу в свой адрес: «лаовай!» И хотя диапазон наименований для иностранцев в Китае довольно широк: от уважительного «вайго кэжэнь» (иностранный гость), менее лестного «дабицзы» (длинноносый), до откровенного «янгуйцзы» (заморский черт), чаще других, однако, звучит именно «лаовай» — нечто среднее между упомянутыми крайностями, в переводе означающее приблизительно «иностранщина» — обращение, как уверяют китайцы, не несущее в себе оттенка пренебрежения.

Иностранец в Китае — это всегда источник повышенного внимания. Если в Пекине, где зарубежные гости бывают намного чаще и в больших количествах, к ним относятся уже довольно спокойно, то в Тяньцзине, находящемся в двух часах езды от столицы, появление «бледнолицых» на улице все еще событие.

Нет предела любопытству китайских обывателей, когда рядом появляется иностранец. Иной будет откровенно разглядывать вас с ног до головы, а кто-то, возможно, даже решится «потрогать руками». Надо сказать, что большинство относится к иностранцам весьма доброжелательно, хотя есть и такие, чье отношение к человеку из-за рубежа варьируется от восторженного заискивания до откровенной неприязни. Случается и так, что прохожий, к которому обращаешься с вопросом, испуганно озирается и спешит

Жарких Инга Юрьевна, аспирантка ИДВ АН СССР.

избежать нежелательного общения, отрицательно мотая головой: мол, ничего не знаю, ничего не понимаю, оставьте меня в покое! Подобное случается, правда, только с пожилыми людьми, в которых, по всей видимости, еще сильно традиционное неприятие всего иноземного: возможно, впрочем, что происходит это и в силу идущего со времен «культурной революции» убеждения, когда иностранец ассоциировался со всевозможными бедами типа «идеологических чисток», а «преклонение перед Западом» считалось одним из самых страшных обвинений.

Впрочем, большинство, как уже говорилось, особенно, когда речь идет о молодежи, готовы помочь, объяснить, довести до нужного места или просто поговорить и заручиться будущей дружбой.

Если собеседник принадлежит к более старшему поколению, то, узнав, что вы русский, наверняка вспомнит о временах «великой дружбы»; показывая свою осведомленность, спросит о перестройке, скажет: «Ваши теперь критикуют Сталина»; выскажет и свое отношение к этому вопросу, которое, впрочем, может быть самым разнообразным, так как в Китае, так же, как и у нас, хватает и сталинистов, и антисталинистов; в заключение, наморщив лоб, с трудом вызывая в памяти почти забытые звуки, смешно коверкая слова, пропоет: «Не слышны в саду даже шорохи...»

Иной прием оказывают иностранцу, окажется он вблизи магазина «Дружба» или барахолки. Попадая сюда, оказываешься в плену неутомимых «тружеников» подпольного бизнеса, или, попросту говоря, местных «менял». Великое множество этой публики, в которой абсолютное большинство составляют молодые парни, толчется с утра до вечера у входов в отели, валютные магазины (точнее, магазины, где торговля производится на конвертируемые юани) и на подходах к барахолке. Они наперебой предлагают «чейндж долларз», стараются не упустить клиента, хватая его за рукава и норовя панибратски пройти под руку, особенно если это клиентка. Такого рода смелость встречается взрывом хохота среди «коллег-бизнесменов», а смельчак устает от множества лестных замечаний.

Операции по обмену долларов на конвертируемые и народные (неконвертируемые) юани в Китае запрещены, однако происходят они достаточно открыто.

В Китае, где существует строгая градация на «своих» и «чужих», иностранцы фактически отделены от местного населения. Быт и отдых иностранных студентов, не говоря уже о туристах, устроены таким образом, что они почти не пересекаются с китайцами.

Для зарубежных студентов и стажеров — отдельные жилые корпуса, куда китаец может попасть только в случае особого разрешения; учится китайская и иностранная молодежь по разным программам и в разных зданиях; ест — в разных столовых. И, хотя внешне отношение к «чужим», как правило, доброжелательное, однако, при попытке, например, в течение нескольких дней подряд посещать столовую для китайских студентов, вам, в конце концов, укажут на это «нарушение» и деликатно попросят «кормиться» вместе с другими иностранцами. Происходит это не только по идеологическим соображениям, но во многом и из-за того, что иностранцы являются источником немалых доходов для китайских властей. Столовые для них, равно как и все прочие заведения «для иностранных гостей», отличаются дороговизной. Одни и те же продукты и вещи, купленные в обычных «народных» магазинах и в магазинах системы «Дружба», стоят по-разному, разница в цене подчас весьма внушительная.

Не увенчались успехом наши неоднократные попытки проникнуть на китайскую дискотеку: «Иностранцам — не положено!» — был неизменный ответ у входа в молодежные кафе и клубы. То же самое произошло, когда в общежитии для иностранных студентов был организован танцевальный вечер. Туда, в свою очередь, не был допущен ни один китаец, и мне было ужасно обидно видеть приглашенных мною по неведению знакомых китайцев — студентов того же института, которые, простояв у закрытых дверей, были вынуждены несолоно хлебавши уйти. На следующий день ребята еще пытались утешать меня, уверяя, что это нормальное явление и они к этому привыкли.

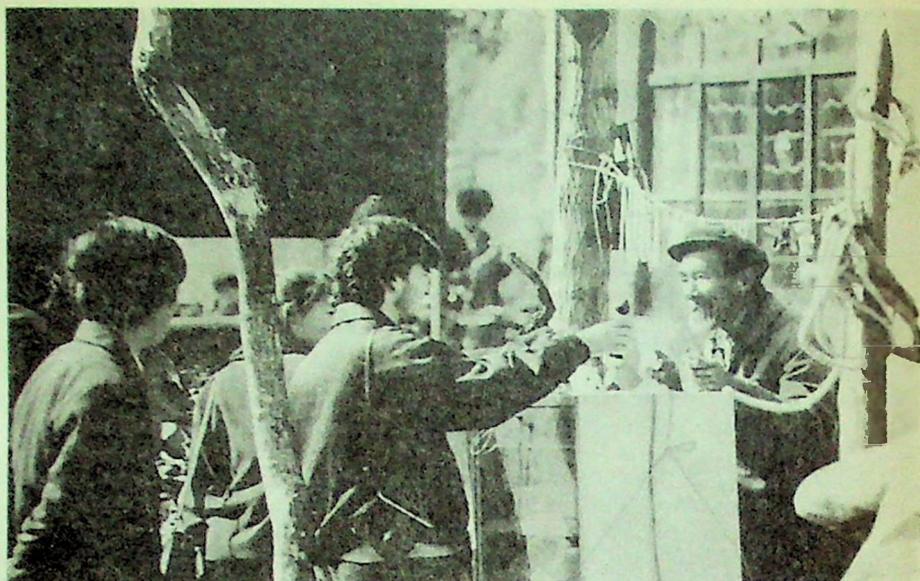
Улица, таким образом, остается одной из немногочисленных возможностей «незапланированного» общения с китайцами. И, повторяю, интерес местных к иностранцам огромен. Стоит только выйти за ворота института, как ты сразу становишься объектом пристального внимания и изучения со стороны окружающих. Здесь недремлющее китайское око не пропустит ни одно твое движение, ни один жест. В такие моменты ловишь себя на мысли, что хочется как бы уменьшиться и слиться с шумной китайской толпой, которой обилие модных среди молодежи зеленых пальто придает весьма военный вид.

Воскресенье — единственный выходной у работающих шесть дней в неделю китайцев; на улицах города поэтому особенно многолюдно. В магазинах и на рынках, которые работают вообще без выходных, в буквальном смысле яблоку негде упасть.

«Свободный рынок» — одно из достижений китайской «открытой политики» — пользуется большой популярностью. Испокоен веков известным своим умением торговать китайцы поистине нашли применение своим способностям на «свободном рынке». «Труженики-частники», как официально именуют их газеты, за последние несколько лет образовали даже своего рода самостоятельную социальную прослойку. Немалую долю среди них занимает молодежь.

Расположившись в маленьких частных лавочках или прямо на улице, на лотках, со своим товаром на любой китайский и европейский вкус, эти люди наглядно демонстрируют, каких успехов можно добиться всего за несколько лет, когда людям дано право коммерческой инициативы.

Проходя вдоль торговых рядов, попадаешь под непрерывный обстрел традиционного «хеллоу», произносимого на пекинский манер («р» на конце. Надо сказать, что познания уличных бизнесменов в английском (равно как и в других языках) в абсолютном большинстве ограничиваются именно этим словом, и потому интернациональное приветствие приобретает в их устах оттенок риторический и ответа не требует. Это универсальное словечко может заменить любые виды обращений к иностранцу, кроме того, оно служит своеобразным средством сигнализации, оповещая китайцев в радиусе слышимости о появлении «иностранного гостя». Это неизбежно приводит к тому, что занятые до сих пор своими делами люди бросают их и включаются в интереснейшую игру «китаец — иностранец», правила которой просты: китаец спрашивает — иностранец отвечает; и если ты хоть малейшим жестом выразил поддержку этому начинанию, то придется запастись терпением: на тебя обрушится море вопросов, за-

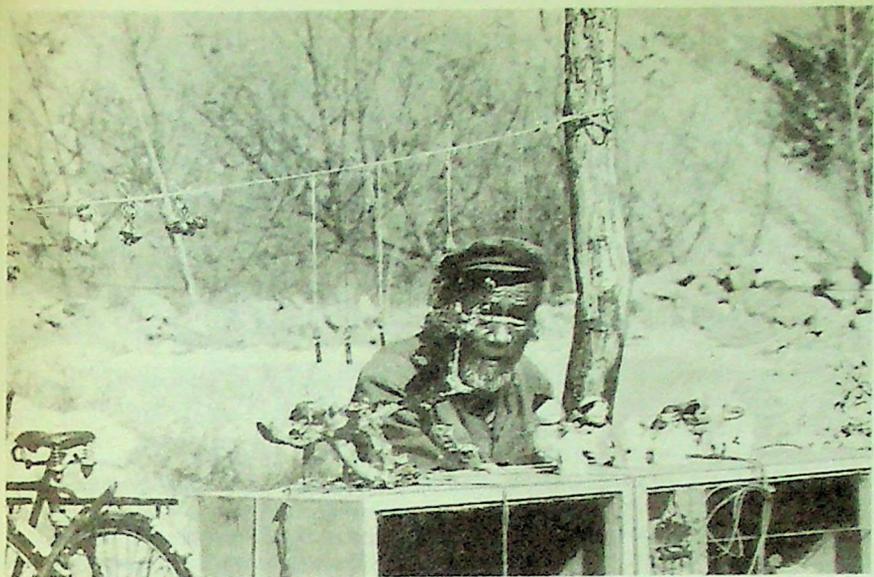

даваемых наперебой продавцом и собирающимися вокруг с невероятной быстротой «любопытными» гражданами. Благо, набор интересующих проблем заранее известен. Первое, что неизбежно услышите — «ваша национальность?» Случается, правда, весьма редко, что особенно «отягощенный» познаниями в иностранных языках китаец, ломая язык европейской тарбарщиной и до неузнаваемости меняя фразу, задает вопрос по-английски: «Вэр а ю кам фром?» При этом спрашивающий, как правило, сам выдвигает версии вашей национальной принадлежности: с затаенным предвкушением какого-то особого наслаждения и явным желанием услышать именно то, что хочет — «Америка?» Если ответ отрицательный, по мере убывания: «Англия? Франция? Австралия?» Если иностранец продолжает упорствовать, китаец уже растерян. Что же еще, вроде все перечислил... На неожиданное заявление — СССР, как правило, хотя и не всегда — радостный взглас: «А, друзья-русские! Горбачев — хорошо!» — и удовлетворенный смех.

У торговцев к иностранным гостям свой особый интерес. Но иностранец иностранцу рознь, и состоятельный европеец не чета, как правило, весьма стесненным в средствах «социалистическим братьям», у которых и валюта к тому же водится далеко не всегда. Редко кто упустит возможность обвести вокруг пальца бестолкового иностранца и продать товар втридорога.

Несказанное удовольствие доставляет китайскому торговому люду возможность поторговаться. Торгующийся иностранец неизменно вызывает уважение толпы, и отношение к нему совсем другое, нежели к тому простофилю, что сразу выкладывает названную продавцом сумму. Чем яростней идет спор, чем больше зевак он собирает, тем надежней успех «предприятия». И если иностранец «хорошо ругает» товар, скрашивая свою речь при этом чем-нибудь «чисто разговорным», то хохочущий продавец сбивает цену в несколько раз. Подобные «торги» сродни небольшим уличным шоу и всегда вызывают огромный интерес у любого китайца, будь то городской интеллигент, частный торговец или крестьянин.

Простолюдинов в Китае именуют «лаобайсинами», то есть людьми с самыми распространенными фамилиями. Приезжая в город из деревень по своим делам, этот неискушенный народ, как правило, впервые в жизни сталкивается с иностранцем. Одетые в традиционные ватные тулупы синего цвета и синие кепки, они замирают в столбняке в нескольких шагах от «чудовища» с голубыми глазами и светлыми волосами, глядя на него в упор и заставляя почувствовать нечто подобное тому, что, наверное, ощущает любое животное в зоопарке, когда его рассматривают десятки пар изучающих глаз. Дети начинают дергать родителей за рукава и, ничуть не смущаясь,

показывают на тебя пальцем, при этом громко крича: «Папа, посмотри, лаовай!» Родители в таких случаях обычно не делают попыток пресечь эту детскую разговорчивость, а иногда и сами активно включаются в обсуждение.

Среди тех, кто несколько иначе заинтересован в общении с иностранцами, надо назвать студенческую молодежь. В данном случае дело, конечно, не в барышах. Для студента иностранный друг — это и языковая практика, и немалый престиж. Молодые китайцы с легкостью знакомятся с иностранцами на улице, в транспорте, не комплексуя обращаются с просьбой помочь перевести непонятную английскую фразу; не без самодовольства будут демонстрировать свои способности в английском, с энтузиазмом приглашать к себе в гости, предлагать показать вам город. Несмотря на то, что после июньских событий на Тяньаньмэнь были приняты определенные меры для ограничения контактов китайцев с иностранцами, очень многие молодые китайцы с большой охотой продолжают «водить знакомство с заграницей».

Существует, правда, во всем этом один щекотливый момент. Большинство китайцев, которые прямо или косвенно имеют отношение к понятию «интеллигенция», одержимы идеей выехать из Китая. Явление это, так же, впрочем, как и у нас, принимает в последнее время массовый характер. Самый верный способ, как известно, сделать это посредством иностранного друга. И хотя, по нашим понятиям, «Союз — не заграница», очень многие китайцы уверены, что возможность уехать в СССР коренным образом улучшит их жизнь. Хотя большинство, надо смотреть правде в глаза, естественно, предпочитает США и страны Западной Европы.

На китайской земле существуют оазисы, где утомленный экзотикой иностранец может почувствовать себя совсем «как дома». Это интуристовские отели, в больших количествах строящиеся сейчас повсюду в Китае. Не уступающие лучшим западным образцам, они приносят немалую прибыль и создают КНР репутацию страны, в которой по-настоящему заинтересованы в развитии столь выгодного дела, как туризм. В Пекине, Тяньцзине и других крупных китайских городах функционирует сеть крупнейших международных отелей, таких, как «Шератон», «Хайятт», «Лидо» и др. Принадлежность к таким известным фирмам, безусловно, обязывает держать марку. И надо отдать должное китайским менеджерам: комфорт, великолепная западная кухня и предельно вышколенный обслуживающий персонал сделают все, чтобы ваше пребывание в их отеле было приятным. Выдержанные и немногословные люди, работающие здесь, не имеют ничего общего с тем любопытным и смешливым народом, что остался за стенами отеля. Неизменные вежливые улыбки на лицах, ни одного лишнего слова, все предельно четко. В таких местах все иностранцы, должно быть, чувствуют себя

спокойно и уверенно, все... кроме русских.

И, наслаждаясь чудесным кофе в маленьком баре (не столько его вкусом, сколько тем, как он был подан), я с досадой снова возвращаюсь к мысли, что чувствую себя здесь не в своей тарелке. И порываюсь то и дело благодарить милую китайку, которая порхает вокруг меня, и респектабельного вида менеджера во фраке, который стоит поодаль, следя за выражением моего лица, готовый в любую секунду оказаться рядом, и швейцара, распахивающего дверь со словами: «Спасибо, что посетили нас, приходите снова, мы вам всегда рады!», и всех этих людей, которые здесь всего лишь выполняют свою работу.

Здесь все для человека, для человека-иностранца. Китайцев здесь почти не бывает.

И я с тоской думаю о том, что, вернувшись домой, все мы окажемся на месте незадачливых китайцев, которым только что дали от ворот поворот, объяснив, что гостиница обслуживает только за валюту, которой простые китайские труженики отродясь не держали в руках.

Я прохожу сквозь вертушку, и за мной плавно закрываются массивные двери, замыкая этот особый мир идеальной чистоты, тихих голосов и доброжелательных лиц (идеального сервиса), оставляя его избранным.

Из тишины и умиротворения погружаюсь в гомон людских голосов и пыль улиц. Вокруг меня спешащие потоки велосипедов, снова неразбериха на перекрестке... Мне как-то привычнее здесь. Мне грустно...

Грустить, однако, долго не приходится: слишком полон жизни вечерний китайский город. Темнеет зимой рано, и в это время сумерек, когда еще не зажглись редкие фонари, приходится быть начеку: зазевался — того и гляди или сам окажешься на асфальте, или, что хуже, ненароком толкнешь соседа на велосипеде. Реакция разная: кто-то лишь бросит: «Ничего! Не страшно!», а иной любитель поскандалить может устроить целое судилище с привлечением массы свидетелей и даже блюстителей порядка.

На маленьком импровизированном рынке, растянувшемся по обочине дороги, идет бойкая торговля овощами. Домашние хозяйки укладывают в привинченные к велосипедам корзины нехитрые продукты: кочаны капусты, салат, темно-зеленые мочалки засушенных водорослей и похожих на змей длинных серебристых рыб. Мимо суетливых покупателей и громко расхваливающих свой товар продавцов я направляюсь в сторону железнодорожного вокзала в надежде успеть на ближайший поезд до Пекина.

Вскоре на противоположном берегу реки появляется башня нового тяньцзиньского вокзала, по обе стороны которой раскинулись полукольца из бетона и стекла, придающие вокзалу вид какого-то космического сооружения. Несмотря на то что в воскресный день приезжих как никогда много, на привокзальной площади, как и внутри самого вокзала, совсем нет толп: колоссальные размеры этого достойного детища современной архитектуры как бы поглощают людские массы. Такое впечатление, что вокзал способен вобрать в себя весь город.

В билетной кассе очередь. А до отхода поезда остается всего несколько минут. Поначалу, не зная местных порядков, мы, иностранные студенты, становились в конец длинной очереди в намерении честно стоять до конца, чем, правда, вызвали недоуменные взгляды окружающих. Вскоре те, что посмелее, освоили другую практику — подходить без очереди. Здесь ты — иностранец, и отношение к тебе совсем особое... А недоуменные взгляды... Лишь позднее мы поняли их причину: дело в том, что для иностранцев здесь существуют специальные кассы, где билеты продаются не на «деревянные», а на инвалютные юани, именно их услугами и пользуются, как правило, зарубежные гости Китая. Неоспоримым преимуществом этих касс, однако, является то, что здесь вы покупаете билет в «мягкий сидячий», в отличие от «жесткого сидячего», билеты на который продаются в обычных кассах.

«Жесткий» очень похож на вагоны наших пригородных электричек. Единственное существенное отличие — в китайских поездах, будь то электричка или поезд дальнего следования, не возбраняется курение. И хотя знак «не курить» присутствует почти в каждом вагоне, на него никто не обращает внимания. Курение в китайских поездах — это настоящее бедствие: курит абсолютное большинство мужского населения, причем курит, не взирая ни на детей, ни на женщин. Создается впечатление, что аксиома «курение — вред» совершенно не знакома китайцам. И мне предстоит на два часа

погрузиться в клубы едкого дыма.

Китайский железнодорожный транспорт исключительно точен. Поезда отправляются секунда в секунду и, что не менее важно, столь же точно прибывают в места назначения.

Стрелка на вокзальных часах вздрагивает, отсчитывая очередную минуту, и поезд неслышно трогается. С первых же моментов движения по вагонам с оглушающей силой ударяет исключительно праздничная маршевая музыка — это включились репродукторы, чей неукротимый оптимизм будет сопровождать нас до конца поездки.

Перед глазами поплыли уже знакомые пейзажи Северного Китая: бесконечные серо-желтые равнины и поля, редкие убогие деревушки по обочинам дорог. Картина эта не меняется на протяжении всего пути.

Когда утихает первая посадочная суতোлка, узлы и чемоданы рассованы по полкам, пассажиры начинают доставать только что купленные на вокзале пестрые пакетики с засахаренными фруктами, прозрачные пластиковые коробочки со всевозможными сладостями из сахарной патоки и кунжута, разновидности мармелада и бог весть еще что, чему едва ли можно найти аналоги в нашей кулинарии. Иными словами, наступает время «Ч» (в китайском варианте «чи фань», то есть время принятия пищи).

Здесь надо сделать некоторое отступление. Китайцы всегда и везде соблюдают святая святых своего распорядка дня — завтрак, обед и ужин. Двенадцать часов дня и пять часов вечера — время, когда замирает работа в учреждениях, приостанавливается бойкая торговля в магазинах и на рынках, бросаются все дела. Это традиционное время принятия пищи. Не знаю, что должно произойти, чтобы был изменен этот распорядок, чтобы обеду был предпочтен какой-то другой вид деятельности. Недаром до недавнего времени традиционным считалось приветствие «чи фань ла?», что в переводе означает «вы поели?».

Итак, пассажиры достают кто чем богат. Богаты все, как правило, одним и тем же: паровые булочки из пресного теста «маньтоу» — это наиболее типичная и дешевая китайская еда.

Когда по вагону пробежит шустрая проводница с огромным чайником, пассажиры будут наперебой подставлять стеклянные баночки с отвинчивающимися крышками, чтобы получить порцию живительного «кайшуя», или попросту кипятка. Кто-то бросит в него шепотку зеленого чая, а большинство будет просто пить кипяток, пыхтя и причмокивая, словно смакуют лучшие чайные сорта.

Рацион путешественников из города в город, однако, не исчерпывается только сладостями и паровым хлебом. Вскоре после отправления, толкаемый проводником, по вагонам, скрежеща и гремя, прокатится жестяной ящик на колесах, доверху наполненный всякой всячиной: пакетиками с любимыми китайцами солеными семечками все теми же сушеными фруктами, металлическими банками со всевозможными напитками, но главное — это белые пластиковые коробки, которые раскупаются с особым энтузиазмом. В них — всего за 2—3 юаня — китайский вариант комплексного обеда, состоящий из горячего риса с кусочками мяса и овощей. К коробке прилагаются палочки. Это дешевая и наиболее доступная небогатому китайскому населению еда, которую можно без труда купить на вокзалах и в поездах.

А за окном все те же поля, гул китайской речи сливается с надрывающимся репродуктором; сидящие напротив китайцы чрезвычайно быстро орудут палочками; франтоватый парень у окна, оттопырив мизинец с невероятно длинным ногтем, крошечным перочинным ножиком педантично срезает кожуру с яблока (пользоваться подобными ножичками — особая мода среди городских пижонов), кожура змейкой вьется вокруг яблока и... падает на пол. Вскоре со всех сторон на пол начинают лететь огрызки и окурки, шелуха от семечек и пустые банки. Проводники никак не выражают недовольства по этому поводу. После каждого такого приема пищи проводница с веником и тряпкой пробегает из одного конца вагона в другой, прогоняя перед собой быстро растущую кучу мусора. И вот уже снова чисто вокруг.

Наш поезд приближается к Пекину, и вдалеке уже засветились огни вечернего города. Через 10 минут я сойду на платформу древней столицы Поднебесной Империи...

Н. А. Байков, 40-е годы

Н. БАЙКОВ

1 июля 1903 г. в России открылась новая железнодорожная линия — с Курского вокзала Москвы стали регулярно отходить прямые пассажирские поезда к Тихоокеанскому побережью — через Сибирь и Маньчжурию. В те годы, как известно, это был кратчайший железнодорожный путь из Европы в Азию, и стал он возможен благодаря завершению строительства одного из крупнейших предприятий тех лет — Китайско-Восточной железной дороги, построенной русскими инженерами по договору с китайским правительством.

Проехав Сибирь, на западной линии КВЖД пассажиры попадали в полупустынные просторы Барги. Этот унылый, однообразный пейзаж тянулся до предгорий Большого Хингана, но далее картина уже резко менялась — открывалась неповторимая по красоте маньчжурская природа: горы, покрытые дремучими лесами, затем следовала великая Маньчжурская равнина с огромным количеством озер... А далее, на восток — завораживающий взор «Шухай» — «Лесное море» (так называли китайцы горный регион на востоке от Харбина, покрытый девственными лесами. С горных вершин округлые сопки, покрытые лесной растительностью, были действительно похожи на волнующееся море).

Над этим незнакомым миром витали древние предания Востока, шла совсем иная жизнь...

Но что знали русские в ту пору об этом далеком крае?

На страницах журнала «Нива» и ранних путеводителей КВЖД можно найти первые популярные описания этого далекого и немного загадочного маршрута, но они, наверное, мало, что давали даже туристу.

Да и в самом Харбине, административном и экономическом центре полосы отчуждения КВЖД, о китайской культуре не очень много знали в начале века. Как писал издатель журнала «Вестник Азии» А. П. Болобан, среди широких слоев российского общества о духовной культуре и внутреннем укладе жизни Востока мнение составлялось лишь «по сказкам о багдадских пирожниках, индийских факирах, китайской церемонии и японских гейшах...»*.

* Вестник Азии. — 1917. — № 44.

В 1901 г. на военную службу в Заамурский округ Пограничной стражи КВЖД был переведен молодой подпоручик, выпускник Тифлисского пехотного юнкерского училища Николай Аполлонович Байков (1872—1958). С детства увлеченный романтикой путешествий и страстным интересом к природе, в Маньчжурии он находит огромное поле для своей деятельности и становится первым и, пожалуй, единственным в своем роде писателем-натуралистом и певцом маньчжурского края тех лет.

...Приехав на станцию Маньчжурия на западной линии КВЖД, Н. А. Байков был разочарован: «Кругом голая степь, похожая на пустыню. Вид унылый и жалкий...» Но позже в Хинганских горах открылась живописная картина, которая после унылых равнин Барги произвела на путешественника уже совсем другое впечатление: «По горам и долинам темнели дремучие леса лиственницы, на южных склонах, солнцепеках радовали наш взор родные нам березки. Безоблачное маньчжурское небо блистало своей бирюзовой синевой над всем этим диким миром».

А еще дальше, на восток от Харбина, увиденный Н. А. Байковым «Великий лес» потряс и заворожил его. Он получил назначение на восточную линию КВЖД и, живя там, изучал и описывал не только растительный и животный мир этого края, но и суеверия, легенды и сказания жителей этой первобытной тайги. Так Н. А. Байков стал писателем-натуралистом.

В 1914 г. в Петербурге выходит его первая книга «В дебрях Маньчжурии», включившая очерки и рассказы, которые были написаны им в первое десятилетие жизни в полосе отчуждения КВЖД.

Исторические события первой мировой войны и Октябрьской революции на какое-то время прерывают его литературную и исследовательскую деятельность — во время войны он находился в Галиции, а затем эмигрантские дороги приводят его в Египет. Почти два года он живет в Африке, Индии и Индокитае, но позже возвращается в Харбин.

Маньчжурия вновь становится главной темой его деятельности. Работая в должности инспектора лесных концессий КВЖД, затем сотрудником Музея общества изучения Маньчжурского края в Харбине, Байков продолжает изучение флоры и фауны Маньчжурии, местных традиций и охотничьего промысла; продолжает писать научно-популярные очерки и заметки, рассказы из таежной жизни.

В харбинском и тьяньцзинском издательствах на русском языке в 30—40-е годы выходят следующие книги Н. А. Байкова: «В дебрях Маньчжурии», 1934; «Великий Ван», 1936, 1938; «По белу свету», 1937; «Тайга шумит», 1938; «У костра», 1939; «Сказочная быль», 1940; «Тигрица», 1940; «Наши друзья», 1941; «Записки маньчжурского охотника», 1941; «Шухай», 1942; «Таежные пути», 1943, и другие работы. Всего в подробной библиографии, изданной В. Н. Жернаковым (изд. русского факультета Мельбурнского университета, 1968) значится свыше трехсот названий публикаций Н. А. Байкова — книг, брошюр, статей в газетах и журналах. Многие его труды, как указано в библиографии, переведены на иностранные языки — английский, французский и японский.

Н. А. Байков прожил в Маньчжурии большую часть своей жизни. Уехал он из Харбина в 1956 г., поселился с семьей в австралийском городе Брисбене, где вскоре и умер.

Работы его пользовались, особенно среди русских зарубежных читателей, огромной популярностью. В чем был их секрет? В том, что он сумел изучить и прекрасно описать еще тогда мало известный мир таежных обитателей, местные предания, китайские реалии. Ведь кого только не встретишь на страницах его рассказов! Тут и маньчжуры — звероловы, сборщики женьшеня, лесные отшельники, и русские — промысловые охотники, стрелки Заамурского округа пограничной стражи, казаки и железнодорожники полосы отчуждения КВЖД. Ему удалось застать тот уходящий мир таежников и следопытов, которые, как и герои Фенимора Купера, уже принадлежали другой эпохе.

Два рассказа Н. А. Байкова, предлагаемые вниманию читателя, — «Таежная правда» и «Нечистая сила», — взяты из его книги «Шухай», изданной в Харбине в 1942 г.

Е. П. Таскина

Таяжная правда

Пантовка, или добывание молодых рогов оленя, сопряжена с некоторыми неудобствами и опасностями, о которых многие, вероятно, не имеют никакого представления.

Неудобства ограничиваются лишь изобилием в это время года (май и июнь) комаров и мошки, которая недаром именуется «гносом» и «бичом Божиим»; а опасности этого рода промысловой охоты заключаются, главным образом, в том, что охотник может подвергнуться нападению из-за пантов, представляющих собой в настоящее время большую ценность. На этой почве в тайге разыгрываются кровавые драмы, тайну которых ревниво хранит дикий первобытный лес и зеленая стихия «Шухая», таяжного моря.

Одну из таких драм я и хочу поведать вам, дорогие читатели, и поделиться своими воспоминаниями о давно прошедшем.

Во время пантовки в верховьях Миднанхэ мы с Бобошиным сидели поочередно на солонце, для чего забирались туда заранее, еще засветло, чтобы узнать, с какой стороны приходят изюбри и откуда дует ветер.

Когда я сидел на солонце, моросил мелкий дождь, мошка и комар донимали мое терпение, и я прозевал приход пантача, который вышел с другой стороны и, незамеченный мною, глодал соль около получаса и ушел без выстрела.

На рассвете, рассматривая его следы, я заметил недалеко от солонца следы человека в китайских улах. Неизвестный бродил около нашего солонца и сидел на камне, шагах в пятидесяти от нашей «сидьбы».

Я прошел по его следам порядочное расстояние и убедился, что это не китаец, а русский, так как нашел оброненную им пустую коробку из-под сигарет, которые никогда не курят китайцы.

Возвратясь утром в зимовье, я рассказал о своей находке Бобошину, который, по-видимому, не был удивлен моим сообщением и довольно равнодушно ответил, раскуривая трубку:

— Я давно уже заметил, что за нами следят! Но это им даром не пройдет! Я их посажу на мушку раньше, чем они меня! С Бобошкой шутки плохи! То негодяи братья Перминовы! Они и в Приморьи занимались темными делами и стреляли «горбачей» и «белых лебедей!» Они выслеживают нас, как дичь, и пристрелят, как только кто-нибудь добудет панты. Но, шалишь, брат, этот номер не пройдет! Бобошку не так легко взять на мушку! Ты их не трогай, Пенснэ, пусть выслеживают! Когда придет время, они свое получат и больше уж не будут поганить землю и коптить небо! Ты сегодня сиди дома и отдыхай, а я пойду на солонце! Погода разгулялась, и ночь будет светлая, лунная!

После этого старый зверобой стал собираться на солонце, отстоявший от зимовья в пяти верстах. Солнце стояло еще высоко в небе, когда Бобошин ушел на солонце, сказав мне на прощание:

— Ну, Пенснэ, прощай! Не поминай лихом, ежели что! Возьмешь панты — держи ухо востро! Сразу бери на мушку все, что шевелится, и не зевай!

Вскоре его высокая стройная фигура замелькала в зарослях орешника и скрылась в чаще леса. Я остался один и предался размышлениям. Слова старого таяжника показались мне странными и, стараясь объяснить их содержание, я долго ломал себе голову, но ни к какому выводу не пришел, и, утомленный предыдущей бессонной ночью, завалился спать, затопив предварительно печь и поставив на плиту чайник.

Проснулся я около полуночи и вышел из зимовья полюбоваться чудной таяжной ночью, окутавшей заснувшую землю своим темно-синим покровом. Полная луна плыла над лесистыми гребнями Чжангуан-цайлина, бросая свои бледно-желтые лучи в таяжные дебри, сквозь густую темную хвою великанов кедров.

Яркие звезды мерцали в вышине своим таинственным светом. На темном фоне речной уремы чертили огненные дуги и зигзаги летающие светляки, то на миг появляясь, то исчезая в непроглядной тьме лесных недр. Тайга молчала, слышался только крик козодоя и кваканье лягушек в ближайшем болоте.

Я стоял у зимовья, словно очарованный, созерцая божественную красоту мироздания. Но вот до слуха моего долетели звуки далеких выстрелов. Я насторожился и

стал прислушиваться. Всего было три выстрела. Два последних следовали один за другим, между первым и вторым оказался значительный промежуток. Теряясь в догадках, я долго еще стоял у зимовья, стараясь уловить малейший звук, доносившийся ко мне из недр дремучей тайги, но тишина не нарушалась ни одним звуком, и «Лесное море» было безмолвно.

Постояв таким образом еще с полчаса, я возвратился в избу и снова заснул богатырским сном, предварительно выпив кружку горячего чая.

Спал я долго и проснулся под давлением тяжелой руки своего приятеля. — Вставай, Пенснэ! — будил он меня, тряся за плечо и пуская мне в нос струю едкого табачного дыма. — Проспишь царство небесное и угодишь в пекло! Поздравь меня с полем! Добыл панты о пяти концах! Где у тебя спрятан ром? Надо выпить с устатку!

На столе действительно красовались прекрасные панты изюбря о пяти концах, весом до полупуда, срезанные с лобной костью.

Минут через десять мы сидели уже за столом и закусывали жареной изюбятиной, запивая горячим чаем с ромом. После второй кружки Бобошин оживился и стал подробно рассказывать, как подошел изюбрь и как он его свалил одной пулей.

Я не перебивал его красноречия, но, когда он умолк, раскуривая трубку, задал ему вопрос:

— Я ночью выходил из зимовья и ясно слышал три выстрела! Одной пулей ты убил изюбря, а куда же ты послал еще две пули?

На мой вопрос Бобошин ответил не сразу; видимо, он смутился и, густо покраснев, ответил:

— Если ты слышал, то скрывать не буду: одна пуля сидит в изюбре, другая в голове негодяя Перминова, а третья предназначалась мне, но Бог меня спас и покарал преступника. Когда я срезал панты на солонце, Перминов пустил в меня пулю, но мой святой Архангел отвел его руку, и пуля сбила только мою шапку. Тогда я взял его на мушку, и ты услышал третий выстрел.

Сказав это, он показал мне свою меховую рваную шапку, пробитую насквозь малокалиберною пулей, и продолжал:

— Как видишь, мой друг Пенснэ, все хорошо, что хорошо кончается. Моя пуля сказала таежную правду, и сам Господь простит меня, великого грешника! На тот солонец мы больше не пойдём: изюбрь далеко чует кровь человека!

Через день я проходил мимо того солонца, на котором сидел мой приятель, и из любопытства свернул на него, чтобы удостовериться в правдивости рассказа старого таежника.

Подходя к солонцу, я услышал сильный трупный запах, и тогда у меня не было уже никаких сомнений в правильности заявления Бобошина. Но мне хотелось убедиться в этом, не только обонянием, но и зрением, для чего я направился на солонец, руководствуясь запахом падали. Найти труп убитого человека не представлялось особенно трудным. Вскоре же перед моими глазами обрисовалась вся картина, или таежная драма, единственным свидетелем которой был дремучий лес и, может быть, рыцарь ночи, филин-пугач, наблюдавший с вершины старого кедра за действиями людей, нарушающими вековой сон дряхлой тайги.

Перминов лежал под старой березой, раскинувшей над ним свои кудрявые зеленые ветви. Это был еще совсем молодой человек, лет двадцати, с рыжеватым пушком на подбородке под большим крючковатым носом. Лицо его напоминало хищную птицу, скорее коршуна, чем ястреба, и имело отталкивающее выражение.

Пуля Бобошина поразила его в лоб, где виднелась черная точка над правой бровью. Над трупом реяли рои мух и слепней. Запах был очень сильный, так что трудно было дышать.

На солонце не было видно свежих следов, так как запах разложения и крови отпугивал зверей от зачумленного места. Вокруг ликующая природа, млея и нежась под лучами горячего солнца, наслаждалась радостью бытия и благоухала одуряющим ароматом жасмина, сирени и ландышей. Картина смерти и тления не гармонировала с общим праздником природы и только подчеркивала принцип вечности и бессмертия в законах мироздания.

Пуля Бобошина, подтверждая суровый, жестокий, но неизбежный «закон тайги», сказала одну вечную мировую правду, как говорил мой приятель, как бы оправдывая свой поступок необходимостью самообороны и самозащиты.

Солнце подымалось над просторами Шухая. Становилось жарко. В зарослях тайги оглушительно звенели цикады.

Когда я возвращался назад, к нашему зимовью, и проходил вблизи солонца, где лежал убитый Перминов, до слуха моего достигли какие-то, необычные в тайге звуки, не то плач, не то стоны и вой. Мне показалось это странным и, желая выяснить источник этих звуков, я свернул с тропы и направился в сторону солонца.

Каково же было мое удивление, когда у трупа убитого человека я увидел собаку из породы сибирских лаек, большого роста и волкообразного вида.

Заметив меня, она зарычала и, скаля зубы, смотрела на нарушителя своего покоя злобными сверкающими глазами. Где она находилась утром при первом моем посещении солонца, я не знаю и думаю, что голод заставлял ее искать себе пропитание в тайге.

Не было никаких сомнений в том, что собака эта принадлежала убитому и, найдя его тело, осталась сторожить его с самоотверженностью преданного друга.

Это было очень трогательно, и, не желая нарушать покой верного пса, я отошел от солонца и направился домой к зимовью, где и рассказал Бобошину о своей встрече с собакой.

— Я знаю этого пса! — отвечал мой приятель, раскуривая трубку. — Он приведен Перминовым с Амура. Ничего, добрый пес! Хорошо берет медведя и кабана! А жалы! Пропадет зря и без пользы! Я знаю, он не бросит своего хозяина и подохнет с голоду у его трупа! Вот, если его закопать, пес поскулит-поскулит у его могилы дня два, три и уйдет к другому хозяину, который его прикормит. Надо выручить пса! Завтра пойду туда с лопатой и закопаю тело, а пес тогда найдет сам свою судьбу. Зовут его Сибирлет. Если хочешь иметь хорошую зверовую собаку, возьми его себе! Жалеть не будешь!

Я согласился со своим приятелем и выразил желание приобрести пса.

— Ладно! — сказал на это Бобошин. — Завтра же ты будешь иметь такую собаку, какой нет ни у кого! А теперь давай ужинать да и спать! Уже поздно!

На следующий день я проснулся поздно, когда солнце стояло высоко и бросало свои яркие лучи сквозь тусклое стекло внутрь зимовья. Бобошина не было: он ушел чуть свет на ближний солонец с лопатой, для предания земле убитого им бандита.

Вскипятив на плите чайник, я занялся приготовлением несложного таежного обеда, состоявшего из жареной козулятины. Бобошин вернулся только к полудню, но собаки с ним не было.

На мой вопрос: «А где же Сибирлет?» — он ответил, присаживаясь за стол и наливая себе в кружку горячий чай:

— Пес остался там! Я хотел привести его с собой, но не тут-то было! Сорвался с веревки и ушел в тайгу. Я звал его, свистел, искал, но так и бросил. Не хочет к нам идти — и не надо: насильно милым не будешь! Когда я пришел на солонец, он встретил меня ласково, как знакомого дядю, даже улыбнулся и вилял хвостом от радости, что увидел живого человека. Но вот, когда я подошел к убитому и стал поворачивать его, чтобы свалить в вырытую мною яму, пес зарычал и бросился на меня, как бешеный! Я едва от него отбил лопатой! Когда же я закопал его хозяина, он смирился и заскулил, да так жалобно, словно заплакал, ажно и у меня слезу прошибло! Потом подошел ко мне и стал ласкаться; тогда я надел ему на шею веревку и повел домой. Но не успел отойти от солонца и ста шагов, как пес сорвался с веревки и пустился бежать без оглядки в тайгу. Только его и видел! Может быть, вернется на станцию, к брату хозяина, или будет жить в лесу, как волк, на которого он похож, как две капли воды. Кто его знает! Ведь вот, поди ж ты! Его хозяин разбойник и кат, а пес привязался к нему, как верный друг! Не даром же говорится, что собака — друг человека! Она не изменит и не продаст, а если нужно, то и жизнь свою отдаст, защищая хозяина! Вот и выходит так, что собака лучше человека! Но, конечно, человек умнее собаки, а натура у него подлая, хуже звериной! В лесу я не боюсь никакого зверя, а на людях того и гляди, что устроят тебе какую-нибудь пакость, а то и прямо слопают тебя живьем со всеми потрохами! Особенно в городе, где народу много, хлеба мало, а кушать всем хочется, да еще

с маслом! Вот и едят друг друга поедом, чего не делает даже самый дикий лютый зверь! Волк ест козулю тогда, когда он голоден, а человек ест другого человека всегда, даже когда он сыт и карманы его набиты золотом!..

Так философствовал мой приятель под впечатлением пережитого и не мог успокоиться, пока не отправился на отдых после сытного обеда и чая с ромом.

Недели через три после того случая как-то мы с Бобошиным возвращались домой с дальних солонцов и, проходя мимо ближнего солонца, из любопытства заглянули на него, чтобы узнать, приходит ли сюда зверь.

На нем никаких следов не оказалось, что нас крайне удивило, так как прошло уже около месяца после этого печального происшествия.

Заглянули мы и на могилу убитого человека и что же мы увидели? — На могильном холмике, заросшем уже травой и бурьяном, лежал полусгнивший и почти высохший труп собаки. Это был Сибирлет. На шее его виден был обрывок веревки, надетой Бобошиным.

Он лежал, вытянувшись, и голова его покоилась на передних лапах. Судя по всем признакам, верный пес пропал от тоски и заморил себя голодом, не перенеся смерти своего хозяина.

Невольно, стоя над свежеею могилкой человека и смотря на труп верного пса, отдавшего свою жизнь в силу любви и привязанности к своему господину, мы обнажили головы и долго стояли молча, думая свои думы.

Говорить было не о чем! Все было ясно и понятно.

— А знаешь что, Пенснэ! — заговорил наконец мой приятель, усиленно сморкаясь, чтобы скрыть от меня слезу, затуманившую его взор. — Верного пса надо тоже предать земле, рядом с его хозяином.

На что я не возражал, и вскоре, рядом с прежнею могилкой, появился свежий земляной холм, в вершину которого мы воткнули кудрявую еловую ветку.

Суровый закон тайги и таежная правда остались нерушимыми.

Нечистая сила

Вот уже второй день мы скрадываем по следам изюбря и нам не удается не только догнать, но и увидеть, хотя бы издалека. Старый, опытный, вероятно, бывавший в переделках, бык как будто издевался над нами, держась от нас на известном расстоянии, но вне пределов выстрела и поля нашего зрения. Мы уже окончательно измотались и выбились из сил, бродя по глубокому снегу, с сопки на сопку, среди едва проходимых зарослей дикого винограда и лиан актинидий. Хитрый зверь сознательно водил нас по таким местам, будучи уверен в своем превосходстве над человеком в родной для него стихии дремучего первобытного леса.

Был полдень, когда мы подошли к речке Тутахезе, скованной льдом и покрытой пеленой ослепительно-белого снега, искрившегося под яркими лучами февральского солнца всеми цветами радуги.

Склонившись к самому льду, мы с жадностью пили холодную воду из наледи, образовавшейся на реке поверх снега.

Утолив жажду, мы тут же присели отдохнуть на камнях, выступавших из реки у крутого берега.

Закуривая трубку-носогрейку мой компаньон, промышленник Семен Кулешев, заговорил:

— Ведь вот, поди ж ты, какая умная скотина изюбрь! Водит нас второй день за нос и не дается никак под пулю! Отмахали, почитай, верст двадцать, а толку не добились! Это неспроста! Я думаю, что здесь дело нечисто! Сколько уж я этих изюбрей на своем веку перебил, а такого еще не встречал! Он, словно заколдованный, водит нас по тайге, и мы его никогда не догоним, только потеряем время и силы! Я теперь уверен, что это не простой зверь, а сам нечистый, принявший образ зверя. В тайге это иногда бывает, тогда надо бросить охоту и идти домой, так как все равно толку не будет! Со мной это случалось не раз! Вот и теперь, нам надо кончать охоту, а то нечистый заматает нас в конец!

Сказав это, Кулешев посмотрел на меня вопросительно и затянулся дымом из носогрейки. На мой возражения и утверждения, что нечистая сила тут ни при чем и что бояться нам нечего, мой приятель отвечал, сверкая своими лучистыми голубыми глазами:

— Нет, ты не прав, мой друг! Нечистая сила все-таки есть, я убедился в этом собственными глазами! Один раз я чуть было не пропал, когда увязался за кабаном, водившим меня по тайге двое суток! Это был не кабан, а нечистый, я это понял тогда, когда выпустил в него пять пуль, а на самом деле это был обгорелый пень! Если ты не веришь мне — иди за изюбром, а я не пойду, будь он проклят! Давай лучше разведем костер, вскипятим чайник и подзакусим, чем Бог послал, а потом подадимся к зимовью и отдохнем как следует!

С этими словами Кулешев сбросил в снег вещевой мешок и винтовку и приступил к заготовке дров для костра. Слова моего приятеля, сказанные с такой убежденностью и уверенностью, подействовали на мое любопытство, и мне захотелось испытать на себе козни и шалости «нечистой силы», а потому, отдохнув немного у разгоравшегося костра, я сказал:

— Семен! Я тебя не разубеждаю, но остаюсь при своем мнении. Для того чтобы проверить твои предположения, я пойду выслеживать изюбря и скоро вернусь, так как думаю, что зверь ушел недалеко и я его застану на лежке!

— Ну иди! — отвечал мне Кулешев, загадочно улыбаясь и сбрасывая у костра охапку сухих веток и сучьев. — Только смотри, если заметишь, что он тебя дурачит, — возвращайся назад, а то зайдешь далеко и к ночи не вернешься!

— Ладно! — проговорил я, закинув винтовку за спину и шагая вверх по косогору. — Не так страшен черт, как его малюют! Авось свалю нечистую силу!

Вскоре я нашел свежий след изюбря и начал его скрадывать, стараясь «резать» зигзаги и углы для сокращения и выигрыша времени.

Через полчаса я достиг перевала через хребет, где нашел совершенно свежую лежку зверя под скалой. Очевидно, изюбрь меня услышал и ушел заблаговременно, не подпустив близко. Отсюда он тронулся шагом и, поднявшись на крутой каменный хребет, пошел по гребню, часто останавливаясь и скусывая по пути молодые побеги осин и клена.

Судя по следам, зверь был большой и грузный, очевидно, старый бык-одинец, отбившийся от стада.

Идя по следам зверя, среди каменных выступов горного кряжа, я очутился перед тропастью глубиной до десяти и шириной до четырех метров, с крутыми обрывистыми краями. Перепрыгнуть нечего было и думать. Что доступно зверю, то недоступно человеку. Надо было спускаться с хребта и искать обхода, что я и сделал, рассчитывая где-нибудь пересечь след изюбря, но мне удалось это только через час самых тщательных поисков. Я увидел изюбря с великолепными ветвистыми рогами, пасшегося в густых дубняках на ярком солнцепеке горного хребта. До него было шагов шестьсот. Желая подойти поближе, то есть на верный выстрел, я ползком стал к нему подбираться. Ветер тянул на меня, и зверь не чуял опасности. Не теряя его из вида, я быстро к нему приближался.

У ствола старого дуба я остановился и, став во весь рост, начал тщательно прицеливаться в левую лопатку таежного красавца, по временам поднимавшего свою прекрасную гордую голову. До него было не более двухсот шагов.

Я уже готов был нажать на спусковой крючок указательным пальцем, когда невдалеке от меня шелкнул сухой винтовочный выстрел и пуля, срезая ветки дубов, пронеслась над моей головой с тонким свистом. Вслед за тем раздались еще выстрелы и в мою сторону полетели пули, предупреждая о смертельной опасности.

Не было никаких сомнений, что я подвергся нападению шайки хунхузов. Надо было немедленно же принимать то или другое решение, иначе грозила неминуемая смерть.

Хунхузов я не видел, так как они залегли в зарослях густого орешника и оттуда обстреливали меня частым огнем, с расстояния около четырехсот-пятисот шагов.

Прячась за стволами деревьев и за камнями, я отвечал им также огнем, но выстрелы мои были наугад, так как хунхузы боялись показываться из-за закрытий. Их пули также не попадали в цель, шелкая около меня в землю и о стволы деревьев. Судя по выстрелам, их было человек десять. Я знал, что они охотились за моей винтовкой, так как лично я им не был нужен совершенно. На основании этого я решил дорого продать свою жизнь и беречь патроны, которых у меня оставалось всего двадцать штук.

Заметив их намерение окружить меня, я начал отступать под прикрытием за-

рослей, к горному кряжу, где надеялся занять более выгодную позицию для обстрела.

Угадав мой маневр, хунхузы, стараясь предупредить меня, начали обходное движение перебежками по открытой местности, за что и жестоко поплатились, потеряв сразу же четырех человек, которых я срезал пулями в упор. После этого они стали осторожнее, чем я и воспользовался, достигнув раньше их горного кряжа, где положение мое значительно улучшилось, или, по крайней мере, не было безнадежно. Здесь я был, как в каменной крепости, и мог обстреливать большую площадь, шагов на пятьсот спереди и сзади.

Хунхузы поняли тактические преимущества моей позиции и, стараясь взять меня хитростью, начали наступать, прикрываясь срезанными ветками орешника с сухими неопавшими листьями. Но я сразу заметил их маневр и бил наперняка по двигавшимся кустам.

Потеряв еще трех, они прекратили свои атаки, ограничиваясь бесполезным обстрелом моей импровизированной крепости.

Между тем время летело быстро, и вечер приближался. В тайге легли уже длинные тени. Стало смеркаться. Наступление темноты давало возможность хунхузам подобраться ко мне вплотную, но в то же время увеличивало шансы на мое спасение.

Патронов у меня осталось только десять штук. Хунхузы это, очевидно, знали по моим редким выстрелам, и рассчитывали взять меня безоружного.

Так продолжалась пустая перестрелка до вечера, как вдруг, совершенно неожиданно, выстрелы раздалась сзади расположения хунхузов. Я видел, как они вскакивали из-за своих закрытий и пускались бежать вниз по косогору, спасаясь от невидимого таинственного стрелка, засевшего на опушке дремучего кедровника.

Я не видел этого «волшебного стрелка», но догадался, что это мой приятель Кулешев, услышавший выстрелы и поспешивший ко мне на помощь. Он поспел вовремя, так как патронов у меня оставалось только пять штук.

В одно мгновение ока хунхузов и след простыл.

Вскоре я услышал далекий голос моего приятеля, он звал меня и кричал:

— Гоп, гор! Пенснэ! Где ты? Если жив, то отзовись!

После этого его рослая стройная фигура показалась в зарослях. Когда я подошел к нему, он стоял над убитым хунхузом и обыскивал его со всех сторон.

— Ну, Пенснэ! Счастлив твой Бог, что я услышал выстрелы и прибежал на помощь, а то хунхузы захватили бы тебя живьем! Ведь их было не менее пятнадцати человек. Половину мы уложили, а остальные бежали. Их надо всех обыскать и отрезать правые уши, а то скоро ночь, ничего не увидишь!

Трупы убитых хунхузов были разбросаны по кустам в различных позах. Большинство убиты были в голову. Все были, как на подбор, здоровенные люди, одетые в новые меховые куртки и штаны с наколенниками. Вооружение состояло из разнокалиберных винтовок, со множеством патронов в ленточных пантронташах, носимых через плечо. В вещевых мешках оказались пампушки. На месте боя мы обнаружили десять трупов.

Через полчаса, найдя уютное местечко под скалой, мы развели большой костер и занялись приготовлением чая и ужина.

Скоро наступила темная таежная ночь. Чую свежую кровь, красные волки вышли из недр лесов и дрались между собой из-за трупов, нарушая тишину тайги визгом и воем.

— Знаешь, Семен! — отвечал я своему верному товарищу. — Я никак не думал, что ты услышишь стрельбу. Ведь расстояние уж больно велико, не менее десяти верст!

— Да, это правда! — отвечал Кулешев, допивая чуть ли не десятую кружку чая. — Расстояние большое, но выстрелы из берданок слышны далеко. Как только я услышал пальбу, то сразу же догадался, в чем дело, и побежал на выручку. Хорошо, что не опоздал, а то эта мразь тебя задавила бы. А все-таки я был прав: нечистая сила навела тебя на хунхузов! Если бы не изюбрь, хунхузы прошли бы стороной. Это он подвел тебя под их пули. Я сразу же догадался, что это нечистый, и предупреждал тебя, но ты не верил мне, а теперь, небось, сам убедился, что я говорил правду!

Сказав это, он посмотрел на меня вопросительно, а затем прибавил:

— Ты еще мало знаешь тайгу, друг мой, вот, когда поживешь здесь с мое,

тогда станешь грамотным и никакая нечистая сила тебя не слопаёт! В тайге надо быть всегда на чеку и держать ухо востро, иначе пропадёшь пропадом. Раньше я тоже не верил в нечистую силу, а вот, когда побродил по сопкам, то поверил. Но я ее не боюсь! Потому на мне крест, которого не терпит нечистый! Вот ежели без креста, то плохо! Сразу попадёшь к нему в лапы! По следу тоже можно узнать, какой зверь, настоящий или нет! У настоящего след правильный, печатный, а у нечистого он путанный и часто прерывается. Иногда нечистый прикидывается человеком, а потом зверем и даже птицей. Вот, к примеру, черный дятел — желна, сначала водит тебя по тайге без толку, а потом как захохочет, ажно поджилки затрясуются и мороз пойдет по коже!..

В это время действительно раздался громкий крик желны, напоминавший хохот. Мой приятель сразу притих и шепотом проговорил:

— Это смеется над нами нечистая сила! Ей досадно, что мы не попали впросак! А между прочим, все это не так страшно. С нами Бог! Да расточатся враги его! Я знаю, что ты не веришь в чертовщину и в душе надо мной смеешься, но скажи откровенно, разве я был неправ, когда предупреждал тебя и советовал отказаться от преследования изюбря?

— По-своему ты был, конечно, прав! — отвечал я своему приятелю. — И я очень благодарен тебе за спасение. Нечистая сила есть, но она находится не там, где ты предполагаешь!

После основательного чаепития мы занялись приготовлением себе постелей из еловых лап и заготовкой дров на всю долгую зимнюю ночь, что заняло у нас порядочно времени.

Мороз крепчал, и тишина тайги нарушалась треском деревьев и едва уловимым шумом, который всегда слышится в первобытном лесу, даже при абсолютном безветрии.

Из предосторожности мы решили дежурить поочередно всю ночь и поддерживать огонь.

С полуночи Кулешев улегся спать, накрывшись с головой полушубком, а я от скуки снова занялся чаепитием и, сидя у костра, предавался мечтам и размышлениям.

Чтобы прогнать одолевший меня сон, я часто вставал и, собирая сухой валежник, бросал его в огонь, отчего костер с шумом разгорался, бросая в вышину тучи искр, таявших и исчезающих в темных вершинах вековых кедров.

В одну из таких прогулок мне показалось, что сверху, со скалы, что-то сыплется и, как будто слышится шелест сухой листвы. «Повесив уши на гвоздь внимания», как говорили когда-то индейцы Купера, я стал всматриваться в темноту. Вскоре я убедился, что над нами кто-то шевелится, зверь или человек.

Разбудив Кулешева, я объяснил ему, в чем дело.

Зевая спросонок и почесывая затылок, он отвечал:

— Вот так оказия! Кто бы это мог быть! Неужто тигра! Пойду, посмотрю! А ты посиди здесь и будь готов ко всему. Так оставить этого нельзя!

Сказав это, старый таежник взял в руки винтовку и скрылся в зарослях. Я также взял в руки винтовку и застыл в ожидании.

Минут через десять раздался в тишине голос Кулешева:

— Сюда! Пенснэ! Таши из костра головешку!

Не долго думая, я выхватил из огня горящий сухой сук и, закинув винтовку за спину, побежал к своему приятелю, освещая путь горячей головней.

При свете таежного факела, я увидел склоненную фигуру Кулешева над каким-то темным предметом. Это оказался раненый хунхуз. Он был брошен своими товарищами и умирал один в тайге. Увидев наш костер, он пополз к нему, чтобы не замерзнуть, но силы его оставили, и он потерял сознание от боли и потери крови. Это был еще совсем молодой китаец, лет двадцати. Разрывная пуля Кулешева, попавшая ему в живот, нанесла сквозную рану, от которой он должен был погибнуть, так по крайней мере мы думали.

— Давай перенесем его к костру! Он хоть и хунхуз, а все же человек, и бросить его одного в тайге негоже. Мы его не спасем, но облегчим его смертный час! Бери его за ноги, вот так, а я подмышки. Ну, айда!

Перетащив раненого к костру, мы уложили его у самого огня, чтобы он согрелся, и почти насильно влили ему в рот кружку горячего чая с ромом.

После этого он пришел в себя и смотрел на нас дикими, удивленными глазами. Вероятно, он представлял себе нас добрыми гениями, а себя уже мертвым. На наши вопросы он ничего не отвечал и только глухо мычал, когда Кулешев делал ему перевязку бинтом из санитарного пакета.

Пуля вошла в левый пах и вышла в ягодицу, вырвав порядочный кусок мяса.

Крепкий ром на него подействовал сразу, и он заснул крепким сном. Чтобы он не замерз, Кулешев прикрыл его своим полушубком.

Нам было уже не до сна, и мы просидели всю ночь у костра, наблюдая за раненым, который во сне стонал и бредил, произнося какие-то слова по-китайски.

К утру он успокоился и затих. Мы думали уже, что он умер, но ровное дыхание и спокойный пульс указывали, что жизнь победила смерть, чему мы порадовались от души, несмотря на то, что спасенный нами китаец был нашим лютым врагом, хунхузом.

Когда совершенно рассвело, мы разбудили раненого и сейчас же приступили к осмотру его раны, которая оказалась не смертельной, хотя и тяжелой.

Посоветовавшись, мы решили донести его до ближайшей зверовой фанзы, где и сдали раненого старику-зверолову, заплатив ему вперед за уход и лечение. К весне он поправился и, бросив свое опасное ремесло, остался у хозяина работником, а впоследствии стал звероловом.

В ДОПОЛНЕНИЕ К НАПЕЧАТАННОМУ

Цзян Цзинго — основатель подмосковного колхоза

(или эпопея сына Чан Кайши
в деревне Жоково)

Сюй Лу и автор в Жоково

В. ВОРОНЦОВ

Впервые в нашу страну пришла группа тайваньского телевидения.

— Здравствуйте, я — Сюй Лу, — протянула мне руку молодая, с черными, как смоль, волосами китайка. На смугловатом ее лице играла улыбка. — Вот моя визитная карточка.

Такую карточку довелось увидеть впервые — несколько листов объемом с машинописную страницу, с которых смотрели ее фотографии, появившиеся в различных газетах Пекина, Тайбея. Статьи и книги Сюй Лу выходили в США и на ее родине — на Тайване.

Почему Сюй Лу пришла прежде всего в редакцию «ПДВ»? Ответ простой. Она возглавила группу тележурналистов, прибывших в Союз познакомиться, помимо прочего, с памятными местами, где провел свою юность и молодость бывший, покойный ныне, Президент Тайваня — Цзян Цзинго. А о нем, о его удивительной судьбе, дорогой читатель, Вы могли впервые узнать, прочитав статьи, опубликованные в № 6 за 1988 г. и № 1 за 1989 г. нашего журнала.

Сюй Лу начала нашу встречу с знакомства с анкетой Цзян Цзинго, написанной собственной рукой, бывшего в прошлом члена ВКП(б), а впоследствии Президента Тайваня: «Слушатель Университета трудящихся Китая (КУТК), курсант специальной военной школы, Военно-политической академии им. Толмачева в Ленинграде, Председатель подмосковного колхоза, редактор многотиражки на Уралмашзаводе». Гостью из Тайбея немало подивило, что материалы о Цзян Цзинго, опубликованные в «ПДВ», встретили живой читательский отклик.

Сюй Лу удивило письмо в «ПДВ» из Зарайска от автора «Зарайской энциклопедии» Поляничева Владимира Ивановича. «Мне давно было известно, — пишет он, — что в конце 20-х или в начале 30-х годов в селе Большое Жоково, Зарайского уезда (ныне Рыбновского района Рязанской области) летнюю практику проходил Цзян Цзинго. Вместе с единственным здесь партийцем — М. Плешевым — Цзян Цзинго (его звали сельчане просто Коля-китаец) участвовал в коллективизации». В. Поляничев назвал и сына М. Плешева — Александра Михайловича Плешева, кандидата экономических наук, ныне преподавателя Московского кооперативного института, а в прошлом председателя Зарайского райпотребсоюза. Плешев вспомнил, как, будучи совсем маленьким первоклассником, катался на сильных плечах Коли-китайца...

На следующий день вместе с Александром Михайловичем едем в Жоково, выступаем в роли сопровождающих группы тайваньского телевидения. Путь оказался довольно продолжительным. Но мы были вознаграждены пирогом в доброй русской семье Поляничевых. Глава ее оказался весьма любезным и проводил нас до Жоково.

Деревня встретила нас довольно уныло. На улицах — ни души, хотя и субботний день. Гнетущее чувство и у нас — тех, кто сопровождал гостей от журнала «ПДВ», — печальная кругом картина, с той поры, как в 1931 г. здесь создавал Цзян Цзинго колхоз, положение в деревне мало в чем изменилось. Александр Михайлович Плешев показал свой родной дом, место, где стояла раньше изба доброй русской женщины Софьи, о ней вспоминает Цзян Цзинго в своих мемуарах. А вот и церковь Тихвинской божьей матери, где довелось провести, ежась от непогоды, первую ночь в Жоково нашему герою. Церковь эта давно приспособлена под совхозный склад. Плешев показал и кирпичную стену соседнего дома, у которой чуть было не расстреляли Цзян Цзинго. Только чудом он остался в живых.

Наши гости уезжали с готовым телефильмом о памятных местах Цзян Цзинго, о людях, которые знали и вспоминают — чаще всего, кстати говоря, добрым словом — в прошлом члена ВКП(б), ставшего Президентом Тайваня, известного у нас в стране под псевдонимом Николай Владимирович Елизаров. Этот телефильм предназначался для показа на Тайване, и мы надеемся, не только там. Уникальная судьба Цзян Цзинго отражает суровую, временами трагическую, историю русского и китайского народов, которые пережили полные драматизма гражданские войны, кровавое насилие диктатуры, понесли неисчислимые жертвы в военных и политических баталиях.

Ниже публикуется отрывок из рукописи «Цзян Цзинго в стране большевиков». Автор основывался на документальных материалах московских архивов, воспоминаниях очевидцев, дневниковых записях самого сына Чан Кайши. Фамилии лиц, окружавших героя, большей частью принадлежат действительным участникам событий.

Фильм, снятый тайванскими тележурналистами, посмотрела, как стало позже нам известно, вдова покойного президента Фаина Вахрева — выпускница ФЗУ г. Свердловска, комсомолка 30-х годов. Революционные события в России и в Китае свели когда-то вместе молодую свердловчанку и большевика-китайца, и при всей жестокости времен сталинской диктатуры их брак, в общем-то, видимо, счастливый — ведь у них было трое детей — покоился изначально на интернациональном, общечеловеческом восприятии наивысших ценностей жизни человека.

* * *

И снова гудок паровоза. Теперь, весной 1931 г., Цзян Цзинго или, как его нарекли в Коминтерне, Николаю Владимировичу Елизарову нужно было ехать на село, к крестьянам, помочь деревне своим участием в колхозном движении. Он стоял на перроне вокзала, прощаясь с Москвой, хотя, как сердце подсказывало — ненадолго.

Еще неделю тому назад он случайно, бродя по московским улицам, наткнулся на доцента Владимира Насилова, которого знал еще со времени учебы в Коммунистическом Университете Трудящихся Китая, куда попал в двадцать пятом, сразу же после приезда в Россию. Разговорились. Насилов недавно вернулся из отпуска, побывал на родине в Зарайске и с упоением говорил о тамошних краях, о своих земляках, отзывчивых и гостеприимных, об исторических, памятных местах своего чудо-города. Не раз отражал он нашествия чужеземцев, словно врзался зубьями своей крепости в закальчуженные клинья иноземных орд. А сейчас словно чума наступала на его родные края. Земляки переживали неурожайное лихолетье, а политические страсти, казалось, до предела накаляли обстановку — колхозные артели рождались в невыносимых муках. «Поезжай, помоги, сам поучись», — посоветовал Насилов. — Хочешь стать настоящим большевиком, должен пройти все. Ты ведь не один поедешь. Двадцать пять тысяч большевиков, устремившихся в села из городов, выполняют приказ партии». Николай задумался. Может быть, это спасительный шанс?! В последнее время его преследовало мучительное ощущение своего бессилия, он метался словно загнанный в тесную клетку зверек. Отказ от отца не помог. Николая обвинили в троцкизме, лишили переписки с родственниками, и, наконец, он узнал — в Коминтерне обсуждается идея о высылке Елизарова в Сибирь. Да я учился у ректора КУТК, преподавателя истории Карла Радека. Ну и что? Рассуждал он. Разве это преступление? А ведь все началось с выступления И. Сталина: «Ошибки клики Троцкого». Друзья, которых причислили к «кликке», арестованы. Высылка в Сибирь пугала.

Цзян Цзинго — или «Коля-китаец»

Фанна Вахрева

Он срочно написал письмо в ЦК ВКП(б), чуть ли не умоляя позволить вернуться в Китай, в крайнем случае послать его под Москву, но только не в Сибирь. — с его здоровьем там не выдержать. Вскоре пришел ответ: получено разрешение на Подмосковье.

...Почти восемь часов, подолгу останавливаясь на полустанках, состав тащился к Зарайску. К вечеру прибыли на едва приметную в сумерках станцию, где «двадцатипяти-тысячников» встречал уполномоченный Районного исполнительного комитета (РИК) Зарайска. «Кто с мандатами по коллективизации — ко мне! — раздался его хриплый голос. Толпа вяло отреагировала, но человек шесть из разных вагонов откликнулись. — Сейчас поведу вас на ночевку», — заключил встречавший. Николай постоял несколько минут на платформе, глубоко вздохнул, как бы пробуя на вкус новый для него воздух зарайских краев, и поспешил за уполномоченным.

Шестерых разместили в небольшой классной комнате одной из местных школ, и они сразу же завалились спать. Поутру их разбудил скрип колес крестьянских телег и ржанье лошадей. Поднялись, умылись. Тот же, что и на вокзале, хриплый голос оповестил: «Ребята, вас ждут в РИК'е!» Хлебнув кипятку, появившемуся неизвестно откуда, прикусив куском сахара, партийные посланники двинулись к находившемуся неподалеку зданию районного комитета.

— Николай Владимирович Елизаров! — произнес с пафосом зачитывавший список председатель РИК(а), носивший ту же, что и Николай, фамилию. — Здорово, тезка! Не из моих ли родственников будешь? Да, ведь ты из Китая! — И спокойно, несмотря на возникший в комнате шумок, продолжал:

— Мы все здесь родичи, и не по цвету кожи, а по происхождению, по классовому сознанию. Нас много, и сегодня двадцать пять тысяч направлены в деревню, чтобы повести за собой бедняцкие массы к новой жизни, а значит и углубить мировую революцию.

Последовали и суровые предупреждения: «Помните, — напутствовал председатель собравшихся, — большевиков по многим деревням вообще нет, и вы будете там первыми, на вас большая надежда. Молочных рек с кисельными берегами не ждите, надейтесь на себя. Да, постреливают, бывают и жертвы, но без этого — ведь классовая борьба. Ежели почувете — зашевелился классовый враг и готовит какую-то пакость, сообщите в милицию. Наши милиционеры, хоть парни и молодые, но в передрягах бывали, мигом на конях примчат, из беды выручат. Прошу зайти в соседнюю комнату и получить новый мандат».

Молодой парень с небритым и слегка красноватым лицом раздавал вновь прибывшим мандаты.

— Николай Елизаров? Ты, брат, поедешь, пожалуй, в самую убогую деревню, это

недалече от Большого Коровино, верст шесть от него напрямик, не более. Там в деревню Жоково недавно приехал товарищ Демкин. Он тоже «двадцатипятипятисотник», помощника просил. Всем миром колхоз соорудите, примером будете, в партию тебя из кандидатов переведем. Небось заждался?

Николай не стал отвечать — слишком много пришлось бы объяснять. И происхождение, и открытое, опубликованное в «Правде» письмо своему отцу — лидеру Гоминьдана — Чан Кайши, которое, как он понял, сюда и не доходило. «Когда нужно будет, отвечу на все вопросы», — подумал он про себя и молча взял протянутый ему мандат. На нем довольно неряшливо было напечатано: «Николай Владимирович Елизаров направляется штабом колхозного движения Зарайского района в деревню Жоково для организации там колхоза».

У крыльца, уныло пожевывая брошенное перед нею сено, Николая дождалась усталая лошаденка, запряженная в испытанную, казалось, все на горбатых дорогах телегу. Хозяин лошади, пожилой крестьянин с испещренным морщинами лицом и жилистыми руками, потеряв терпение от бесполезного, как ему казалось, ожидания, толкался у дверей, беспрестанно спрашивая: «Кто в Коровино?» и «Где уполномоченный в Жоково?» Он недоверчиво, не скрывая любопытства, посмотрел на Николая, смерил его взглядом: «Ну, садись, коль не шутишь. Соломки постели поболее, может, протрясет. Ну, милая, трогай!» — крикнул мужик, слегка чмокнув языком.

— Будем знакомы, — сказал он. — Петром меня зовут, сын Василия. А ты, сынок, из каких же краев?

— Из Китая, папаша.

— Из самого Китая? У нас по деревням здесь китайцы временами бывают, цыгане тоже. Китайцы нам знакомы, к труду привычны, игрушки для ребятни делают, да и другим полезным промыслом занимаются. А ты, что же, партиец? На подмогу Демкину?

— Да, посылали всех, но я сам к вам попросился.

— А чего тебя так называли Николаем? Мне сказали: Николая Елизарова, мол, повезешь!

— Трудное у меня имя по-китайски, зачем его по-русски, как у вас говорят, коверкать.

— Да... — многозначительно протянул Петр Васильевич, — значит, делить всех будешь — на белых, красных, бедных, слышь, богатых, може и средних найдешь?

— Да нет, дед, сейчас мы все равны, а раз так, то в одном хозяйстве должны работать на общее благо.

Дорога плавно огибала зарайский холм, спускалась к реке. Над уютным городком нависал кремль, словно московский, но только меньших масштабов. Бойницы смотровых башен будто под прицелом держали всю округу, на толстых, из красноватого кирпича стенах играло своими лучами майское, по-летнему яркое, утреннее солнце.

— Скажи, Петр Васильевич, давно кремль построен? Для чего? — не мог скрыть любопытства Николай.

— Давно, говорят, это было. Лет триста тому назад. Татары со всех сторон наседали, вот здесь защитную крепость и поставили. Память еще в наших краях живет о тех людях, боевые они были, что бабы, что мужики. Сказание что ли такое у нас есть... о зарайской княгине Евпраксии — краше, поди, другой не было, смела она была. Татары супруга ейного убили, да и ее полонить хотели, в гарем, значит, определить. Не далась она. Взъяла сына малого, обняла, с ним на башню крепости поднялась, так с дитем вниз в реку и бросилась. Не захотела, значить, мужа своего, хотя и мертвого, предать от родимой земли, ее вскормившей отказать. Да... Иноземцы здесь о себе тяжкую память оставили. Деревню, вишь, куда едем, жгли они не раз — отсель и пошло Жохово, Жохово... Опосля стало Жоково. Чуть от него подале — Бойчицы, где, значит, бой смертельный был...

Николаю вспомнилась легенда о «пятнистом бамбуке» — «сянфэй», — с давних времен она жива среди китайцев. Две красавицы-сестры — Эхуан и Нюйин — были замужем за императором Шунь. Эхуан как старшая стала императрицей, а младшая, согласно древним традициям, — второй женой императора. Однажды император направился на юг страны, там заболел и умер. Не выдержали всей глубины горя сердца Эхуан и Нюйин, в отчаянии бросились они в реку Синьцзян. От горьких слез на бамбуке, за который они держались, стоя на крутом берегу, остались следы, с тех пор и появился «сянфэй» с его пятнами на зеленых стволах.

Николай оглянулся: слева к дороге подступала удивительная своим весенним очарова-

нием березовая роща. Подумалось: эти пятна на белых стволах не память ли о слезах той русской княгини...

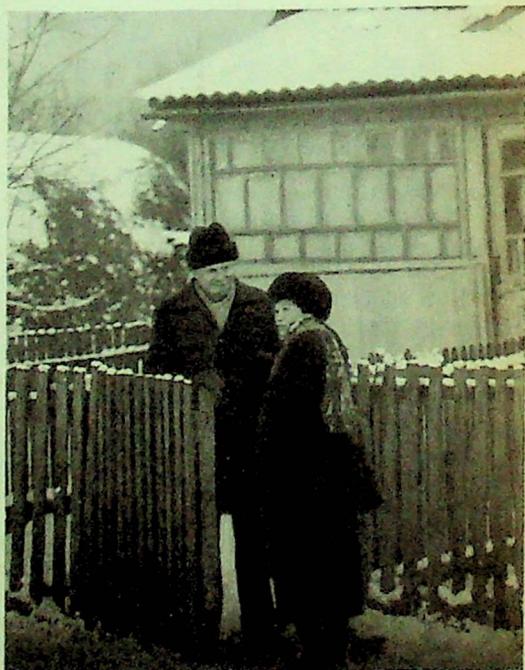
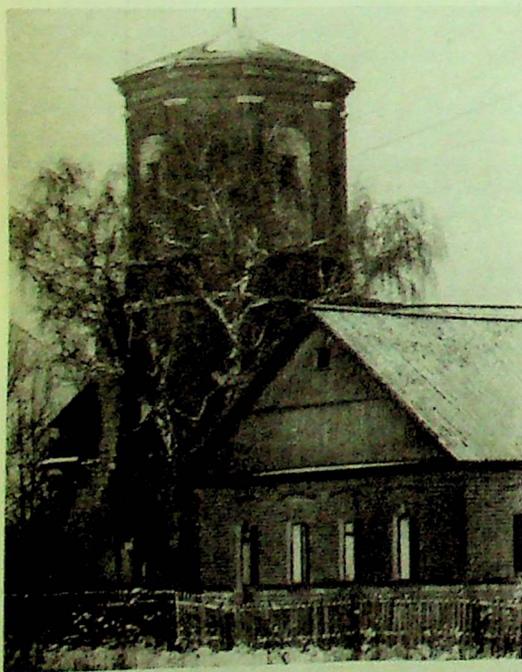
— У нас,— прервал молчание Николай,— древнее военное сооружение есть «Стена в десять тысяч ли», другой такой по протяжению в 6 тысяч километров, пожалуй, нигде в мире нет. Давным-давно великий император Цинь Шихуан, объединивший Китай, связал разрозненные части стены, создал как бы фундамент единого сооружения. Знаешь, как у нас говорили,— с гордостью заключил Николай,— тысячи воинов не одолеют стену, если хоть один человек будет оборонять ее. Как и кремлевские стены русских городов и монастырей, китайская стена стала преградой на пути агрессоров.

...Дорога убавкивала: запах весеннего леса, пахучие луга, поющие жаворонки, журчанье веселой реки, уносящей свои воды к Волге, и голубое небо с плывущими на восток облаками. Незаметно подкралась дремота. Очнулся от окрика Петра Васильевича: «Приехали! Тут уж недалеко, за холмом, подвезло тебе, парень, будь дождь весенней порой, по бездорожью, ей богу, засели бы мы со скотиной в топях».

— Большая, отец, деревня-то Жоково?

— Ну как тебе сказать? Боле ста дворов. По нашим меркам — не мала, не велика. Богатым село было, а сейчас вроде крестьянствовать зажиточным негоже, попадешь, как Демкин говорит, под раскулачивание. Тут наемдни трое приехали. Объявили: мы из райкома, с пистолем — по избам, телегу зерном, съестным нагрузили. На прощание сбрендиди: реквизируем на пользу Советской власти! Хорошо хош, бают у нас, не порешили никого. Ну, вот и деревня нашенька. Смотри, паря, где жить будешь, хлеб, соль добывать. Пойду гляну, где Демкин.

Соскочил Николай с телеги, размял кости, оглянулся: церквушка в глаза бросилась, аккуратная такая, красным кирпичом сложена, колоколенка высокая, рядом пятью золотыми куполами над округой возвышается, что слева, что справа дома стоят добротные, в штука-турке и из кирпича. А дальше, по обе стороны дороги, почти на версту — избы либо жмутся к соседним, либо отступают, как обиженные, друг от друга, да крыши соломой крытые. За околицей сады яблоневые, поля, выгон виднеется, раздолье!

Церковь в Жоково

Сюй Лу и А. И. Плешев;
здесь бывал Цзян Цзинго

Петр Васильевич вернулся хмурым. Развел руками: «Знаешь, парень, располагайся-ка ты сам на ночлег, вишь темно. Демкин куда-то запропастился. Вон там, у церкви пристройка есть, туда и подайся. Утро вечера мудренее».

Подошел к пристройке, что к церквушке прижалась, смотрит, а на задворках кресты — никак могилы? Хорошее соседство! Толкнул дверь ногой, заскрипела. Стал устраиваться на ночлег, присмотрел охапку соломы, бросил на нее шинельку, накрылся пиджачком. Ни еды, ни теплой одежды, ни нормальной постели. Но он не сокрушался о своем теперешнем положении, а воспринимал его как естественное, соответствующее тяжелым условиям, в которых находилась здешняя деревня. Конфуцианские постулаты, составлявшие с раннего детства основы поведения в его как и в иной китайской семье, воспитали у Цзян Цзинго чувство глубокого уважения к коллективизму, к общественному потреблению в соответствии с принципом «одна чаша на всех». Казарменный аскетизм, с которым пришлось столкнуться китайскому юноше в послеоктябрьской России, не удивлял его. Незаметно для себя он находил здесь немало общего в прославлении равенства, во всеобщей бедности и традиционной приверженности нормам конфуцианской морали у себя на родине.

Время шло медленно, сон не приходил. Николай выглянул во двор: набежавшие откуда-то тучи закрыли и луну, и звезды, к ночи стало прохладнее. Он снова забился в угол своего пристанища. Вдруг послышались чьи-то шаги, скрипнула дверца, и слабый свет свечи осветил лицо уже немолодой женщины.

— Ты Коля-китаец, что ли?!

— Да я вроде.— пробормотал он в ответ.

— Софья я, Лаврентьева, собирай пожитки и пошли-ка к нам. С сестрой старшей, Марьей, живу, не помешаешь. Что тебе здесь дрожать, никак человек, не скотина же.

Побрел он за Софьей к ее избе, что приютилась здесь же недалеко от церквушки. Здесь в небольшой, деревянной избе, похожей скорее на сарайчик, окруженной двумя каменными домиками, и предстояло прожить Николаю Елизарову почти год.

Обе сестры чувствовали себя одиночками. Дети, повзрослев, оставили родной дом, разбрелись по разным дорогам. Софья испытывала потребность обратить на кого-то свою заботу, и душевная ее теплота проявлялась всякий раз, когда кто-то нуждался в поддержке, в помощи. И когда Петр Васильевич сказал Софье о том, кого он привез и где на ночевку устроился Николай, доброе сердце женщины откликнулось. И уже в первый день Николай мог оценить доброе отношение к себе в доме Лаврентьевой.

Деревенская ребятня сразу же обратила свое внимание на смуглого, хорошо сбитого, мускулистого парня. Дети с любопытством осматривали незнакомца, наблюдали, как Николай делал зарядку, колот дрова, таскал воду из колодца. С восторгом стали делить с ним незамысловатые свои игры. Тот, кому из них удавалось где-нибудь раздобыть железное колесо, сразу же спешил к Николаю, чтобы помог. А тот своей могучей рукой сгибал, под восторженными взглядами ребят, проволоку любой толщины. Согнутый конец удобно облегал с одной стороны колесо. Умелые ребячьи руки вели один прямой конец проволоки, а колесо, чаще медное, ведомое изгибом — на другом, бежало по пыльной дороге, издавая нередко удивительные напевы, принося необыкновенную радость детворе. Но взрослые встретили незнакомца из Москвы весьма настороженно. «Знаешь, парень,— говорили ему,— легче, конечно хлеб есть, чем его растить». Николай воспринимал уколы, подозрительные намеки с пониманием,— ведь, в конце концов, откуда им знать, что может он, а что нет. Требовалось время.

Через два дня в деревне появились «двадцатипятипятитысячник» Иван Демкин и Михаил Плешев — единственный партиец на три деревни в округе — и Матвей Сколпин, считавший себя организатором еще не существующей местной, на втором конце села, колхозной артели. Они куда-то выезжали по делам и сегодня собрались в доме Плешева, чтобы познакомиться с китайским большевиком, у которого русская фамилия. О нем они уже были слышаны от волостного начальства.

— Теперь в нашем полку прибыло,— сказал при первой встрече Михаил Иванович Плешев.— Будешь в партийной ячейке, состоящей из члена и кандидата ВКП(б).

Демкин подхватил: «Поможешь создать крепкий колхоз в Жоково, а то мне, председателю сельсовета, туго, когда рядом частник давит. У тебя какое образование-то?»

— В университете учился, политической академии...

— Это хорошо. Нам грамотный парень нужен. Давай, входи в курс, надейся больше на себя. Занятия по политической грамоте проводить будешь — классовое сознание у неграмотной и малограмотной бедноты повышать необходимо.

Для Николая началась неведомая для него жизнь. В сельском хозяйстве он понимал мало, о русской деревне ничего не знал. Ему приходилось, конечно, слушать лекции в университете об аграрной политике большевиков. Студентам КУТК внушалось, что советская индустриализация должна открыть новую эпоху во взаимоотношениях между городом и деревней, положить конец эксплуатации деревни городом. Но когда это было? В 1925—1926 годах. В КУТК многие тогда зачитывались статьями Николая Бухарина. Сейчас другое дело. Провозглашенная Сталиным генеральная линия партии определила подсобную для индустриализации роль деревни. Лекции, дискуссии, конспекты! Как это все далеко!

Николай вспомнил лозунг, висевший на стене в столовой КУТК: «Кто не работает, тот не ест!». С чего начинать? С первого дня, с восхода до заката, его руки крепко сжимали рукоять плуга. С непривычки кружилась голова, не покидало чувство нестерпимого стыда за свое неумение, внутренне проклинал свою непригодность к элементарному сельскому труду.

Пять дней, забывая об отдыхе, работал Николай в поле. По вечерам, когда садился с Софьей да Марьей у самовара, являлась невыносимая усталость, все болело, свинцом наливались веки. И сделав несколько глотков пахучего, настоенного с сушеной рябиной, мятой чая он падал, словно мертвый, на свой матрас, забывался в глубоком сне.

На шестой день жители деревни собрались на сходку. Сельчане, поняв, что из Москвы приехал серьезный молодой человек, решили: пора послушать его.

В Жоково уже появились посланцы из центра, но доверия крестьян им заслужить не удалось. В этот раз сельчане открыто выражали свои симпатии к гостю из Москвы, стали любовно называть его Колей-китайцем.

На первой сельской сходке Коле-китайцу пришлось отвечать на многие вопросы: Если будет артель, кто определит размеры колхозной земли? А приусадебные участки? Кто хозяин? Дадут ли ссуду на сельхозинвентарь, на семена, если не хватит? Кто определит налог с колхоза, с каждого двора?

Не на все вопросы находились, конечно, ответы. Да и политика нажима по созданию колхоза столкнулась в крестьянских семьях с различной реакцией: одни с опасением и враждебностью встретили объявленную Сталиным генеральную линию, другие вздохнули с облегчением — наконец-то соседи будут равны в беде и в достатке, не будут завидовать друг другу.

Незаметно прошло три месяца, Николай, Михаил Плешев и Матвей Сколпин написали отчет РИКа о создании колхоза в деревне Малое Жоково. За этим рапортом стояли бессонные ночи, изнурительный труд в поле, собрания — толковые и бестолковые и разговоры, один на один, без свидетелей, с откровенными намеками на тяжкие последствия для сельчан отказа вступить в артель. Уговоры подействовали отнюдь не сразу.

...В здании Зарайского РИКа стоял привычный, столь знакомый для функционеров шум, гудела разноголосая толпа. В душном помещении собрались представители сельских советов Зарайского района. Окна небольшого зала раскрыты настежь. Николай сразу же ощутил душный запах, столь специфичный для сельских, в разгар трудового дня, сходок, будто засели здесь перекурить после дневной, под палящим солнцем пахоты, влажные от пота, пропахшие с головы до ног дегтем и махрой зарайские мужики. Гомон смолк, когда в дверях появился председатель РИКа. Вошедший поднял воспаленные, с розоватыми прожилками глаза, привычно окинул зал взглядом и бросил: «Пожалуй, начнем! Объявляю пленум Зарайского РИКа открытым! Байков, Сериков, Савельева, Леонов, Рогов, Елизаров... Прошу за стол президиума».

Николай, с трудом протискиваясь между сидящими на стульях, лавках, табуретках, ощущал обращенные на него любопытные взоры собравшихся и слышал сопровождавший его говорок: «Китаец, слыш, жоковский, в передовики пошел». Он поднялся на небольшое возвышение, сел, куда ему, улыбаясь, указал Рогов, сосредоточился, чтобы выслушать напутствие руководителей. Сколько раз ему самому, будучи секретарем комсомольской ячейки в Военно-политической академии, на заводе «Динамо», приходилось проводить бесконечные заседания, когда до хрипоты дебатировали сторонники и противники новой экономической политики, по поводу особой роли сельского хозяйства в социалистической индустриализации... Но здесь?! Здесь было все иначе. Москва ждала победоносные рапорты об успешном продвижении коллективизации, о борьбе с врагами новой социалистической деревни...

— Слово имеет товарищ Рогов! — оратор, зампреда РИКа, бойко поднялся и

перешел к стоящему рядом квадратному, заметно обшарпанному столу, уже не один год заменявшему здесь трибуну...

— Товарищи! — разрезало тишину зычное обращение к аудитории. — Сегодня мы собрались, чтобы обсудить наши задачи в связи с решением ЦК ВКП(б) от 2 августа сего года и указаниями товарища Сталина Иосифа Виссарионовича...

— Как быстро течет время! — подумал Николай. Приехал в Москву всего шесть лет назад, у всех, как говорится, на слуху Троцкий, Бухарин, а сегодня? Все больше чтят Сталина, в документах его постоянно цитируют, почитают в речах...

— Сегодня, товарищи, — продолжал оратор, — мы приветствуем объявленный в «Правде» конкурс на лучшую работу низовой печати по организационно-хозяйственному укреплению колхозов и совхозов. Вот, присутствующий здесь товарищ Елизаров создал в Жокове колхоз, боевой листок выпустил с критикой недостатков по организации труда, постановки сдельщины и правильного учета, выделения отходников в промышленность и т. д. Конечно, Елизаров — человек образованный, ему сподручнее, нежели другому, критикой и самокритикой заниматься, но создатели колхозов могут пример с него брать. Ведь стал же он, несмотря на молодость, примером для жоковских сельчан и на полевых работах...

Когда выступило человек пять, Рогов толкнул Николая: «Ты что сидишь?! Тебя отметили? Отметили! Давай говори, поднимай массы».

Для Николая не было уже необычным выступать экспромтом. Речи перед аудиторией входили в привычку, в повседневную жизнь. Без особого труда нашлись слова, соответствующие, как говорится, текущему моменту.

Начал он, как и другие выступавшие, с конкурса, объявленного газетой «Правда». Он как бы рассуждал о знакомом деле — ведь на курсе в ленинградской академии любимым для него занятием стало изучение работы партийной печати, а на практике — подготовка стенной газеты.

— Здесь уже товарищи говорили, что в Жокове боевой листок выпустили. — начал Николай. — Мы его назвали боевым, потому как обстановка у нас и впрямь боевая: чуть зазевался, и классово-чуждые элементы поднимают голову, кулацкие тенденции усиливаются, укрываются товарные излишки от сдачи государству. Что еще? Да. Главное внимание мы уделяем сейчас подготовке планов по заготовке не только в колхозе, но и в единоличном секторе, чтобы пресекать кулацкие потребительские настроения.

Рогов одобрительно кивал. Ему нравилось, что среди активистов района действует такой образованный и хорошо известный в Москве китайский товарищ. Он проникся большим уважением к Николаю Елизарову, когда узнал, что тот, будучи сыном контрреволюционного генерала Чан Кайши, отказался от отца, от благополучной жизни в Китае, вступил в кандидаты ВКП(б), ведет вместе с ним, незаметным сельским руководителем, борьбу с классовым врагом на селе.

Когда Николай закончил, раздался аплодисменты, кто-то одобрительно отозвался: «Китаец, а как по нашему-то шпарит!»

Решение Пленума лежало готовым на столе, и Рогов взялся зачитывать составленную вместе с Николаем бумагу. «Пленум предупреждает сельсоветы: Хлоповский, Житковский, Радушинский... — бесстрастно перечислял зампреда отстающих, не называя при этом никаких фамилий... — дальнейшее слабое руководство их над колхозами и непринятие мер к борьбе с отмеченными явлениями таких важных кампаний, как заготовка и распределение урожая, будет рассматриваться как поддержка попыток кулаков к подрыву колхозного строительства». К «добровольному» вступлению в колхозные артели принуждали не только посулами, но и угрозами. Таким становился стиль сельской жизни. Многие, если не все присутствующие на пленуме, знали, что может означать фраза «поддержка попыток кулаков» для каждого из них. Рогов напомнил: есть генеральная линия партии — а ВКП(б) не ошибается. Уголовная ответственность, ее-то уж при таком раскладе для многих избежать было слишком трудно, если вообще возможно, могут и в пыль раскатать.

По возвращении в Жоково собрались, как бывало не раз, в доме Плешева. Было далеко за полночь, и бесцветные блики керосиновой лампы мягко ложились на лица собеседников. Николай оказался в центре внимания. Демкин и Плешев ожидали от него чрезвычайной важности новостей, смотрели на Колю-китайца, который, будучи сегодня хорошо информированным, виделся им как свет в окне, способный вывести и заблудшего, и отставшего. И он рассказывал со всеми подробностями, стараясь особо выделить то, что для его мест-

ных товарищей могло иметь особое значение. Речь, конечно, шла прежде всего о совещании в Зарайске. «Закручивают гайки. — подытожил Демкин. — хотят не допустить любое отклонение от партийного курса. Сколько у нас с тобой одиночных дворов-то?» — спросил он. «Да дворов тридцать наберется», — не замедлил с ответом Николай. Может, собрать одиночников, да и объяснить им решения РИК? Если они будут укрывать излишки, колхозников баламутить, то мы же сами по уголовной статье пойдем. Пусть не ждут милости, в Зарайске слова с делами расходиться не будут. Сначала резолюции — потом...»

— Соберем, соберем их... — протянул Демкин. — А сначала, Николай, ты все же еще по дворам походи, поговори с мужиками-то, может пойдут в артель, еще раз намекни... Скажи, что борьба, мол, с кулаками разворачивается не на шутку.

Расходились с первыми петухами. И Николай решил: сегодня, не откладывая, начать беседы с сельчанами.

Ходить по дворам ему было привычно, принимать стали хорошо: кто искренне, без камня за пазухой, а кто и из любопытства — что, мол, Советская власть готовит, чего от нее ждать-то. Но больше всего подействовали на сельчан не уговоры Николая, а тревожные слухи, их передавали из уст в уста, из одной деревни в другую. Один видел, как вывезли под конвоем несколько семей из Алферьева, другой застал ту же картину в Трегубовке... Потом говорили о заговоре кулаков в Пяткино. Мимо станции в Зарайске, рассказывали приезжие, в вагонах-теплушках везут крестьянские семьи, кого со scarбом, кого без него, везут в дальние, безжизненные леса, на рудники, разбросанные где-то на суровом Севере. Вечерами, дождливыми, непогодными, обсуждали эти гнетущие всех новости, считай, за каждым окном, при лампе ли керосиновой, с лучиной смоляной, а то и просто в темноте кромешной. Говорили об этом, когда на скорую руку сбивали гробы для несчастных селян, ушедших в мир иной от сразившей их голодной смерти.

Время шло к сбору урожая, к заготовкам, а погода словно взбесилась. Дожди лили неделями, дороги в округе стали, словно болота, непроходимыми. Николай промокал почти до нитки, долго обсыхал, стоя у печи. Пронизывающая сырость сделала свое дело: незаметно подкралась хворь. Простуженный, накрывшись одеялом и тулупом, он лежал в углу избы, окруженный вниманием и заботой хозяйки — и травку утром заварит, и молочком топленым напоит, и малинки от соседей принесет. Но не столько болезнью опасался Николай, а проклинал погоду, из-за которой не ровен час сорвется заготовительная кампания. Тогда жди худшего: в лучшем случае обвинят в непреднамеренном пособничестве саботажу. А если припомнят и троцкизм?! Но несчастье подстерегало Елизарова с другой стороны, скверное предчувствие чего-то самого что ни на есть плохого не покидало его.

...Они появились в деревне внезапно; их не смущало ни светлое время дня, ни многолюдье. «Пусть комиссары называют их бандитами, мы себя считаем мстителями», — говорили заблудшие из Тамбовщины, вооруженные люди атамана Антонова. Николая, так же как и Плешева, они застали дома. Демкина привели из сельсовета.

— Долгого суда не будет, — бросил бородач, вытащив из-за пояса обрез, — тащи их к кирпичу. Всех троих поставили у кирпичной стены соседнего дома.

Из дома выскочил вдруг мальчонка и проскользнул к приговоренным, и тотчас же прогремел выстрел, пуля ударила в кирпич, и крошка посыпалась на Николая. Казалось, все кончено. Сейчас прогремят новые выстрелы, и теперь-то они не промахнутся. Но что это? Раздались звуки колокола, тревожный набат звал на сход, и тотчас же послышался глухой топот, крики: сюда, скорей, к церкви! Приближался конный патруль. Кто-то вовремя оповестил милицию об угрозе, нависшей над большевиками в Жоково. И только сейчас Николай почувствовал испарину на лбу, невероятная тяжесть отлегла от души, но лицо свела судорога, ноги не слушались. «Славу Богу!» — вздохнули соседи, поспешив на помощь Коле-китайцу.

Пленум Зарайского РИКа объявил об усилении борьбы с кулаками, их агентурой. Из центра следовала команда за командой: обеспечить оборудование помещений для скота (но мало кто знал, где достать это оборудование), поставить под тщательный контроль хранение и расходование кормов (корма считались общинными, но каждый смотрел на них, как на свою собственность), бороться за дальнейшее увеличение колхозного сектора по району (селяне, однако, предпочитали нередко отходный промысел). Приказы не действовали, даже угрозы выселения из обжитых краев не всегда достигали цели. Районное начальство насаждало на председателей сельских советов и колхозов: шутка ли — на 16 ноября по району было заготовлено зерновых — 51,9 %, картофеля — 60, овощей —

34, овса — 16, бобовых — 12 %. Да и из собранных и забуртованных овощей немало сгнило. Зарайск лихорадило, искали ответственных.

...Прощаться с Николаем собрались многие жители деревни. Он смотрел на них с грустью. Собранное по сусекам съестное сельчане положили в телегу, рядом со стареньким чемоданом Николая. Сколпин объявил о начале митинга прямо здесь, у сельского Совета. «Что сказать тем, с кем трудился бок о бок, кого приходилось толкать в артель, выбивать продовольственные излишки? Нужно, видимо, сказать о колхозе», — думал Николай.

— Колхозы были организованы в крайне трудной обстановке, — обратился он к сельчанам. — Колхоз — это организация, создающая ваше будущее счастье, надеюсь, что вы с каждым днем будете улучшать его. Впереди еще встретятся многие трудности, но не отступайте перед ними, и вы сможете переубедить трудных людей, только тогда добьетесь окончательной победы...

Его слушали, отдавая дань прежде всего заведенному в артели порядку. Но искренне, пожалуй, сокрушалась Софья. Пожилая сельчанка, отдавшая Коле-китайцу немало душевного тепла, сокрушалась об одном — ей страшно не хотелось смириться с мыслью, что это последний день ее постояльца в Жоково.

Пара резвых лошадей уносила Колю-китайца — Цзян Цзинго — снова к Зарайску, откуда путь его лежал в Москву.

* * *

О Коле-китайце еще долго вспоминали жители Жоково и Коровино. Но вспоминал ли сам Цзян Цзинго о них? Судьба уготовила ему другую дорогу — он стал президентом в Тайбее, умер всего три года назад, окруженный детьми, которых подарила ему его жена — свердловчанка Фаня Вахрева.

Тогда, когда Цзян Цзинго стоял под прицелом обреза озлобленного на все и вся русского мужика, его отец обрушил свои вооруженные до зубов легионы на китайских коммунистов. Чан Кайши хотел объединить под своей властью страну, подавить прежде всего, как он считал, внутреннего врага. Сын Чан Кайши — Цзян Цзинго — случайно не погиб от пули, уготовленной для него внутренним, как считали в окружении Сталина, врагом в России. Активный участник коллективизации сельского хозяйства в стране большевиков, заняв высокое президентское место в Тайбее, видимо, не раз обращался к административно-хозяйственному опыту, который он приобрел в далекой России.

Голос народной памяти

Е. БОНДАРЕНКО

Перестройка дала возможность более подробно узнать о жизни наших отцов и старших братьев в русском плену.

(Из разговора с японским журналистом, чей отец в 50-е годы как военнопленный работал на стройках Сибири).

Еще недавно мы почти ничего не знали о японских военнопленных, находившихся в послевоенные годы в советских лагерях. Архивные данные свидетельствуют, что после разгрома Квантунской армии милитаристской Японии на территорию СССР были вывезены и размещены в лагерях для военнопленных 546086 человек японских военно-служащих. Однако подробности жизни пленных японцев на советской земле до недавнего времени были не известны широкому кругу исследователей как у нас в стране, так и за рубежом. Это привело к распространению в Японии слухов и домыслов о зверствах советских солдат по отношению к японским военнопленным. Мы же, что до удивления странно, молчали.

Многое изменилось у нас за последние годы. Наконец открылись ранее недоступные исследователям фонды партийных и государственных архивов и в печати появилась объективная информация о жизни японских военнопленных в СССР. Государственный архив Хабаровского края одним из первых в стране предоставил исследователям уникальнейший документальный материал о жизни японских военнопленных на советском Дальнем Востоке в послевоенные годы. Эти факты были положены в основу публикации «Жестокий русский плен? (Свидетельствуют японцы)» (См.: Проблемы Дальнего Востока. — 1989. — № 3).

Когда же эти факты увидели свет, оказалось, что через 45 лет вынужденного молчания заговорила человеческая память. Отклики на публикацию прислали дальневосточники — те, кто в послевоенные годы имел непосредственную возможность общаться с военнопленными.

«Меня очень взволновала статья о жизни японских военнопленных в России, — делится своими воспоминаниями жительница Ханкайского района Приморского края К. П. Абашева. — В 1945 г. было мне 17 лет. Жила я в то время в селе Семеновка, ныне город Арсеньев. Работали мы с военнопленными, как говорится, бок о бок. Питались с ними в одной столовой. Они жили в казарме, а мы в общежитии. Они не понимали по-русски, а мы по-японски — ни одного слова. Но и мы, и они были молоды, шутили, смеялись. Они на своем языке, мы на своем.

Мне очень запомнился военнопленный японский офицер. Он был высокий, красивый, интеллигентный. Прошло уже 45 лет, а я все почему-то вспоминаю его... А уж тогда, в 17 лет, я очень часто подходила к нему, да и он чаще других обращался ко мне, все спрашивал, как по-русски называется тот или иной предмет. Я ему охотно отвечала, и он, благодаря моей помощи, составил для себя словарь русских слов.

Помню, как нас послали на уборку помидоров. Японцы работали рядом. Мы носили им помидоры, угощали их, они улыбались, благодарили...

В выходной день мы ходили купаться на речку, и японцы купались рядом. Так о каком колючем заграждении, о какой жестокости по отношению к военнопленным можно говорить?! Ведь мы жили и работали рядом, на виду друг у друга...

Уважаемая редакция, я очень хочу, чтобы мое письмо смогли прочесть и в Японии. Мо-

жет быть, кто-нибудь из бывших военнопленных — тех, с кем нам довелось вместе работать в 1945 г. в приморском селе Семеновка, откликнется и напишет ответ на мое письмо по адресу: 692286, Приморский край, Ханкайский район, село Мельгуновка, дом 10, квартира 5, Абашевой К. П.»

Память о военнопленных из Японии для многих дальневосточников — понятие не только духовное, но и самое что ни на есть материальное.

Во Владивостоке пленные японцы построили здание художественного училища, которое до сих пор является одним из красивейших архитектурных сооружений города, провели капитальную реконструкцию внутренних помещений Государственного архива Приморского края, выстроили несколько кварталов жилых домов в центре города и на его окраине.

В Уссурийске японцы работали на строительстве трубопровода, в Ханкайском и Хорольском районах Приморья возводили ирригационные системы, рыли каналы, обрабатывали рисовые чеки.

В Хабаровском крае военнопленные из Японии прокладывали железнодорожную ветку Хабаровск-Ургал, работали на заводах, в колхозах, на шахтах...

«Я не по рассказам знаю, как жили, работали и содержались в русском плену японцы,— пишет в редакцию бывший начальник конвоя японских военнопленных, а ныне владивостокский пенсионер Василий Лаврентьевич Бодунов.— В ноябре 1945 г. мы приняли под охрану лагерь японских военнопленных в городе Артеме Приморского края. Число военнопленных составляло там 600 человек, и работали они в основном на шахтах Артема, а также на других объектах города. Работали они по 12 часов в сутки, но и многие наши люди в то время работали так же.

Кормили пленных очень хорошо. В их паек входили рис, гаюлян, чечевича, чумиза, мясо. Японцы ежедневно получали по 20 г сливочного масла и 250 г галет. Такая норма была установлена для военнопленных их же врачом. Еду готовили японцы себе сами и сами же распоряжались продуктами под нашим контролем.

Одеты они были в военное японское обмундирование без погон. Зимой — в теплые меховые шубы на собачьем меху, ботфорты, меховые шапки, рукавицы и даже так называемые «наносники», которыми прикрывался нос от мороза. Спали они на чистых постелях, белье менялось через каждые 7 дней.

Мы показывали им фильмы. Медицинское обслуживание тоже, считаю, было неплохое. Лечили японцев их же лекарствами, которые были вывезены из Японии и Китая как трофейные. В лазарете вся служба была японская, хоть и под нашим контролем. Если пленный заболел, то его сразу же освобождали от работы.

Обеды привозили пленным прямо на объект, и я, как начальник конвоя, всегда проверял, что им привезли, сколько и как приготовлено. Скажу честно: в еде пленные никогда не ущемлялись.

Прошлым летом встретил я в одном из парков Владивостока трех японцев — бывших военнопленных, которые 44 года назад находились под моей охраной в Артемовском лагере для военнопленных. Я решил задать им вопрос, не дававший мне покоя все эти годы. Решил спросить, какого мнения остались они о годах, проведенных в советском плену? Один ответил: «Люди ваши хорошо к нам относились, продукты давали, молоко, благодаря чему мы смогли выжить». А другой японец сказал: «Большое спасибо вашей охране за то, что вы запрещали японским командирам избивать нас, простых солдат».

Действительно, рукоприкладство и звериные законы у высших чинов бывшей Квантунской армии в плену были для советской охраны настоящей проблемой.

«Сколько раз мы, русские охранники, пресекали жестокие избиения японских солдат их же пленными унтер-офицерами и офицерами,— вспоминает В. Л. Бодунов.— И не только рукоприкладство, но и случаи избиения солдат подошвами японских ботинок, на которых было множество шипов. А японский солдат в таких случаях покорно принимал удары, стоя навтыжку».

Помню, был побег из лагеря военнопленных. Беглецы были вскоре задержаны и возвращены в лагерь. И если со стороны охраны никаких наказаний по отношению к пленным не было, то японцы устроили несостоявшимся беглецам настоящее избиение».

О случаях самосуда японских военнопленных над беглецами рассказывает свидетель жизни японцев в лагере под селом Новосельским Спасского района Приморья, ныне владивостокский журналист М. П. Храмцов. «Три японца сбежали из лагеря. Один из них до войны работал на железной дороге и планировал добраться через озеро Ханка до

железной дороги и дальше — домой, в Японию. Беглецов поймали. Зная об обычае японских военнопленных устраивать над беглецами самоубийство, их срочно перевели в другой лагерь».

«В некоторых случаях только бдительность охранников предотвращала самоубийство, а также довольно широко распространенные среди военнопленных призывы к массовому самоубийству, — продолжает в своем письме М. П. Храмцов. — Так, в бараках, где жили пленные, вдруг появились листовки, в которых пленных японцев призывали ко дню рождения императора сделать массовое харакири. Обеспокоенное командование лагеря срочно провело среди пленных обыск, убрав все режущие и колющие предметы, в том числе и стекла. На день рождения императора жертв в лагере не было».

«Мне часто приходилось встречаться с пленными японцами в то время, — пишет М. П. Храмцов. — Первый японец, с которым я заговорил, сказал мне: «Русский, японский — во!» — и сжал свои руки в дружеском приветствии. Возили их на разные совхозные работы небольшими группами. Однажды такая группа японцев пиляла дрова. Мы, в то время пацаны 12-13 лет, посмотрели, как они пилят, потом стали пилить с ними по очереди. В минуты отдыха боролись с ними и часто побеждали. Как взрослые, старшие, они, хотя и были ослаблены, но, видимо, поддавались детям.

Помню, у меня сильно заболела младшая сестра. Врача в селе не было, был фельдшер. Поэтому с разрешения командования лагеря медицинскую помощь жителям села оказывал японский военнопленный врач. Он посмотрел мою сестру, послушал ее и сказал: «Бронхит., аппетит., медикамент., папа-мама». И мы сразу поняли, что у девочки бронхит, ей нужно хорошо кушать, а лекарства для нее он передаст через отца или мать.

Нередко старое обмундирование наши демобилизованные солдаты передавали гражданскому населению. И я в 12 лет шеголял в старых галифе и в тапочках. А вот китель сшил мне пленный японец-портной.

В лагере были спортивные снаряды, но японцы на них занимались редко. Я помню только одного сильного гимнаста-японца. А усталые, больные, истощенные среди них — были. Были и смертные случаи. Военнопленные сжигали труп на костре, для чего просили у местных жителей дрова и керосин. Мы давали, хотя у нас самих не хватало топлива. Хоронили военнопленных на местном кладбище рядом с русскими могилами.

Когда японцы уезжали домой, то железнодорожные вагоны были украшены транспарантами, лозунгами, зеленью. Везли их в грузовых вагонах — «телятниках», да и наши люди в то время так же добирались. Из поездов неслись песни на японском языке, звучащие на мотив «Интернационала». Вот что вспомнилось мне, когда я прочел эту статью».

Люди, написавшие эти письма, не ставили своей задачей пропаганду «русского плена». Они писали о том, что видели своими глазами, в чем-то соглашаясь, а в чем-то споря с архивными материалами. Возможно, поэтому прибывшие во Владивосток журналисты японской компании «Хоккайдо симбун пресс» проявили особый интерес к письмам дальневосточников о жизни японских военнопленных в России. По их мнению, эти письма-воспоминания явились одним из наиболее достоверных и объективных источников информации о жизни их военнопленных сограждан. Они назвали эти письма «голосом народной памяти».

¹ Проблемы Дальнего Востока. — 1990. — № 6. — С.

Ю. СТОЛЯРОВ

В последние годы процессы хозяйственного сближения стран и территорий региона набирают все большее ускорение, а по ряду направлений приобретают интеграционный характер. В первую очередь это можно сказать о центральной и южной частях АТР. Северо-Восточная Азия (СВА) как бы задержалась на старте. Однако события, имевшие место здесь в последние месяцы, говорят о том, что и СВА начинает прилагать энергичные усилия по развитию между ее государствами активного диалога по экономическим, военно-политическим и культурно-гуманитарным вопросам сотрудничества. Все это принесло ощутимые результаты.

На постоянной основе развернулись консультации специалистов стран, выходящих к Японскому морю. Произошло установление дипломатических отношений между СССР и Республикой Корея, а ее президент посетил Советский Союз. Набирает силу по всем направлениям диалог между СССР и КНР, чрезвычайно благотворно воздействующий на всю обстановку в регионе. МНР установила официальные отношения с США и Республикой Корея. Постоянные контакты, нацеленные на нормализацию отношений, начались между Японией и КНДР. Беспрецедентные встречи состоялись между высшим руководством КНДР и Республики Корея. Быстро расширяются гуманитарные и прочие контакты между странами СВА.

С крупной инициативой, направленной на соединение упомянутых выше потоков сотрудничества и выведение их в широкое русло нового механизма сотрудничества в СВА выступила МНР, в очередной раз проявив высокое чувство реализма и искреннее стремление к налаживанию добрососедских отношений между государ-

ствами этой части АТР. По инициативе АН МНР в конце 1990 г. в Улан-Баторе была проведена весьма представительная международная конференция под девизом «Проблемы сотрудничества в Северо-Восточной Азии и пути их решения». Были приглашены известные специалисты из КНР, Японии, Республики Корея, США, Канады и Советского Союза. К большому сожалению, в конференции не приняла участие делегация КНДР.

В выступлениях представителей семи стран, хотя и с различной степенью интенсивности, прозвучала мысль о том, что военно-политическая обстановка в СВА существенно улучшилась, в частности, в результате крупных положительных сдвигов в советско-американских отношениях. Регион переживает период перехода от конфронтации к сотрудничеству, что открывает перед его странами большие возможности дальнейшего развития. Вместе с тем прозвучали и различные оттенки этого главного вывода.

В выступлении главы монгольской делегации Ш. Сандага весьма обоснованно прозвучала идея налаживания нового механизма сотрудничества в СВА. Для этого, по мнению монгольской стороны, необходимо предпринять меры по укреплению взаимного доверия и понимания в политической области; в военной области сократить запасы ядерного и обычного оружия; в сфере экономики сделать выбор в сторону интеграции; в области культурных, научных и технологических обменов использовать богатые традиции; вести в регионе двусторонние и многосторонние переговоры.

Монгольская делегация предложила провести многостороннюю встречу руководителей и официальных представителей, если не всех стран АТР, то по крайней

мере северо-восточной части. Это предложение, по мнению Ш. Сандага, близко к инициативе президента Южной Кореи Ро Дэ У о проведении встречи лидеров шести стран СВА и высказыванию премьер-министра Японии Т. Кайфу о возможности провести переговоры между США, СССР, КНР, Японией и двумя Кореями, хотя последнее и не включает в себя Канаду и МНР. Кроме того, монгольская сторона выдвинула идею создания организационного механизма для регулярных встреч на уровне ученых и экспертов, общественных и политических деятелей стран региона. Это было в той или иной степени поддержано в выступлениях ученых из других стран.

В своем пространном выступлении руководитель американской делегации Р. Скалапино выделил следующие основные моменты. Во-первых, ситуация в СВА значительно улучшилась, и это дает основание для оптимизма в будущем. Главной экономической силой в регионе стала Япония, которая наряду с США определяет основные тенденции его развития. На основе взаимодействия двух стран регион охвачен волной расширения сотрудничества по всем направлениям. В этом процессе лишь СССР и КНДР оказались далеко отставшими. Подытоживая крупные процессы, происходящие в этой области, Р. Скалапино сказал: «Экономический круг, связанный с деятельностью Японии в Северо-Восточной Азии, скоро, вероятно, будет замкнут».

Во-вторых, в регионе имеется ряд нерешенных проблем, главной из которых является корейская. Для продвижения здесь, по мнению Р. Скалапино, необходимо принять меры доверия, и прежде всего сократить вооруженные силы вблизи демилитаризованной зоны. Должны быть установлены между Югом и Севером Кореи постоянные экономические и культурные контакты. США и Япония, с одной стороны, а СССР и КНР — с другой, должны произвести перекрестное признание двух Кореи. В результате всех этих шагов будет пересмотрена и политика США на полуострове. В частности, должно быть устранено американское ядерное оружие из Южной Кореи.

К числу проблем АТР ученый из США отнес, как он выразился, кризис экономики социалистических стран, и особенно Советского Союза, его серьезные внутренние проблемы, ограниченные возможности для регионального экономического со-

трудничества. Р. Скалапино в то же время весьма одобрительно высказывался о том, что Монголия отходит от своей прежней односторонней ориентации на СССР, и США готовы оказать ей помощь в этом. В целом американский представитель, характеризуя лидирующую роль США в мире и регионе, назвал их «единственной сверхдержавой», приведя в обоснование этого роль американцев в конфликте в Персидском заливе, бремя которой не в состоянии вынести никакое другое государство.

Китайский ученый Ма Джунши при анализе общих тенденций современности сделал упор на то, что закончилось господство двух сверхдержав — США и Советского Союза и наступила эпоха многополярного мира.

Ма особо выделил АТР как наиболее динамично развивающуюся часть современного мира, перед которой открываются благоприятные перспективы. Основу экономического сотрудничества здесь, по мнению китайского ученого, могли бы составить два треугольника стран: КНР, СССР и Япония, а также КНДР, Япония и США. В первом случае сотрудничество могло бы развиваться по следующей схеме. КНР экспортирует на Дальний Восток свою рабочую силу, а Япония — финансовые ресурсы и технологию. СССР в свою очередь развивает у себя добычу сырья и производство товаров широкого потребления, поставками которых погашается его участие в этом трехстороннем сотрудничестве. По мере налаживания относительно простых форм сотрудничества, страны Северо-Восточной Азии затем переходят к более сложным, основанным на горизонтальном разделении труда.

Китайский ученый неоднократно отмечал важную и специфическую роль КНР в развитии сотрудничества в СВА. По его мнению, Китай мог бы стать местом конкуренции и одновременно совместных действий японских и американских фирм, от которых выиграли бы все страны. Китай с его огромным рынком способен сыграть роль амортизатора в японо-американских экономических отношениях, поглотив существенную часть несбалансированности торговли между Японией и США. Велика его роль в торгово-экономических связях с Южной Кореей, Тайванем и Гонконгом. Главный же вклад КНР в региональные процессы заключается, с точки зрения Ма, в стабильности и экономическом развитии страны. В этой связи было подчеркнуто, что в ходе экономических реформ «Китай

нацелен на совершенствование социальной системы, не меняя ее самой, не переходя полностью к рыночной экономике, не двигаясь в направлении частного предпринимательства».

В 2000 г. Китай станет крупной державой, занимающей по экономическим параметрам 5-е место в мире. Вместе с тем ВВП на душу населения будет около 900 долл. Иностранные инвестиции в экономику страны превысят 40 млрд. долл. по сравнению с 15,4 млрд. в настоящее время. Оборот внешней торговли будет находиться где-то на уровне 200 млрд. долл., или одной трети от нынешнего объема внешней торговли США. Китай станет проводить все более открытую политику и тем самым «будет играть значительную роль в поддержании мира и развитии в таком обширном регионе мира, как Северо-Восточная Азия».

Специально остановившись на предложениях СССР относительно укрепления мира и безопасности в АТР, Ма подчеркнул, что Советскому Союзу не удалось при выдвижении этих предложений охватить регион во всей его сложности, что он слишком прямолинейно переносит опыт сотрудничества европейских государств на азиатскую почву. Поэтому указанные советские инициативы мало реалистичны и вряд ли найдут позитивный отклик заинтересованных стран. Необходимо прежде всего широкомасштабное сокращение советского и американского военного присутствия в регионе, а затем длительный диалог между его странами о развитии сотрудничества.

Профессор Токийского университета А. Ватанабэ наибольшее внимание сосредоточил на различного рода трудностях, препятствующих развитию сотрудничества в СВА. Оно, по мнению Ватанабэ, возможно после решения таких проблем, как возвращение «северных территорий» в отношениях с Советским Союзом, определение принадлежности островов Сэнкаку и др. Подчеркнув необходимость снизить военное присутствие СССР в регионе, А. Ватанабэ ни словом не упомянул при этом о необходимости сокращения вооруженных сил США. Он говорил о том, что СССР скорее европейская, чем азиатская страна, и поэтому его активное участие в процессах регионального сотрудничества весьма проблематично. Японский ученый отметил, что в АТР уже сложилась разветвленная система экономических и других организаций, и поэтому нет

необходимости создавать какой-либо новый механизм сотрудничества в СВА. К

Доклад представителями Канады Д. Лэри был одним из наиболее спокойных и позитивных по содержанию. Главное в нем — мысль о том, что для Канады АТР играет все более важную роль по всем направлениям ее внешнеэкономических связей.

Выступления ученых Южной Кореи Санг Ву Ли и Конг Ку Пака были посвящены анализу ситуации на Корейском полуострове и вокруг него, а также проблеме объединения. Корейские представители детально проанализировали конкретные шаги правительства Ро Дэ У, направленные на воссоединение страны, смысл «северной политики» южнокорейского президента. Одновременно был сделан сравнительный анализ политики Республики Корея и КНДР по упомянутым выше проблемам и фактически проводилась мысль о нереалистичности соответствующих предложений КНДР. Вместе с тем, как сказал профессор Ли, в Южной Корее не теряют надежды на то, что КНДР проявит необходимую гибкость.

В выступлениях представителей советской делегации Г. К. Широкова, В. В. Шустова, В. П. Федотова и Ю. С. Стоярова были освещены различные грани ситуации в АТР и поиска путей сотрудничества государств Северо-Восточной Азии в свете предложений министра иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе по развитию регионального сотрудничества, сделанных во Владивостоке 4 сентября 1990 г.

По окончании работы конференции ее участники одобрили заключительное коммюнике, в котором фиксируется согласие проводить подобные конференции в будущем на регулярной основе с участием правительственных экспертов и представителей заинтересованных стран и международных организаций. Определена и тема следующей встречи — проблемы транспорта и связи в регионе.

Несомненный успех первой международной конференции представителей стран Северо-Восточной Азии, очень четко организованной монгольской стороной, показал, что нарождается новое направление сотрудничества в обширном АТР. Есть немало оснований полагать, что в ближайшем будущем оно станет заметным фактором международной жизни и позволит более активно подключаться к региональному сотрудничеству новой группе стран, в том числе и Советскому Союзу,

Японская бюрократия: ПОЗИТИВНЫЙ ОПЫТ

А. МАКАРОВ

История свидетельствует: есть народы, чей сформированный судьбой облик гораздо лучше, нежели наш, предохраняет от состояния «включенности». Их судьба была дана им в облике культурного типа высших слоев. Им рано удалось сделать массовый тип высших слоев свободным от мелочности и узости, и они смогли смело вступить в культурно опасный, социально-революционный период XIX века.

*Альфред Вебер**

Беспристрастный, более того, позитивный взгляд на такую часть любого, достигнутого достаточно высокой степени развития социума, как бюрократия (правительственный административный аппарат) весьма затруднен в связи с повсеместно укоренившейся традицией критики бюрократии за бюрократизм. Очень часто при этом два разных понятия смешиваются.

Публикации о негативных сторонах бюрократизации общества стали одной из наиболее популярных тем и на страницах периодики нашей страны.

Обращение в данной статье к опыту деятельности правительственного бюрократического аппарата Японии связано со следующими обстоятельствами. Во-первых, с обострением интереса к нему, особенно в последние 10—15 лет, в передовых странах Запада, где он весьма часто выдвигается в качестве образца для подражания. Во-вторых, с личной убежденностью автора в наличии у этого аппарата ряда уникальных черт, обеспечивающих особую действенность и оригинальность его функционирования. Автор при этом исходит из того, что в громадной, если не решающей, степени эффективность всех надстроечных структур, впрочем как

и всех видов человеческой деятельности, определяется качеством человеческого материала, их «наполняющих» (безусловно вместе с тем является и то обстоятельство, что качество находится во вполне очевидной связи с характером самих структур и видов этой деятельности).

В данной статье автор значительно пересматривает свои прежние взгляды на японскую бюрократию, изложенные в ряде публикаций прошлых лет¹.

Прежде чем приступить к собственно анализу японского правительственного чиновничества, хотелось бы вновь вернуться к основным определениям бюрократии как таковой, данным в свое время ее классическим исследователем Максом Вебером, крупнейшим немецким социологом нашего времени.

Оставив в стороне критику М. Вебером того, что он считал негативным в деятельности любого чиновничьего аппарата², остановимся на разработанной им идеальной модели бюрократического функционера. Последняя существует, по определению ученого, в высшем типе «господства» — «легитимном господстве», то есть в обществе, в котором система власти формируется и осуществляется на основе законов.

По Веберу, эта модель включает в себя следующие характеристики: 1) бюрократ является лично свободным человеком, назначенным на должность на основе соглашения; 2) он осуществляет власть на основе формальных законов и его лояльность определяется выполнением официальных обязанностей; 3) бюрократ назначается на должность в соответствии с его квалификацией; 4) он работает на своей должности постоянно, а не от случая к случаю; 5) бюрократ представляет собой регулярно получающее плату за свою деятельность лицо, которое обладает перспек-

* Социологические исследования. — 1988. — № 6. — С. 124. Говоря о «включенности», А. Вебер, известный немецкий экономист и социолог, брат знаменитого Макса Вебера, имеет в виду поглощение общества всепроникающим воздействием правительственного бюрократического аппарата и его последующую деградацию в результате этого.

тивами профессиональной карьеры, гарантированными формальными правами¹.

Анализируя механизм формирования кадров правительственной бюрократии Японии и некоторые особенности ее организации, мы будем исходить из этого, ставшего классическим определения.

Начнем с краткого обзора правовых норм, регулирующих современную систему государственной службы в Японии. Сложившаяся в послевоенный период система государственной службы в Японии регулируется Законом о государственных служащих, принятым 21 октября 1947 г., изменения в который были внесены в 1985 г. Контроль над его соблюдением возложен на Совет по делам персонала (Дзиндзин) при кабинете министров, в компетенцию которого входят все вопросы, связанные с организацией труда государственных служащих страны.

Характерной чертой современной государственной службы в Японии являются ее значительные организационные сходства с американской, сильное воздействие со стороны которой она получила на этапе своей послевоенной реорганизации в ходе известных реформ 1945—1951 гг. Напомним при этом, что в США служебное положение и условия профессиональной деятельности правительственной бюрократии регулирует принятый еще в 1883 г. Закон о гражданской службе (так называемый закон Пендлтона). Он устанавливает запрет на увольнение чиновников по политическим мотивам, вводит конкурсные экзамены для замещения ряда государственных должностей, декларирует принцип «политического нейтралитета» государственных служащих.

Основополагающие принципы американской организации государственной службы — отделение политики от управления и так называемая система заслуг *merit system* (назначения на основе подтверждения кандидатом на должность своей квалификации и компетентности, в свою очередь заимствованные США в XIX в. из Старого света) — легли в основу послевоенной реорганизации государственного аппарата Японии.

В соответствии с вступившим в силу в послевоенный период законодательством, формальная организация государственной службы в Японии стала выглядеть следующим образом. Служебное положение государственных служащих стало определяться их должностью, которую они занимают согласно своему рангу, подразде-

ляемому в свою очередь на разряды. Ранг чиновника находится в соответствии с занимаемой им должностью, а его разряд зависит от стажа, уровня образования, служебных характеристик и т. д.

Все лица, входящие в Японию на государственной службе, подразделяются на две основные категории: работники «обычной службы» и работники «особой службы». Работники «обычной службы» направляются на работу после сдачи экзаменов на должность, и их жалование определяется соответствующей стандартной шкалой. В отличие от них работники «особой службы», не попадающие под действие Закона 1947 г., назначаются на должности без экзаменов, и размеры их содержания не ограничиваются действующими стандартами. В их число включаются лица, деятельность которых достаточно условно можно назвать бюрократической: занимающие посты премьер-министра, министров кабинета, парламентских заместителей министров; депутаты парламента и их секретари, чрезвычайные и полномочные послы, члены японской академии наук. В «особую службу» включаются также военнослужащие сил самообороны Японии и некоторые другие категории лиц, получающих жалование от правительства.

По состоянию на конец 1988 г. центральный административный аппарат страны насчитывал 1 млн. 177 тыс. 63 служащих, из них на «обычной службе» состояло 872 тыс. 536 человек (74,1 %), на «особой» — 304 тыс. 527 человек (25,9 %). В органах местной администрации работало 3 млн. 216 тыс. 630 человек (по состоянию на 1987 г.)¹.

Численность госаппарата Японии по сравнению с другими развитыми капиталистическими странами невелика. Так, она составляет (исключая военнослужащих) лишь примерно 40 % аналогичной цифры в Великобритании и 50 % — в ФРГ, что связано с относительно небольшими размерами государственного сектора в Японии.

В 1985 г. в систему ранжирования и назначений на государственную службу Японии были внесены изменения. Первая была несколько упрощена, и теперь все работники «обычной службы» стали подразделяться на три класса (до этого существовало восемь рангов, которые в свою очередь подразделялись на ряд разрядов).

В настоящее время первый, высший класс правительственной бюрократии

Японии, имеющий непосредственное отношение к принятию правительственных решений, который часто именуется также «карьерными бюрократами», пополняется ежегодно примерно семьюстами человек, всего в наши дни этих высокопоставленных государственных служащих, сосредоточивших в своих руках реальные рычаги управления правительственным аппаратом Японии, насчитывается около 20 тыс. человек⁵.

В рамках упоминавшейся выше «системы заслуг» формирование кадров правительственной бюрократии — назначения и продвижение по службе — в послевоенной Японии осуществляется на основе конкурсных экзаменов (система экзаменов на чин существовала и в довоенной Японии, первые экзамены такого рода были проведены еще в 1887 г.). Ежегодно летом они проводятся Советом по делам персонала.

По своей организации эти экзамены подразделяются на два типа: «обычные», проводимые непосредственно Советом, и «особые», проводимые по распоряжению Совета в соответствующих государственных ведомствах (например, связанные с авиационными службами). Военное ведомство современной Японии — Управление национальной обороны — имеет автономную систему конкурсных экзаменов.

Согласно изменениям 1985 г., конкурсные экзамены для «карьерных бюрократов» подразделяются теперь сообразно специализации в период обучения в университете на 28 разрядов⁶.

Совет по делам персонала в соответствии с принятым в государственной службе Японии принципом «публичности администрации», подобно другим ведомствам центрального административного аппарата страны, издает свое периодическое издание, содержащее всесторонние сведения о деятельности в сфере своей компетенции. Последнее, под названием «Белая книга о государственной службе», выходит ежегодно в июле, подводя, в частности, итоги очередной конкурсной «сессии».

Обращает на себя внимание огромный конкурс на экзаменах на должность в Японии. Так, например, в 1983 г. в Совет поступило 39 175 заявлений с просьбой разрешить сдавать экзамены при наличии 1560 вакансий. Конкурс, таким образом, составил 25,1 человека на место. Это, однако, не явилось пиком — считается, что максимальный конкурс на экзаменах

на повышение в ранге государственных служащих Японии был зафиксирован в 1978 г., когда он составил 43,5 человека на место⁷.

В современной Японии практически исключена возможность достичь сколь угодно значительных постов на государственной службе без высшего образования. Помимо наличия диплома о высшем образовании, важнейшим фактором успешной карьеры на поприще государственной службы в Японии является и то, какой именно университет закончил в свое время правительственный чиновник. Как справедливо указывает известный японский социолог Т. Наканэ, «ранг университета... в большей или меньшей степени определяет сферу деятельности его выпускника, его положение в обществе и степень успеха на протяжении всей жизни»⁸.

Лидирующее положение в формировании бюрократической элиты Японии традиционно занимает ряд государственных университетов, в первую очередь старейший Токийский государственный (до окончания второй мировой войны — императорский) университет. Он известен как «питомник бюрократии» («канрё ёсэйдзё»), а выпускники являются лидирующей группой в высшем эшелоне государственно-административного аппарата страны, составляя в среднем около трети всех лиц, занимающих посты выше начальника отдела⁹. Так, по данным влиятельного японского журнала «Бунгэй сюндзю», 85 % чиновников, находящихся на руководящих постах в таком важнейшем государственном ведомстве, как министерство финансов Японии, являются выпускниками этого престижного вуза¹⁰. При этом в середине 1980-х годов 19 из 20 правительственных чиновников, достигших высшего бюрократического поста — заместителя министра по административной части — имели дипломы об окончании Токийского университета.

Отметим, что положение, при котором небольшое количество «привилегированных» высших учебных заведений традиционно поставляют кадры для центрального административного аппарата, имеет место во многих странах капиталистического мира, однако подавляющему приоритету Токийского университета в формировании бюрократической «элиты» трудно найти параллели. Так, в США на подготовке кадров высших государственных служащих специализируются Гарвардский университет и университет в Джорджтаун-

не, а в Великобритании — Оксфордский и Кембриджский университеты. Однако их выпускники составляют от общего числа высших государственных чиновников неизмеримо низшую долю, чем в Японии.

Не имеющее параллелей подавляющее преобладание в высших бюрократических сферах Японии выпускников одного высшего учебного заведения уходит своими корнями еще в конец прошлого века, когда Токийский университет, основанный в 1877 г., стал главным поставщиком кадров для правительственных учреждений. Организация экзаменов для поступления на государственную службу находилась тогда преимущественно в руках сотрудников Токийского университета, которые отдавали явное предпочтение своим бывшим студентам. Кроме того, в июле 1887 г. в момент создания экзаменационной комиссии по приему на государственную службу князь Хиробуми Ито, в то время премьер-министр, отдал распоряжение о том, чтобы выпускники Токийского университета принимались на государственную службу вообще без экзаменов¹¹. Хотя эта привилегия существовала недолго, и сегодня все государственные служащие Японии формально имеют равные возможности для продвижения по службе, в наши дни университетские связи по-прежнему оказывают существенное воздействие на формирование верхушки бюрократии Японии. В этой связи распространены упреки по адресу правительственного аппарата Японии в том, что система назначения на должность и продвижение по службе в нем строится на фаворитизме, основанном главным образом на принадлежности в прошлом к тому или иному учебному заведению, и ключевые позиции монополизированы членами нескольких университетских клик, или «гакубацу», имеет под собой весьма реальную почву.

Представляются крайне важными не только количественные, но и качественные характеристики уровня образовательной подготовки японской правительственной бюрократии.

Подавляющее преобладание в рядах высшего правительственного чиновничества лиц с юридическим образованием является реальностью современной Японии, породившей даже специальное выражение — «всесилне юридических наук» («хока банно»). Такое положение, в частности, связано с тем, что на факультетах права в японских университетах в отличие от высших учебных заведений

многих других стран, где, как правило, готовят адвокатов наряду с юриспруденцией, преподают также и основные науки управления. Кроме того, в Японии превагирует концепция, что человек, обладающий общими знаниями — «генералист» (кстати, японцы причисляют юриспруденцию к области общих знаний), лучше справляется с управленческими функциями, чем узкий специалист. Результаты обследования, проведенного американским исследователем японского происхождения Акира Кубота, показывают, что примерно 70 % высокопоставленных государственных служащих (на конец 50-х годов) имели юридическое образование, причем 66,4 % из них окончили в прошлом факультет права именно Токийского университета¹².

Как представляется, наполненность аппарата государственной власти в Японии преимущественно лицами с юридическим образованием в первую очередь определяется самим характером государственно-политической системы страны, носящим, при всех ее недостатках, в целом легитимный, правовой характер. Деятельность всей системы государственного управления и отдельных его звеньев базируется на принятых парламентом законах и специальных актах, издаваемых как кабинетом министров, так и отдельными государственными ведомствами.

Так, по подсчетам автора, деятельность такого ведущего экономического ведомства послевоенной Японии, как министерство внешней торговли и промышленности регулируется (по данным на начало 80-х годов) более, чем 130 законами, не считая соответствующих правительственных постановлений¹³.

Весьма характерно при этом, что из примерно полутора тысяч законов, действовавших в стране к началу 1980 г., 2/3 относились к области административного права.

Высокий образовательный уровень японского правительственного чиновничества, преобладание меритократических принципов при назначениях и повышениях — отдельные случаи протекционизма, о которых время от времени сообщает японская пресса, конечно, скорее является исключением, чем правилом. — неизменно отмечается исследователями политической системы Японии в качестве ее сильнейших сторон.

Интересный материал для размышлений предоставляют некоторые особенно

сти организации работы правительственной бюрократии Японии.

Известно, что на государственной службе Японии, равно как и в крупных компаниях страны, действует специфическая система «пожизненного найма». Эта система предполагает длительную — до ухода на пенсию — службу работающего по найму в одной организации, при этом его должность и размер вознаграждения ставятся в прямую зависимость от продолжительности непрерывного стажа. Как указывает в этой связи журнал «Тюо корон», при прочих равных условиях чиновнику необходимо проработать в одном государственном ведомстве 15—20 лет, чтобы достичь поста начальника секции, и около 30 лет, чтобы получить назначение на должность начальника департамента¹⁴.

Господствующая в государственно-административном аппарате Японии система «пожизненного найма» предопределяет практическое отсутствие межведомственной мобильности — одну из наиболее характерных черт государственной службы в Японии. В то же время особенностью японского типа бюрократической карьеры являются частые — в среднем каждые 2—3 года — перемещения чиновника внутри одного ведомства. В этом заключается существенное отличие государственной службы Японии от США, в которых межведомственные перемещения являются достаточно частым явлением и где распространена практика долгого — от 5 до 10 лет — нахождения чиновника на одном посту.

Перемещения в верхах правительственной бюрократии Японии по традиции осуществляются в конце весны — начале лета. Обращает на себя внимание высокая степень ротации чиновников на высших постах в государственном аппарате: так, срок пребывания на должности заместителя министра исчисляется одним годом, руководители департаментов сменяются раз в 1—2 года. Известна крайне ожесточенная конкуренция при назначениях на ведущие бюрократические посты¹⁵.

Ежегодно штаты каждого из двенадцати министерств Японии пополняются 20—30 «карьерными бюрократами» — «лучшими и блистательнейшими» в центральном административном аппарате страны. В ходе своей карьеры, которая, как мы указывали выше, обязательно предполагает последовательные перемещения с одного участка работы на другой внутри одного

ведомства, они нередко направляются для продолжения своего элитарного образования в престижные университеты Европы и Америки. Учеба за границей при этом становится дополнительным фактором их дальнейшего успешного продвижения по службе¹⁶.

Характерной особенностью аппарата исполнительной власти Японии в целом является его значительная стабильность по сравнению с политическим руководством страны, что обеспечивает бюрократии дополнительный вес в реальном механизме власти. Частая — в послевоенный период примерно раз в 1,5 года — смена персонажей на министерских постах, связана с фракционной организацией Либерально-демократической партии, бесценно находящейся у власти с конца 1955 г., практически не отражается на кадрах ведомств центрального административного аппарата. Это роднит чиновничий механизм Японии с западноевропейскими странами, такими, как Великобритания и Франция, и отличается от США, где вместе с приходом нового президента происходит обязательная «смена команды» и высший эшелон администрации обновляется примерно на 80 %¹⁷.

Внимание исследователей японской бюрократии неизменно привлекает такая специфическая японская процедура принятия решений, как «нэмаваси» — буквально: «окапывание корней». Согласно последней, в целях эффективного осуществления процесса принятия решений, в том числе и политических, необходимо достижение консенсуса по данному вопросу. Для этого, как пишет известный японский специалист Дзюньити Кёгоку, на предварительных стадиях «план действия доводится до сведения всех членов (данной группы. — А. М.) с тем, чтобы у них появилось психологическое удовлетворение от сознания того, что с ними предварительно проконсультировались»¹⁸. Подобная процедура формализуется в широко распространенную в бюрократических кругах Японии систему «ринги» — «рингисэй», неизменно вызывающую к себе пристальный интерес со стороны зарубежных исследователей¹⁹. В соответствии с последней, документ, излагающий содержание вопроса, по которому подлежит принять решение, после достижения соответствующего соглашения на уровне руководителей отделов министерств и представителей внешних заинтересо-

важных организаций и лиц, подготавливается чиновниками младших рангов. Далее документ «поднимается» снизу вверх во все подразделения министерства, принимавшие участие в предварительном неформальном согласовании, причем руководители этих подразделений по традиции в знак своего одобрения должны поставить на проекте оттиски своих личных печатей.

Дз. Кёгоку усматривает в практике «намаваси» проявление характерного для политической культуры Японии стремления к осуществлению процесса принятия решений в духе «гармонии», избегая открытых конфликтов. Не вдаваясь по данному вопросу в полемику с матистым японским специалистом, концепция которого разделяется и многими другими исследователями²⁰, хотелось бы в то же время отметить совершенно очевидную для японской действительности тенденцию к «мягкому» достижению согласованности противоречивых интересов, прослеживаемую и в деятельности бюрократии этой страны. Хотя обычным обвинением по ее адресу и является склонность к межведомственным трениям и раздорам («навабари арасои» — «борьба за сферы влияния»), неизбежным, впрочем, в любой части земного шара, степень их накала представляется завидно низкой. Укажем при этом на такой факт, как практически полное отсутствие прецедента судебных разбирательств конфликтов между государственными ведомствами, что резко отличает административный процесс в Японии от нашего обычного объекта для сравнений — США.

В организации государственной службы Японии особого внимания, на наш взгляд, заслуживают те элементы, которые могут быть связаны с системой мер, направленных на обеспечение лояльности работников. Последнему, как известно, в этой стране придается особое значение.

Основным звеном в системе этих мер, безусловно, является упоминавшаяся выше система «пожизненного найма», которая предполагает — при условии добросовестного выполнения служащим своих обязанностей — гарантию занятости вплоть до выхода на пенсию при постоянном увеличении на протяжении всего стажа размеров вознаграждения.

Значительный интерес также представляет собой явление «спуска с небес» («амакудари») правительственных чиновников и их массовая миграция после

выхода в отставку в предпринимательскую деятельность или в политику (в подавляющем большинстве случаев речь идет о правящей ЛДП). В этом достаточно многогранном феномене мы, исходя из целей данной статьи, хотели бы выделить аспект, связанный с обеспечением ведомствами правительственного аппарата Японии гарантии занятости для своих работников и после их ухода с государственной службы²¹.

Известно, что в государственном аппарате Японии существует практика раннего — в 50—55 лет — выхода на пенсию (отметим попутно интересный обычай, согласно которому все чиновники одного ведомства, одновременно поступившие в него на работу, подают в отставку тотчас же, когда один из них достигает вершины бюрократической иерархии — поста заместителя министра по административной части). При этом, наряду с изрядным выходным пособием сотням ведущих экс-бюрократов, обеспечиваются «повторные карьеры», очень часто весьма привлекательные. По данным министерства внешней торговли и промышленности Японии, на начало 80-х годов около трети высших менеджеров страны составляли именно бывшие высокопоставленные правительственные чиновники (примерно такую же долю они занимают и в парламентской группе правящей партии)²². Не секрет, что именно руководство соответствующих ведомств Японии, нередко обходя некоторые положения закона, оказывает своим выходящим в отставку сотрудникам содействие при «парашютировании» в частный сектор и в существовавшие вплоть до последнего времени многочисленные полугосударственные предприятия.

Представляется, что перспектива начать новую «пост-бюрократическую» карьеру в возрасте, еще далеком от преклонного, является, помимо всего прочего, мощным фактором, заставляющим правительственных чиновников Японии проявлять максимум служебного рвения.

Характеризуя высшую правительственную бюрократию Японии как сплоченную элитарную группу, способную играть и играющую важнейшую роль в формировании национальной политики²³, хотелось бы отметить еще одну ее важную черту — практическую непрерывность традиции со времени ее формирования в период преобразований после революции

Мэйджи (1868). Существенное значение при этом имеет тот факт, что в период послевоенных реформ, когда производилась самая широкая реорганизация всех сторон жизни японского общества, персонал государственного аппарата — за исключением военных и репрессивных ведомств — оказался фактически в нетронутом состоянии²⁴.

Еще одно обстоятельство, на наш взгляд, заслуживает особого внимания. У истоков бюрократической традиции в Японии стояло самураиство — служилое дворянство, которое еще с периода заката феодального режима Токугава стало осваивать мирные профессии, преимущественно интеллектуального толка, и к началу послемэйдживских преобразований предстало в качестве наиболее образованной части общества. Именно мелкие самураи четырех юго-западных княжеств страны, выступивших в качестве решающей силы, свергнувшей токугавский сёгунат, составили костяк новой администрации, взявшей курс на модернизацию по европейским образцам. Об этом свидетельствуют следующие данные: в 1874 г. 65 % всех «тёкуин» — чиновников, назначаемых императором, и 37 % всех «сонин» — чиновников, назначаемых главой правительства, были выходцами из княжеств Сацума, Тёсю, Тосо и Хидзэн²⁵. При этом, как показывают результаты весьма обстоятельного исследования японского политолога М. Таканэ, вплоть до второй мировой войны прямые потомки самураев продолжали занимать важнейшее место в политической элите страны²⁶.

Известно, что в феодальных обществах дворяне всегда занимали лидирующее положение в администрации, однако в период буржуазных преобразований они были устранены от власти. В силу целого ряда обстоятельств этого не произошло в Японии. Кроме того, пожалуй, ни в какой другой среде служилого дворянства, которое знает историю, столько не культивировались — помимо воинских достоинств — такие качества, как бескорыстие, беззаветное служение долгу, как в японском самураистве. Мы дерзнем предположить, что составив генофонд современной бюрократии Японии, оно в какой-то степени передало ему такие повсеместно отмечаемые качества, как пренебрежение личными интересами в пользу общественных, рвение, дисциплинированность.

Предупреждая неизбежную критику, автор спешит указать на неоспоримый факт, что японскому правительственному чиновничеству, как и любой другой бюрократии, имманентно присущи коррупция, фаворитизм при назначениях на должности, чиновное чванство и т. д. Об этом в Японии и за ее пределами написаны тома. Речь идет о степени пораженности госаппарата этими пороками, о пределах безнаказанности бюрократического произвола, что в условиях «правления на основе законов», контроля над деятельностью правительства со стороны парламента и прессы — последний становится все более и более действенным — представляется вполне обозримым. Следует также иметь в виду характерную склонность японской прессы, особенно связанной с оппозиционными силами, амплифицировать недостатки существующей в стране системы власти.

Японская бюрократия, представляющая собой, как и другие надстроечные образования этой страны, весьма оригинальный гибрид «импортированных» с Запада институтов и традиционных норм поведения, продемонстрировала в послевоенный период свою способность в высшей степени эффективно формулировать национальную политику. Явившись фактическим творцом всех правительственных программ последних десятилетий, она в силу своей элитарности, компетентности и способности приводить к единому знаменателю интересы конфликтующих групп, опираясь на традиционный для Японии высокий престиж государства, внесла неоспоримый вклад в успехи этой страны, свидетелями которых является весь мир.

¹ См.: Макаров А. А. Высшая бюрократия в современной Японии // Япония 1980: Ежегодник.— М., 1981.— С. 139—152; он же. «Личная уния» правительства и предпринимателей в Японии.— Проблемы Дальнего Востока.— 1987.— № 6.— С. 71—79; Он же. Политическая власть в Японии: механизм функционирования на современном этапе.— М., 1988, гл. 4.

² Критика бюрократии М. Вебером и более поздними исследователями обычно сводится к следующим положениям: 1) чрезмерная централизация при отсутствии должной координации с периферийными органами; 2) необоснованная усложненность структуры, практически непреодолимая тенденция к разрастанию и экспансии; 3) консерватизм, ригидность,

как на структурном, так и на мировоззренческом уровне; 4) некомпетентность кадров.

³ In: Weber M. *The Theory of Social and Economic Organization*.— N.Y., 1947.— P. 342—345. (Перевод с немецкого Т. Парсонса, видного американского социолога, крупнейшего последователя М. Вебера.)

⁴ См.: Гэндай ёго-но кисо тисики. 1989-Справочник современной терминологии. 1989.— Токио, 1989.— С. 72.

⁵ Там же. Говоря о лицах, занимающих командные посты в государственном аппарате современной Японии, имеются в виду начальники секций (катё), отделов (бутё) и департаментов (кёкутё) министерств и ведомств. Высшим бюрократическим постом при этом является пост заместителя министра (дзиму дзикан).

⁶ Там же.

⁷ См.: Асахи симбун.— 1983.— 16 июня.

⁸ Nakane Ch. *Japanese Society*.— London, 1970.— P. 113.

⁹ См.: Акахата.— 1977.— 12 апреля.

¹⁰ Бунгэй сюндзю, 1974, № 7.— С. 165.

¹¹ См.: Цудзи К. Нихон канрёсэй-но кэнкю-Исследование бюрократической системы Японии.— Токио, 1961.— С. 120—121.

¹² Kubota A.— *Higher civil servants in postwar Japan*.— Princeton, 1969.— P. 78—79.

¹³ Подсчитано по: Сугимото Э. Цусё сангё сё-Министерство внешней торговли и промышленности.— Токио, 1981.— С. 222—229.

¹⁴ Тюо корон.— 1978.— № 7.— С. 241.

¹⁵ In: *Tokyo Business Today*.— 1988.— № 8.— P. 14.

¹⁶ Ibidem.

¹⁷ Yanaguchi Ch. *Big Business in Japanese Politics*.— New Haven and London, 1971.— P. 105.

¹⁸ Kyogoku J. *The Political Dynamics of Japan*.— Tokyo, 1987.— P. 57.

¹⁹ См., например, снижавшую широкую популярность книгу В. Цветова «Пятнадцатый камень сада Рёандзи» (М., 1987.— С. 223—226).

²⁰ См., например, известную работу Такаси Исиды: Нихон-но сэйдзи бунка-Политическая культура Японии.— Токио, 1970. Автор подчеркивает характерный «конформизм» японского общества («дотё сякай»), в котором «конфликт теснейшим образом переплетается со стремлением его избежать» (с. 46).

²¹ Об «амакудари» подробнее см. статью автора «Личная уния» правительства и предпринимателей в Японии (Проблемы Дальнего Востока. 1987.— № 6. С. 71—79).

²² См.: Атарасии кэйэйрёку сихё-Новые индикаторы менеджмента.— Токио, 1981.— С. 19.

²³ О значении бюрократии в процессе принятия государственных решений в Японии написано немало. Из последних советских публикаций на эту тему хотелось бы отметить статью Е. Леонтьевой «Взаимодействие административного аппарата и хозяйственной системы в Японии» (МЭиМО, 1989.— № 1.— С. 122—132).

²⁴ В этой связи весьма интересный сравнительный материал представляет американ-

Послевоенные чистки по категориям

Категория	Число затронутых чистками человек	%
Военная элита	167 035	79,6
Политики	34 892	16,5
Правительственная бюрократия	1 809	0,9
Лидеры ультранационалистических организаций	3 438	1,6
Верхушка бизнеса	1 898	0,9
Средства информации	1 216	0,5
Всего	210 000	100,0

ский исследователь Г. Баервальд (См.: Baerwald H. H. *The Purge of Japanese Leaders under the Occupation*.— Berkely and Los Angeles, 1959.— P. 80.

²⁵ Kubota A.— *Op. cit.*— P. 27.

²⁶ См.: Таканэ М. Нихон-но сэйдзи эрито-Политическая элита Японии.— Токио, 1976.— С. 60—61.

Тайваньский центр индустрии информатики

А. НЕМЕЦ

В конце 1986 г. в компьютерных журналах США, Японии, Западной Европы появилось сенсационное сообщение: на Тайване создана супермикроЭВМ с 32-разрядным процессором, способная выполнять 5 млн. операций в секунду — мощнейшая микроЭВМ в мире на тот момент; это произошло всего через 2 месяца после того, как американская фирма «Компак» впервые в мире изготовила микроЭВМ такого типа; при этом тайваньская модель по характеристикам не уступала американской.

Ведущие специалисты в сфере индустрии информатики (она включает разработку и производство ЭВМ всех типов, их блоков и деталей, а также разработку программного обеспечения) сделали вывод: 8-разрядная микроЭВМ типа APPLE II (о недавнего времени — наиболее распространенная в мире модель учебной ЭВМ, а в конце 70-х годов — «вершина» мировой компьютерной техники) была создана на Тайване в 1981 г., с отставанием от США на 56 месяцев, теперь же технологический разрыв сократился всего до 2 месяцев.

Каким же образом остров, в начале 50-х годов имевший ВВП на душу населения менее 100 долл., один из беднейших районов в мире, смог добиться таких успехов?

Тайвань не располагает значительными природными ресурсами, поэтому на протяжении нескольких десятилетий основная стратегия экономического развития заключалась в импорте сырья (а также необходимого оборудования и технологии) и крупномасштабном экспорте готовых изделий. За период 1952—1988 гг. тайваньский ВВП на душу населения вырос, в неизменных ценах, примерно в 18 раз (на 8—9 % в год); при сохранении темпов роста этого показателя хотя бы на уровне 7 % в год, до 2000 г. Тайвань

вплотную приблизится к развитым странам.

По объему ВВП среди 4 «тигров» (к ним относят также Гонконг и Сингапур) Тайвань занимает второе место после Южной Кореи. В 1988 г. ВВП на душу населения на Тайване составил в текущих ценах более 6000 долл., что в 3—4 раза меньше, чем в США, Японии, Западной Европе, но во много раз больше по отношению к обычному уровню развивающихся стран.

К концу 80-х годов Тайвань можно было отнести к нижнему слою развитых стран — достаточно сказать, что в 1988 г. на Тайване доля семей, имеющих цветной телевизор, достигла 98 % (в Японии также 98 %), а видеомагнитофон — около 50 % (в Японии 75 %).

Проводимая Тайванем политика стимулирования экспорта позволила аккумулировать значительные финансовые ресурсы — в 1987 г. инвалютные запасы Тайваня превысили 70 млрд. долл. (при незначительном внешнем долге), а в 1988 г. приблизились к 100 млрд. долл., что немногим меньше ВВП острова.

По мере повышения уровня экономического развития в экспорте уменьшалась доля трудоемких и материалоемких отраслей (текстиль, металлообработка, судостроение) и повышалась доля наукоемких отраслей: в 1988 г. экспорт электроники составил примерно 15 млрд. долл. — $\frac{1}{8}$ ВВП Тайваня и более $\frac{1}{4}$ всего экспорта.

Приблизительно с середины 60-х годов Тайвань начал развивать производство ЭВМ и вскоре получил известность в качестве «сборочного цеха фирмы ИБМ», которая поставляла небольшим местным фирмам полные комплекты деталей и закупила готовые изделия.

В 1987 г. ИБМ закупила у 57 тайваньских фирм компьютеры и их блоки на

278 млн. долл. (среди поставщиков ИБМ Тайвань занимает 2-е место в азиатско-тихоокеанском регионе), но теперь большая часть продукции приходилась на самостоятельно разработанные изделия высокого уровня, изготовленные в основном из местных комплектующих деталей.

Например, фирма «Датун» с февраля 1987 по декабрь 1988 г. поставила 1 млн. монохромных (черно-белых) дисплеев с высокими характеристиками для новой серии микроЭВМ IBM PS/2, «Тайвань тунсинь» поставляла ИБМ принтеры, «Канфу» — источники питания для ЭВМ разного типа и т. д. В целом за 20 лет отношения ИБМ и местных фирм значительно изменились, что стало возможным благодаря быстрому росту технологического уровня тайваньской индустрии информатики.

Важнейшую роль в этом процессе сыграл Институт электроники в составе Управления разработки промышленной технологии Тайваня. В институте работают сотни специалистов высокого уровня. Именно здесь была создана упомянутая выше супермикроЭВМ.

Каждый год институт получает несколько десятков патентов на Тайване и за границей, он является важной базой фундаментальных исследований и наиболее серьезных прикладных разработок для всей индустрии информатики острова: сфера деятельности НИИ включает создание пакетов прикладных программ и операционных систем для новейших моделей микро- и миниЭВМ, проектирование сверхбольших интегральных схем (СБИС), разработку периферийного оборудования. С НИИ сотрудничают важнейшие вузы острова (например, университет «Цинхуа» в городе Тайбэй).

Очевидно, этот институт имеет для индустрии информатики Тайваня такое же значение, как в Японии — пользующийся мировой известностью Объединенный институт электронной техники, созданный совместно Министерством внешней торговли и промышленности и виднейшими компьютерными фирмами страны.

Не утомляя читателей сложными техническими подробностями, можно прямо сказать, что Институт электроники ведет разработки практически во всех областях компьютерной технологии (за исключением разве что суперЭВМ) и в каждом случае стремится получить результат на передовом мировом уровне (или впервые

в мире), а затем распространить его среди максимального числа тайваньских компьютерных фирм. Значение его деятельности трудно переоценить.

Помимо Института электроники, Управлению разработки промышленной технологии подчинены и другие институты: Центр развития оптоэлектроники и периферийного оборудования, Институт промышленных материалов, Институт автоматизации, Институт машиностроительной промышленности. В этих организациях работают многие сотни специалистов высокой квалификации, каждый год они завершают десятки разработок в области ЭВМ, блоков, деталей и материалов для них, в смежных областях (оборудование связи, роботы). Эти разработки быстро и широко внедряются компьютерной промышленностью Тайваня, в результате к концу 80-х годов ее отставание от мирового уровня было сведено к минимуму, а в ряде областей исчезло.

Следует отметить, что на Тайване ежегодно принимаются планы развития индустрии информатики и из бюджета острова вкладываются большие средства для их реализации. Например, план 1989 г. предусматривал разработку 32-рядных рабочих станций (усиленная супермикроЭВМ для САПР высокого уровня), систем распознавания китайского текста, интеллектуальных систем считывания изображений, систем компьютерного перевода, многопроцессорных ЭВМ, многопользовательских высокоскоростных суперминиЭВМ, локальных сетей (в первую очередь для промышленной автоматизации).

Можно понять, что эти планы в значительной степени реализуются через институты Управления разработки промышленной технологии.

Всего с 1980 по 1987 г. из бюджета Тайваня были израсходованы многие десятки миллионов долларов на развитие компьютерной промышленности, что и стало одним из главных факторов, позволивших резко сократить отставание в данной сфере от Японии и США.

В результате стимулирования компьютерной промышленности экспорт ЭВМ с Тайваня вырос с 250 тыс. долл. в 1979 г. до примерно 2 млрд. долл. в 1986 и 5 млрд. долл. в 1988 г. В 1988 г. Тайвань вышел на 6-е место в мире по производству ЭВМ после США, Японии, ФРГ, Англии и Франции.

В середине 1988 г. на Тайване был

принят план, согласно которому в течение 4 лет, начиная с 1989 г., будет ассигновано более 100 млн. долл. на развитие технологии производства электронных изделий высокого качества и еще 30 — 40 млн. долл. — на развитие оптоэлектронной техники. В результате тайваньский экспорт ЭВМ в 1992 г. должен приблизиться к 10 млрд. долл. Вполне возможно, что к этому моменту Тайвань станет 4-м или 5-м производителем ЭВМ в мире.

Еще одним фактором, обеспечивающим ускоренное развитие компьютерной техники, является наличие на Тайване нескольких научно-технических парков и экспортно-ориентированных промышленных зон. Можно отметить, что в 1987 г. средняя производительность труда в научно-технических парках в 2,23 раза превышала аналогичный показатель для промышленности Тайваня в целом.

Крупнейший научно-технический парк

В начале 80-х годов индустрия информатики в «4 драконах» практически не существовала, а уже в 1988 г. производство ЭВМ и их блоков в этих странах (здесь и ниже дается статистика без учета программного обеспечения) составило 12,4 млрд. долл., то есть около 7 % мировой продукции данного сектора.

По предварительным данным, в 1989 г. Тайвань вышел в сфере производства ЭВМ на уровень Англии и Франции, продвинулись также Южная Корея и Сингапур. Вполне возможно, что в первой половине 90-х годов Тайвань займет 4-е или даже 3-е место; в производстве и экспорте дисплеев для микроЭВМ, а также клавиатуры и некоторых других устройств ввода Тайвань превратился в мирового лидера уже в конце 80-х годов; он контролирует примерно $\frac{1}{3}$ мирового рынка данных изделий.

Таблица 1
Производство ЭВМ и их блоков в 1986-1988 гг.
(млрд. долл.);
порядковый номер указывает на занимаемое место в 1986 г.

Страна	1986 г.	1987 г.	1988 г.
1 (1) США	42,5	45,4	50
2 (2) Япония	19,5	21,2	24
3 (3) ФРГ	7,6	8,1	8,7
4 (4) Англия	5,4	5,9	6,6
5 (5) Франция	5,0	5,3	6,0
6 (7) Тайвань	2,1	3,8	5,2
7 (6) Италия	4,0	4,2	4,6
8 (10) Сингапур	1,5	2,5	3,4
9 (12) Южная Корея	1,1	1,6	2,7
10 (8) Ирландия	1,8	2,0	2,2
11 (9) Голландия	1,7	1,8	1,9
12 (11) Канада	1,2	1,3	1,5
13 (13) Гонконг	0,8	0,9	1,1

находится в районе города Синьчжу в северной части острова; здесь действуют многие десятки фирм, занимающиеся производством ЭВМ и их комплектующих деталей, разработкой программного обеспечения.

Ниже приведены некоторые цифры, характеризующие развитие компьютерной промышленности Тайваня и остальных «драконов» в 80-х годах.

Кроме того, Тайвань обеспечивает 10—15 % мировых поставок микроЭВМ; многие сотни мелких и средних фирм, образующих индустрию информатики острова, очень быстро осваивают выпуск моделей микроЭВМ, совместимых с последними, лучшими изделиями американских фирм; но при этом фирмы Тайваня продают микроЭВМ по очень низкой цене.

Таблица 2

Производство и экспорт ЭВМ и их блоков (млн. долл.) и некоторые другие характеристики индустрии информатики в каждом из «4 драконов» в 1987 г. (млн. долл.); в скобках прирост против 1986 г.

	Тайвань	Южная Корея	Сингапур	Гонконг
Производство	3839 (80 %)	1631 (49 %)	2551 (71 %)	921 (15 %)
Экспорт	3701 (79 %)	1378 (51 %)	2335 (71 %)	847 (17 %)
Доля экспорта (в 1986 г.)	96,4 % 96,7 %	84,5 % 83,2 %	91,5 % 91,3 %	92,0 % 90,2 %
Доля в мировом производстве (в 1986 г.)	2,4 % 1,5 %	1,0 % 0,7 %	1,6 % 1,0 %	0,6 % 0,5 %
Доля в общем экспорте данной страны или региона (в 1986 г.)	6,9 % 5,2 %	2,9 % 2,2 %	8,1 % 6,1 %	1,7 % 2,0 %
Доля в ВВП (в 1986 г.)	1,7 % 1,3 %	0,5 % 0,4 %	6 % 4,2 %	1 % 1 %
Число занятых (в 1986 г.)	50000 38000	26000 22000	23000 15000	
Продукция на одного занятого (тыс. долл.) (в 1986 г.)	77 56	63 50	110 99	
Экспорт ПЭВМ	761 (94 %)	527 (30 %)	419 (109 %)	204 (70 %)
Экспорт магнитных дисков	97 (37 %)	22 (214 %)	1380 (53 %)	72 (4 %)
Экспорт принтеров	44 (7 %)	10 (25 %)	79 (52 %)	52 (8 %)
Экспорт терминалов	414 (34 %)	102 (4 %)	20 (11 %)	4 (-43 %)
Экспорт дисплеев	847 (69 %)	482 (96 %)	85 (63 %)	12 (-33 %)
Экспорт других блоков ЭВМ	1533 (107 %)	236 (55 %)	352 (151 %)	503 (9 %)

Пояснение: «другие блоки ЭВМ» включают некоторые виды периферийных устройств, а также крупные компоненты микроЭВМ (ниже — «детали»): системные платы, корпуса, функциональные вставки, клавиатура.

Таблица 3

Рост экспорта ЭВМ и их блоков в 1985-1988 гг. (млн. долл.)

	Тайвань	Южная Корея	Сингапур	Гонконг
1985	1230	520	1013	628
1986	2063	914	1362	722
1987	3701	1378	2335	847
1988	5000	2240	3200	1000
Средний рост в 1985-1988 гг.	63 %	60 %	47 %	17 %

Как видно из приведенных таблиц, Тайвань намного превосходит остальных «драконов» в производстве и экспорте ЭВМ; главные факторы, обеспечивающие ускоренный рост отрасли — поддержка пра-

вительства; привлечение иностранных инвестиций; наличие большого числа (до 2000) фирм в сфере индустрии информатики, отличающихся большой гибкостью и высокой квалификацией персонала.

Таблица 4
Производство и экспорт ЭВМ и их блоков тайваньской индустрией информатики в 1987 г. (млн. долл.)

	Выпуск	Экспорт	Сбыт на Тайване	Импорт	Общий сбыт на Тайване
Мини-ЭВМ и выше				109	109
МикроЭВМ	868	761	109	33	142
Магнитные диски	99	97	2	23	25
Принтеры	48	44	4	47	51
Терминалы	417	414	3	7	10
Мониторы	849	847	2	3	5
Прочая периферия	85	80	5	69	74
Детали	1473	1458	15	49	64
Всего	3839	3701	140	340	480

В 1980 г. тайваньский экспорт ЭВМ и их блоков составил всего 5 млн. долл., в 1982 г. превысил 100 млн., в 1984 г. достиг 1 млрд. долл.; именно в этом году

Тайвань впервые проявил себя в качестве серьезного производителя на мировом рынке ЭВМ.

Таблица 5
Рост экспорта ЭВМ и их блоков с Тайваня в 1984-1989 гг.
(тыс. штук; млн. долл.)

Год		Микро-ЭВМ	Магнитные диски	Принтеры	Терминалы	Дисплеи	Другая периферия	Всего изделий	Детали	Всего
1984	К-во	684	901	83	751	2880				
	Сумма	152	86	23	207	319	104	891	113	1005
1985	К-во	860	549	98	894	3110				
	Сумма	240	42	45	225	303	256	1111	109	1220
1986	К-во	1113	715	84	1318	3972				
	Сумма	393	71	41	317	500	44	1366	697	2063
1987	К-во	1958	658	73	1530	7022				
	Сумма	761	97	44	414	847	80	2243	1458	3701
1988	К-во	1987	750	97	1927	7555				
	Сумма	1151	111	43	505	1089	81	2083	2016	4999
1989	К-во									
	Сумма	1244	115	39	458	1251	80	3118	2035	5153

Пояснение: в «другую периферию» с 1986 г. входят только модемы, сканнеры изображений, устройства считывания карточек (кредитных); с этим связано резкое увеличение экспорта «деталей» в 1986 г.

В 1986 г. индустрия информатики Тайваня занимала 7-е место по объему продукции среди отраслей промышленности острова, в 1987 г. переместилась

на 4-е, в 1989 г. — по предварительным данным, на 3-е.

По мнению тайваньских экспертов, к главным причинам ускоренного роста

индустрии информатики острова в последние годы можно отнести:

1) стремительный рост мирового рынка микроЭВМ;

2) распространение по всему миру моделей, совместимых с серией микроЭВМ фирмы ИБМ;

3) появление «дополнительных рынков» после широкого распространения микроЭВМ (дополнительная поставка пользователю различных периферийных устройств и функциональных вставок той же фирмой, которая продала ему микроЭВМ);

4) повышение курса японской иены (курс тайваньской валюты также вырос, но в меньшей степени);

5) успех в сфере дисплеев — в 1988 г. Тайвань выпустил 7,5 млн. цветных и монохромных дисплеев.

В первой половине 80-х годов Тайвань собирал микро-ЭВМ и периферийные устройства из готовых блоков (в мировой практике это называется SKD — semi-knockdown); к концу 80-х годов была освоена сборка из мелких компонентов (CKD—complete knockdown), включающих интегральные схемы, печатные платы, магнитные головки, печатающие головки и т. д. В результате значительно выросла доля добавленной стоимости в продукции индустрии информатики (с 20—25 % до более 40 % в конце 80-х годов).

В 1988 г. впервые одна из тайваньских фирм вошла в список 100 крупнейших производителей ЭВМ на мировом рынке. В 1990 г. в этот список войдут, видимо, уже 2 тайваньские фирмы — «Асег» и «Митас».

В первой половине 80-х подавляющая часть продукции тайваньской индустрии информатики приходилась на филиалы иностранных, в основном американских фирм. Еще в 1985 г. доля иностранных фирм в производстве микроЭВМ составляла 64 % дисплеев — 40 %, всей продукции отрасли — 58 %; в 1988 г. эти показатели сократились, соответственно, до 29 %, 18 % и 28 %; теперь большую часть индустрии информатики острова контролировали фирмы, созданные самими тайваньцами.

В условиях обостряющейся конкуренции на мировом рынке Тайвань стремится максимально использовать внутренний рынок, но его возможности еще ограничены: в 1987 г. расходы на ЭВМ и сопутствующие товары и услуги в

промышленно развитых странах составили в среднем 2,27 % ВВП (в том числе США — 2,78, Япония — 1,85, ФРГ — 2,02, Англия — 2,41 %) и 348 долл. на одного человека; на Тайване, соответственно, 0,84 % ВВП и 43 долл. (с учетом программного обеспечения).

По мере развития индустрии информатики Тайваня растут и ее проблемы. Одна из них (причем не самая важная) — необходимость импортировать большую часть используемых при изготовлении ЭВМ интегральных схем (ИС), главным образом из Японии. Во второй половине 1988 г. цены на мировом рынке динамических оперативных запоминающих устройств емкостью 256 кбит и 1 Мбит (тайваньский спрос на них составляет порядка 100 млн. штук в год) выросли в 1,5—2 раза, в результате сотни мелких компьютерных фирм на Тайване оказались под угрозой закрытия. Тайваню также ежегодно требуется несколько десятков миллионов заказных ИС, в основном логических матриц.

На острове действует более 40 фирм, занимающихся разработкой ИС, и только 4—5 фирм выпускает их, причем масштабы производства сравнительно невелики: ввозятся почти 100 % ДОЗУ и 90 % заказных ИС; в 1988—1989 гг. пришлось вложить сотни миллионов долларов, чтобы резко расширить собственное производство ИС и хотя бы частично решить данную проблему.

Еще более серьезную проблему для тайваньской индустрии информатики представляет повышение курса тайваньской валюты (в 1988—1989 гг. оно было очень значительным), и это существенно сказалось на конкурентоспособности тайваньских изделий на мировом рынке. В результате на Тайване впервые стала изучаться возможность переноса производства в страны с более дешевой рабочей силой.

На мировом рынке примерно каждые 3 года появляется новое поколение микроЭВМ, и Тайваню, чтобы не потерять позиции на этом рынке, приходится создавать совместимые модели и разрабатывать комплектующие детали для них; во второй половине 80-х годов все более неотложной становится разработка оригинальных моделей; сфера НИОКР острова вынуждена до предела использовать свой потенциал для решения этих задач.

Группа тайваньских экономистов в

конец 1988 г. добавила к этому перечню следующие проблемы: жесткие меры в области охраны окружающей среды, трудности с получением земли, слишком низкие расходы на НИОКР, обострение противоречий между трудом и капиталом, широкое распространение спекулятивных сделок.

Но, видимо, самой тяжелой проблемой является нехватка квалифицированных специалистов: к началу 1989 г. на острове в сфере производства ЭВМ действовало более 2000 фирм, еще более 300 фирм занимались разработкой программного обеспечения, всего в индустрии информатики было занято несколько сот тысяч человек; и для каждой фирмы необходимым условием выживания и развития было наличие квалифицированных кадров (следует помнить, что все население Тайваня — 20 млн. человек); положение усугубляется утечкой специалистов в компьютерные фирмы США.

Все это уже привело к быстрому росту зарплаты занятых и, следовательно, к резкому повышению себестоимости продукции (рост курса местной валюты усугубляет проблему).

В этих условиях индустрия информатики Тайваня уделяет все большее внимание развитию связей с континентальным Китаем. Первые сообщения об этом появились в середине 1988 г.; одновременно в китайских газетах впервые была помещена реклама тайваньских микроЭВМ.

В конце 1988 г. более 70 тайваньских электронных фирм впервые получили разрешение принять участие в большой выставке электронных изделий в Пекине, которая была намечена на апрель 1989 г.; тайваньские фирмы собирались представить на ней 16- и 32-разрядные микроЭВМ, дисководы для твердых дисков, терминалы, клавиатуру, лазерные и матричные принтеры, различные функциональные вставки.

К этому моменту тайваньские специалисты пришли к выводу, что Китай в области разработки компьютерной техники превосходит Тайвань, но в Китае нет таких тесных связей между сферой НИОКР и промышленностью, как на Тайване; поэтому Китай не может выпускать несколько миллионов микроЭВМ в год.

Тайваньские компьютерные фирмы, исходя из этих выводов, а также учитывая огромные потенциальные возможности китайского рынка, сосредоточили

усилия на проникновении в континентальную часть страны. В конце 1988 г. первая группа представителей тайваньской индустрии информатики посетила Китай с целью обследования компьютерного рынка.

В ноябре 1988 г. действующее в городе Тайбэй объединение производителей ЭВМ решило создать специальную «временную группу по работе с континентом». Одновременно это объединение начало подготовку к созданию отделения в специальной экономической зоне Шэньчжэнь на границе с Гонконгом, где действуют многочисленные китайские компьютерные фирмы.

В целом, к началу 1989 г. многие производители ЭВМ на Тайване, пользуясь любыми способами (включая «поиск родственников на континенте»), устанавливали контакты с китайскими компьютерными фирмами. Часть из них стремилась перенести производство на континент — в первую очередь, с целью снижения себестоимости.

По оценке тайваньских экспертов, китайская индустрия информатики может в ходе дальнейшего развития (если не превратить ее в союзника) стать серьезным конкурентом для Тайваня; кроме того, в этом секторе китайской экономики имеется много квалифицированных специалистов, которых остро не хватает на Тайване, причем зарплата на континенте во много раз ниже. Все эти факторы заставили компьютерные фирмы Тайваня форсировать установление контактов с континентом в 1989 г.

В 1989 г. контакты континентального Китая с Тайванем в сфере ЭВМ резко усилились, сотни тайваньских компьютерных фирм командировали своих представителей в приморские районы Китая, главным образом в провинции Фуцзянь и Гуандун, для создания производственных и сбытовых филиалов — в виде совместных или чисто тайваньских фирм. К концу года ряд таких предприятий уже вступил в строй.

В октябре 1989 г. в СЭЗ Шэньчжэнь были введены в эксплуатацию производственные мощности фирмы «Шэньчжэнь пайонир электроник», созданной совместно китайской фирмой «Сайгэ» (объединяет более 150 электронных предприятий Шэньчжэня, в больших масштабах выпускает и экспортирует бытовую электронику и ЭВМ) и одной тайваньской фирмой.

Общие инвестиции составили 1 млн.

долл., фирма будет разрабатывать и выпускать накопители на гибких магнитных дисках и прочие периферийные устройства, а также учебные ЭВМ (для распространения в бытовой сфере). До конца года новая фирма должна была выпускать 3—5 тыс. накопителей в месяц, а в дальнейшем — 10—20 тыс. в месяц.

Разумеется, Шэньчжэнь является наиболее привлекательным районом для тайваньских компьютерных фирм; видимо, десятки таких фирм в ближайшее время создадут здесь свои филиалы; но инвестиции осуществляются и в других районах Китая.

В июне 1989 г. групповая корпорация ЭВМ «Чанцзян», которая объединяет производителей и разработчиков ЭВМ в Шанхае, и 12 тайваньских фирм — производителей ЭВМ приняли решение создать в Шанхае научно-технический парк. «Чанцзян» предоставит землю, финансовые средства и оборудование, тайваньские фирмы предоставят производственную технологию и будут отвечать за строительство цехов и управление производством. Видимо, речь идет о создании комплекса для выпуска в больших масштабах ЭВМ различных типов и периферийного оборудования.

Наибольшее значение имеют контакты тайваньских компьютерных фирм с научно-техническими фирмами «электронной улицы» в Пекине, поскольку в этом случае китайская сторона по уровню технологии и квалификации специалистов не уступает тайваньской:

корпорация «Кэли» АН КНР (одна из мощнейших фирм «электронной улицы») в 1990—1991 гг. создаст в провинции Фуцзянь научно-технический парк для крупномасштабного сотрудничества с Тайванем в разработке и производстве ЭВМ; корпорация «Кэхай» АН КНР совместно с Тайванем разрабатывала в 1989 г. микроЭВМ высокого уровня;

группа фирм, подчиненных Институту электроники АН КНР, в 1989 г. создала в Пекине совместно с одной тайваньской фирмой предприятие для серийной сборки микроЭВМ.

Выше перечислены лишь наиболее серьезные из числа совместных проектов Китая и Тайваня в сфере информатики.

В 1990 г. масштабы сотрудничества континентального Китая и Тайваня в данной сфере, очевидно, вырастут в несколько раз; гонконгские газеты практически каждую неделю сообщали о поезд-

ке в Китай очередной делегации из нескольких десятков ведущих специалистов и руководителей тайваньских компьютерных фирм. Естественно, внимание уделялось далеко не каждой делегации, не говоря уже о визитах отдельных бизнесменов.

С 7 по 9 мая 1990 г. в Пекине состоялся крупнейший в истории китайско-тайваньский семинар в области ЭВМ и информационной технологии. Семинар организовали Китайский центр развития ЭВМ и информатики и Тайбэйская ассоциация производителей ЭВМ; по сути, на высоком (если не на высшем) уровне обсуждались планы сотрудничества в разработке и производстве ЭВМ. В семинаре участвовало более 200 человек, включая начальника управления ЭВМ в составе Министерства машиностроения и электроники Китая. Китайская сторона предлагала Тайваню резко расширить инвестиции в прибрежных районах страны, тайваньская сторона, представляющая около 100 фирм и НИИ острова, выражала готовность развивать широкое сотрудничество. Руководители обеих сторон считают, что этот семинар будет иметь очень большое значение, его результаты будут сказываться в течение нескольких ближайших лет.

Сотрудничество континентального Китая и Тайваня в сфере ЭВМ является составной частью стремительно расширяющегося двустороннего экономического сотрудничества.

В 1989 г. торговля континентального Китая с Тайванем через Гонконг возросла в полтора раза и составила 3,7 млрд. долл. (торговля шла и через пролив, но ее масштабы были еще незначительны). К концу 1989 г. было создано более 500 китайско-тайваньских предприятий (в том числе в 1989 г. — более 300), суммарные инвестиции Тайваня на китайском побережье превысили, по соглашениям, миллиард долларов. Основная часть инвестиций до сих пор концентрировалась в провинции Фуцзянь — сказывается географическая близость и происхождение значительной части жителей острова; но постепенно инвестиции распространяются по всем приморским районам — к концу 1989 г. только в Пекине было создано 40 предприятий с участием Тайваня. По оценкам гонконгских экспертов, в 1989 г. расходы тайваньцев на поездки в Китай (через Гонконг) составили около 2 млрд. долл.

По предварительным данным, в 1990 г. тайваньские инвестиции в Китае вырастут

в 2—3 раза против 1989 г. и составят, по контрактам, 1,5—2 млрд. долл. Достаточно сказать, что в первой половине 1990 г. объем этих инвестиций в Шанхае, Тяньцзине, провинции Шаньдун, некоторых других районах был существенно больше, чем за весь 1989 год. Весной число желающих съездить в Китай выросло настолько, что авиабилеты на рейс Тайбэй — Гонконг приходилось заказывать за месяц. Пришлось организовывать новую линию Тайбэй — Манила — Сямынь (СЭЗ в провинции Фуцзянь, в 1989 г. на нее пришлось не меньше половины всех тайваньских инвестиций в Китае). Согласно проведенному в апреле 1990 обследованию, около половины тайваньских фирм уже вкладывают деньги в Китай или готовятся к этому.

При этом предприятия с участием тайваньского капитала в Китае вступают в строй, как правило, через несколько месяцев после заключения соглашения о его создании: гонконгские вкладчики реализуют свои инвестиции за 2—3 года.

На Тайване все больше распространяется мнение, что условия для инвестиций в приморских районах Китая значительно лучше, чем на самом острове! Видимо, не будет преувеличением оценить тайваньские инвестиции в Китае в первой половине 90-х годов в 10—20 млрд. долл.,

в том числе 1—2 млрд. — в производство ЭВМ и их блоков (исходя из доли данной отрасли в промышленности острова).

В целом, экономическая и организационная база сотрудничества наиболее развитых районов восточного Китая с Тайванем в сфере высокой технологии — через Гонконг и непосредственно — уже создана. Вполне возможно, что в 90-х годах это сотрудничество станет решающим фактором в борьбе за мировой рынок компьютеров.

* * *

Основной вывод таков: в 90-х годах на мировом рынке ЭВМ произойдут серьезные изменения, резко возрастет роль нового центра компьютерной промышленности, включающего Тайвань, Гонконг и наиболее развитые районы Восточного Китая и экспортирующего почти всю продукцию. Советским предприятиям, стремящимся освоить серийное производство микроЭВМ и периферийного оборудования, следует уже сейчас устанавливать связи с фирмами данного района. И в первую очередь это относится к предприятиям Сибири и Дальнего Востока.

К ЮБИЛЕЮ

ВЛАДИМИРА СТЕПАНОВИЧА МЯСНИКОВА

В мае исполняется 60 лет со дня рождения доктора исторических наук, профессора, члена-корреспондента АН СССР В. С. Мясникова.

В 1955 г. он окончил Московский Государственный институт восточных языков и в 1956 г. поступил на работу в Институт китаеведения АН СССР. С тех пор вся его научная жизнь была тесно связана с научными учреждениями АН СССР и их подразделениями, занимающимися изучением Китая. С 1965 г. он переходит на работу в Институт Дальнего Востока, где занимает посты ученого секретаря, затем — заведующего сектором, а с 1987 г. — заместителя директора и заведующего отделом.

За более чем 35-летний период активной исследовательской работы В. С. Мясников внес крупный научный вклад в развитие нескольких взаимосвязанных научных направлений.

Прежде всего, следует отметить его вклад в разработку истории русско-китайских отношений. Основой научных работ В. С. Мясникова в этой области явилась многолетняя работа по выявлению и публикации архивных и других материалов, материализованная в виде многотомной серии публикаций «Русско-китайские отношения в XVII—XIX веках. Документы и материалы» — фундаментальном издании, осуществлявшемся под его руководством и при его непосредственном участии (в публикации он выступает как составитель, автор обширных предисловий и комментариев). Эта работа сопровождалась монографическим исследованием деятельности первых русских дипломатов в Китае, изучением истории отечественного китаеведения.

На этой основе В. С. Мясниковым был опубликован ряд книг, среди которых следует особо отметить капитальную монографию «Империя Цин и Русское государство в XVII в.», книгу «Русско-китайские территориальные размежевания в конце XVII — начале XVIII веков», серия исследовательских статей об узловых событиях истории русско-китайских отно-

шений. Эти документальные публикации и исследования получили высокую оценку советских и зарубежных специалистов. Монография об отношениях между империей Цин и Россией переведена на английский и французский языки, документальные публикации — переведены в Китае. Последние, а также их интерпретация оказали и оказывают серьезное воздействие на разработку этих проблем западными и японскими исследователями.

Особое внимание в трудах В. С. Мясникова в рамках изучения истории русско-китайских отношений уделяется проблеме истории формирования границ Китая, истории складывания границы между Россией и Китаем. Исследования данного вопроса сделали В. С. Мясникова признанным авторитетом в этой области. Его монография (1967 г.) о русско-китайском территориальном размежевании в XVII—XVIII веках, по сути, открыла это направление в советском китаеведении. В 1977 г. вышла выполненная под его руководством 2-томная коллективная монография «Формирование границ Китая». В обширном предисловии к этой работе и последующих публикациях В. С. Мясников развил концепцию исторического складывания границ Китая, показал ее основные этапы и особенности.

Новым в концептуальном осмыслении истории русско-китайских отношений в трудах В. С. Мясникова стало введение в их анализ элементов сравнительного культуроведения, рассмотрение этих отношений как проявление не просто межгосударственных, но и межцивилизационных контактов. Такой подход потребовал привлечения громадного по объему и сложности историко-культурного материала, в том числе материалов по истории и культуре вошедших в состав Китая этно-территориальных образований, анализа материалов топонимики и т. п.

Изучение документов и материалов об истории внешнеполитической деятельности Китая дало импульс подготовке В. С. Мясниковым пионерского для нашего китаеведения исследования особенностей

традиционной китайской дипломатии и ее влияния на дипломатию современного Китая, реализованного в книге «Краткий очерк истории дипломатии КНР». Наконец, серия работ В. С. Мясникова посвящена изучению советско-китайских отношений, их различных аспектов. Под его руководством проведена разработка методик прогнозирования перспектив советско-китайских отношений, в которых сделаны попытки использовать комплексный, системный подход. Свои знания в этой области В. С. Мясников использует для поиска новых возможностей развития советско-китайских отношений и разумных компромиссов при решении имеющихся в них дискуссионных проблем.

Следует указать, что в последние годы как руководитель отдела внешней политики Института Дальнего Востока и как специалист В. С. Мясников уделяет много внимания разработке теоретических и практических аспектов внешней политики нашей страны на Дальнем Востоке, в АТР, активно работает в международных группах, созданных ИДВ АН СССР совместно с рядом зарубежных научных центров.

Публикации и выступления В. С. Мясникова отличает высокий уровень общей и научной культуры, разносторонность интересов, свойственная лучшим представителям российской школы китаеведения, о которых содержательно и с большим

теплом рассказано в «Очерках по истории русского китаеведения», вышедших под его редакцией.

Общий итог исследовательской работы В. С. Мясникова — 130 публикаций, в том числе 6 монографий, из которых наиболее крупные переведены и изданы на китайском, английском и французском языках.

Наряду с исследовательской, В. С. Мясников ведет плодотворную научно-педагогическую деятельность. В течение многих лет он читает курсы лекций в МГИМО по истории внешней политики и дипломатии Китая. Им подготовлена большая группа кандидатов наук (часть из них стали докторами), ведущих работу в области научных интересов и тематики научного руководителя, что позволяет говорить о формировании усилиями В. С. Мясникова определенной научной школы.

Его научная и педагогическая деятельность получила признание научной общественности нашей страны: в декабре 1990 г. он был избран в члены-корреспонденты АН СССР по отделению истории.

Коллектив Института Дальнего Востока АН СССР и редакция «ПДВ» поздравляют Владимира Степановича Мясникова в день его юбилея и желают ему здоровья и новых творческих успехов.

Контактно-информационный бюллетень

В настоящее время развитие профессиональных контактов и обмен информацией приобрели особую важность. Ученые всех стран мира встречаются на конференциях и обмениваются информацией по факсу, телефону и телексу. Данный раздел подготовлен с целью содействовать развитию контактов между учеными СССР, США и стран Азии, занимающимися проблемами Дальнего Востока. Каждый выпуск содержит информацию о конкретном центре (центрах), где ведется изучение Дальнего Востока. И молодые и более зрелые исследователи должны получать по возможности максимально полную информацию о коллегам, изучающих аналогичные проблемы, и об институтах, в которых они работают. Им также следует активно развивать контакты со своими иностранными коллегами, приглашать их на конференции, получать информацию о конференциях, в которых они сами могли бы принять участие, обмениваться своими докладами и информацией, стараться публиковать свои статьи за рубежом, и получать информацию о возможностях учиться и вести научную работу в других странах. Многие центры предоставляют финансовую и иную поддержку долгосрочным и краткосрочным проектам. Для того чтобы наши выпуски работали на вас, необходимо:

- а) Вести досье, куда заносить имена коллег и темы их исследований;
- б) Использовать возможности сотрудничества — приглашать коллег на конференции, обмениваться информацией, посылать им свои работы и просить их присылать вам публикации, и т. д.;
- в) Помнить, что, когда Ваши коллеги узнают о вас, они сразу вспомнят о вас, как только в их институтах появятся возможности сотрудничать с вами.

(Вы можете прямо написать ученым, список которых приводится ниже, по их служебному адресу в США, или, если желаете, можете направить копию Вашего письма Кристине Холмс, которая подготовила этот выпуск. Кристине можно писать через журнал «Проблемы Дальнего Востока», и она перешлет Ваше письмо соответствующим ученым. На письмах, направляемых через журнал, следует сделать пометку «Контактно-информационный бюллетень».)

.....

Данный первый выпуск посвящен Корпорации РЭНД, которая находится в г. Санта-Моника, Калифорния.

Общая информация о РЭНД:

Корпорация РЭНД была создана в 1948 году. Это частная неприбыльная организация, занятая научно-аналитической деятельностью. Центр советских исследований Корпорации был создан в 1983 году совместно с Калифорнийским Университетом в Лос-Анджелесе (UCLA). Руководитель Центра — Абрахам Бекер. Междисциплинарная программа Центра предусматривает развитие передовых исследований в области внутренней, внешней и военной политики СССР. В Центре работают более 20 научных сотрудников и преподавателей из РЭНД и Калифорнийского Университета в Лос-Анджелесе, специализирующихся на изучении Советского Союза. В Центре ведется подготовка специалистов, которые затем могут получить докторскую степень в Университете или в аспирантуре РЭНД; результаты научных исследований Центра доводятся до сведения общественности.

В настоящее время специалисты-дальневосточники РЭНД работают в основном в Отделе внешней политики и, как правило, изучают проблемы Дальнего Востока в их взаимосвязи с Советским Союзом. Кроме того, в 1989 году в РЭНД был создан Центр американо-японских отношений, которые изучают изменения, проблемы и новые возможности, возникающие по мере роста взаимозависимости между США и Японией. Руководители Центра американо-японских отношений Дэвид Лайон и Чарльз Вулф-младший. Центр ведет исследования по широкому кругу вопросов американо-японского сотрудничества, осложнений и взаимных подходов в отношениях двух стран.

Специалисты по Дальнему Востоку, работающие в Корпорации РЭНД, Санта-Моника, Калифорния:

Роджер Бенджамин (Roger Benjamin)

Специалист по политэкономическим проблемам американско-японских отношений. В настоящее время руководит группой американских и японских исследователей, разрабатывающих тему: Экономические трения между США и Японией.

Публикации:

RAND Report, "The Problems of Fairness and Equity in U. S.— Japan Relations" (Проблемы справедливости и равенства в американско-японских отношениях).

Лилита Дзиркалс (Lilita Dzirkals)

Много работала по теме «Средства массовой информации и гласность в СССР и в России». В настоящее время занимается изучением современной роли женщин во внутренней политике СССР/России и политике СССР/России в Восточной Азии. В сфере ее интересов также мнение советских военных лидеров о внешней политике СССР в 1960—1970-х годах, а также взгляды СССР и России на будущее Прибалтики.

Публикации:

RAND Paper, " 'Lightening War' in Manchuria: Soviet Military Analysis of the 1975 Far Eastern Campaign", January 1976.

(«Просветляющая война» в Маньчжурии: советский военный анализ дальневосточной кампании 1945 года)

RAND Report, "Timely Lessons of History: The Manchurian Model of Soviet Strategy", July 1976

(Современные уроки истории: Маньчжурская модель советской стратегии)

RAND Report, "The Media and Intra-Elite Communication in the "USSR", (Jointly authored with Thane Gustafson and A. Ross Johnson), September 1982

(Средства массовой информации и связи внутри элиты в СССР; в соавторстве с Тхане Густафсон и А. Росс Джонсоном)

— RAND Note: "Glasnost and Soviet Foreign Policy", January 1990

(Гласность и внешняя политика СССР)

Грэхэм Фуллер (Graham Fuller):

Посвятил много лет изучению КНР; также исследовал влияние движений за независимость в советской Средней Азии. В настоящее время изучает проблемы мусульманского населения советской Средней Азии и стран «пояса» — Турции, Ирана, Афганистана и Пакистана. Также интересуется проблемами внешней политики СССР в «третьем мире».

Опубликовал в РЭНД работы «Интифада на Западном берегу реки Иордан» и «Исламский фундаментализм в Афганистане и Пакистане». Завершает работу над книгой о геополитике Ирана.

Публикации:

— "The Emergence of Central Asia", in Foreign Policy Quarterly, Spring 1990 (Появление Средней Азии)

(Продолжение см. на 176 стр)

Технический редактор Т. Ерохова

Сдано в набор 12.03.91 г. Подписано в печать 10.04.91 г. Формат. 70×100 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура литературная. Усл. печ. л. 23,22 Усл. кр.-отт. 39,9. Уч.-издат. л. 23,22. Тираж 14 893 экз. Заказ 322. Цена 1 р. 40 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс» Государственного комитета Совета Министров СССР по печати. 119817. ГСП, Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 17. Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат Государственного комитета СССР по печати 142300, г. Чехов Московской области